Царь Іоаннъ Грозный

Историческая повѣсть

Соч. Ж. Лайова

С.П.Б. Изд. А. Ф. Девриена.

61 г.

ЦАРЬ

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

— А Ваня? А Юра здоровы?
— Здѣсь Ваня, вотъ...

1
лс42

ПРОВ-59

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ

Льва Жданова.

Изданіе вполнѣ переработанное для юношества.

съ 10 иллюстраціями

по акварелямъ академика исторической живописи

К. В. Лебедева

и съ древнимъ планомъ Москвы и планомъ осады Казани.

65900

ЦКХ

82

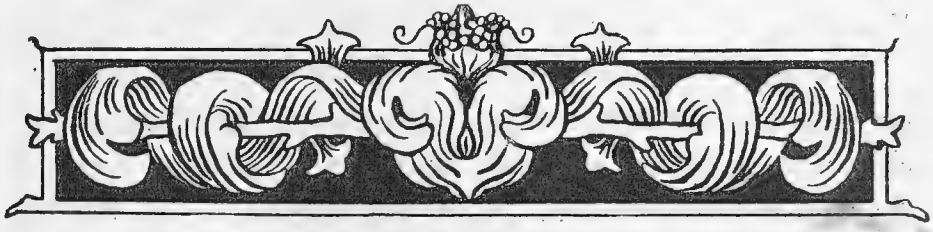
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Pl 23

Рисунки дозволены цензурою 19 Мая 1904 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

БЕЛГОРОДСКАЯ
Областная
БИБЛИОТЕКА



Отъ автора.

Не только въ русской, но и во всей нелегендарной исторіи человѣчества, — образъ царя Іоанна Грознаго является однимъ изъ самыхъ непонятныхъ, разнотолкуемыхъ.

Въ повѣсти моей я попытался собрать все, что по древнимъ лѣтописямъ болѣе или менѣе достовѣрно извѣстно объ этомъ государѣ, — и пересказалъ въ цѣльномъ видѣ, ни убавляя, ни прибавляя ничего существенно-важнаго. Лишь кой-гдѣ, стараясь выяснить связь между событіями, — возсоздавалъ и рисовалъ я, неотмѣченныя въ древнихъ лѣтописяхъ, звенья и картины, какъ самъ ихъ видѣлъ въ своемъ воображеніи.

Если простымъ моимъ, непритязательнымъ пересказомъ будутъ хотя немного выяснены личность и дѣянія — жестокаго, грознаго, несомнѣнно, но и всю свою жизнь несчастнаго правителя, — я сочту, что выполнилъ хотя-бы отчасти мудреную, трудную задачу, подсказанную мнѣ ходомъ жизни и волею случая, того самаго случая, который правитъ нами больше, чѣмъ мы желали бы допустить...

Всѣ почти, кто не особенно подробно знакомился съ историческимъ обликомъ царя Ивана, — представляютъ его себѣ жестокимъ по природѣ, тираномъ, больнымъ, безумнымъ и безчеловѣчнымъ. Даже все доброе, чѣмъ отмѣчена извѣстная, «свѣтлая пора» его царствованія, — общее мнѣніе приписываетъ это заслугамъ Сильвестра и Адашева. Врожденное людямъ, стремленіе къ прекрасному — присвоило помянутымъ двумъ дѣятелямъ сіяніе безукоризненныхъ правителей народныхъ, умѣвшихъ управлять даже такимъ «нечеловѣкомъ», какъ Иванъ IV-й.

Между тѣмъ, на дѣлѣ — не совсѣмъ такъ. Случайно попала мнѣ на глаза выборка изъ небольшой, рукописной хроники, гласящая, что ревнивый къ власти, самодержецъ до мозга костей, царь Иванъ, — поставилъ временно въ цари крещенаго татарскаго князька, Саина Бекъ-Булатовича, — а самъ, почти 3 года, жилъ на положеніи частнаго человѣка, «князя Ивана», и писалъ «челобитныя» этому-же своему ставленнику, царьку Симеону, подписывая ихъ: «твой рабъ Ивашка съ дѣтишками Иванцомъ и Ѳедькой»...

Событіе меня поразило. Я сталъ его разрабатывать желая нарисовать этотъ непонятный и малоизвѣстный случай изъ бурнаго царенія Ивана IV-го. Но чѣмъ глубже я вникалъ въ древнія рукописи, чѣмъ больше перечитывалъ обширную историческую литературу, созданную вокругъ этого имени, — тѣмъ больше новыхъ, неожиданныхъ выводовъ возникало и скоплялось въ моемъ умѣ. Въ хроникахъ говорится, что годамъ къ тринадцати въ Иванѣ развилась особенная жестокость: онъ мучалъ животныхъ, сбрасывалъ ихъ съ высокаго крыльца, изъ теремовъ, загонялъ лошадей... Къ тому-же времени относится пора особеннаго угнетенія, испытаннаго ребенкомъ отъ Шуй-

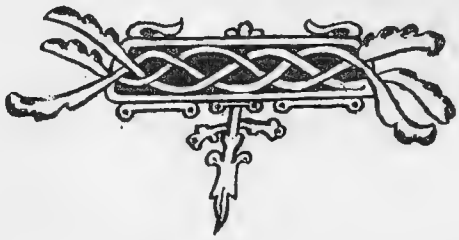
скихъ и другихъ бояръ. Въ это время сосланъ его наперсникъ Ф. Воронцовъ и мн. другіе. Письма самого Ивана свидѣтельствуютъ, какъ тяжело ему было сознавать въ это время свое униженіе.

Дѣтство Ивана... Мы его почти не знаемъ, развѣ съ внѣшней стороны. Онъ губилъ животныхъ и, даже, людей, будучи еще ребенкомъ. Почему? Какъ онъ росъ? Какъ создался его характеръ? Былъ-ли онъ звѣремъ отъ природы? Любилъ-ли онъ искренно кого нибудь, когда нибудь? Почему только извѣстную кучку бояръ, опредѣленное число гнѣздъ, родовъ княжескихъ и боярскихъ «извелъ» Иванъ*)? Что породило въ немъ слѣпую ненависть ко Пскову и Новгороду, къ своимъ русскимъ городамъ, — когда Иванъ умѣлъ быть великодушнымъ и съ

*) По хроникамъ и по двумъ Синодикамъ можно легко прослѣдить, что, кромѣ нѣкоторыхъ «ближнихъ» людей, богатыхъ безмѣрно, или возбудившихъ подозрѣніе въ измѣнѣ, — Иванъ систематически изводилъ слѣдующіе, особенно безпокойные и опасные для его династіи, княжескіе роды: князей Ярославскихъ, Кубенскихъ, Сицкихъ, Горбатыхъ-Суздальскихъ, Морозовыхъ-Тучко, Шаховскихъ, Глѣбовыхъ-Засѣкиныхъ, Прозоровскихъ, Троекуровыхъ и Сисѣевыхъ. Все это — потомки Владиміра Мономаха, правнуки Давида и Василія *Грознаго*, удѣльныхъ князей Ярославскихъ. По женской линіи — они всѣ потомки Ивана Калиты, дочь котораго была женою Василія Грознаго. Вотъ чего боялся Иванъ. Затѣмъ пали подъ его ударами князья Старицкіе (послѣдніе *удѣльные*), Ростовскіе, Хохолковы, Гагарины (Рюриковичи), Кафтыревы-Ростовскіе и кн. Спячіе — (потомки князей Черниговскихъ), Крапоткины (Смоленскіе), Шуйскіе — личные враги Ивана, Тулуповы, новгородскіе князья. Дашковы, Оболенскіе, Татищевы, Бабичевы, Цыплятевы, Дорогобужскіе и Бутурлины — вотъ всѣ остальныя знатныя жертвы, отмѣченныя въ Синодикахъ, кромѣ вышеперечисленныхъ. Губить своихъ разбогатѣвшихъ «чиновниковъ» и богатыхъ обывателей, чтобы забрать въ казну ихъ богатства — это безчеловѣчное, жестокое средство было въ ходу и въ Европѣ до очень недавняго времени. Новгородъ и Псковъ — слишкомъ озлили больного, жестокаго царя — и онъ далъ тамъ волю своей дикой ярости. Затѣмъ идутъ имена казненныхъ низшихъ слугъ Ивана и челяди опальныхъ бояръ. Замѣчательно, что въ Синодикахъ Ивана *нѣтъ двухъ именъ*: Андрея Шуйскаго и митрополита Филиппа (Колычева).

татарами, и съ ливонскими врагами? Откуда и какъ явились Адашевъ и Сильвестръ? Почему они пали?.. Эти и рядъ другихъ вопросовъ зародились во мнѣ. Посильные отвѣты я постарался дать въ своей книгѣ. Насколько я правъ, рѣшитъ, конечно, судъ критики и голосъ публики, который, какъ «гласъ народа» въ его лучшемъ смыслѣ, есть высшій судья*).

Л. Ж.

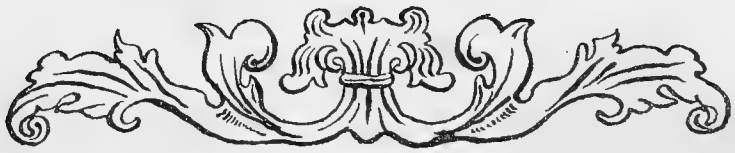


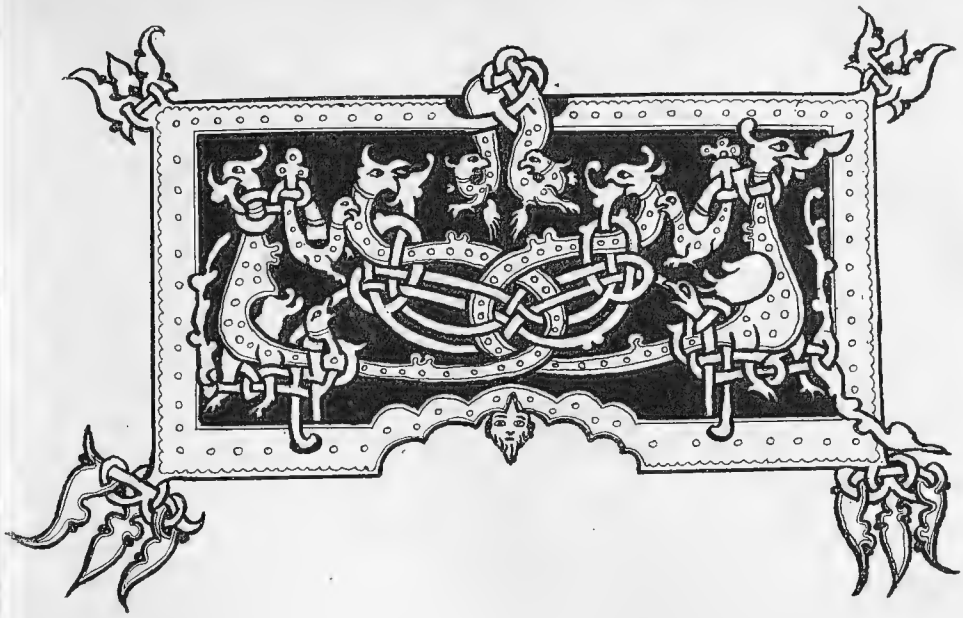
*) Считаю нужнымъ для интересующихся привести наиболѣе важные изъ источниковъ, которыми я пользовался, кромѣ тѣхъ, какіе помѣчены въ текстѣ книги: К. Аксаковъ; Бантышъ-Каменскій; Бестужевъ-Рюминъ; В. Бѣлинскій; Кавелинъ, Костомаровъ; Ключевскій; А. Майковъ; Маскевичъ (Мемуары); Ковалевскій, П. (Псих. очерки); Погодинъ; проф. Платоновъ (лекціи); А. Н. Поповъ; Небольсинъ; Тьеполо (Narratio); И. Толстой; Н. Кондаковъ (Русск. Древности); П. Самаринъ; проф. Сергѣевичъ; Сибирскія лѣтописи (Кунгурскія); кн. Щербатовъ (Ист. Россіи); Хомяковъ.

Часть I.

ДѢТСТВО ЦАРЯ.

(Вмѣсто пролога).





Подневольная схимница.

(Годъ отъ сотворенія міра 7034-й [1526]).

Чудный осенній день почти на исходѣ.

Съ яснаго, прозрачно-синяго неба вѣтеръ согналъ послѣднюю тучку изъ ихъ несмѣтнаго полчища, которое чуть не двѣ недѣли скрывало сіяющій ликъ солнца отъ земли. И теперь лучи его, ласковые, нѣжащіе, — не жгутъ, какъ лѣтомъ, но все пронизываютъ: и порѣдѣлую листву дремучихъ лѣсовъ, которые съ сѣверо-запада подбѣжали почти къ самымъ стѣнамъ дивно обновленнаго стольнаго, древняго града Москвы, и вѣтви отдѣльныхъ старыхъ деревъ, которыя кудрявятся въ большихъ тѣнистыхъ садахъ. А сады съ огородами обступаютъ отовсюду обширныя боярскія жилища въ самомъ Кремлѣ, и дома посадскихъ да торговыхъ людей. Посады эти московскіе широкой, темной, неправильной полосой деревянныхъ строеній обѣжали, словно подковой обогнули Кремль, и легли вокругъ твердыни, поднимающей свои теремныя и бойничныя башни и золоченыя главы церквей на крутомъ прибрежномъ холмѣ. Золотыми, тонкими стрѣлами сыплются

съ неба лучи, пронизываютъ сквозныя бойницы башенъ крѣпостныхъ и узкія оконца церковныхъ куполовъ, осѣняющихъ новые, бѣлокаменные храмы Господни. То загорится бликъ свѣта на кистяхъ красной, спѣлой рябины, что перекинулись, свѣсились черезъ садовый заборъ, надъ грязной колеею, въ переулочкѣ узкомъ, и безъ вѣтерка колыхаются, ждутъ лишь первыхъ заморозковъ, чтобы «дойти»... То скользнетъ лучемъ своимъ солнце и отразится въ широкой подорожной лужѣ, блестящей и гладкой, какъ зеркало, не взбаломученной сейчасъ ногами прохожихъ, или рябью отъ вѣтерка... И загорается зеркальная лужа; а зайчики отъ нея играютъ на сосѣдней, на темной и мшистой стѣнѣ, и на темныхъ дуплистыхъ стволахъ. Это — липы столѣтнія, какъ часовые, стоятъ въ сосѣднемъ саду за надежнымъ тыномъ, за палями острыми.

Даже въ мрачные извороты и закоулки торговыхъ рядовъ ухитряются заглянуть осенніе ласковые, косые лучи въ этотъ предвечерній часъ...

И среди затихающаго торговаго гомона и говора, среди суеты человѣческой, которая такъ и кипитъ всегда въ проходахъ между ларями, лавками и палатками, чѣмъ-то чистымъ и неземнымъ отблескиваютъ заблудившіяся золотистыя нити лучей, скользящія по выступамъ бревенчатыхъ строекъ, по щелистымъ рядамъ досчатыхъ балагановъ.

Усталыя, мрачныя или озлобленныя лица людей, на которыя падаютъ эти лучи, сразу свѣтлѣютъ, словно проясняются внутреннимъ свѣтомъ. Морщины сглаживаются, брови распрямляются; невольно перестаютъ хмуриться и торжники, и смерды, и господа, — всякаго званія люди, и съ улыбкой произносятъ:

— Эка... и денекъ же нынче выдался... краше лѣтняго!

И, словно воспрянувъ силой и духомъ, живѣе берется каждый за ту же работу, которую вяло выполнялъ за минуту передъ тѣмъ, лишь бы довершить обычный дневный свой урокъ.

Особенно щедро осыпанъ лучами, обогрѣтъ тепломъ— высокій «дѣтинецъ» московскій.

Радостно сіяютъ золотыя главы церквей... Высокія звонницы облиты солнцемъ...

И печально, мѣрно несется съ этихъ звонницъ какой-то необычайный, словно похоронный перезвонъ.

Заслыша рѣдкіе, протяжные удары тяжело-гудящихъ, набольшихъ колоколовъ, москвичи, кто просто осѣняетъ себя широкимъ крестомъ и шепчетъ:

— Помилуй и спаси, Господи... защити достояніе Твое!

Другіе же обращаются къ знакомымъ и незнакомымъ съ тревожнымъ вопросомъ:

— Что прилучилось? Али негаданно померъ кто на княжомъ дворѣ?..

— Померъ?.. Не померъ, а все едино; даже хуже... Постригъ великой княгинѣ даютъ... Ай не слышалъ?.. Не тутошній?..

— Нѐ! слыхать-то слыхалъ... Да все не вѣрилось?..— отвѣчаетъ вопрошающій и молча, тоже осѣнивъ себя крестомъ, проходитъ дальше.

Во всѣхъ кремлевскихъ церквахъ—соборныхъ и монастырскихъ—началось служеніе. Въ набѣгающихъ сумеркахъ, подъ сводами храмовъ причудливо сверкаютъ блѣдные, призрачные сейчасъ, огни паникадилъ и лампадъ, и свѣчей у кіотовъ... Гдѣ въ окна сильнѣе ударяетъ свѣтъ погасающаго дня, тамъ огни, зажженные руками людскими, кажутся совершенно умирающими, безцвѣтными, безпламенными. Только въ болѣе темныхъ углахъ, въ придѣлахъ, за колоннами, багровое пламя свѣтиленъ, сожигающихъ масло и воскъ, бросаетъ трепетныя полосы свѣта и тѣней на все вокругъ: на золотое и серебряное сіяніе вѣнчиковъ у иконъ, на дорогіе самоцвѣты и молочно-бѣлую низь жемчуга, обрамляющаго темные лики, вмѣсто окладовъ.

Душно, мрачно... и полутьма царитъ въ обширной гор-

ницѣ, гдѣ совершается постриженіе во инокини великой княгини Соломоніи, 20 долгихъ лѣтъ безупречно и мирно прожившей съ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси, а нынѣ—разведенной съ супругомъ, такъ какъ не далъ имъ Богъ наслѣдниковъ—дѣтей.

Съ тяжелымъ сердцемъ сидитъ князь у себя въ горницѣ... слушаетъ звонъ похоронный, что мѣрно несется надъ Москвой, самъ думаетъ:

— Не мертвую хоронятъ, живую... Стольколѣтнюю любу мою... Какъ мирно-то прожили... Кроткая, вѣдь, тихая была... Терпѣла все... Все прощала... Чѣмъ виновата, что Богъ ее посѣтилъ безплодіемъ?.. Да вѣдь и царство мое не виновато, тоже, надо сказать?.. Отцы и дѣды, и я самъ — на то-ли кровь свою и ближнихъ, и вражескую кровь ручьями лили, ночей не спали, зной, стужу выносили, чтобы все теперь братьямъ, али племянникамъ отдавать? Нѣтъ, не будетъ того!.. Ино братья и своихъ удѣловъ не умѣютъ устроити! Гдѣ же имъ на Москвѣ быть?..

И смахиваетъ князь невольныя слезы, набѣгающія ему на глаза.

Внутреннимъ взоромъ, минуя тѣсные, кривые переходы и лѣсенки теремные, проникаетъ государь въ большой, низкій покой съ окнами въ глубокихъ амбразурахъ, похожихъ на бойницы...

Тамъ идетъ обрядъ постриженія.

Много здѣсь народу столпилось, все ближніе люди и бояре Васильевы, въ полномъ нарядѣ.

Тутъ и престарѣлый Иванъ Кубенскій, князь, своякъ государевъ, женатый на двоюродной сестрѣ Василія; и Воронцовъ, тезка княжой, Василь Ѳедоровичъ, чей предокъ, Тодоръ Воронецъ, — 200 лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ отъ Варяжской земли на Русь... И доселѣ еще по обличью видно, что не славянинъ по роду князь Иванъ: темноволосый, быстрый, сухой весь...

И братъ его здѣсь, Данилка. Князь Дорогобужскій съ ними же... И Ѳеодоръ, князь Овчина, роду Телепневыхъ-Оболенскихъ. Пониже старика мѣстомъ,—красуется дородный, статный, пригожій, кровь съ молокомъ,—родной сынъ его, юный княжичъ Иванъ Ѳедоровичъ. Этого—особенно любитъ великій князь Василій. Много помогалъ онъ государю въ сближеніи съ намѣченной новой супругой, красавицей литвинкой, Еленой Глинскою.

Вельможный князь Бѣльскій, Иванъ, ближній и родичъ, и слуга царскій, стоитъ чуть поодаль отъ всѣхъ. Видимо, тяжело князю глядѣть на все, что сейчасъ происходитъ передъ глазами. Но кроткій и справедливый бояринъ чтитъ волю цареву и пришелъ, поневолѣ глядитъ. Пальцы порою готовы ухватиться за рукоять широкаго боевого меча, но тутъ же опомнится молодой, горячій воинъ и вспомнитъ, что не въ доспѣхахъ, а въ боярскомъ нарядѣ, безоружнымъ явился онъ на эту печальную церемонію.

Нѣтъ среди этихъ вельможъ одного изъ главнѣйшихъ, князя Курбскаго, Семена.

Не склонился князь безмолвно передъ рѣшеніемъ государя и приспѣшниковъ его; сталъ настойчиво уговаривать Василія: не гнать отъ себя кроткой, святой женщины, ничѣмъ неповинной передъ мужемъ.

И поплатился вѣчнымъ изгнаніемъ за такое свое правдолюбіе.

Хуже еще досталось Вассіану, иноку Симонова монастыря, родомъ ставшему отъ Гедиминичей, а изъ семьи онъ Патрикѣичей.

Въ міру звался инокъ княземъ Василь Ивановичемъ, по прозванью — Косой. Пылкій, прямой, истый державный Гедиминичъ по крови, первую опалу снесъ онъ еще отъ Ивана III, въ ту пору, когда, въ 1449 году, примкнулъ къ сторонникамъ юнаго внука великокняжескаго, Димитрія,—грудью сталъ противъ новшествъ гречанки Софіи

Палеологъ, вступился за старый наслѣдственный порядокъ, за права дружины княжеской, которымъ грозилъ уронъ.

Желая на ближнихъ явить примѣръ строгости, Иванъ III и Василія Косого, и отца его, Ивана Патрикѣева Большого, велѣлъ постричь.

Первый въ совѣтѣ и на войнѣ, Василій захотѣлъ однимъ изъ первыхъ остаться и при своемъ невольномъ монашествѣ: принялъ схиму и удалился отъ міра; въ глухой «пустыни» заперся старцемъ-молчальникомъ на много лѣтъ. Оскорбленная, гордая душа рѣшила порвать всякое общеніе съ грѣховнымъ міромъ, гдѣ не дали простору смѣлымъ порывамъ ея.

Прошло много лѣтъ. Воцарился все-таки Василій Ивановичъ. Вѣнчанный княжичъ, Димитрій Углицкій былъ заточенъ, долго томился въ темницѣ, а потомъ, по приказу бабки, и удавленъ тамъ.

Воцарившійся на Москвѣ великій князь, Василій Ивановичъ, свѣдавъ про святое житье родича своего Вассіана, забылъ старую вражду, вызвалъ его въ Москву и помѣстилъ въ Симоновомъ монастырѣ, часто прибѣгая къ нему за благословеніемъ и совѣтомъ. Не измѣнился и въ иноческой мантіи прямой характеръ Вассіана. Онъ сурово возсталъ теперь противъ развода Василія съ Соломоніей. И сослалъ его вторично московскій князь, но не въ любимую старикомъ «матерь-пустыню», а въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, отличавшійся суровымъ, тяжкимъ уставомъ жизни и угрюмостью своихъ монаховъ. Покорные приказу великаго князя, отцы-Іосифляне сумѣли сократить жизнь строптиваго, непреклоннаго старца.

Былъ сосланъ и заточенъ и другой сильный заступникъ за Соломонію, Афонскаго Вартапедова монастыря монахъ, Максимъ, прозвищемъ Грекъ, родомъ изъ Арты, города въ Албаніи.

Приблизился онъ къ князю и прославился переводомъ многихъ греческихъ священныхъ книгъ на славянскій

языкъ. Озлобленный его супротивными рѣчами по поводу развода, князь распорядился нарядить судъ надъ бывшимъ любимцемъ-толковникомъ. А судьями назначилъ непримиримыхъ враговъ Максима: тѣхъ же монаховъ-Іосифлянъ и присныхъ имъ.

Обвинителемъ былъ самъ Даніилъ, митрополитъ, недовольный Максимомъ за ту власть, которую присвоилъ себѣ при дворцѣ ученый монахъ. Даніила поддержали вопервыхъ: Вассіанъ, Топорковъ прозваньемъ, епископъ коломенскій, мужъ злобный, тоже потомъ попавшій въ ссылку за многіе проступки. Затѣмъ — Іона, чудовскій архимандритъ. И сослали Максима Грека въ Тверской Отрочь монастырь, на строгое послушаніе такъ, какъ онъ былъ признанъ еретикомъ и «блазнемъ», портившимъ, а не переводившимъ правильно священныя книги церковныя.

И многихъ другихъ также разослалъ, или заточилъ Василій, кто только рѣшался стать на сторону постригаемой, разведенной жены.

Когда въ обширный, слабо освѣщенный, низкій покой ввели осунувшуюся, постарѣлую, но все еще величественную и прекрасную, несмотря на годы и жгучія страданія, княгиню, Соломонію, урожденную Сабурову, — она почувствовала, что стоитъ одинокой среди этой, тѣсно сплоченной, сверкающей парчевыми нарядами, толпы бояръ и служилыхъ людей.

А въ переднемъ углу, окруженный чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, въ богатой ризѣ и клобукѣ, съ пастырскимъ посохомъ въ рукѣ стоитъ и онъ, Даніилъ, ея главный недругъ. Не согласись онъ, — князь, можетъ быть, и отложилъ бы свой замыселъ... И полнымъ ненависти взглядомъ окинула владыку несчастная женщина, поруганная жена, развѣнчанная великая княгиня.

Сейчасъ же, съ тою же лютой ненавистью взоръ ея перешелъ и на другое, не менѣе ей враждебное лицо. Впереди всѣхъ, важно поглаживая бороду, стоитъ глав-

ный приспѣшникъ князя, холопъ и любимецъ его, бояринъ, «совѣтникъ» Иванъ Шигоня.

Самъ не очень чтобы знатныхъ родовъ, онъ опередилъ многихъ и многихъ, посановитѣй и родовитѣй себя, только потому, что умѣлъ читать въ душѣ повелителя, понимать мысли его и творить по волѣ Василія все, какъ тому хотѣлось.

Теперь, вѣдь, тяжкія времена пришли для боярства и дружины княжеской. Не попрежнему московскіе князья раду свою ближнюю честятъ и слушаютъ. Все больше по своей державной волѣ творятъ. Такіе совѣты къ сердцу берутъ, какіе имъ самимъ по мысли. И хмурится старое боярство. Порой и заговоры заводитъ. Да не везетъ что-то имъ! Глядишь, — или, какъ вотъ, Берсеню Беклемишеву при Иванѣ III, — языки у нихъ рѣжутъ, или послѣдніе маёнтки да вотчины отбираютъ въ казну, а самихъ чуть не на посадъ въ тяглые люди ссаживаютъ.

Горькія времена настали для стараго боярства. А, вотъ, толстый, пузатый Шигоня, поглаживая свою окладистую бороду, стоитъ попередъ всѣхъ и величается, вошедшей великой княгинѣ еле поклонъ отдаетъ!

Какъ же: вѣдь, вмѣсто князя онъ наряженъ нынче! При постригѣ стоять, порядокъ вести и князю потомъ про все доложить онъ обязанъ.

Медленно Соломонія взошла, скорѣе, возведена двумя монахинями, поддерживающими ее, на небольшой, чернымъ сукномъ перекрытый, помостъ, устроенный среди кельи.

Начался обрядъ... отпѣваніе человѣка заживо. «Нынѣ отпущаеши съ миромъ душу рабы Твоея...» Какъ печально звучатъ напѣвы!

Княгиню не спрашиваютъ ни о чемъ, какъ привычно въ такихъ случаяхъ. За нее отвѣчаютъ, за нее молитвы творятъ, за нее дѣйствуютъ, пригибая, когда надо, непокорную шею княгини для поклона...

Она, блѣдная, какъ мертвецъ, даже сопротивляться перестала, какъ это было до сихъ поръ. Широко раскрыты

ея черные, и безъ того большіе, прекрасные глаза; какъ затравленная серна, озирается она съ тоскою кругомъ и ждетъ: не явится ли откуда-нибудь спасенія, не пошлетъ ли Богъ чуда? Нѣтъ! Ярко озарены огнями лики темныхъ иконъ... Кротко глядитъ Спаситель; скорбно улыбается Матерь Его... Самъ Саваоѳъ, Грозный и Всемогущій, простеръ длани и благословляетъ міръ, «сіяя на злыя и на благія» всѣми солнцами Своими. Въ небесахъ — правда и миръ, и покой! Но здѣсь, на землѣ, нѣтъ ей помощи, ни отъ кого нѣтъ спасенія. Онъ, даже онъ, въ кого княгиня такъ вѣрила, кого любила, несмотря на всѣ измѣны, на болѣзни и на лютость нрава порой, — онъ, Василій... князь... онъ самъ жену свою оторвалъ отъ себя. И мѣсто ея займетъ другая... хитрая литвинка!..

Кровь татарскихъ князей, кровь предка Соломоніи, мурзы Четала, опять вспыхнула въ жилахъ. Блѣдныя до сихъ поръ щеки сразу побагровѣли. Мрачно горѣвшіе, заплаканные глаза сразу засверкали, какъ раскаленные угли.

Грудь, которая передъ этимъ была словно камнемъ тяжелымъ сдавлена, опять ходенемъ заходила, заволновалась. Какой-то клубокъ подбѣжалъ, подкатился изъ глубины — къ самому горлу. Давитъ княгиню, больно ей.

Красные отъ жары и напряженнаго состоянія бояре, стоявшіе поближе, зашептались между собой:

— Гляди, никакъ на нее находитъ. Пожалуй, не удастся по чину и обряда доправить?!.

А уже на нее собираются возлагать облаченіе иноческое.

Вотъ вмѣстѣ съ епископомъ Давидомъ — къ Саломоніи приблизился Даніилъ.

Почувствовавъ его дыханіе почти на своемъ лицѣ, Соломонія вздрогнула, невнятно застонала.

— Смирися, жено! Не твори соблазну! — раздается ненавистный властный голосъ.

Принявъ ножницы изъ рукъ іерея, епископъ Давидъ коснулся распущенныхъ волосъ княгини.

Та громче застонала и забилась въ истерическихъ рыданіяхъ.

Двѣ сильныя монахини, выбранныя и приставленныя здѣсь нарочно, поддерживаютъ подъ руки несчастную; но теперь еле-еле могутъ удержать Соломонію, такъ порывисто и сильно рвется и трепещетъ она всѣмъ тѣломъ у нихъ въ рукахъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... не... хочу... не изволю сама... на это!.. съ визгомъ вырывается изъ груди у Соломоніи, губы которой до сихъ поръ словно судорогой были сжаты.

Но ея не слушаютъ.

Клиръ старается громкимъ пѣніемъ покрыть жалобы, крики и плачъ женщины, а Давидъ быстро и сильно смыкаетъ концы ножницъ надъ волнистыми прядями ея волосъ, которыя чернымъ блестящимъ каскадомъ падаютъ внизъ.

— Ну, ладно. Чего не такъ, потомъ достригутъ! — произноситъ онъ, кое-какъ исполнивъ обычный обрядъ постриженія.

Подана мантія, кукуль...

Стоитъ надѣть его — и все кончено! Міръ земной совсѣмъ и навсегда закрытъ для бывшей великой княгини. За что? Она ли виновата, что Богъ не далъ наслѣдника Василію?

А Давидъ въ это время совсѣмъ вплотную подошелъ...

— Возьми кукулъ сей и возложи на тя, жено, аки подобаетъ по велѣнію святыхъ отецъ...

И онъ ужъ самъ готовъ былъ возложить вмѣсто вѣчнаго савана монашескій кукуль на княгиню.

Но тутъ дикое безуміе окончательно овладѣло ею.

Сдѣлавъ движеніе, словно желаетъ склониться, она сразу вырвалась у монахинь, державшихъ ее, вскрикнула, взметнула кукуль кверху, бросила его на землю и стала топтать ногами, истерично выкликая хриплымъ, надорваннымъ голосомъ:

— Сама... на себя? Живой въ могилу? Не лягу!... Слушайте, люди! Христіане, слушайте!... Слуги князя и мои! Не по волѣ санъ принимаю... Не охотою, но силою, вопреки закону Божескому и человѣческому, постригаема. И вотъ... вотъ... вотъ какъ топчу я кукуль сей... и насильниковъ моихъ топчу... Вотъ... вотъ!..

И вмѣстѣ съ дикими криками пѣна слетала съ побѣлѣвшихъ устъ у несчастной.

— Что дѣлаешь, безумная!—устремившись къ Соломоніи, грозно прикрикнулъ Шигоня, когда увидѣлъ, что Давидъ, видимо оробѣвъ, отступилъ отъ изступленной женщины.

Сильно схвативши за локотъ, онъ пригнулъ ее къ землѣ, словно принуждая поднять брошенный кукуль.

— Нѣтъ, не возьму!.. Не хочу... Прочь съ нимъ вмѣстѣ, діаволъ, слуга діавола... Плюю на тебя...

И она брызнула ему пѣной прямо въ лицо.

Шигоня, побагровѣвъ отъ гнѣва, поднялъ было свой тяжелый посохъ боярскій, но во-время спохватился, замѣтивъ, какъ двинулись впередъ и Бѣльскій князь, и Кубенскій Иванъ, словно рѣшили защитить несчастную отъ опаснаго удара.

Быстро оглядѣвшись, бояринъ выхватилъ изъ-за ближайшей божницы пукъ лозы вербной, съ недѣли Ваій здѣсь оставленный, и, нанося сильные удары по обнаженнымъ рукамъ и плечамъ Соломоніи, закричалъ:

— Смирися! Войди въ себя, богохульная жено!... Что ты творишь, подумай?!

Всѣ окаменѣли на мигъ.

Отъ неслыханной обиды и сама изступленная женщина мгновенно пришла въ себя.

Поднялась, трепеща мелкой дрожью, до крови стиснула зубами край своей губы, изнемогая не столько отъ тѣлесной боли, сколько отъ позора и негодованія.

Прежде чѣмъ она успѣла сказать что-нибудь грубому палачу, Шигоня, желая по возможности загладить дурную

сторону жестокаго, необдуманнаго поступка, угрюмо произнесъ:

— Какъ смѣешь ты, жено, противиться волѣ государя, великаго князя нашего? Дерзаешь ли не исполнять приказаній его?

— А ты какъ смѣешь, ты — холопъ, бить меня, свою княгиню? негодующимъ, твердымъ голосомъ только и спросила Соломонія.

Но отъ этихъ простыхъ словъ, отъ величавой осанки, которую безотчетно приняла несчастная, отъ искаженнаго скорбью лица ея повѣяло чѣмъ-то такимъ необычнымъ и грознымъ, что морозъ пробѣжалъ у всѣхъ по тѣлу.

— Именемъ великаго князя наказую тебя за непокорство, а не своей рукою и волею! — нашелся отвѣтить надменный бояринъ и быстро отступилъ, давая знакъ продолжать обрядъ.

Явное замѣшательство воцарилось вокругъ.

— Можно ли такъ? Не донести ли великому князю? — робко, неувѣренно зашептали иные изъ присутствующихъ.

— Въ монастырь, али въ изгои (въ изгнанье) захотѣлось? отвѣчали имъ товарищи. Дома — жить надоѣло?

Смолкъ ропотъ. Обрядъ пошелъ своимъ чередомъ.

Но Соломонія, улучивъ эту минуту замѣшательства и тишины, ровно, негромко, съ потрясающимъ, роковымъ какимъ-то спокойствіемъ, обведя всѣхъ глазами, проговорила:

— Стоите?.. Молчите?.. Рабы лукавые, невѣрные! Нѣтъ ли ножей подъ полою кафтановъ, чтобы тутъ же и зарѣзать, какъ овцу безсловесную, княгиню свою былую, «милостивую». Такъ, вѣдь, вы прозывали меня! Я-ль не заступалась за васъ? Отъ сколькихъ, отъ васъ государевъ гнѣвъ отвела, отъ опалы избавила; милостей добыла... И никто не вступится!? Да? Будьте же всѣ вы прокляты!... Богу въ жертву противъ воли приносите меня... Нѣтъ, не Богу... Въ жертву княжой прихоти! И обрекъ васъ

Господь. Человѣкоугодники, не слуги вы прямые княжескіе... И горе вамъ! Богъ помстить за меня. Вижу гибель вашу!.. Не пурпуръ и злато, — кровь ваша и язвы, и лохмотья покроютъ тѣла ваши, аки тѣла слугъ нерадивыхъ, выпустившихъ на волю діавола!.. Жены ваши и дочери — поруганы, пострижены насильно, какъ и я!.. Дѣти ваши, нерожденныя, изгублены на лонѣ материнскомъ. Не терема высокіе — висѣлицы построятся для васъ и вороны черные обовьютъ боярскія головы, взамѣнъ шапокъ горлатныхъ... Вотъ мое слово послѣднее... мое заклятіе на васъ! на дѣтей вашихъ! Великое самое преступилъ князь великій: совѣсть теперь свою преступилъ, ради стяжанія царскаго. Васъ ли пощадитъ?!. Помните же и трепещите, ехидны, змѣи-предатели. А ему скажите...

Но тутъ и Шигоня, и Потата, писецъ ближній и «печатникъ» княжой, и Ракъ, Ѳеодорикъ, совѣтникъ его, онѣмѣвшіе сперва, когда раздалась мѣрная, зловѣщая рѣчь княгини, произносимая какимъ-то необычнымъ, даже несвойственнымъ ей, металлически-звонкимъ голосомъ, — теперь всѣ эти вельможи пришли въ себя.

Данъ былъ знакъ. Громко запѣлъ клиръ. Надрывались басы... дисканта краснѣли отъ усилій подняться на крайнюю, доступную имъ высоту... Загудѣли чтецы... монахи, священники стали подпѣвать тоже...

А среди этого чтенья, и напѣвовъ, и рокота — прорѣзался зловѣщій голосъ Соломоніи, сулившей болѣзни, горе и бѣды бывшему супругу и всему грядущему роду его.

Но голосъ ея сталъ слабѣть... Она зашаталась, сразу опять помертвѣла... И если бы не поддерживали ее теперь двѣ монахини, такъ и рухнула бы, потерявъ послѣднее сознаніе.

— Что съ ней? спросилъ Шигоня, видя, какъ навалилась Соломонія на свою сосѣдку-держальницу.

— Сомлѣла, кажись, бояринъ.

— Ничего... Тѣмъ лучше...

— Вѣстимо! отозвался и Даніилъ. Господь видитъ сердца наши, во снѣ ли, на яву ли мы, или въ безчувственномъ состояніи. Сердце чисто у княгини. Бѣсъ вселился въ нее и глаголалъ. А тамъ, очнется-опамятуется, — и сама же порадуется чину своему ангельскому...

И обрядъ пошелъ своимъ чередомъ, быстро теперь, безъ помѣхи.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ кельи уведена была, все также безъ памяти, не великая княгиня московская Соломонія, а инокиня, старица Софія, которую готовились везти въ указанный ей Покровскій дѣвичій монастырь что, въ Суздали *).

*) Павелъ Іовій: De legat. Basilii, 171. — Герберштейнъ: Rerum Moscov. Commentarii, 20—26. — Карамзинъ: Ист. Госуд. Россійск. VII, прим. 276. — Н. Устряловъ: Сказан. князя Курбскаго.

Даръ судьбы.

(Годъ 7038-й [1530], 25 августа).

65900

Веселый, радостный перезвонъ такъ и стоитъ надъ Москвой златоглавою, словно въ Свѣтлое Христово Воскресенье! Не успѣютъ затихнуть колокола въ одномъ мѣстѣ, какъ въ иномъ, тѣмъ на смѣну, начинаютъ заливаться другіе...

А самый большой, соборный «боецъ-колоколъ» безъ устали такъ и гудитъ, словно шмель между пчелами, пуская свою басовую ноту: до́н-дон... до́н-дон!

И, какъ на густомъ фонѣ, ярко вырѣзается въ его гудѣньи малиновый перезвонъ монастырскихъ небольшихъ, но серебристыхъ колоколовъ: динь-диль-динь! Динь-диль-динь! Динь-диль, динь-диль, динь-диль-динь!..

О чемъ говорятъ, о чемъ поютъ-заливаются колокола, эти спутники жизни людской, христіанской?

Отчего толпы московскаго люда, хоть и не праздникъ, но запираютъ лавки, покидаютъ торжища, бросаютъ всѣ дѣла и работы, и бѣгутъ, валомъ-валятъ туда, къ Кремлю, изъ котораго поданъ былъ первый сигналъ къ необычайному благовѣсту?..

Радость великая для Москвы, для всей земли русской: у государя, великаго князя Василія и молодой княгини Елены, роду Глинскихъ, — сынъ родился.

БЕЛГОРОДСКАЯ Областная БИБЛИОТЕКА

— Да сынъ ли? спрашиваетъ на бѣгу немолодой посадскій другого изъ толпы, который тоже спѣшитъ къ Кремлю, уже на ходу надѣвая на себя кафтанъ понаряднѣе.

— Сынъ, сынъ, Кириллычъ! Ужъ такъ было сказано. Да нешто по звону не слышишь, что сынъ?.. Вѣдь, вонъ и старецъ блаженный, юродивый Христа ради-для, прорицалъ нашей княгинюшкѣ: «Родится у тея сынъ — Титъ, широкій умъ!..» Конечно! сынъ!.. И Тита нынче память аккуратъ, угодника... 25-е августа...

— Слава те Господи. Не сиротѣетъ земля!..

И оба бѣгутъ дальше, а сзади еще и еще катятся и набѣгаютъ народныя волны... И все не съ горы, а въ гору катятся... туда, къ высокимъ теремамъ кремлевскимъ.

— Слышь, оретъ одинъ парень другому, поторопливай! Столы отъ князя ставить будутъ... Мѣсто бы получше захватить!..

И всѣ бѣгутъ... И женщины, и дѣти, и старухи... Иные падаютъ отъ усталости, но опять подымаются и мчатся впередъ.

А изъ Москвы гонцы скачутъ... Боярамъ-намѣстникамъ, разнымъ воеводамъ и тіунамъ вѣсть подавать: кого слѣдуетъ, свѣтскихъ людей и пастырей духовныхъ, на крестины звать... Радость великая совершилася! Долгожданный наслѣдникъ дарованъ великому князю и всей землѣ. И попутные жители, селяне и горожане, мимо которыхъ, проносясь, развѣщали желанную вѣсть гонцы, — всѣ, отъ радости, обнимались и цѣловались по братски; безъ праздника — пиръ и праздникъ снаряжали. Всѣмъ близка была радость княжая, долгожданная.

Вѣдь, шутка ли, четыре безконечныхъ года ждать пришлось.

Царь Василій — совсѣмъ угрюмый, словно ночь, теменъ ходилъ. И подумывать уже сталъ:

— Неужто права была Соломонія? Ужели сбылось ея слово, проклятіе страшное, какое въ злобѣ она изрекла?!. Вѣдь, до чего озлилась баба!..

Вспомнилъ все Василій и вздохнулъ.

Третій годъ шелъ къ концу послѣ брака его второго, а все бездѣтной оставалась и вторая жена, Елена, новая княгиня великая.

Чего-чего ни дѣлалъ Василій! И лекаря восточнаго звалъ... И къ ворожеямъ, къ наговорницамъ, презрѣвъ запретъ христіанскій, ѣздилъ и ходилъ темною ночью государь, таясь отъ людей... Ничего не помогало.

Приходили къ Еленѣ знахари и знахарки много разъ — и всѣ говорили:

— Здорова княгиня. Будутъ чада у васъ.

— Дай Богъ! Родъ мой безъ потомства не можетъ остаться, пересѣчься не долженъ! Не хочу я! Не бывать этому!

И самыя странныя мысли порою западали въ голову полубольному князю, который только и старался, что пободрѣе выглядѣть при красавицѣ — молодой женѣ.

Нерѣдко съ невольной завистью посматривалъ Василій на любимца, постельничьяго своего, на молодого богатыря, Ваньку-Овчину, князя Телепнева-Оболенскаго. Кроткій, тихій и незлобивый, хотя и храбрый въ бою, Иванъ не одному князю былъ близокъ и милъ. Отличала его и молодая великая княгиня. Но всегда держала себя, какъ и надо быть госпожѣ съ любимымъ слугой мужнинымъ. Овчина обожалъ молодую княгиню чисто, по-юношески, даже не скрывая этого. И былъ съ нею такъ почтителенъ, какъ больше требовать нельзя.

Покачивая сѣдѣющей головой, высокій станомъ, но исхудалый отъ болѣзни, погнувшійся, Василій думалъ про себя:

— Да, вотъ была-бы пара Еленѣ! Не тебѣ, старому, чета. Да, не судилъ имъ Богъ!

И даже тѣни досады, или сомнѣнія не шевелилось въ сердцѣ стараго, «грознаго», какъ порой прозывали его, великаго князя.

Между тѣмъ, вешнія свѣтлыя зори смѣнялись знойными, темными, лѣтними ночами. Шли мѣсяцы, годы. Три ихъ ровно прошло. Все остается бездѣтной Елена. И стала она ѣздить по разнымъ ключамъ чудотворнымъ, воду пить... По мѣстамъ святымъ, по монастырямъ, которые славились чудотворными иконами, мощами святыхъ цѣлителей, или живыми молитвенниками-схимниками, извѣстными жизнью строгой, святой и непорочной; всюду бывала. И молила тамъ княгиня за себя и за мужа... Просила даровать ей чадо. Вклады богатые дѣлала и поминки давала... Нищихъ кормила, одѣляла.

Въ этихъ поѣздкахъ порой сопровождалъ ее самъ Василій, а за недосугомъ посылалъ провожатымъ кого-нибудь изъ приближенныхъ, чаще всего — кроткаго и преданнаго Овчину. Сестра же его была въ приближеньи у Елены. Искренно расположенная къ брату, Елена старалась приласкать и отличить во всемъ его сестру, Аграфену, жену боярина Челяднина.

Однажды государь сказалъ Еленѣ:

— Что бы ты не съѣздила къ святому Пафнутію? Далеконько, правда... Да вѣдь и матери-жъ моей, сказываютъ, святитель въ такомъ дѣлѣ помогъ.

— На край свѣта поѣду, лишь бы въ угоду тебѣ, государь! отозвалась Елена*).

Сборы были недолгіе. Несмотря на конецъ сентября, погода была чудная. И вскорѣ по дорогѣ въ Боровской Пафнутьевъ монастырь выступилъ длинный поѣздъ, центромъ котораго являлась колымага Елены.

Самъ Василій, за недосугомъ, поѣхать не могъ, а послалъ съ ней князя Михаила Глинскаго, дядю ея, да Овчину, Ивана, съ людьми.

Вся поѣздка прошла какъ мигъ одинъ, какъ сонъ для княгини молодой. Вокругъ, не считая челяди, все люди

*) Царствен. Книга.

близкіе, родные, ея дядя, сестра Ивана Телепнева, Аграфена. Этикетъ дворскій, всѣ разряды и чины — забыты... Осеннее, ясное небо надъ головой. Сжатыя нивы желтѣютъ по сторонамъ... Золотятся рощи березовыя, покрытыя пожелтѣлымъ осеннимъ покровомъ. Дрожитъ багряными листами осина по перелѣскамъ... Тянутъ стаи птицъ на югъ...

— Туда бы и мнѣ за ними! вырвалось какъ-то у княгини, заглядѣвшейся въ высь. — Онѣ пролетятъ надъ Литвою далекой, надъ родиной моей...

— Да, развѣ, такъ уже плохо тебѣ съ нами, здѣсь, княгинюшка свѣтлая? отозвался Иванъ, ѣхавшій поручь колымаги.

Елена взглянула на него ласково и промолвила:

— Нѣтъ. Сейчасъ — хорошо!

Прибыли, наконецъ, въ обитель.

Приняли ихъ честь-честью. Княгиня съ устатку отдохнуть пошла. Князь Глинскій и Овчина, по зову настоятеля, явились на трапезу.

Тутъ, конечно, зашла рѣчь о цѣли пріѣзда великой княгини.

— Пафнутій — святитель, скоропомощникъ во всемъ. Онъ исполнитъ желаніе князево! отозвался убѣжденнымъ голосомъ настоятель, отецъ Илларій.

— Вѣримъ, отче!... Все отъ Бога. Онъ все посылаетъ... подтвердилъ князь Михаилъ Львовичъ Глинскій.

— Да, бываетъ... Все отъ Бога! — кивая задумчиво головой, повторилъ игуменъ.

А Овчина сидѣлъ погруженный такъ глубоко въ какія-то размышленія, что и не слышалъ, какъ кончилась трапеза и опомнился только, когда ему сказали, что молиться надо.

Настала ночь. Горячо помолившись, Елена съ Аграфеной Челядниной сидѣла у окна отведенной ей кельи, выходившаго прямо въ тѣнистый, чудно раздѣланный мона-

стырскій садъ. И дивилась: отчего онъ такъ пустъ? Отчего ни монаховъ, ни послушниковъ не видно здѣсь въ такую теплую, дивную, осеннюю ночь. Но потомъ она вспомнила, что двухъ-трехъ часовъ не пройдетъ послѣ минувшей долгой, утомительной церковной службы, и снова выйдутъ изъ своихъ келій разбуженные братья, и снова потянутся, подъ звуки колокола, въ ту же душную церковь, на новое долгое, утомительное бдѣніе... Но показалось ей, или кто-то ходитъ въ саду?..

Нѣтъ, не ошиблась она. Овчина Иванъ, ея вѣрный слуга, скользитъ тихо-тихо по аллеямъ темнаго монастырскаго сада, желая охранять кельи, гдѣ спитъ она, госпожа и повелительница его.

— Ты, Ваня? спрашиваетъ княгиня слугу.

— Княгинюшка свѣтлая... Ты... не спишь?.. — смѣшавшись почему-то, еле выговорилъ этотъ могучій, статный витязь, сейчасъ робѣющій, словно ребенокъ.

— Не сплю... Мои всѣ заснули... А мы съ Аграфеной, вотъ, сидимъ подъ окошечкомъ, тоскуемъ. Подойди, покалякаемъ.

Онъ подошелъ... Поговорили немного. Тамъ Аграфена и окно закрыла. Обѣ улеглись на покой.

Только Иванъ Овчина еще долго бродилъ по темному саду, не находя сна...

Утромъ княгиня Елена всѣ святыни обошла монастырскія, вездѣ приложилась... Схимникъ, старецъ Савватій, благословилъ ее, просфорой одарилъ, напророчилъ много хорошаго...

Весела и радостна пріѣхала княгиня домой.

Все добрыя примѣты да пророчества ей были по пути.

Скоро и самъ князь великій Василій Ивановичъ просіялъ, порасцвѣлъ, словно моложе лѣтъ на тридцать сталъ. И 25 августа 1530 года весело зазвонили всѣ колокола московскіе, оповѣщая міръ о радости великокняжеской, о рожденіи первенца, нареченнаго по дѣду — Иваномъ, четвертымъ въ роду князей московскихъ.

Забылъ государь всю немочь, за послѣднее время одолѣвшую его, и крамолу боярскую, которая, нѣтъ-нѣтъ, да и подыметъ голову, словно василиска-змѣя, изъ-подъ пяты... И всѣ нелады и прорухи на литовской, на татарской границѣ... Все забылъ, ходитъ свѣтелъ, радостенъ... Богатыми дарами одарилъ, кого только могъ... Мамкой княжичу назначилъ все ту же Аграфену... Крестины справилъ — міру на удивленье. Быки цѣлые жареные на площадяхъ для народа стояли, вина и меду бочки были выкачены изъ погребовъ... А въ княжескомъ дворцѣ — дымъ коромысломъ двѣ недѣли шелъ...

Любимые монахи изъ Іосифовой Волоколамской обители: Кассіанъ Босый и Даніилъ Переяславскій, были воспріемниками княжича отъ купели, отцами его духовными назначены и приняли съ рукъ на руки, на убрусъ бѣлый отъ самого митрополита.

И не только люди, сама земля русская приняла, казалось, участіе въ великомъ событіи: въ позднюю осеннюю пору грозы пронеслись надъ Русью, надо всей... Земля во многихъ мѣстахъ колебалась, именно въ тотъ день и часъ, какъ родился великій княжичъ Иванъ Васильевичъ.

— Грозный будетъ волостель! толковали при этомъ, покачивая головой, старые люди. А молодые веселились и радовались.

И немолчно звенѣлъ-разносился малиновый звонъ надъ Москвой златоглавою...

Роковая охота.

Годъ 7041 [1533] 22 сентября — 4 декабря *).

Тихимъ осеннимъ утромъ, 22 сентября, выѣхалъ изъ Москвы государь, великій князь Василій Іоанновичъ къ Волоку-Ламскому, въ гости къ дворецкому своему Тверскому и Волотскому, къ Шигонѣ, да въ монастыри заглянуть въ попутные, да поохотиться.

Чуетъ Василій, что засидѣлся въ душныхъ покояхъ кремлевскихъ, теремныхъ, натрудилъ голову думами государскими, счетами да расчетами, заботами хозяйственными и семейными. Николка Люевъ да Феофилъ-фрязинъ, оба лекаря царскихъ, одно говорятъ:

— Обвѣтриться бы надо, государь...

Кромѣ челяди охотничей, ловчихъ, сокольничьихъ, псарей и выжлятниковъ, много бояръ ближнихъ и воеводъ поѣхало на охоту съ царемъ.

И оба брата царскіе тутъ же: Андрей да Юрій Ивановичи, хотя послѣднему что-то не довѣряетъ старшій братъ.

Изъ бояръ — Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій, князь Михайло Львовичъ Глинскій и многіе другіе, блестящей вереницей, кто верхомъ, кто въ колымагахъ и каптанкахъ, ѣдутъ въ царскомъ поѣздѣ.

*) Царствен. Книга. — Псковск. С. Русск. Лѣт. — Никоновск. и Синодальн. лѣтописи. — Соловьевъ: «Исторія Россіи». — Карамзинъ: «Ист. Госуд. Россійск.».

Изъ молодыхъ бояръ здѣсь скачутъ на аргамакахъ, кромѣ неизмѣннаго Овчины, два князя Димитрія: Курлятевъ и Палецкій; Кубенскій князь Иванъ; Ѳедоръ Мстиславскій, племянникъ государя, и многіе другіе. Иванъ Юрьичъ Шигоня, съ братомъ Михайлой, тоже въ поѣздѣ и прихватили трехъ дьяковъ про всякій случай: Цыплятева, Елизара, Третьяка Ракова и Афанасія Курицына, кромѣ двухъ «ближнихъ» дьяковъ царскихъ: Григорія Никитича Путятина и Ѳедора Мишурина и стряпчаго Якова Мансурова. Да всѣхъ не перечесть.

Государыня Елена съ трехлѣтнимъ Ваней и годовалымъ Юрой въ крытомъ возкѣ большомъ ѣдутъ. Боярыни ближнія съ ними: Анастасія Мстиславская, Елена да Аграфена Челяднины, золовка да невѣстка; Федосья Шигонина, Аграфена Шуйская, сама княгиня Анна Глинская, матушка Елены. И веселы, рады всѣ, что изъ душныхъ свѣтлицъ своихъ вырвались: такъ и стрекочутъ всю дорогу.

Погостивъ деньковъ пять у Троицы, къ Волоку тронулись. Государь — все верхомъ больше. А на лѣвомъ бедрѣ у него — давно уже зыблется опухоль подкожная, холодная пока, не болѣзненная. И, вотъ, до села Озерицкаго еще не доѣхали, какъ бѣда стряслась. Сѣдломъ, что ли, растравило болячку, но появилось въ серединѣ у нея пятнышко небольшое, багровое. Болѣть — не болитъ, но весь словно разбитымъ сталъ чувствовать себя Василій. Миновали Нахабино, Покровское-Фунниково. Царь ужъ, гляди, и съ коня слѣзъ, съ царицей въ колымагѣ ѣдетъ.

Въ Покровскомъ — Покровъ Богородицы справляли, задержались дня на три. На Волокъ, на Ламскій — совсѣмъ нездоровъ пріѣхалъ Василій. Въ пятницу — еле сидѣлъ на пиру у Шигони. Въ субботу, 4-го, еле-еле и въ мыльню сходилъ, помылся, попарился: не легче ли станетъ? Столъ ужъ въ постельныхъ хоромахъ накрыли больному царю. За два денька — отлежался, поправился. Чудное выпало утро во вторникъ. Не выдержалъ Василій.

— Федю Нагова позвать мнѣ! Бориса Васильева Дятлова! Ловчимъ велѣть изготовиться. Въ поле сегодня хочу пуститься!..

Лекаря царскіе, обое,—такъ руками и всплеснули.

— Государь!.. началъ было Люевъ.

— Ладно, знаю... Лучше мнѣ сейчасъ! А погода, гляди, какова? Безъ лекарства поправлюсь, гляди. Вамъ бы, небось, не хотѣлось? На что вы мнѣ оба тогда?.. Ну, не мѣшайте...

Подали коней, загремѣли рога, и пустилися въ поле всѣ, на Колпь, на село, гдѣ охота богатая.

— Что, государь: али не можется?—спросилъ у Василія князь Мстиславскій, скакавшій за дядею, видя, какъ морщится царь на скаку.

— Что-то оно не того. А терпѣть все же можно...

— А не вернуться ли намъ на Волокъ, государь?

— Ну, вотъ, была нужда! отвѣтилъ Василій.—Стоило изъ воротъ выѣхать, чтобъ отъ угла—да назадъ повертать. Хорошо полеванье! Ѣхали ни по што, пріѣхали ни съ чѣмъ? Таковъ ли я?—самъ знаешь. Что въ большомъ, что въ маломъ—люблю дѣло до конца довести... Да и хворь-то пустая: нога болитъ! Давно она у меня, лихо бы ей,—знать себя давала. Подуритъ—да и перестанетъ. Вѣдь своя, не удѣльная!—пошутилъ князь.

И поѣхали дальше. Любитъ на кречетовъ царь поглядѣть.

Къ полудню въ Колпь всѣ вернулись. Столы уже накрыты. Почти и ѣсть царь не сталъ. А все же далъ знать брату Андрею, чтобы поспѣшалъ и тотъ сюда. Послѣ обѣда—псовая охота началась.

Трехъ верстъ отъ Колпи не отъѣхали, съ царемъ что-то неладное случилось.

— Федя... Андрей!—громко сталъ звать вдругъ Василій племянника и брата.

Напуганные, тѣ подскакали вплотную и еле поддер-

жали Василія, который въ безпамятствѣ уже валился съ лошади.

На землю положили попону, сверху покрыли своими кафтанами, уложили бережно Василія.

— Княже, что съ тобой!.. — тревожно спросилъ его Мстиславскій, какъ только сомлѣвшій князь раскрылъ глаза.

— Самъ не знаю... Что-то сердце замутилось... И въ ногу, въ недужную, ударило... Погляди: что съ ней?.. Стой... Не трожь... Больно!.. вдругъ крикнулъ онъ, едва Мстиславскій взялся за сапогъ, желая разуть князя.

— Какъ же быть, княже?.. самъ велишь поглядѣть...

— Да, правда. Ну, дѣлай, какъ знаешь. Потерплю...

Но Мстиславскій догадался: обнажилъ свой остроотточенный охотничій ножъ, запустилъ конецъ его осторожно за голенище княжого сапога, провелъ книзу, распоролъ кожу — и сапогъ самъ свалился съ больной, распухшей и посинѣлой ноги.

Всѣхъ сразу такъ и поразилъ тяжелый запахъ, пахнувшій имъ въ лицо.

Взрѣзавъ также мѣхомъ подбитый чулокъ, надѣтый на Васильѣ, разрѣзавъ платье исподнее, Мстиславскій съ ужасомъ увидалъ, что опухоль на бедрѣ, утромъ еще покрытая воспаленной кожей, теперь прорвалась въ серединѣ, гдѣ видно небольшую, словно желѣзомъ каленымъ выжженную въ тѣлѣ, круглую язвочку. Скрывая охватившій его ужасъ, Мстиславскій быстро снова окуталъ кое-какъ ногу князя отъ свѣжаго воздуха и, поднявшись немного съ земли, но не вставая совсѣмъ, сказалъ:

— Оно пустое, княже: прорвало тамъ... А все бы домой тебѣ скорѣй поспѣшить. Да не къ Волоку, а на Москву... Залечить надо, худа бы не было... Больныя вѣдь давно ноги твои.

— Домой?.. Къ Волоку — можно пожалуй... Только какъ же?... Трудно мнѣ... на коня сѣсть... Какъ быть?..

— Ну, вотъ пустое... Сейчасъ все наладимъ!..

И, правда, пяти минутъ не прошло, какъ на древкахъ двухъ рогатинъ было прикрѣплено рядно хорошее, которое нашлось въ торокахъ, на рядно положены попоны мягкія, перекрыты изрядно, — князя уложили осторожно на эти широкія, удобныя носилки, и весь поѣздъ быстро двинулся въ путь, стараясь въ то же время, чтобы не потревожить какъ-нибудь больного государя.

Вершники и доѣзжачіе, посмѣнно — четверо въ разъ — носилки несли такъ бережно, ступали такъ легко и не валко, что Василій, едва миновала его дурнота, даже заснулъ, убаюканный колыханьемъ, словно младенецъ въ люлькѣ.

Въ испугѣ на встрѣчу носилкамъ вышла Елена.

— Что было? Что съ государемъ случилось?..

— Пустое, голубица моя! — предупреждая другихъ, заговорилъ быстро Василій. — Ногу, вишь, ушибъ, въ яму оступился съ конемъ... Жилу растянулъ... Черезъ день — все пройдетъ.

Успокоилась Елена. Василія въ его опочивальню отнесли. Осмотрѣли врачи язву вечеромъ, ничего не сказали.

— Утромъ, при свѣтѣ поглядимъ, государь.

Утромъ долго глядѣли, разсматривали: и Люевъ, и Феофилъ.

Лица вытянутыя у обоихъ.

— Плохо, что ли? Правду говорите.

— Плохо — нельзя сказать. Долго затянется.

— Что же дѣлать? Недѣльки черезъ три — въ Москву надо ворочаться. Хоть къ той порѣ оздоровѣть бы.

Качаютъ головами...

— Ну, четыре, пять недѣль...

Молчатъ и головами качаютъ...

— А! домовой бы васъ придушилъ, лѣшій бы унесъ съ глазъ моихъ и на вѣчно! Онѣмѣли вы обое, или злить меня сговорились? Такъ, глядите!..

И онъ протянулъ руку за посохомъ, часто гулявшимъ

по спинѣ, не то у лекарей басурмановъ, но и у первыхъ бояръ и князей...

— Государь, не гнѣвись... Послушай! заговорилъ болѣе смѣлый Люевъ: — мудреный ты вопросъ задалъ. Мы знаемъ, что болѣзнь, вотъ, какъ твоя, и на полъ-года затянуться можетъ, и въ мѣсяцъ ее выгнать можно... А если мы скажемъ, срокъ назначимъ и ошибемся, ты же намъ вѣрить перестанешь. Безъ вѣры — куда труднѣй будетъ лѣчить тебя... Самъ вѣдаешь...

— Самъ понимаю я, что шуты вы гороховые, а не лекаря ученые. Попамъ — вѣра нужна! А съ васъ будетъ и знанія... Ну, да шутъ съ вами... И то, обозлить васъ, такъ вы мнѣ такого поднесете, что кишки всѣ вымотаетъ!.. Тьфу! И я дуракъ, связался съ бусурманами, да еще съ лѣкарями. Вонъ, у насъ: лѣкарь да аптекарь — хитрѣй цыгана да жида почитаются. Нешто вы правду скажете? Лѣчите ужъ, какъ знаете сами... Не обижу...

— А еще, государь: княгиню-государыню тебѣ лучше на Москву отправить впередъ... Ты замѣтилъ: духъ нехорошій отъ язвы. И все тяжеле онъ будетъ... пока мы не вылечимъ тебя. Хорошо ли, чтобы государыня... Съ царевичами?.. Лучше, право, не быть имъ при тебѣ...

— Самъ понимаю... Самъ о томъ думалъ...

И, подготовивъ понемногу Елену, онъ черезъ двѣ недѣли отослалъ ее съ дѣтьми на Москву, въ сопровожденіи части своей свиты...

Къ этому времени язва, раньше сухая, стала выдѣлять больныя ткани... Окружность ея росла, хотя медленно, но неудержимо.

Больше и спрашивать не сталъ Василій: опасно ли онъ боленъ. Аппетитъ пропалъ... Силы таютъ съ каждымъ днемъ. А нелюбимый братъ Юрій такъ и вьется у постели.

Не выдержалъ Василій.

— Ты бы, брате, къ Дмитрову, къ удѣлу своему поспѣшалъ. Давно, гляди, не былъ тамъ...

— Да я такъ думалъ, братъ-государь, боленъ ты...

— Что-жъ, ты лѣчить меня станешь, али залѣчивать? Такъ, вонъ, у меня своихъ такихъ двое! — указалъ на лѣкарей государь. Морить — куды горазды!..

— Шутить все изволишь, брате-государь... Инъ, не стану супротивничать, поѣду, коли не хочешь видѣть меня. Благослови, братъ-государь, въ путь-дорогу.

— Богъ благословитъ.

Юрій уѣхалъ. Вздохнулъ свободнѣй Василій.

Сейчасъ же тайкомъ, чтобы жена не знала даже, послалъ Мансурова и Путятю Меньшаго въ Москву.

— Вотъ ключи... Въ подвалѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, сундукъ желѣзный... Протопопъ Иванъ знаетъ. А въ сундукѣ — ларецъ... А въ ларцѣ — духовныя грамоты отца и дѣда нашего... Привезите... Видно, пора и свою писать, какъ по старинѣ полагается...

Когда привезли грамоты, долго толковалъ со своими совѣтниками тайными Василій. Была написана и его духовная. Подписалъ ее царь. Пришлось звать и свидѣтелей для подписи. Бѣльскій, Шигоня, Шуйскій и Кубенскій подписались и крестъ цѣловали на томъ, что до сроку — никому ни слова не проронятъ о грамотѣ.

14 ноября — въ тревогѣ, ночью, заглянулъ къ больному другой братъ, Андрей, съ которымъ всегда былъ друженъ Василій.

— Не спишь, государь? Слышу: читаютъ тебѣ псалмы божественные... Я и заглянулъ...

— Радъ, радъ... Не спится теперь по ночамъ. Днемъ — все такъ вотъ и спалъ бы. А ночью — душно, тяжко. Грудь совсѣмъ заложило... Плохо лѣчутъ, проклятые...

— А ты бы другихъ...

— И то... Вонъ, за гетманомъ Яномъ послалъ. Онъ — казакъ. А у нихъ тайныя есть зелья, разныя... Пусть по-

пользуетъ. Онъ много народу на Москвѣ выпользовалъ. Да что ты такой, словно напуганъ?

— Чудо творится, брате... Дождь огненный съ неба.

— Что ты?.. Гдѣ? Въ какой сторонѣ? Какъ бы лѣсовъ да деревень не пожгло... Убытки, гляди, будутъ какіе?!.

— Нѣтъ, братъ-государь, не то чтобы огонь простой... Звѣзды съ неба такъ и сыплются...

— А! ну это не опасно... И много?

— Видимо — невидимо. Да, вотъ, взгляни, пожалуй, государь.

И Андрей поднялъ занавѣсь у окна, оттолкнулъ тяжелый ставень и указалъ больному брату рукой на темное, синее, ночное небо.

Было новолуніе и звѣзды, не затемняемыя мѣсяцемъ, ярко сіяли, переливаясь мерцающимъ блескомъ въ прохладномъ, влажномъ воздухѣ. Полѣвѣй отъ окна, въ южной части неба — происходило нѣчто удивительное. Падали звѣзды. Не изрѣдка, какъ это бываетъ всегда, а блестящимъ, частымъ огненнымъ дождемъ...

Въ глазахъ начинало рябить и пестрѣть, если долго, не отрываясь глядѣть на восхитительное зрѣлище...

Долго смотрѣлъ Василій, то прищуривая, то снова широко раскрывая глаза.

— Пятница нынче?..

— Такъ, государь.

— Завтра — Димитріевская суббота... Понялъ, понялъ...

— Что понялъ, братъ-государь?

— Великая звѣзда скоро съ земной вершины скатится... Туда, въ бездны... Помилуй мя, Господи, по великой милости Твоей...

— Э, братъ-государь, пустое! Оздоровѣешь скоро, вотъ увидишь.

— Ладно. И то хорошо. Прикрой ставень... Полы-то спусти оконныя... Зябну я все... Ну, съ Богомъ, ступай спать, Андрейко. Може и я усну.

И Андрей вышелъ изъ опочивальни...

Словно напророчилъ облегченіе брату Андрей.

На утро громадный стержень вышелъ изъ раны у Василія. Князь словно ожилъ, повеселѣлъ, сталъ надѣяться на выздоровленіе. Лѣкарь-казакъ, гетманъ Янъ, пріѣхавъ, мазями своими и опухоль согналъ съ больной ноги. Не лежитъ она больше такая неподвижная, огромная, какъ прежде, словно бревно, — мѣшая дышать, не давая сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Глубокое воспаленіе, поразившее ткани, разрѣшилось теперь; но части распада остались въ ранѣ и вызвали новую бѣду. Появился «Антоновъ огонь»... Опухоль, еще не совсѣмъ удаленная мазями, медленно стала распадаться. Язва — зіяетъ не маленькимъ устьемъ, какъ раньше, а широкая, черная, страшная... Настоящая «гагрина» (гангрена) съ омертвѣлыми краями, покрытыми сѣрымъ налетомъ. И воздухъ въ покояхъ наполненъ отъ нея тяжелымъ запахомъ тлѣнія!..

— На Москву, на Москву скорѣе! молитъ теперь Василій.

Ясно: спасенья нѣтъ!..

Медленно движется печальный поѣздъ. Василій — въ каптанкѣ ѣдетъ, уложенный на мягкой постели. Повернуться онъ самъ не можетъ. Курлятевъ и Палецкій ѣдутъ съ государемъ, помогаютъ ему.

Вездѣ по пути рыдаютъ люди, узнавъ, кто этотъ умирающій бояринъ, котораго везутъ на Москву.

Скорѣй бы можно добраться туда, да приходится остановки очень частыя и долгія дѣлать. Дороги еще не установились. Какъ осторожно ни ѣдутъ кони, а все потряхиваетъ больного. И онъ мучительно страдаетъ.

Только 21 ноября къ Воробьевымъ горамъ дотащились. Здѣсь два дня пришлось переждать. Митрополитъ Даніилъ къ государю пожаловалъ, помолиться за его здо-

ровье и дать свое благословеніе... И владыка Вассіанъ Топорковъ Коломенскій, другъ царя... И попы, и бояре: Шуйскіе, Воронцовъ Михаилъ, Петръ Головинъ, казначей вѣрный царскій... Слезы, рыданія раздаются... Лекаря прямо всѣхъ попросили уйти и не тревожить больного.

Но самъ Василій удержалъ главныхъ бояръ...

— Мостъ на рѣкѣ строить велите... Тута, вотъ, прямо у спуска съ горъ съ Воробьевыхъ... Къ завтрему ночью— чтобы и готовъ былъ... Ночью я въ Кремль проѣду, чтобы не зналъ никто... Народу тьма кругомъ, послы у насъ ждутъ чужеземные... Негоже будетъ, если днемъ я поплетуся... Дѣла у насъ теперь съ чужими государями немалыя... Посланцы-то ихніе, поганцы,—что воронье, сразу учуютъ: плохъ старый государь! Ваня мой—малъ... И подумаютъ: самая пора пришла поживиться на Руси... Сейчасъ своимъ государямъ отпишутъ: «Собирайте ратныхъ людей. Помираетъ старый государь. Легко можно у юнаго-малолѣтка и у вдовицы-государыни изъ вотчины чего оттягать!..» Знаю я ихъ... Да и свои люди не должны въ гнусѣ такомъ видѣть меня... Такъ пригоняйте, чтобы намъ въ глухую ночь, въ самую полночь Москву миновать, до Кремля доѣхать...

Закипѣла работа на рѣкѣ. Ледъ еще не окрѣпъ. Рубятъ его, наскоро сваи, какъ разъ противъ спуска съ горы, вбиваютъ въ дно рѣчное, балки кладутъ, доски стелютъ... Хоть и не къ субботѣ ночью, но къ воскресенью на разсвѣтѣ—мостъ былъ готовъ.

— Такъ, съ Богомъ, везите меня!—приказалъ Василій, когда ему доложили о томъ.

Скользитъ съ горы тяжелая каптанка, влекомая гусемъ восьмеркой крупныхъ, сытыхъ коней, по два въ рядъ. Передовые вершники туго держатъ возжи. Рынды царскіе, молодые парни, боярскія дѣти и княжата голоусые, по десять человѣкъ съ каждой стороны у каптанки идутъ, поддерживаютъ въ опасныхъ мѣстахъ, на поворотахъ и

косогорахъ. Двое — на передкѣ каптанки сѣли на всякій случай. Заартачится первая пара коней—удержать бы ихъ было кому, окромѣ вершниковъ...

Все шибче и шибче по раскату скользятъ полозья, какъ ни сдерживаютъ возницы могучихъ лошадей. Тѣ ужъ совсѣмъ на заднія ноги осѣли, хвостами снѣгъ метутъ... фыркаютъ, головами мотаютъ. Дивятся, что имъ ходу не даютъ... Вотъ — послѣдній перевалъ. Тамъ, — и на мостъ надо въѣзжать... Дорога здѣсь поровнѣе... Шибче пошли кони, завизжали, заскрипѣли полозья по цѣльному, плотному снѣгу...

Сразу первыхъ четыре могучихъ коня-санника на мостъ вбѣжали, копытами грянули разъ, другой... И только эти первыя двѣ пары оказались на мосту, подальше отъ берега, зашаталось все подъ ними... Одна свая наклонилась, другая за ней...

На-спѣхъ строенный, мостъ — такъ и сталъ валиться на ледъ, увлекая царскихъ лошадей за собой... А за лошадьми — и сани царскія мчатся туда же, въ хаосъ обломковъ, на ледъ, который трещитъ и ломится подъ ударами копытъ тонущихъ коней, опутанныхъ гужами и постромками... Вотъ ужъ не больше полуаршина отдѣляетъ тяжелый возокъ отъ воды...

Въ это самое мгновенье — двое рындъ, съ обѣихъ сторонъ, вынувъ свои ножи, сумѣли обрѣзать гужи у задней пары коней, — а остальная молодежь, напрягая послѣднія силы, прямо на рукахъ успѣла поднять и остановить тяжелый возокъ, нависнувшій слегка надъ водою... Василій видѣлъ всю опасность, но не растерялся.

Онъ ужъ давно готовъ умереть. А, всетаки вздохъ облегченія вырвался у него, когда дверца раскрылась и Курлятевъ, выглянувъ наружу, сказалъ:

— Все слава Богу, государь... Только кони утонули... Не всѣ... Четверо вонъ убѣжали... А четверо — подъ воду пошли.

— Вижу, вижу.. Спаси васъ Богъ, дѣтушки, паренечки, за помощь, да службу вѣрную... Тебѣ, Курбскій, тебѣ, Шереметевъ. Всѣмъ вамъ... Не забуду... А теперь—гдѣ бы намъ перебыть, пока разсудимъ: что теперь начать?...

— Гляди, государь: монастырекъ невеликъ виденъ... Туда не снести-ль тебя?..

— Инъ, ладно... А кто мостъ-то строилъ такой надежный для государя своего?

— Да, ужъ, не гнѣвайся... На-спѣхъ... Прикащики городовые: Митька Волынскій, да татаринъ съ имъ, Ассѣй Хозниковъ... Взыщется съ нихъ, государь, строго взыщется...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Оно всегды такъ: скоро да не споро!.. Морозъ, гдѣ тутъ мосты мостить... Чай, руки зябли на водѣ... Столбы вбивать... Доски стлать оледенѣлыя... Пожури отъ меня обоихъ... А наказывать—не смѣй. Богъ спасъ, Милосердный. Будемъ же и мы милосерды...

— Слушаю, государь! отвѣчаетъ Шигоня, внимая непривычно кроткимъ рѣчамъ господина...

Царя осторожно, на постели на его, къ монастырю недалекому, скромному, такъ на рукахъ рынды и понесли...

Съ самаго утра плохо больному Василію. И тряска въ пути, и волненіе тяжелое унесли остатки силъ этого, могучаго всю свою жизнь человѣка.

— Какъ можешь, княже? осторожно подойдя къ ложу, на которомъ лежитъ, полузакрывъ глаза, великій князь Василь Ивановичъ,— спрашиваетъ ближній его бояринъ и давній другъ и тезка, князь Образцовъ-Симскій-Хабаръ.

Зимній, короткій, но ясный и морозный день совсѣмъ ужъ догорѣлъ.

Въ маленькое, слюдой затянутое, оконце кельи подгороднаго Данилова монастыря, гдѣ сейчасъ лежитъ Василій,— глядитъ пурпурной полосою потухающій закатъ.

Неугасимыя лампады теплятся у иконы... Свѣтецъ на

столѣ не зажженъ еще. Въ покоѣ, низенькомъ, тѣсномъ и бѣдно убранномъ, царитъ полумракъ. Пахнетъ особенно, по-монастырски: сушеными травами, роснымъ ладаномъ, лампаднымъ масломъ... Но все перебиваетъ тяжелый запахъ, который несется отъ лавки, застланной «тюшакомъ» (тюфякомъ).

Сверхъ тюшака—перинка положена, перекрыта бѣлымъ, чистымъ холстомъ. На мягкихъ подушкахъ лежитъ здѣсь больной Василій Ивановичъ, царь московскій, первый принявшій этотъ титулъ.

Поверхъ одѣяла теплаго—шубой на лисьихъ черевахъ накрытъ. А все знобитъ больного. Мысли то просвѣтлѣютъ, то замутятся, словно забытье находитъ на него.

Онъ лежитъ въ одеждѣ. Только исподнее платье на лѣвой ногѣ разрѣзано. Обнаженная больная нога—обвита повязками.

Запахъ тлѣнія отъ язвы, зловѣщій этотъ запахъ, растетъ все и растетъ. Теперь, сдается, онъ проникаетъ даже сквозь деревянныя, ветхія стѣны скитскихъ построекъ и отравляетъ кругомъ—чистый, морозный воздухъ лѣсной.

Самъ больной задыхается отъ этого «тяжкаго духа».

Лицо у него осунулось, помертвѣло, приняло совершенно землистый видъ, губы посинѣли... Десны—вздулись и зубы словно готовы всѣ выпасть изъ своихъ гнѣздъ.

— Страшенъ я? Скажи, Ваня? обратился онъ еще днемъ, задыхаясь отъ усилій, къ Мстиславскому.

— Нѣтъ, княже. Извѣстно: боленъ человѣкъ. А болѣзнь не краситъ. Домой бы тебѣ скорѣй. Дома—и зелья добрыя найдутся, и все... Дома, княже, знаешь: стѣны помогаютъ...

— Да... Домой, домой... Только, ночью... Какъ я сказалъ... Чтобы Ваня, сынъ, не видалъ... Испугается отца... Мнѣ больно станетъ.

— Вѣстимо, государь! отвѣтилъ Мстиславскій и вышелъ распорядиться, чтобы къ ночи носильщики были... И гонцовъ послалъ къ митрополиту, къ Еленѣ.

Люевъ и Феофилъ, между тѣмъ, заявили шепотомъ боярину, что очень плохо царю... Гляди, до утра не доживетъ...

— Такъ, надобно звать всѣхъ на встрѣчу князю... Сыну пусть хотя дастъ свое благословеніе... Развѣ же можно?

И шлетъ во всѣ стороны снова гонцами вершниковъ и дѣтей боярскихъ князь Мстиславскій.

А Хабаръ-Симскій, замѣтивъ, что Василій смежилъ глаза и затихъ совсѣмъ—такъ и встревожился... Неужто умираетъ?.. Нѣтъ, вотъ, снова изъ-подъ тяжелыхъ, медленно-поднявшихся рѣсницъ и вѣкъ проглянулъ тусклый, свинцовый взглядъ недужнаго царя.

И князь Симскій вторично тихонько окликнулъ царя:

— Какъ можется, царь-государь? Не лучше ли тебѣ?..

— Лучше?—вдругъ раскрывъ широко полузакрытые до этого глаза, переспросилъ Василій.—Вѣрно, друже, скоро полегчаетъ мнѣ. Совсѣмъ.

— Что ты, государь? Съ чего взялъ?.. Тебѣ ли, при мощи твоей и годахъ непреклонныхъ, язвы ножной не снести! стараясь ободрить и успокоить больного, убѣдительно заговорилъ воевода.

— Нѣтъ... молчи... Слушай, что скажу... Трудно, вѣдь, и... говорить-то мнѣ, не то что спорить... Прошли споры мои съ вами... съ боярами... Всю, вѣдь, жизнь... какъ отецъ мой еще наказывалъ, не давалъ я воли вамъ. А теперь—буде... Нынѣ отпущаеши...

— Да что ты, княже... И не думай про...

— Говорю молчи... слушай лучше... Сейчасъ—видѣніе мнѣ было...

— Господи прости и помилуй!.. неожиданно вздрогнувъ, произнесъ Хабаръ и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ, чуя, что морозъ пробѣжалъ у него отъ затылка змѣей по спинѣ.—Видѣніе, княже?..

— Да... Удостоилъ Господь... Вы тутъ стоите да шепчетесь съ лѣкарями?.. А я все слышу... Всѣ ваши рѣчи... И вижу, хоть глаза совсѣмъ прикрыты у меня,—а вижу,

какъ въ дверь кельи, вотъ, какъ она заперта сейчасъ, ее не раскрываючи, прошли два инока лучезарныхъ. Только безъ манатей... въ скуфейкахъ домашнихъ... И подошли къ ложу... И узналъ я ихъ... святителей приснoблаженныхъ: Алексія да Петра... И говорятъ одинъ къ другому: «Часъ, что ли?..»—А другой отвѣчаетъ: «Скоро!—говоритъ: прослушаетъ десятую заутреню—и часъ тогда пробьетъ рабу Божьему, князю Василію Іоанновичу... И многогрѣшному... и препрославленному... И вся сія—на дѣтяхъ его... Сказано бо есть: до седьмаго колѣна...» Глядь,—и растаяли въ воздухѣ... И нѣтъ ничего... А ты тутъ пристаешь все: какъ мнѣ можется? Да легче ли? Слышалъ: одиннадцатой заутрени не услыхать ужъ мнѣ... Готовиться надо... Шли еще гонца, слѣдомъ за Мстиславскимъ... Пусть ужъ и сынъ встрѣчаетъ... Не хотѣлось мнѣ пугать младенца... Да пусть ужъ! Теперь—все равно... какъ мертвый я...

— Княже, родимый... Государь милостивый... Греза то была сонная... Что къ сердцу брать? А потомъ, и такъ скажемъ: я тоже—Василій Ивановичъ, хошь и не гоже мнѣ съ государевымъ именемъ равняться. Можетъ, мнѣ и сулили святители... И скоро кончина моя, а не твоя. Я же хошь и немного, а постарше тебя...

— Да и поглупѣе, вотъ, вижу я...—вспылилъ, несмотря на страданія, Василій.—Въ самомъ дѣлѣ, не вздумалъ ли равняться со мной? Какъ же: бояринъ ближній! Да, нешто святители придутъ блаженные о твоей смерти пророчить? Довольно съ тебя будетъ и иной примѣты какой, полегче. Да не толкуй зря... Когда можемъ мы къ городу доспѣть?

— Да съ тобой, княже, часа черезъ полтретья къ Боровицкимъ подойдемъ...

— Ну, такъ берите меня, несите... Потарапливайтесь... Много еще передъ смертнымъ часомъ поговорить да наладить надо...

И, снова закрывъ глаза, Василій умолкъ.

А новый гонецъ—вершникъ, ужъ сломя голову скакалъ

на лучшемъ аргамакѣ въ Москву, упредить обо всемъ великую княгиню Елену и митрополита Даніила.

Часъ спустя изъ воротъ монастыря показался весь княжескій поѣздъ, среди котораго четверо здоровыхъ парней бережно несли широкія, мягкія носилки съ великимъ княземъ и царемъ всея Руси, лежащимъ въ полномъ забытьи. Медленно подвигалось печальное шествіе въ печальныхъ сумеркахъ зимняго дня.

Протяжно, глухо съ другой стороны Кремля въ морозномъ воздухѣ прозвучало и донеслось до Боровицкихъ воротъ девять ударовъ башеннаго часового колокола на Фроловскихъ воротахъ, что нынѣ Спасскія.

Въ это самое время шествіе съ больнымъ княземъ миновало неширокій въ этомъ мѣстѣ, пригородный посадъ и подошло къ Боровицкой башнѣ, ворота которой несмотря на такой неурочный часъ были раскрыты. Подъемный мостъ тоже опущенъ.

Всадники съ факелами, составляющіе свиту больного князя, идутъ тихо, безъ говора, соразмѣряя ходъ коней съ шагомъ носильщиковъ, несущихъ князя; но обитатели посада, собравшіеся было уже на покой, услыхали необычный шумъ, легкій лязгъ оружія, мѣрный топотъ десятка—другого конскихъ копытъ по мерзлому насту зимняго проѣзжаго пути.

Наскоро накинувъ тулупы, иные отмыкаютъ калитки и выбѣгаютъ на улицу поглядѣть: что случилось? Кой-гдѣ выходятъ на улицу оконца избъ и домовъ, затянутыя пузыремъ въ жилищахъ побѣднѣе, или слюдою у тѣхъ, кто богаче. Жаднымъ, пытливымъ взоромъ обладатели подобныхъ оконцевъ приникаютъ къ этимъ отдушинамъ на свѣтъ Божій, теперь полузанесеннымъ снѣгомъ, полуокованнымъ льдомъ. И, напряженно вглядываясь въ ночную тьму, стараются разгадать напуганные посадскіе: что значитъ этотъ

кровавый, зловѣщій свѣтъ факеловъ, которые медленно движутся по дорогѣ, вмѣстѣ съ тѣнями какой-то многочисленной толпы конныхъ и пѣшихъ людей?.. Почему ночью, въ такое непогодное, позднее, необычное время кто-то приближается къ «городскимъ», кремлевскимъ воротамъ. Вѣдь въ крѣпость, какою служитъ для Москвы Кремль,—кромѣ великаго князя, святителя-митрополита да семьи княжой и не пустятъ ночью никого. Кто же эти ночные странники?

И, строя тысячи самыхъ фантастическихъ предположеній, долго не можетъ уснуть въ той окрестности встревоженный посадскій людъ. И никто не рѣшился, конечно, поближе подойти, поглядѣть и разузнать: въ чемъ дѣло? Слишкомъ тревожное время переживаетъ Русь. Каждый боится за себя и дрожитъ за свою шкуру.

У самыхъ воротъ Боровицкихъ, гдѣ широкое мѣсто вдоль стѣны и дальше было совсѣмъ не заселено, пустовало, на случай вражескаго нападенія,—здѣсь тоже виднѣются багровые языки дымныхъ, вѣтромъ колеблемыхъ факеловъ.

Великая княгиня тамъ съ сыномъ, съ митрополитомъ, съ ближними своими ждетъ больного государя.

У княгини глаза распухли отъ слезъ, но она крѣпится, опираясь на руку преданной Аграфены Челядниной, приближенной своей наперсницы и мамки ея первенца, княжича Ивана.

Самого княжича, укутаннаго въ теплую женскую шубейку, — спящаго, несмотря на морозную атмосферу, держитъ на рукахъ мощный красавецъ, братъ Аграфенинъ, князь Иванъ-Овчина, роду Телепневыхъ-Оболенскихъ. Тутъ же и Шигоня, и Михаилъ Глинскій, дядя государыни, и Головины: Иванъ да Димитрій Владимірычи, казначеи большой казны государевой, и многіе другіе.

Тихо, печально стоятъ, ждутъ, пока приблизятся къ нимъ, подходящіе къ стѣнамъ городскимъ, огни и люди княжескаго поѣзда.

Вотъ кругъ свѣта отъ факеловъ, которые несутъ за больнымъ, яркій этотъ кругъ слился на грани своей съ кругомъ свѣта, порождаемаго факелами, которые держатъ въ рукахъ провожатые Елены. Въ сторону, тихо отъѣзжаютъ, словно подплывающіе въ полутьмѣ, всадники, ѣдущіе впереди носилокъ; вотъ и самыя носилки забѣлѣли на свѣту. А на нихъ темнѣетъ вытянутое, мощное тѣло великаго князя.

Живъ ли онъ еще?..

Этотъ вопросъ молніей проносится въ мозгу у всѣхъ.

Очень ужъ онъ неподвижно лежитъ.

О-бокъ съ носилками, держась рукой за ихъ край, словно оберегая больного отъ неожиданныхъ раскачиваній и толчковъ, идетъ съ поникнутой головой воевода Хабаръ-Симскій.

И у него глаза красны. Отъ вѣтру, отъ слезъ ли — кто разберетъ? Благо, не свѣтло очень.

— Живъ? съ надеждой и тоской спрашиваетъ тихо-тихо, почти беззвучно Елена у Симскаго.

А сама вся склонилась надъ носилками, впивается взоромъ въ страшно-измѣненное лицо мужа.

Хабаръ дѣлаетъ ей утвердительный знакъ и въ то же время движеніемъ руки совѣтуетъ сдержаться.

И, глотая, подавляя рыданія, подступающія къ устамъ, Елена дѣлаетъ усиліе, съ улыбкой наклоняется надъ страдальцемъ и шепчетъ:

— Здравъ буди, княже мой любимый. Что съ тобой? Аль въ пути недугу дали разойтися очень?

Но тутъ же она чувствуетъ, что ее всю мутитъ: тяжелый, невыносимо-рѣзкій запахъ тлѣнія ударилъ ей въ лицо. И непроизвольно подноситъ Елена къ лицу руку, стараясь рукавомъ, опушеннаго соболемъ, охабня защитить себя отъ этой одуряющей волны непріятнаго, отталкивающаго запаха.

Но тутъ же, опомнясь, поднимаетъ руку выше и, словно стирая слезы съ глазъ, опять опускаетъ ее.

— А, ты здѣсь, голубка! раскрывая глаза, произнесъ Василій.—Что, узнала? Не испугалась?.. А Ваня? А Юра? Здоровы?..

— Здѣсь Ваня... Вотъ... А Юру—побоялась студить, младенчика...

И княгиня при этомъ указала на спящаго первенца котораго Овчина поднесъ почти къ самымъ носилкамъ.

Василій зашевелилъ ослабѣвшей рукою. Елена поняла движеніе, подхватила руку мужа, цѣлуя ее на пути, и возложила на головку спящему княжичу.

— Да благословитъ тебя Господь, сынъ мой первородный, княжити и володѣти на многая лѣта.

— Многая лѣта!.. словно гулкое, но негромкое эхо, подхватили всѣ стоящіе вокругъ!

— Здѣсь ли отецъ митрополитъ?

Митрополитъ Даніилъ выступилъ впередъ, ярко озаряемый краснымъ огнемъ факеловъ, весь черный, съ бѣлымъ своимъ клобукомъ на головѣ, съ пастырскимъ, раздвоеннымъ сверху посохомъ въ рукѣ, съ четками на другой.

— Благослови, владыко! стараясь, лежа, склонить голову къ груди, произнесъ Василій.

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго, симъ животворящимъ Крестомъ благословляю тя, чадо, на тѣлесное оздоровленіе и во искупленіе всѣхъ грѣховъ...

И, принявъ крестъ изъ рукъ у стоявшаго рядомъ архіерея, онъ осѣнилъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ больного.

— Аминь... опять зарокотало людское эхо...

— Вотъ, спаси тебя Господь... Сразу словно легче стало... Чую, теперь доживу до утра... Увижу еще разъ солнце красное... пролепеталъ Василій. А я, было, боялся...

Княжичъ Иванъ въ это самое мгновеніе проснулся и отъ холода, проникавшаго къ нему за шейку, и отъ людского говора. Вѣдь у него въ опочивальнѣ тихо такъ ночью... Только и слышно: свѣтильни въ лампадахъ по-

трескиваютъ, да самъ онъ ровно, тихо дышетъ... А тутъ— совсѣмъ другое...

Оглянулся-испугался... уже заплакать готовъ... Вдругъ увидалъ отца... Хотя и не часто и не подолгу приходилось занятому государю пестовать первенца, но любили они очень другъ друга. И сразу рванулся княжичъ Иванъ къ отцу...

— Тятя!..

Осторожно приблизилъ Овчина ребенка къ лицу Василія. Пока тотъ пересохшими губами прикоснулся къ волосамъ своего первенца, ребенокъ разглядѣлъ страшную перемѣну, происшедшую съ княземъ, сразу отшатнулся отъ отца, оглянулся, увидалъ мамку Челяднину и такъ рванулся къ ней, что чуть не выпустилъ его изъ рукъ князь Овчина.

— Мамка... мамушка... боюсь... Страшный тятя какой!.. И зарыдалъ ребенокъ.

Быстро схватила Аграфена Челяднина на руки питомца, нѣжно прижала его къ груди, стала пестовать, утѣшать и шептать:

— Помолчи, милый, желанный мой... Не надо... грѣхъ такъ... Боленъ тятя... Богу молиться надо... чтобы выздоровѣлъ... Вотъ такъ! Сложи ручки и скажи: Отче нашъ...

Ребенокъ понемногу утихъ и быстро снова заснулъ.

Великій князь, въ душѣ котораго больно отозвался искренній возгласъ неразумнаго ребенка, вздрогнулъ было, но осилилъ себя и снова заговорилъ:

— Агра-фена... помни... слушай, о чемъ въ мой смертный часъ прошу и наказываю тебѣ... Богомъ клянись... и святымъ Распятіемъ Его... И безгрѣшной кровью Христовой: беречи и холити младенца, наслѣдника моего... На пядь единую не отойти отъ него... Душу свою и себя загубить, смерти себя предать... но его отъ всякаго лиха хранить и беречи... Клянешься ли?

— Клянусь и крестъ на томъ цѣлую!—положивъ руку

на крестъ, протянутый Даніиломъ, а затѣмъ и прикладываясь къ святынѣ, громко поклялась мамка, и такъ безъ ума любившая своего выкормка.

— Ладно. Вѣрю. А вы, бояре, ближніе, синклиты, стратиги и други мои... всѣ клянитесь и крестъ цѣлуйте на царство сыну моему первенцу, великому князю и царю всея Руси, Ивану Васильевичу...

— Клянемся и крестъ святой цѣлуемъ на вѣрность и царство великому князю и царю всея Руси, Ивану Васильевичу!—опять зарокотало людское эхо.

— А удѣлъ Юрія и прочее по царству какъ быть—о томъ воля моя писана... И княгиня великая опекой и обороной сыну моему до его лѣтъ пятнадцати... Клянитесь въ томъ же...—съ послѣдними усиліями произнесъ Василій.

Повторно зарокотали глухіе голоса слова присяги.

— Ладно. Крѣпко теперь будетъ. Братьевъ,—распрю какую затѣвать съ княгиней и съ княжичемъ, али до спору не допускайте. Имъ—своего довольно... Тебѣ, князь Михайло Глинскій... Тебѣ, Шигоня... И тебѣ, Иванъ Юрьичъ, какъ набольшіе вы,—съ докладомъ по дѣламъ царскимъ ко княгинѣ ходить... Пока самъ царь въ свое государево дѣло не вступится... Вотъ и все пока... А теперь въ теремъ... въ палаты несите меня...

И, окончательно обезсилѣвъ, Василій замолкъ.

Дрогнули носилки... Покрылись, обнаженныя, было, во время присяги, головы... Колыхнулись конные... Двинулись пѣшіе... Теперь уже по обѣ стороны носилокъ идутъ провожатые: справа—Симскій-Хабаръ, Шигоня, Михаилъ Глинскій, Юрьевъ Михаилъ.

Слѣва—княгиня сама... Овчина позади нея... Головины тутъ же...

Аграфена съ царевичемъ новоставленнымъ, такъ и не проснувшимся, въ сани крытыя сѣла и скорѣе во дворецъ поѣхала.

Гулко въ морозномъ воздухѣ пронесся одинъ ударъ съ Фроловской далекой башни. Полчаса всего прошло. А какъ много за это время совершилось: новый царь, Иванъ Четвертый, Грозный по прозванью, въ грядущемъ,— данъ русской землѣ.

Десять дней въ борьбѣ со смертію мучится Василій. Настало 3-е декабря. Съ утра у постели больного великаго князя, по его желанію, въ большой палатѣ—собрался весь синклитъ боярскій, думскіе и приказные и служилые воеводы и митрополитъ, а съ нимъ духовенство знатное, высшее... И всѣ близкіе: братья, дядья, другіе родичи царя... Полна палата... Окна, несмотря на морозъ сильный, настежь раскрыты, ради духа тяжелаго, что отъ больной ноги идетъ.

День въ приказаніяхъ, въ увѣщаніяхъ да въ присягѣ прошелъ.

Ежечасно омовенія и перевязки цѣлебныя дѣлаютъ теперь врачи... И ножемъ рѣзали язву... И огнемъ прижигали, каленымъ желѣзомъ... И острыми кислотами жгли— все напрасно. Поздно! Первые дни, въ лѣсахъ, безъ хорошей помощи — все дѣло сгубили. Кровь ужъ загорѣлась. По всему тѣлу пошли темныя пятна, — признаки тлѣнія заживо... Гдѣ подъ кожей жилы бѣгутъ — такъ и видно тамъ омертвѣніе... Поздно.

Василій это сознаетъ, но спокоенъ. На видъ, по крайности. Дѣлаетъ свои распоряженія. Заставилъ братьевъ и бояръ и воеводъ присягу сыну Ивану повторить... Княжича въ покой привели. Къ себѣ его царь поднести приказалъ. Поднявшись съ трудомъ, благословилъ его на царство крестомъ Петра-Чудотворца и крестомъ Мономашьимъ, для котораго взятъ кусокъ отъ Древа Господня.

— Буди на тебѣ и дѣтяхъ твоихъ милость Божія изъ рода въ родъ, святые два креста да принесутъ тебѣ на вра-

говъ одолѣніе... И всѣ кресты, и царства, и державы мои — тебѣ сынъ мой и наслѣдникъ отдаю!..

Увели ребенка.

Духовенство готовитъ посвященіе во схиму умирающаго государя.

У ложа его — братья теперь остались, великая княгиня Елена, и бояре ближніе.

— Сына старшаго благословилъ ты, государь. Благослови же Юрія! — горячо проситъ великая княгиня: — челомъ тебѣ бью о томъ, государь!..

Небольшимъ удѣломъ: Угличемъ и Полемъ, двумя городами всего, благословилъ малютку Василій. Не любитъ онъ Юрія.

Рыдаетъ растроганная Елена, сдерживая вопли. Но государь словно и не слышитъ ничего. Молитъ и заклинаетъ обоихъ братьевъ слабымъ, рвущимся голосомъ:

— Братія, храните свято присягу великую... Не зовите бѣды на Русь... на самихъ себя! Вспомните времена Шемяки окаяннаго... Недавно еще бывало все!.. По правдѣ каждый—своимъ володѣй и въ чужое не вступайся... Такова правда Божія. Ежели и грѣшилъ я въ томъ, тяжко Милосердый теперь караетъ меня. Его Святая воля.

— Полно, брате! Клялись вѣдь мы! успокаиваютъ его братья.

— Инъ, ладно... Вѣрю вамъ... А ты бы, князь Михайло Глинскій, передохнувъ немного сказалъ онъ, обращаясь къ дядѣ Елениному: ты за моего сына, великаго князя Ивана, за мою княгиню — родную тебѣ... и за сына моего, княжича Юрія — кровь бы свою пролилъ!.. Тѣло бы свое на раздробленье далъ...

Поникнулъ молча головой старый Глинскій.

— Слушай, жена... Перестань... — обращаясь къ женѣ и боярамъ, продолжалъ князь: — Дѣло буду говорить... Успѣешь наплакаться на поминкахъ еще... Бояръ береги, слушай совѣтовъ ихъ — и они тебя оберегутъ. Сама своего

ума не теряй, что́ на пользу Ванѣ увидишь. А все же совѣтовъ проси... Городъ я укрѣпилъ... На половину дубовымъ отъ батюшки принялъ, бѣлокаменнымъ его сыну сдаю. Сама покуда,—и онъ потомъ,—мастеровъ заморскихъ вы къ себѣ маните, крѣпите и украшайте городъ... Да и посады тожъ... Особливо торговый. Торговыми людьми, какъ и ратными, земля крѣпка. Эхъ, рано смерть идетъ... Задумано—почато дѣло у меня... Стѣны, тамъ кругъ посадовъ, какъ и кругъ города,—такія-жъ поставити... Шигоня, ты знаешь... Митя...—обращаясь къ Головину, сказалъ онъ:—у тебя столбцы всѣ: сколько на что серебра потребно... Скажешь... А то бы никто на свѣтѣ Москвѣ не страшенъ былъ за четверной каменной стѣной, за молитвами угодниковъ Божіихъ... Да и звонницу мою новую, великую, что въ прошлый годъ я закладалъ,—довершите... на поминъ души моей... Колокола тамо есть знатные... Вонъ, Фрязинскій въ полъ-тыщи пудъ... Да въ тыщу пудъ его-же... Недаромъ пусть нашъ градъ стольный, аки третій и непреходящій во вѣки, царственный градъ Римъ, ото всѣхъ странъ, ото всѣхъ народовъ православныхъ почитается... Выростетъ сынъ—попомните ему эти слова мои... Да, на́ «берегъ...» на́ «берегъ царства *), на Оку,—добрыхъ воеводъ посылать... И сторожу... Да... еще...

Но тутъ забытье овладѣло больнымъ... Елену съ дѣтьми увели... Пора посхимить умирающаго. Явились попы и митрополитъ для свершенія обряда. Всю ночь они такъ и не уходятъ изъ дворца. Принесли переманашку, рясу... Возложили на Василія... Творятъ молебны.

Уже началось моленіе, когда Василій очнулся... У него евангеліе и схима на груди. Радъ государь!.. Умретъ инокомъ.

— Время сколько? спросилъ онъ.

---

*) Ока, пограничная со степью кочевой, рѣка звалась «берегомъ» русскаго царства.

— Четвертый скоро! отвѣчалъ кто-то. Гляди, къ заутренямъ скоро ударятъ.

— А... Нынѣ отпущаеши!.. Одиннадцатой заутрени не услышу я...—залепеталъ слабѣющими устами Василій.

Перекреститься хочетъ—рука отнялась... Шигоня поднялъ ему руку и Василій перекрестился.

Черезъ полчаса его не стало.

Пока плакальщицы и богомолки выли и голосили, чуть княгиню не потревожили, на мигъ уснувшую,—въ это время митрополитъ самъ омылъ тѣло царя и, облачивъ, уложили Василія на возвышеніи въ соборѣ. Подъ заунывный звонъ колоколовъ еще до разсвѣта потянулся народъ безъ конца къ соборному храму Пречистыя Богородицы, что въ Кремлѣ.

Здѣсь же, на площади, какъ разноцвѣтныя волны, колебались утромъ, 4 декабря, ряды полковъ княжихъ, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ. Бѣлое знамя передовому полку—и хоругвь бѣлая... А тамъ—и зеленыя, и пурпурныя, и лазореваго цвѣта хоругви и кафтаны, колпаки блестящіе... На хоругвяхъ—и иконы, чудно вышитыя, и орелъ византійскій, приданое Софіи Палеологовны, матери Василія Ивановича... И драконы огнистые, и всякія страшила... Стройно подходятъ и ровняются полки...

Рынды въ соборъ прошли, словно снѣгомъ блестящимъ облиты, въ кафтанахъ парчевыхъ, бѣлыхъ, съ топориками...

На царское мѣсто, на помостъ пурпурный, постановилъ митрополитъ младенца Ивана Васильевича. Стоитъ онъ, личикомъ побѣлѣлъ, глаза темные—широко раскрыты, словно въ испугѣ. Все на мать, да на мамку Аграфену оглядывается... Тутъ же обѣ стоятъ... Киваютъ ему, улыбаются, чтобы не плакалъ... А у самихъ слезы въ глазахъ.

Подходитъ митрополитъ... Причтъ весь соборный и кремлевскій главный—тутъ же... Бояре... христіане православ-

ные... Торжественно осѣняетъ митрополитъ Даніилъ крестомъ младенца-царя и произноситъ громко, раздѣльно:

— Богъ, Держатель міра, благословляетъ Своей милостью тебя, по волѣ родителя усопшаго твоего, — государь, князь великій Иванъ Васильевичъ, володимірскій, московскій, новгородскій, псковской, тверской, югорскій, пермскій, болгарскій, смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! Добръ-здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего.

И онъ приложилъ холодный крестъ къ пунцовымъ, горячимъ губкамъ ребенка.

Въ то же мгновеніе многоголосый, стройный хоръ грянулъ, словно сонмъ ангеловъ: «Многая лѣта»... Къ дѣтскимъ звонкимъ голосамъ присоединились гудящія октавы басовъ... Стекла задрожали, огни замерцали въ паникадилахъ...

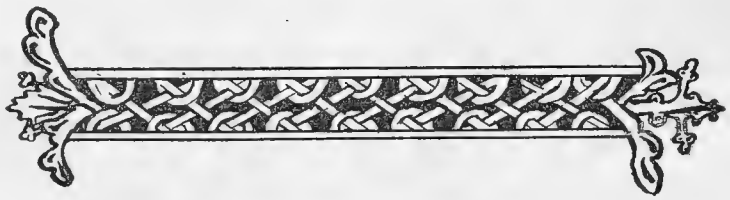
Царь-ребенокъ окончательно растерялся... А тутъ безконечной вереницей потянулись мимо разные люди, все такіе нарядные, въ парчѣ да въ рытомъ бархатѣ... И здравствуютъ ему на царствѣ... Челомъ бьютъ, руку цѣлуютъ... И складываютъ къ его ногамъ и мѣха, и сосуды кованые, и ларцы, и одежды богатыя... Кто что можетъ. Еле успѣваютъ прислужники уносить вороха мѣховъ и груды драгоцѣнныхъ вещей... Ужъ ребенокъ еле стоитъ... Великая княгиня тутъ же... И Аграфена-мамушка... И Овчина, котораго онъ такъ любитъ... Сталъ бояринъ передъ нимъ, сбоку немного, на колѣни, словно поддерживаетъ царя... А самъ, попросту — посадилъ его къ себѣ на колѣно. Теперь легче, удобнѣй Ивану... Только усталъ ребенокъ... Отъ массы впечатлѣній, красокъ и лицъ, отъ огней яркихъ въ глазахъ рябитъ, они слипаются.

— Не спи, постой еще, миленькій... Недолго ужъ... говоритъ ему мать.

— Погоди, желанный... Не спи... Вотъ, леденчикъ!.. шепчетъ мамка Аграфена и суетъ что-то въ руку...

Но онъ уже дремлетъ на колѣняхъ у дяди Вани, склонясь головкой къ широкой груди его...

А изъ воротъ Москвы первопрестольной, третьяго Рима названнаго, скачутъ во всѣ стороны царства гонцы и бирючи: присягу отбирать да и кличъ кликать, что воцарился на Руси великій князь и царь ея, Иванъ четвертый по ряду, Васильевичъ отчествомъ, Грозный по прозванью въ грядущемъ.



Первые дни на тронѣ.

(Годъ 7044-й [1536], 9 генваря *).

У юнаго царя Ивана, въ Столовой палатѣ — боярскій совѣтъ собрался: о казанскихъ дѣлахъ ряда идетъ.

Недобрыя вѣсти изъ Казани пришли. Джанъ-Алиханъ, сынъ Кассаевъ, вѣрный другъ и подручникъ царей московскихъ, — убитъ.

Крымчакъ, Сафа-Гирей, завѣдомый и давній врагъ Руси, братъ, еще раньше сверженнаго нами, хана Казанскаго, Магометъ-Амина, занялъ престолъ. Значитъ, по веснѣ жди ужъ если не войны, такъ разбою съ той стороны, съ Булака, да съ Казанки-рѣки. Плохая рѣчушка, сиротская, а столько изъ за нея русской крови пролито и татарской, что можно бы всю ее полнымъ-полно налить, да еще и прольется не мало!

Первыя вѣсти о дѣлахъ казанскихъ изъ Касимова-городка пришли. Недаромъ цари московскіе, великіе князья и хозяева всей Руси, поставили Касимовъ-городокъ, словно на стражѣ, на самомъ «берегу» царства, на Окѣ-рѣкѣ, въ Мещерской землѣ.

«Воронъ ворону глазъ не клюетъ!» говоритъ пословица. Да, только къ татарину оно не относится. Самые лютые враги они другъ другу.

---

*) Царствен. Книга. — Вельяминовъ-Зерновъ: «Касимовское царство» — Забѣлинъ: «Бытъ русскихъ царей и царицъ». — «Дѣла Крымскія», № 8-й.

Улусъ — съ улусомъ, бекъ — съ бекомъ враждуютъ. А ханы и султаны не то своихъ же подданныхъ, простыхъ татаръ,— братьевъ и сестеръ родныхъ, отца и мать рѣжутъ, если приходится за богатство, за власть поспорить.

«Око за око!» — вотъ ихъ законъ. Кровавая, родовая месть такъ страшитъ каждаго, что, убивъ одного человѣка изъ рода, властитель торопится убить, извести весь родъ, до послѣдняго зерна, опасаясь отмщенія.

Если же пощадитъ кого, самъ потомъ покается.

Это испыталъ и ханъ Еналей, какъ называли попросту хана Джанъ-Али на Москвѣ.

Какъ только вѣсти о казанскихъ дѣлахъ дошли до родственнаго Казани Касимова, сейчасъ же свѣдала о нихъ и Москва, осенью 1535 года, когда убили Еналея.

Много отъ Москвы въ Касимовѣ тайныхъ и явныхъ слугъ, дьяковъ, приставовъ... И ратныхъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ не мало. Но первую вѣсть подалъ татаринъ-касимовецъ, Юнусъ-Бекъ, одинъ изъ ближнихъ совѣтниковъ царька касимовскаго, хана Шахъ-Али, Нуръ-Девлетова сына.

— Нельзя, надо поторопиться!.. подумалъ Юнусъ.— Русскія деньги — хорошія деньги! А тутъ ихъ можно безъ крови много получить!..

И самъ поскакалъ, налегкѣ, татаринъ.

Еще за нимъ потомъ вѣстовщики отправились по знакомой, широкой дорогѣ къ Волоку-Ламскому...

Да Юнусъ-Бекъ бывалый старикъ. Первый поспѣлъ.

И прямо, зналъ куда кинуться, къ Ивану Ѳедоровичу къ Овчинѣ-Оболенскихъ пришелъ.

— Важнай дѣло есть! въ поясъ поклонившись боярину, объявилъ Юнусъ хотя и ломанымъ, но понятнымъ русскимъ языкомъ.

Много лѣтъ съ Москвой водясь, денежки русскія получая, и говору русскому выучился татаринъ.

— Говори: какое важное дѣло?.. поглаживая бороду, спросилъ красавецъ-бояринъ.

— Четыре пятницъ нѣтъ, какъ Джанъ-Али хану въ Казанъ «секимъ башка» дѣлали, какъ баранъ рѣзали!

— Еналея убили? Врешь, Юнуска! Быть того не можетъ! Какъ же? А наши стрѣльцы?.. Пищальники? Они чего глядѣли?.. Отчего вѣстей нѣтъ?..

— Никакой вѣсти не будитъ! Харашо дѣла дѣлали! Самъ ханъ виноватъ! Магметъ-Амина-хана сестру, Арзадъ-салтанэ, живою оставилъ... Сумѣла баба обойти хана!.. Она все и устроилъ!.. Ночью, патихонька иму горла рѣзалъ, никто не слихалъ... И всѣхъ тваихъ казаковъ захватилъ... Напаилъ ихъ харашо!.. Буза давалъ... Кумишка давалъ... Типерь — ани въ ямѣ сидятъ... Выручать ихъ придется...

— Да ты же откуда узналъ? Кто помогалъ хитрой твари? Не сама же она, царевна эта, ваша?.. Горшадка, самая?

— Ну, канечно, не самъ... Баба только за братъ свой помстила. Законъ у насъ такой. А самъ баба на ханство ни можетъ садится... Изъ Крымъ — Сафа-Гирей султанъ близко Казанъ сидѣлъ, слово одно ждалъ... Онъ типерь ханъ казанскій сталъ. Ему Арзадъ-салтанэ вѣсти прислалъ...

— Крымчакъ Сафа?.. Гм, для насъ — это не очень гоже... Ну, да пождемъ: какія еще вѣсти будутъ. А тебѣ — за вѣрную службу спасибо, Юнусъ! Царскаго жалованья, великокняжескаго, жди себѣ за правду и дружбу крѣпкую...

И, отпустивъ Юнуса, князь Телепневъ-Овчина прошелъ къ правительницѣ.

Выслушавъ его, она задумалась.

— Къ добру или къ худу оно для князя нашего малаго? Скорѣй къ худу; какъ думаешь, Ваня?

— Нѣтъ худа безъ добра, княгинюшка. Не наша то бѣда, чужая... Авось ее руками разведемъ!.. Есть у меня догадка одна... Да еще соберемъ нашихъ бояръ. Что сѣдыя бороды скажутъ?..

— Да, надо побесѣдовать... Покойникъ мой говаривалъ: «на татарина — два татарина высылай, пусть грызутся, а

намъ — барышъ»... И всегда по его слову бывало. Поглядимъ, что нынѣ станется?.. А я, правду молвить тебѣ, больно за сына боюсь... Поневолѣ старикъ вспоминается... Онъ ужъ всю повадку государскую знавалъ. Что намъ теперь и боярамъ приходится думу думать, а онъ, бывало, утромъ всталъ и говоритъ мнѣ порой: «Аленушка, помнишь: дѣло вчерась меня досадило мудреное... А я во снѣ и надумалъ: какъ съ нимъ быть... Да почище совѣту Шигонину!» И правда: такъ все разсудитъ, что и бояре диву даются. Такъ какъ же, свѣтъ ты мой Ваня, такого хозяина не вспомнить! Не въ любви тутъ дѣло... Самъ ты знаешь...

Послѣ этихъ словъ, уже порасправивъ брови, вышелъ главный бояринъ, — думу на совѣтъ созывать велѣлъ.

Первая дума была — вѣстей ждать побольше, повѣрнѣе.

И, правда, вѣсти скоро пришли.

Съ самой Волги, отъ Казани казаки подъѣхали, изъ стражи Джанъ-Аліевой, тѣ, которымъ убѣжать привелось.

Еще татары городецкіе, касимовскіе пришли...

И вѣсти привезли не плохія. Можетъ, правда, худа безъ добра не будетъ... «Лишняя свара въ Казани — лишняя свая въ Москвѣ!..» Не мимо говорится это слово.

Не всѣ беки, уздени и другіе улусники пристали къ царевичу крымскому, сѣвшему на тронъ.

Половина почти царства, половина юрта Казанскаго отдѣлилась. Инымъ дороги были «поминки», — подарочки богатые московскіе, которыми награждали щедро великіе князья своихъ сторонниковъ, иные — изъ кровной и помѣстной вражды не хотѣли мириться съ новымъ ханомъ и его новыми приближенными людьми.

— Пріѣзжали къ намъ, говорилъ одинъ сѣдой, чубатый казакъ съ Вольскаго городища: — пріѣзжали казанскіе люди, знатные и простые... И «бики», князья ихніе... И просто мурзы, люди ратные, не черной породы, а получше которы... Всѣхъ — человѣкъ шестьдесятъ прискакивало.

Говорятъ: «Дома еще такихъ нашихъ болѣ, чѣмъ четыре сотни, своей поры да времени ждутъ... Не хотимъ Сафая... Чужакъ онъ... Вотъ, имена свои сказываемъ и рукобитье Москвѣ даемъ и князю вашему великому, Ивану Васильеву. У него живъ, мы слыхали, братъ Аналеевъ, Шигалей!.. Пусть того царевича прирожденнаго, казанскаго, намъ на ханство вернетъ... А Сафая, Крымчака — не надобно!»

— Про присягу еще говорили, про жалованье господарское, какое имъ шло отъ покойнаго князя господина Василія Ивановича. И отъ нашего княжати Ивана Василича, милостью Божіей... Видимо, не врутъ татарове, вправду Шигалея хотятъ... Вотъ еще что мнѣ сказать велѣли мурзы и бики: «Знаемъ мы: вина — измѣна на Шигалеѣ супротивъ Москвы великая. Да пусть государь бы хана нашего пожаловалъ, вины ему простилъ, на Москву бы къ себѣ изъ мѣста ссыльнаго быть повелѣлъ! Тогда всѣ мы, и съ родичами—за него, за Шигалея, станемъ, вонъ изъ Казани Крымчака погонимъ!..» Вотъ, бояре, какъ мурзы да посланцы намъ ихніе сказывали и перенесть вамъ велѣли! — закончилъ свои рѣчи старый казакъ, умолкъ и сталъ степенно гладить сѣдой усъ, ожидая, что ему дальше скажутъ.

Отпустили его. Онъ поклонился и вонъ пошелъ.

Дальнѣйшія всѣ вѣсти на одно сходились. Посланцы и свои, и татарскіе одинаково подтверждали, что полцарства за Шахъ-Али стоитъ.

Потолковали старшіе бояре: Мстиславскіе, Глинскіе, Бѣльскіе и Шуйскіе тутъ же.

Позвали и царевича казанскаго крещенаго Петра Абрамовича, или Худайкулу Кайбуловича, какъ его до крещенья звали.

Крестилъ Петра Василій Ивановичъ, великій князь, да женилъ на сестрѣ родной, на Евдокіи... И не было слуги другого вѣрнѣе у Москвы, чѣмъ царевичъ этотъ казанскій, Петръ Абрамовичъ... Братъ его, Шахъ-Али, забывалъ

порой милости русскія, измѣняя, дѣлалъ по своему, или какъ учили его татаре.

А Петръ только о благѣ Москвы и думалъ. И такъ вѣрилъ ему Василій, что, уходя въ 1522 году на войну, Петра вмѣсто себя правителемъ на Москвѣ поставилъ, власть ему свою сдалъ надъ царствомъ надо всѣмъ!..

Подумалъ Петръ, покачалъ головой и сказалъ:

— Правду мурзы и беки говорятъ. Вся ихъ надежда на брата, Шахъ-Али. Я вотъ по именамъ ихнимъ вижу: все такіе улусники брата зовутъ, которыхъ Сафа-Гирей не потерпитъ, которые съ нимъ хлѣба не вкусятъ, кумысу пить не станутъ!.. Надо брата звать изъ Бѣлоозера... Не для него — для Москвы, для князя великаго на пользу. Шахъ-Али въ Москвѣ будетъ, — большую опору тогда всѣ въ Казани получатъ, кто противъ Сафа-Гирея стоитъ. А бояться Москвѣ Шахъ-Алея теперь нечего. Онъ теперь видѣлъ, какъ Москва сильна! Побоится впередъ лукавымъ обычаемъ жить... Вотъ мой совѣтъ.

Подумали бояре и согласились:

— Самая пора новый уголекъ подъ казанскія стѣны подложить. Съ Литвой война ослабѣла... Саинъ-Гирей крымскій съ турскимъ салтаномъ тягается; съ Исламъ-Гиреемъ, братомъ своимъ, тоже споръ ведетъ, не будетъ у него много силы любимаго брата, Сафа-Гирея, на Казани подпереть! А мы тутъ Шехалея и натравимъ на Крымчака!.. Пусть грызутся... Двое грызутся—третьему корысть, старое слово сказано.

Въ декабрѣ ужъ Шахъ-Али былъ переведенъ изъ Бѣлоозерскаго своего заточенья въ Москву.

Билъ челомъ малолѣтнему князю прощеный измѣнникъ, Шахъ-Али-ханъ, принятъ, обласканъ былъ.

Уходя сталъ просить:

— Государь великій князь! Позволь увидѣть очи свѣтлыя княгини матушки твоей! И мнѣ, и царицѣ Фотимѣ, главной кадинѣ, женѣ моей!..

Заморгалъ глазками ребенокъ-царь, когда услыхалъ просьбу. Все заранѣ ему растолковали: какъ принять толстаго этого татарина, какъ здороваться, гдѣ посадить, что сказать.

А про матушку ничего не сказано.

— Матушку повидать? Княгиню великую?.. переспросилъ онъ и запнулся. Знаетъ, что каждое его слово важную силу имѣетъ и нельзя слова зря промолвить.

Шесть лѣтъ — седьмой годокъ пошелъ великому князю. Рослый, смышленый онъ. А теперь втупикъ сталъ.

Зато Овчина, Иванъ Ѳедоровичъ, тутъ какъ тутъ. Перешепнулся онъ съ кѣмъ слѣдъ и шепчетъ царю Ивану малолѣтнему:

— Ты бы, государь, пожаловалъ, сказалъ царю Шехалею, что матушку нынче-жъ спросишь... Какъ ея воля и обычай господарскій будетъ.

— Какъ матушкина воля и обычай господарскій будетъ!.. звонкимъ голосомъ повторилъ Иванъ-царь. А я нынче-жъ матушку, княгиню великую, поспрошаю, а на чести — спасибо! — отъ себя ужъ добавилъ мальчикъ. — Прости, братъ нашъ, царь Шехалей! Иди съ Богомъ!.. А жалуемъ мы тебя на прибытьи еще шубой съ нашего плеча!..

И отпустилъ Шахъ-Али-Хана на подворье, гдѣ тотъ былъ помѣщенъ со всей его челядью.

Было это 7-го декабря. 10-го Елена съ боярами совѣтъ держала.

— А что-же, княгиня-матушка: хоть и не въ обычаѣ княгинюшкамъ у насъ бояръ да царей принимать, да нашъ-то царь, гляди, какъ ни разуменъ, а больно юнъ еще, продли Господь ему лѣтъ и здоровья!.. Ты у насъ всему дѣлу голова, словно матка въ ульѣ... Тебѣ и царя Шехалея принять вмѣстно!. И кидыню его, Фотьму-царицу. Особливо, если добрыя вѣсти для хана изъ Казани будутъ. Еще малость пождемъ: до новыхъ вѣстей.

Эти вѣсти скоро пришли. И черезъ мѣсяцъ, 9-го января 1536 года, состоялся пріемъ.

Съ полуночи почти начались сборы, приборы да возня на половинѣ у княгини великой.

Кажется, все чисто да хорошо, да богато.

Нѣтъ, еще чего-то не хватаетъ... Да не забыто-ль что изъ кушанья, да изъ поминковъ... да по обиходу? Ближнія боярыни просто съ ногъ сбились. Сами себя подхлестываютъ:

— Татарская царица въ гости припожалуетъ, Фотьма Казанская. У себя, поди, на сальныхъ тахатахъ валяется... А тутъ все повысмотритъ. Потомъ на Казани пересмѣивать будетъ; скажетъ: «Ай да боярыни московскія! Княгинѣ великой служить не умѣютъ!»

И съ ногъ просто сбились бѣдныя, чтобы лицомъ въ грязь передъ татаркой не ударить!

Рано, еще едва брезжило по зимнему времени, только ранняя обѣдня отошла, вершники подскакали къ крыльцу.

— Царь пресвѣтлый казанскій Шехалей къ ея царскому здоровью, великой княгинѣ Еленѣ, на поклонъ жалуетъ.

Все зашевелилось въ новомъ обширномъ дворцѣ, недавно еще покойнымъ государемъ Василіемъ отстроенномъ.

Люди высыпали на крыльцо и у крыльца сгрудились.

Впереди всѣхъ, въ высокихъ шапкахъ, въ шубахъ дорогихъ, съ посохами въ рукахъ — два боярина наибольшихъ: первымъ князь Василь Васильевичъ Шуйскій, что на двоюродной сестрѣ самого царя Ивана женатъ, на Настасьѣ, дочери Петра Абрамовича, и вторымъ, конечно, самъ Иванъ Ѳедорычъ Овчина Телепень-Оболенскій. Два думныхъ дьяка за ними стоятъ, важные, толстые. Только зорко вокругъ поглядываютъ: нѣтъ-ли гдѣ безпорядка, нестроенія?

Но все хорошо.

Стража стоитъ въ рядъ... Народу немного, а все-таки собралась толпа постепенно.

Кто изъ церкви идетъ, кто на рынокъ спѣшитъ... И останавливаются. Особливо бабы. А иные нарочно пришли. Услыхали отъ кого изъ дворцовыхъ, что нынче казанскій царь матушкѣ великой княгинѣ пріѣдетъ челомъ бить, да потомъ и жонка его... Вотъ и собрались, стоятъ чинно поодаль отъ крыльца, ждутъ-дожидаются. Только руками похлопываютъ, съ ноги на ногу перескакиваютъ: морозецъ утромъ больно лютъ!

Вотъ, окруженныя мурзаками и казаками, показались сани большія, широкія, коврами и мѣхами устланныя; въ саняхъ важно такъ сидитъ, величается нареченный казанскій царь.

Дрогнула толпа!.. Впередъ всѣ подались: каждому поближе на татарина взглянуть хочется.

Съ бердышами, съ пищалями стражники, разставленные у самаго крыльца, осаживаютъ народъ, не даютъ порядка нарушить.

Остановились сани. Съ трудомъ вылазитъ изъ нихъ Шахъ-Али. Высокій, грузный, хоть и не старъ еще, а медлителенъ, лѣнивъ въ каждомъ движеніи...

Отвѣсивъ поясные поклоны по уставу, Шуйскій и Овчина приняли царя:

— Миръ тебѣ, господине, царь казанскій Шахалей!.. Въ часъ благой добро пожаловать!..

Дьякъ одинъ по-татарски передалъ привѣтъ царю отъ бояръ.

— И съ вами миръ! Да благословитъ этотъ день Аллахъ Милосердный!.. отвѣчалъ царь и, поддерживаемый подъ руку боярами, ступилъ на крыльцо.

За нимъ его два ближніе совѣтника: почтенные, важные татаре съ подстриженной бородой, съ ногтями, выкрашенными въ красновато-коричневый оттѣнокъ особенной краской, «хна» — по-ихнему.

Чинно всѣ поднялись по ступенямъ. Въ сѣни въ первыя вступили. Тутъ хана встрѣтилъ самъ царь-малютка,

окруженный боярами. И дьякъ царскій тутъ, и приставъ посольскій, который татарскую рѣчь хорошо знаетъ. И казначей Головинъ, Владиміръ Васильевичъ, ближній бояринъ, тутъ-же. На всякій случай: можетъ быть, пожалуютъ чѣмъ гостя? Такъ чтобы казначей могъ записать и выдачу сдѣлать.

Низко поклонился царственный гость державному юному хозяину. Пальцами пухлой, жирной, не совсѣмъ опрятной руки коснулся до полу, потомъ ко лбу ладонь прижалъ и къ сердцу.

— Салам алейкюм! (Миръ съ тобой!)

— Алекумъ-селямъ! И съ тобою миръ! учтиво отвѣчалъ Иванъ, кланяясь гостю, затѣмъ подошелъ къ нему и оба взялись за руки. Крохотныя ручки царя такъ и потонули въ подушкообразныхъ рукахъ Шахъ-Али-хана.

Послѣ обмѣна привѣтствій, царь-ребенокъ двинулся впередъ, указывая дорогу гостю.

Идетъ и такъ радъ, такъ гордъ малютка.

Ради гостя-хана разрядили его на славу просто, хотя и постоянно рядитъ своего царечка княгиня Елена, словно куколку.

Терликъ на Иванѣ горитъ-переливается, жемчугами убранъ по борту, лаллами индійскими и шнурами съ кистями золотыми. Шапочка невысокая, соболемъ опушенная, вся камнями самоцвѣтными разубрана, а посрединѣ, гдѣ дрожитъ-горитъ султанчикъ изъ перьевъ дорогихъ, у райской птицы снятыхъ, брилліантиками осыпанныхъ, тамъ внизу, на темномъ фонѣ мѣха огнемъ пурпурнымъ сверкаетъ рѣдкій рубинъ. Рубашечка шелку самаго лучшаго, изъ-подъ короткихъ рукавовъ терлика да на вороту выглядываетъ. Пуговки на ней тоже жемчуга, лаллы крупные.

Изъ подъ длинныхъ полъ терлика видны мягкіе, разными узорами тисненные, сапожки сафьяна турецкаго, съ мѣдными подковками на каблучкахъ.

И такъ бойко выстукиваетъ малолѣтній царь этими подковками, ведя гостя по сѣнямъ и переходамъ въ палату разубранную, гдѣ ждетъ ихъ великая княгиня Елена.

У послѣднихъ дверей пріостановились всѣ.

Двери распахнулись, приподнялись тяжелые ковры. Иванъ первый прошелъ и занялъ свое мѣсто по лѣвой рукѣ отъ трона матери, стоявшаго среди горницы, у задней стѣны ея. Для «береженья» по бокамъ князя два боярина съ оружіемъ стоятъ. И рынды тутъ-же. У самаго сидѣнья великой княгини и князя стоятъ боярыни, разряженныя, въ кикахъ дорогихъ, при чемъ жемчужныя сѣтки-поднизи ниспадаютъ до самыхъ бровей, черно-начерно подведенныхъ. И глаза у всѣхъ подведены, и щеки густо, явственно нарумянены, по обычаю. А толстый слой бѣлилъ покрываетъ все лицо и открытую часть шеи у всѣхъ у старыхъ и молодыхъ, у красивыхъ и безобразныхъ.

Сквозь ниспадающія складки полупрозрачной, опущенной фаты словно грубо намалеванныя, а не живыя, выглядятъ женскія лица.

По стѣнамъ, на лавкахъ, усѣлись, по чинамъ и знатности рода своего, бояре, думцы, дѣти боярскія, дьяки.

Пристава посольскіе, и приказные и другіе—тоже здѣсь поодаль стоятъ. Совсѣмъ, какъ на пріемѣ большомъ у великаго князя. Полную почесть будущему союзнику и хану казанскому пожелала великая княгиня оказать, по совѣту боярскому. И темныя, загорѣлыя лица мужчинъ, примасленныя прически, несовсѣмъ акуратно приглаженныя у иныхъ, словно слегка взъерошенные бороды и усы,—всѣ эти живые, мужественные, смирно сидящіе, но, очевидно, очень напряженные люди—представляютъ удивительно сильный контрастъ съ застывшими фигурами и намалеванными лицами боярынь, стоящихъ словно рядъ раскрашенныхъ буддійскихъ изваяній.

Медленно передвигая толстыми ногами своими, обутыми въ мягкіе чевяки, подошелъ ханъ-Шахъ-Али и остано-

вился шагахъ въ трехъ-четырехъ отъ царскаго мѣста. Вотъ осторожно сталъ онъ склоняться на колѣни, чтобы бить челомъ Еленѣ, какъ полагается. Видно, и непривычно и тяжело самовластному хану продѣлывать это, да ничего не поможетъ: сила солому ломитъ.

Поднявшись послѣ земного поклона, съ помощью двухъ приставовъ, онъ отеръ свое потное, побагровѣлое отъ усилій, лицо и оглядѣлся немного.

Два совѣтника ханскихъ, быстро и ловко продѣлавъ земное метаніе, стоятъ сзади, отступя еще шаговъ на пять, и сложили руки на груди. Лица безстрастныя, словно окаменѣли.

Десятки взоровъ устремлены на хана. Ждутъ, что онъ говорить начнетъ? Дьякъ приготовилъ приборъ свой; писать собирается, въ большую царскую книгу внесетъ все, что сказано и сдѣлано будетъ въ этотъ знаменательный день.

Жарко въ палатѣ, хотя и велика она, особенно по сравненію съ покоями казанскаго и касимовскаго ханскихъ дворцовъ.

Люстры мѣдныя, чеканеныя, въ родѣ паникадилъ церковныхъ, висятъ съ полусводовъ и сверкаютъ огнями зажженныхъ восковыхъ, въ разные цвѣта окрашенныхъ, свѣчей.

Лампады, словно звѣздочки теплятся въ переднемъ углу передъ божницей, заставленной темными ликами святыхъ въ чеканныхъ золотыхъ, серебряныхъ и въ бархатныхъ окладахъ. Послѣдніе — сплошь залиты, ушиты и жемчугами, и алмазами, и каменьями самоцвѣтными.

— Богата Москва! думаетъ татаринъ. — Вонъ на стѣну какія тысячи навѣшаны!.. Сильна Москва! думаетъ онъ. Я, ханъ, потомокъ царей Золотой Орды, могучихъ на свѣтѣ владыкъ, — долженъ, вотъ, въ ноги женщинѣ, литвинкѣ полоненной въ ноги кланяться! Когда у насъ каждый правовѣрный, только встанетъ утромъ, и Аллаха благодаритъ: «Великъ Аллахъ, что не создалъ меня женщиной!» Да, плохія времена пришли...

И, думая въ душѣ все это, раскрываетъ ханъ-Шахъ-Али свои толстыя, полуотвислыя губы и мягкимъ, льстивымъ голосомъ начинаетъ говорить давно заученную, покорную рѣчь свою.

Приставъ посольскаго приказа восточнаго переводитъ слова хана, дьякъ ихъ записываетъ.

Почти то же повторяетъ татаринъ, что мѣсяцъ тому назадъ, стоя, вдобавокъ, на колѣняхъ, говорилъ онъ вотъ этому шестилѣтнему ребенку, въ которомъ сейчасъ олицетворена вся мощь великаго московскаго царства.

Вотъ что говоритъ Шахъ-Али:

— Государыня, великая княгиня Елена! Взялъ меня государь мой, князь Василій Ивановичъ, молодого, пожаловалъ меня, вскормилъ, какъ дѣтинку малаго...

— Какъ щенка! — переводитъ усердный приставъ.

Оба совѣтника, стоявшіе за ханомъ, да и самъ онъ поняли унизительную неточность перевода и бровью даже не повели.

Первые два стоятъ, совсѣмъ, какъ живыя изваянія. Ханъ тягуче, безстрастнымъ и сладкимъ голосомъ дальше рѣчь говоритъ. И всѣ три думаютъ:

— Потѣшайтесь, гяуры! Величайте себя, унижайте Исламъ! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!..

И дальше говоритъ Шахъ-Али-ханъ, претендентъ на корону казанскую.

— Жалованьемъ меня своимъ великимъ князь пожаловалъ, какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ, подмогу давалъ и казной и силой ратною. Но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани пришла въ князьяхъ и людяхъ казанскихъ несогласица. Меня съ Казани сослали и я сызнова къ государю моему на Москву пришелъ, молодой и маломощный; государь меня снова пожаловалъ, города давалъ въ своей землѣ. А я грѣхомъ своимъ ему измѣнилъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ передъ государемъ провинился гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помыс-

ломъ! Тогда Богъ, Аллахъ всемогущій, меня выдалъ и государь князь Василій Ивановичъ меня за мое преступленіе наказалъ! Опалу свою положилъ, смиряя меня. А теперь вы, государи мои, великій князь да княгиня-государыня, меня слугу своего...

— Холопа своего! опять умышленно неточно переводитъ усердный приставъ...

— Слугу своего, продолжаетъ ханъ, пожаловали, проступку мою мнѣ отдали, меня, слугу своего, пощадили, и очи свои государскія дали мнѣ видѣть. А я, слуга вашъ, какъ вамъ теперь клятву даю, такъ по этой своей присягѣ до смерти своей крѣпко хочу стоять и умереть за ваше государское жалованье, какъ братъ мой Джанъ-Али умеръ, чтобы вины всѣ свои загладить!

И, положивъ руку на свитокъ корана, который поднесли хану оба совѣтника, Шахъ-Али громко произнесъ формулу присяги.

— Присягнулъ татаринъ, може, не совретъ? шепнулъ Морозовъ князю Александру Горбатому-Суздальскому.

— А и совретъ, недорого возьметъ! отвѣчалъ воевода боярину. Да ничего, тогда тесаками разочтемся!..

Послѣ легкаго шелеста и ропота, который пробѣжалъ въ палатѣ, когда окончилъ присягу ханъ, снова воцарилось мертвое молчаніе.

Заговорила княгиня Елена.

Сейчасъ же юный царь Иванъ впился глазами въ нее, ожидая, что скажетъ матушка? — хоть и раньше зналъ, какова будетъ рѣчь.

А до того, пока сладкимъ, тягучимъ голосомъ говорилъ Шахъ-Али, Иванъ глядѣлъ и думалъ:

— Батюшки, какой же это царь? Баба совсѣмъ! Толстый, губы отвислыя... Жирный, жирный такой, словно боровъ у матушки откормленный... Большой, чай много лѣтъ ему, а и бороды не видать... И усы мочалкой... Далеко не то, что у моихъ бояръ, даже молодыхъ... Да

Вотъ осторожно сталъ Шахъ-Али склоняться на колѣни, чтобы бить челомъ Еленѣ, какъ полагается.

и у меня, когда выросту, будетъ большая борода, вонъ какъ у Овчины!... Кудрявая... И на колѣни я ни передъ кѣмъ не встану... Тогда всѣ цари придутъ и передо мной на колѣни становиться станутъ... Вонъ, какъ передъ Соломономъ царемъ... что мнѣ показывалъ дядька въ книжицѣ...

И важно сидѣвшій мальчикъ еще надменнѣй откинулъ кудрявую головку свою. Даже бровки принахмурилъ, словно видя передъ собой покоренную и покорную вереницу подвластныхъ царей.

Но стоило заговорить матери, и личико ребенка все просіяло, блестящіе, смышленные глазки такъ и впились въ красиво-очерченныя губы княгини Елены, ловя каждый слетающій съ нихъ звукъ.

— Царь Шигалей! заговорила Елена, повторяя тоже заученную, заранѣе составленную рѣчь: — великій князь Василь Ивановичъ опалу свою на тебя положилъ, а сынъ нашъ и мы пожаловали тебя, юности твоей ради. Милость свою показали и очи свои дали тебѣ видѣть. Такъ ты теперь прежнее свое забывай и впередъ дѣлай такъ, какъ обѣщался. А мы будемъ великое жалованье и береженье къ тебѣ держать. Миръ тебѣ въ дому и въ землѣ нашей!..

Выслушавъ рѣчь, снова земно поклонился ханъ княгинѣ и царю-ребенку и занялъ приготовленное для него мѣсто, по правую руку отъ княгини, на первой лавкѣ, впереди всѣхъ бояръ и князей.

Хоть и татаринъ, да царь прирожденный, такъ ему и честь.

Принесли тутъ богатые «поминки», которыми княгиня и Иванъ дарили хана.

На подушкѣ шуба, бархатъ «бурской», ворсистый, словно плюшъ теперешній, на соболяхъ вся, «земли» большія, съ узорами ткань, шелкъ «червчатъ да зеленъ»... цѣна тогда 70 рублей, а теперь бы и вся тысяча... Кубокъ серебряный, двойной, золоченый, цѣна 35 рублей, то есть 500 нынѣшнихъ... Камка бурская, разные шелки съ золо-

томъ, съ узорами затканными, камки венедицкія, червчатыя, что изъ Веницейской земли купцы-сурожане, итальянцы иначе, привозятъ... Тутъ же и «портище», отрѣзъ сукна на шальвары — скарлату червчатаго, мѣрой въ 4 аршина, и поставъ сукна мужского, червчатаго, и 40 соболей, какъ водится, благо, всего 25 рублей они тогда стоили. Да на золоченомъ блюдѣ двое приставовъ кучу золотыхъ денегъ подаютъ: 1.000 алтынъ всего, или 30 рублей. Сумма по времени великая! *)

Щедро, богато одарили хана за покорность, за слова его умильныя.

Кончилась церемонія. Домой на подворье Шахъ-Али собирается. Подарки всѣ уже погружены на подводу, впередъ отправлены подъ крѣпкимъ карауломъ.

Прощаются хозяева съ гостемъ.

И говоритъ Елена:

— А что хотѣла кидыня твоя набольшая Фотьма-Салтанъ очи наши видѣть, — и то мы дозволяемъ. Нынче къ обѣдамъ пусть жалуетъ...

Поклонился ханъ, еще разъ поблагодаривъ за все, грузно въ сани ввалился, сопровождаемый до нихъ первыми боярами, и тронулись застоявшіеся кони. Не веселъ ѣдетъ домой обласканный, одаренный ханъ.

А кажется: съ чего бы?

Оставшіеся въ палатѣ бояре, пользуясь тѣмъ, что княгиня съ Иваномъ вышли, шутятъ:

— Пустили мы нынче воробья подъ застрѣху казанскую... Онъ тамъ пожару поразведетъ не хуже, чѣмъ въ Коростень-городѣ!

— Воробья?.. Индюка развѣ, вѣрнѣе будетъ молвить. Ишь сытый какой!..

— Гладкой татаринъ!.. И больно, сказывали, ихнихъ женъ обижаетъ! Его за то изъ Казани и выгнали... Ни

---

*) Въ то время деньги были, сравнительно, въ 16 разъ дороже, чѣмъ у насъ.

простыхъ, ни знати не щадилъ. Татарва и вскинулась, и погнали его.

— По дѣломъ: не озорничай... А на войнѣ, толкуютъ, самъ словно баба: за окопы, да за спины чужія радъ прятаться... Какой онъ царь?..

— Самый такой, какой для Москвы у казанцевъ и надобенъ! вмѣшался въ разговоръ князь Василій Шуйскій. Ну, да будетъ зубы чесать... Вонъ, княгиня жалуетъ. Значитъ: царица подъѣзжать изволитъ, Фотьма-Салтанэ. По мѣстамъ, бояре!..

И, на самомъ дѣлѣ, на площади передъ дворцомъ показался поѣздъ царицы казанской, старшей жены Шахъ-Али, ханши Фотьма-Салтанэ.

Такъ же принята была царица, какъ и ханъ, супругъ ея. Только въ сѣняхъ сама княгиня гостью встрѣчала.

Въ палату вошли. Тамъ всѣ по старымъ мѣстамъ усѣлись. Фотьму-Салтанэ на ея особливое мѣсто, рядомъ съ княгиней усадили, на возвышеніи. Тогда въ палатѣ и юный царь Иванъ со своими боярами появился.

Встала царица съ мѣста своего, сошла на встрѣчу государю. Низко поклонилась:

— Салам-алейкюм!..

— Табукъ-селямъ! зардѣвшись, отвѣчалъ отрокъ и трижды облобызался съ гостьей, какъ учили его.

Потомъ сѣлъ на свое мѣсто, между княгиней и царицей, по правую руку отъ послѣдней.

— Какой красавецъ нашъ царь! съ искреннимъ восхищеніемъ отозвалась Фотьма: — на тебя схожъ, княгиня: и глаза такіе... И губы... Какъ луна на небѣ, — такое чудное дите тебѣ Аллахъ послалъ!..

Княгиня привѣтливо улыбнулась, закивала царицѣ, понявъ рѣчь ея даже раньше, чѣмъ толмачъ перевелъ. Дрогнуло отъ гордости сердце матери.

— Благодареніе Господу! Наградилъ онъ меня въ сынѣ моемъ не по заслугамъ! Да спасетъ мнѣ его Господь на

вѣки!.. И тебѣ спасибо на добромъ словѣ, царица. Хлѣба-соли откушать прошу!.. И я, и сынъ мой!

Перешли всѣ въ столовую палату.

Царица, княгиня и царь Иванъ за особымъ столомъ сѣли. Прочли молитву. Стали блюда подавать... Тутъ же, въ сторонѣ монахъ сидитъ, среди тишины, царящей во время трапезы, читаетъ житіе, какое на этотъ день приходится.

Кончилась трапеза; царю подали руки омыть. И княгинѣ, и царицѣ татарской — тоже.

Здравицы князя великаго Ивана, и княгини Елены, и гостьи-царицы пили. Не забыли и мужа ея отсутствующаго, Шахъ-Али.

На загладку сама княгиня гостьѣ чашу поднесла, не съ виномъ — съ медомъ сладкимъ, на «мушкатѣ» сыченомъ. Медъ просила выкушать и у себя на память оставить чашу.

И, кромѣ того, много подарковъ дорогихъ увезла въ колымагѣ своей татарская царица, изъ гостей уѣзжая домой.

Казначей Головинъ, дневную запись расхода проглядѣвъ, только въ затылкѣ почесалъ.

Замѣтилъ это Шуйскій и говоритъ:

— Не тужи, Володиміръ! Нонѣшнія поминки наши Казань будетъ помнить... Съ годами, по времени вдесятеро отдастъ...

И не ошибся старый, умный бояринъ.

Усталые, но довольные расходились бояре.

Усталая Елена, уходя на покой, крѣпко расцѣловала сына.

— Умникъ ты у меня нынче былъ, Ваня! Настоящій царь!..

И, сдавъ сына дядькамъ, ушла.

— Настоящій царь! шепталъ, засыпая, Иванъ.

И чудные сны грезились въ эту ночь ребенку.

Ликовала и Елена.

Русь крѣпла у всѣхъ на глазахъ. По завѣщанію князя Василія, каменной стѣной, въ пять верстъ длиною, обвели Бѣлый, или Китай-городъ. На окраинахъ восточныхъ, откуда кочевыя орды шли, — тамъ новые, крѣпкіе городки,

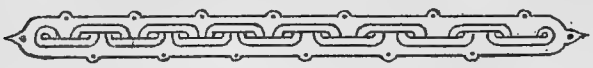
а то и цѣлые города поставлены... Подати да оброки людскіе не прибавлены, а убавлены. Людей больше стало, а трата меньше пошла.

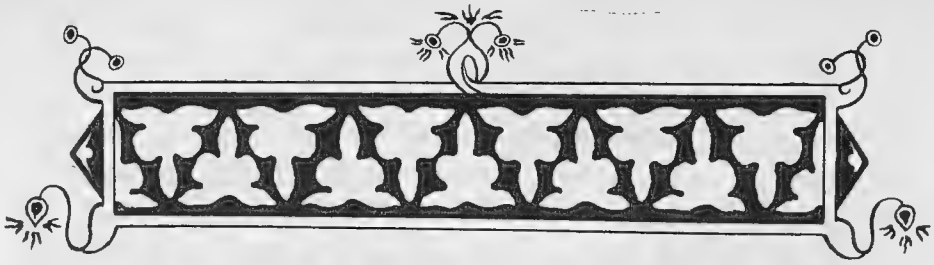
Судъ правый наряжать рѣшили бояре, обидчиковъ-воеводъ и намѣстниковъ сократить, чтобы народу легче вздохнулось... Денежная неурядица тоже наладилась. Со всего царства собиралась монета серебряная, рѣзаная, легковѣсная, порченая. Съ «копьемъ» стали серебро въ гривенки чеканить. Сидитъ на конѣ великій князь съ копьемъ въ рукѣ. И тѣ новыя гривенки полновѣсныя вездѣ пошли и копейными называютъ. Не стало брани и драки по торгамъ изъ-за того, что вмѣсто трехъ полныхъ рублей — полтора ихъ только въ гривенкѣ. А вѣсомъ новая «копейка» тяжеле, выгоднѣй даже прежней... Радъ торговый людъ.

А кто, по лихости, рѣзаной, старой деньгой промышлялъ, или поддѣльныя гривны сбывалъ, тѣхъ казнили нещадно, олово расплавленное въ горло имъ вливали, головы рубили, четвертовали по площадямъ.

— Еще годъ-другой, думала Елена, и заботы сами спадутъ. Въ покоѣ заживу... съ милымъ моимъ... А тамъ сынъ, Ваня, подростетъ... спасибо намъ за все скажетъ...

И сладко уснула Елена, убаюканная надеждами!





Ударъ изъ-за угла.

(Годъ 7046 [1538], 3-го апрѣля).

Минуло ровно четыре года и четыре мѣсяца со дня кончины великаго князя Василія Ивановича и воцаренія первенца его, трехлѣтняго Ивана IV Васильевича.

Конечно, воцареніе это и по завѣту покойнаго, и по самой силѣ вещей было только на словахъ, а царствомъ правитъ мать осьмилѣтняго государя, Елена Глинская, которой и самой-то едва ли лѣтъ 26 — 27 минуло.

Помогаютъ молодой правительницѣ нести бремя государственныхъ заботъ всѣ тѣ бояре, которыхъ назначилъ Василій, за исключеніемъ одного — Михаила Глинскаго.

Другой занялъ его мѣсто, окончательно вытѣснивъ изъ числа дворцовыхъ вельможъ родного дядю царицы Елены, князя Михаила.

Этотъ другой — юный и, казалось бы, безобидный на видъ, князь Иванъ, прозваньемъ Овчина-Телепневъ Оболенскихъ.

Быстро пошелъ онъ въ гору еще въ послѣдніе годы жизни князя Василія. Когда умеръ отецъ Овчины, старый князь Ѳеодоръ-Телепень-Оболенскій, сынъ, какъ бы въ утѣшеніе и для возвеличенія рода, былъ назначенъ главнымъ конюшимъ.

Когда же воцарился трехлѣтній Иванъ IV или, вѣрнѣе, мать его, правительница Елена, баловень судьбы и ближайшій любимецъ государыни, вдовствующей великой княгини, вознесся на такую высоту, о которой и не мечталъ.

Ни порода, ни заслуга, ни званіе или санъ высокій, священный, не могли дать на Руси никому того, что давало довѣріе временной властительницы.

Правда, и князю Овчинѣ, какъ самой Еленѣ, приходилось считаться съ мнѣніемъ думныхъ бояръ, съ властнымъ голосомъ митрополичьимъ, съ незыблемо отлитыми формами, въ которыя уложили такъ быстро и пышно народившееся самодержавіе московское великіе собиратели земли русской отъ прадѣда Ивана Калиты начиная и кончая отцомъ малолѣтняго Ивана, князь Василій Ивановичемъ. Но Елена всегда стояла за интересы и желанія своего баловня — горячѣе и упорнѣе, чѣмъ за свои собственные. Да и желать теперь ей, обладающей всѣмъ, почти не приходилось ничего. Развѣ, чтобы ея Ванюша-сынокъ и властитель былъ здоровъ да росъ хорошо. А дѣла шли своимъ чередомъ.

Бояре вѣдали ихъ, люди наряженные и выборные... дѣти боярскія, которыхъ въ думу еще покойникъ великій князь посадилъ вмѣстѣ съ людьми земскими, для большаго приближенія къ трону всей земли русской.

Овчина былъ скроменъ, ему не мѣшали, онъ другимъ не мѣшалъ. По крайней мѣрѣ, ему боялись высказать открыто вражду, или обиду, зная, что за это дорого можно поплатиться.

Примѣръ, и самый яркій, былъ передъ глазами.

Дядя родной Елены, благодѣтель ея, принявшій къ себѣ сироту послѣ смерти брата, пріютившій ее вмѣстѣ со снохой своей Анной, матерью Елены, сыгралъ видную роль въ сближеніи князя покойнаго съ будущей княгиней московской и не проигралъ при этомъ. Также сначала благопріятствовалъ онъ довѣрію тоскующей племян-

ницы къ Телепневу-Овчинѣ, надѣясь окончательно забрать въ свои руки всѣ нити правленія и, кто знаетъ, — если не слить Москву съ Литвою, то возсоздать здѣсь новую династію, — не Рюриковичей, а Ольгердовичей, къ которымъ причислялъ себя Глинскій.. Ребенка легко удалить... Овчина простъ, племянница покладлива и сама по себѣ, а еще больше по чувству благодарности... И, мало-по-малу, — верховный соправитель, онъ Михаилъ Глинскій, — возложитъ на себя и вѣнецъ и бармы Мономаховы, воцарится въ богатой, могучей Москвѣ, въ «третьемъ Римѣ», которому предстоитъ такая блестящая будущность! Особенно, если ввести единеніе церквей, слиться съ древнимъ Римомъ по вѣрѣ... Открыть широко двери для западныхъ искусствъ, наукъ... Здѣсь, среди обильныхъ дарами природы краевъ!..

И духъ занимало у посѣдѣлаго ужъ воина и дипломата отъ тѣхъ картинъ, какія рѣяли передъ его мысленнымъ взоромъ.

Но онъ забылъ одно: если и не стало въ живыхъ строителей царства русскаго, если правитъ землею литвинка именемъ трехлѣтняго сына, то все же живъ духъ усопшихъ Рюриковичей... Живы въ своихъ ракахъ и ковчегахъ серебряныхъ и позолоченныхъ святители русскіе: и Алексій, первый вдохновитель князей московскихъ, выразитель воли народной, заступникъ отъ гнета татарскаго. И Петръ Святой, земли охранитель... Словомъ, за минутнымъ событіемъ, за смертью главы государства, умершаго и рано и некстати, Михаилъ Глинскій проглядѣлъ самое государство, какъ строеніе народное, уже доведенное, подобно церкви Іоанна-Лѣствичника, до кровельнаго пояса. Если одинъ строитель, зачавшій эту церковь, великій князь Василій, — не успѣлъ покрыть кровли, то это должны сдѣлать другіе: Иванъ ли IV, когда возмужаетъ, другой ли кто, кого судьба и народъ русскій поставитъ на череду... Но это свершится. Кровля должна быть выведена до конца.

И пытавшійся разрушить почти достроенное зданіе Михаилъ Глинскій поплатился опалой, ссылкой, самой жизнью, наконецъ... Ужаснѣе всего, что Елена, подписывая приговоръ близкому своему, дядѣ, благодѣтелю, должна была сознаться, что иначе нельзя!

Еще большую муку вынесла эта «княгиня-еретичка», какъ враги прозывали ее, когда пришлось огорчить и бороться даже съ самимъ другомъ своимъ сердечнымъ, съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. И бороться тогда, когда онъ былъ чистъ, правъ... болѣе: великъ и благороденъ; а она совершала дурной, съ личной точки зрѣнія, поступокъ, но необходимый для блага и спасенія государства, которое ревниво берегла Елена для сына. Дѣло было такъ. Чуть затихли стоны плакальщицъ, умолкли заупокойные напѣвы и медленный, печальный, похоронный перезвонъ по усопшемъ великомъ князѣ, какъ начали сбываться опасенія его, высказанныя на смертномъ одрѣ. Отовсюду поднялись затрудненія. Литовскіе послы, ѣхавшіе для подписанія мира съ Василіемъ, нагнавшимъ страхъ на кичливыхъ сосѣдей, — радостно ѣли поминальную кутью на его тризнѣ. Подобно Михаилу, своему единоплеменнику, они рѣшили: пора пришла и Литвѣ поживиться отъ Москвы, какъ доселѣ эта сильная сосѣдка живилась отъ Литвы и ляховъ, новогородцевъ и псковичей...

Вмѣсто заключенія мира пошли проволочки да затрудненія, а, подъ рукой, круль литовскій, престарѣлый Сигизмундъ, хоть не любилъ шуму браннаго, а все же и къ войнѣ готовился, и такъ, путями разными, лукавыми Москву обойти да обезсилѣть старался, ногайцевъ и крымцевъ, и Казань на Москву подымалъ.

Началась война съ Литвой и шла съ перемѣннымъ счастіемъ.

Тяжело это было, да сносно. Но съ другой стороны худшій врагъ поднялся. Свои на своихъ возстали. Конечно, не безъ того, что бояре, желая выслужиться, силь-

ныхъ своротить, самимъ въ силу войти, сами смуту между Еленой съ сыномъ и дядьями царскими посѣяли. Но какъ бы тамъ ни было, сразу, чуть ли не на девятый день послѣ смерти Василія, былъ схваченъ и посаженъ первый братъ его, Юрій Старицкій. А черезъ два года, послѣ разныхъ размолвокъ, и второй братъ, Андрей, послалъ по городамъ грамоту.

Князь Андрей писалъ:

«Люди русскіе государевы! Князь великій Иванъ, племяшъ мой, молодъ. Держатъ государство бояре, а какъ лихо—вамъ самимъ вѣдомо. Священство — продажное, митрополиты — и тѣ за сребренники ставленные. Тіуны да намѣстники не у старостъ, по ряду, что имъ слѣдуетъ берутъ, а сами дерутъ, мшелоимствомъ живутъ... Въ неволю людъ продаютъ за ничто! А боярамъ и любо. Четь — государю они, три чети — себѣ въ мошну. Чего же вамъ, люди, надѣяться? Чего ждать? У кого служить? Идите ко мнѣ. Я же радъ васъ жаловать».

Послушалъ народъ, замутилась земля. И дошло до того, что встали полки великокняжескіе противъ полковъ Андреевыхъ у Березни-рѣки, неподалеку отъ Едреннаго Яму, перегону конскаго. Братья готовились братнюю кровь проливать, чего давно ужъ не бывало на Руси.

И заслалъ тутъ Овчина Иванъ, который въ главномъ полку воеводой былъ, къ князю Андрею: нельзя-ли мириться?

А тотъ и самъ радъ.

— Забудемъ все... Поверну я на миръ, вернуся на Москву, если княгиня ваша и великій князь дадутъ мнѣ опасную грамоту, не станутъ зла помнить, удѣлы мои брать, или какъ иначе местить?...

— Господи! — отвѣчалъ Иванъ, прямой и добрый по душѣ. — Да можетъ ли иначе быть? Сейчасъ, съ мѣста не сходя, я, начальникъ, стратигъ первый великокняжескій тебѣ за нихъ клятву въ томъ даю. Знаешь: не мало слово мое на Москвѣ значитъ...

— Знаю! угрюмо отозвался князь... Не отъ людей всякое дѣло,— отъ Бога. Клянись... И я полки свои распущу...

Поклялся Овчина. Довѣрился ему Андрей.

Пріѣхалъ онъ на Москву въ четвергъ. Приняли его честь-честью... А въ субботу ужъ сидѣлъ онъ въ желѣзныхъ наручникахъ въ особой палатѣ, нарочно устроенной для знатныхъ узниковъ, гдѣ и Димитрій Угличскій и другіе въ свое время сидѣли.

И жену князя, княгиню Евфросинію, и сына Владиміра тоже заключили, только въ другомъ мѣстѣ, порознь отъ отца и мужа.

Бояре и дружинники, близкіе совѣтники князя, схваченные съ Андреемъ: двое Оболенскихъ же, только роду Пенинскихъ князей, Пронскій князь, Палецкій, да и многіе еще князья и дѣти боярскія, которые съ Андреемъ вмѣстѣ на Москву пошли, всѣ пытаны были, на площади кнутами и батожьемъ биты въ торговый день, для острастки; а тамъ и по городамъ дальнимъ глухимъ, въ монастыри да по острогамъ разосланы...

А новгородскихъ волостелей, горожанъ именитыхъ, такъ человѣкъ тридцать, которые со всей своей челядью къ Андрею примкнули противъ ненавистной обидчицы-Москвы, и деньги на войну давали, тѣхъ попросту кнутами отстегали, а тамъ и повѣсили на шляху, на битой дорогѣ отъ Москвы, вплоть до самаго Нова-города. Что ни двадцать верстъ, то висѣлъ въ петлѣ добрый молодецъ, вороньё своимъ тѣломъ кормилъ!

Андрей только шесть мѣсяцевъ и пожилъ въ тюрьмѣ. И своя скорбь душу томила, и тюремщики постарались, чтобы не зажился князь, опасный врагъ младенцу-царю...

И вотъ, какъ только узналъ Иванъ Овчина въ роковую субботу, что схваченъ князь, которому онъ съ клятвой свободу и полную безопасность обѣщалъ, бурей ворвался бояринъ въ свѣтлицу къ Еленѣ.

Не одна сидѣла правительница. Старушка-мать — тутъ

же, съ внукомъ тѣшилась да о чемъ-то съ дочкой толковала. Сейчасъ же смекнула она, что не съ добромъ ворвался конюшій и намѣстникъ Елены, бояринъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

Отвѣсивъ поклонъ, какъ слѣдуетъ, бояринъ негодующимъ, но сдержаннымъ еще голосомъ заговорилъ:

— Государыня-княгиня! Поговорить бы тебѣ надо о дѣлахъ государскихъ... Такъ не улучишь ли часокъ?

Догадалась и Елена, что творится съ Овчиной. Знала, чѣмъ и огорченъ онъ? Подумавъ немного, она спокойно отвѣтила:

— Ладно, бояринъ. Матушка, не прогнѣвайся, возьми государя съ собой... Ко мнѣ въ опочивальню пройди на малый часокъ.

— Да, дочка, что помѣшаю я? Не чужая, мать родная тебѣ. И въ государскихъ дѣлахъ не выдамъ, и въ твоихъ дочку не обижу. Можетъ, при мнѣ бояринъ сказывать станетъ?

Овчина только глазами сверкнулъ. Рѣдко видала его Елена въ такомъ гнѣвѣ. Всегда спокойный, кроткій, ласковый. Совсѣмъ не узнать первосовѣтника.

— Нѣтъ, ужъ прошу тебя, матушка!..

— Какъ скажешь, доченька. Ты — хозяйка у себя...

Кряхтя и ворча, поднялась бодрая старуха.

— Князенька, внученокъ, дорогой, пойдемъ... Гонютъ насъ съ тобою... Вишь, дѣла... государскія... не могла удержаться, чтобы не уколоть старуха.

— Нѣтъ, я тутъ, съ дядей Ваней останусь! упрямо залепеталъ мальчуганъ: — онъ меня на коня посадитъ... Мы съ нимъ поскачемъ татаръ бить...

И Иванъ кинулся къ Овчинѣ. Тотъ едва удержался, чтобы не оттолкнуть своего властелина, своего любимца-баловня, котораго ласкалъ всегда и тѣшилъ больше, чѣмъ любой отецъ родной. Только ногою слегка притопнулъ бояринъ.

Елена тоже не сказала ничего. Съ мольбою еще разъ поглядѣла на старуху, молъ: «уведи скорѣй!»

— Пойдемъ, пойдемъ, баловень... Я тамъ велю муштачка твоего, аргамачка малаго, сѣдлать, по двору тебя повозить.

Знала старуха, что сказать. Мигомъ внучекъ прижался къ ней.

— Веди, веди... Идемъ, бабуня!..

И они пошли, при чемъ старуха поторопилась поживѣе захлопнуть за собою тяжелую, сукномъ обитую дубовую дверь.

Не успѣли они еще переступить за порогъ, какъ въ горницѣ гнѣвно заговорилъ бояринъ:

— Ты какъ же это могла, княгиня?

— Тише, Иванъ! Помолчи! Сейчасъ все скажу... Все узнаешь!.. Успокойся. Выслушай меня ранѣй!

Добрый Овчина сразу сдался. И брови разошлись, нахмуренныя грозно, и кровь сразу прилила къ лицу, отъ котораго раньше хлынула было цѣликомъ къ сердцу.

— Да ты знаешь ли, о чемъ я, княгиня?

— Ну, какъ не знать? О князѣ Андреѣ, да о женѣ и княжичѣ его...

— А! знаешь? снова заволновался Овчина. Такъ какъ же ты могла?!.. Вѣдь я клятву давалъ... Вѣдь я?..

— Постой! ужъ холоднымъ, властнымъ тономъ заговорила въ свою очередь Елена. Ты сносился-ль съ нами раньше, чѣмъ за меня да за государя — великаго князя ручаться и клятвы давалъ?

— Нѣтъ, не сносился. Когда жъ тутъ было? Бой не ждетъ. Не поклянись я — сотни, тысячи христіанъ православныхъ жизни бы другъ друга лишили... Семьи бы обездолились... Земли бы втунѣ пролегли... Дѣти-сироты, вдовицы жалкія... И все — свои... Знаешь, не трусъ я, государыня! Ни своей, ни вражьей крови жалѣть не привыкъ... А тутъ — жаль въ душу зашла... Рука не подни-

малась на своихъ! Такъ плохо ли я сдѣлалъ, если мирно врага вамъ смирилъ, крестъ на вѣрность цѣловать заставилъ и...

Но онъ не договорилъ. Звонкимъ смѣхомъ разразилась Елена и вкрадчиво заговорила:

— Добрый ты, бояринъ... мой... Витязь ты отважный, храбрый да жалостливый!.. Лихъ, довѣрчивъ больно. А который это разъ Андрей «на вѣрность» намъ крестъ цѣловалъ? Не попомнишь ли, скажи? Не то — третій, не то — четвертый. Какъ ему неустойка, онъ не то намъ, — султану турскому крестъ цѣловать станетъ! А будь его верхъ, такъ и насъ, и тебя онъ на крестѣ на томъ самомъ раздернетъ... А ты со злодѣемъ, съ крамольникомъ, хочешь по чести?.. Ээхъ! «Овчина» ты мой милый... Не мимо люди слово молвили. Мѣтко у васъ, у русскихъ, присловья даютъ.

— Постой! уже окончательно сбитый со своего пути пытался довести споръ до конца Иванъ Ѳедорычъ: — дѣла мнѣ нѣтъ: кто тамъ, да кто тамъ? Плуты мнѣ не указъ. Я, князь Телепневъ, твой бояринъ ближній, царевъ слуга первый, — клятву далъ... И должна она свято доблюстись. А ты со своими приспѣшниками, потайно отъ меня, слова не сказавши, такую вещь затѣяла!.. На весь свѣтъ меня опозорила. «Князь, скажутъ, конюшій, вождь полка большого! Какъ же? Воръ и клятвопреступникъ вѣдомый!» Русь вся это скажетъ!.. Въ чужихъ земляхъ загудетъ, словно въ вѣчевой колоколъ. Изъ рода въ родъ покоры да стыдъ ожидаютъ меня... Какъ же ты того не подумала, княгиня-осударыня?..

— Думала, княже, думала!.. Оттого и дѣлалось все въ потай отъ тебя. Всѣ это знаютъ... Кричать можешь, бранить и меня, и думу всю государеву... Къ суду насъ царскому позывай... Какъ хочешь, обѣляйся. А и мы правы. Добрый ты, умный... Да на государствѣ не сиживалъ. Государства для сына малолѣтняго не охрани-

валъ. У тебя—своя правда, боярская, воеводская, особая... У насъ, съ думой царской, — не съ приспѣшниками моими, — своя правда, государская, русская, всеземельная, всенародная! Сдѣлали мы, какъ царю малолѣтнему, какъ всей землѣ лучше и поспокойнѣе. И пусть судятъ насъ, кто понять не можетъ! Вотъ что, князь. А еще я тебѣ слово отвѣчу: мало ты любишь Ивана... Мало нашего царя-младенца бережешь!.. Люби ты его больше, вотъ, какъ я, литвинка, сына своего, русскаго государя, люблю, и въ мысли бы не запало тебѣ думать: кто да что тамъ о тебѣ скажетъ потомъ?!.. Почету еще больше ты увидишь и узнаешь теперь, когда сильнѣе наша держава стала... Чужіе послы къ тебѣ же за миромъ и за войной придутъ, какъ и доселѣ хаживали? Чего же еще? Скажи, бояринъ? Да вотъ, еще скажу слово тебѣ малое. Самъ ты навелъ меня на то... Говорилъ... жаль тебѣ стало, что за распрю княжую тысяча христіанъ православныхъ, братьевъ по вѣрѣ и крови, смерть другъ дружкѣ дадутъ! И мнѣ ихъ жаль. Такъ надо змію голову отсѣчь. Крамолу съ корнемъ вырвать. Десятокъ казнимъ — тысячи спасемъ. Понялъ ли, бояринъ?

И, глядя ему въ глаза, ожидала отвѣта Елена Глинская, теперь — не прежняя робкая женщина, полуребенокъ, юная жена больного, стараго мужа, а стройная, полная мощи духовной и тѣлесной, двадцати-шестилѣтняя повелительница царства Московскаго.

Постоялъ, помолчалъ Овчина, потомъ тихо прошепталъ:

— Нѣтъ... Что-то не то душа говоритъ!

Тихо поклонился княгинѣ — и вонъ пошелъ.

— Ничего, стерпится — слюбится! глядя вслѣдъ князю, прошептала Елена и двинулась къ другой двери, черезъ которую недавно ушла бабушка Анна со своимъ царственнымъ внукомъ.

Елена не солгала. Послѣдніе соперники были скоро удалены съ ея пути, то есть такіе, кто дерзалъ подни-

мать открыто голосъ противъ княгини-правительницы. Послѣ Михаила Глинскаго — пали Бѣльскіе, Воронцовы... Чисто стало вокругъ трона отъ мятежныхъ, гордыхъ стародавнихъ бояръ; жались къ трону тоже роды старые, да такіе, кто посмирнѣй, помягче былъ... И высился надо всѣми одинъ вѣрный слуга княгини, Иванъ Овчина-Телепневъ.

Радуясь за себя, гордясь за него, торжествовала литвинка побѣду, только рано, какъ оказалось.

Крамола, даже хуже, — личная ненависть въ тиши готовила смертельный ударъ.

Чтобы видѣть, откуда онъ былъ нанесенъ, — надо заглянуть въ тѣсную монашескую келью старицы Софіи, Соломоніи въ міру, бывшей великой княгини московской, первой жены Василія Ивановича.

Въ далекомъ, тихомъ Суздалѣ, колыбели князей московскихъ, живетъ Соломонія за крѣпкими стѣнами Покровскаго Дѣвичьяго монастыря, не то въ почетномъ заточеніи, не то на положеніи схимницы. Впрочемъ, ей можно было видѣться съ пріѣзжающими изрѣдка, прежними друзьями, знакомцами и ближними слугами. При ней были свои дѣвки да бабы-прислужницы...

И вотъ, въ эту пору, ранней весною 1538 года сидитъ насильно постриженная княгиня-затворница въ своей кельѣ.

Постарѣла, измѣнилась былая красавица княгиня. Волоса побѣлѣли, лицо обрюзгло, тѣло отъ сидячей жизни одряблѣло, ослабѣло... Восемь лѣтъ безпрестанной пытки душевной пронеслось надъ головой затворницы, какъ разрушительный ураганъ. Только попрежнему мрачнымъ огнемъ горятъ, хотя и заплаканные, полуослѣпшіе отъ слезъ, но еще темные и выразительные глаза Соломоніи... Всѣ долгія, тяжкія восемь лѣтъ безслѣдно минули для жгучей жажды мести, которую таитъ въ душѣ своей эта женщина противъ другой, хитрой, низкой, лишившей ее и мужа, и царства, и всего!..

— Елена!

При одномъ воспоминаніи объ этомъ имени холодное, нѣмое бѣшенство наполняетъ Соломонію, ее треплетъ какъ въ лихорадкѣ, и горечь ощущается въ пересохшей гортани, во рту...

— Елена!.

И сколько казней, сколько мукъ мысленно заставляетъ выносить эту литвинку мстительная старуха.

Отъ этихъ мысленныхъ казней еще больше разгорается старая ненависть.

Долго ждала и жила своей местью и ненавистью Соломонія. Жадно ловила каждую дурную вѣсть о дѣлахъ царства, каждую худую молву о соперницѣ... Выжидала, искала... Берегла каждый пенязь, получаемый ею съ большого села Вышеславскаго, записаннаго на нее великимъ княземъ вскорѣ послѣ постриженія... Копила деньги для какой-то невѣдомой, завѣтной цѣли и, наконецъ, дождалась.

Ночь на дворѣ. По кельямъ разошлись сестры, и матушка-игуменья, и казначея. Оконца келій, выходящія въ густой монастырскій садъ, еще не раскрыты. Разметавшись на жесткихъ постеляхъ, томясь отъ духоты въ кельяхъ и отъ неясныхъ собственныхъ томленій, особенно гнетущихъ весной, спятъ невѣсты Христовы, дѣвушки-инокини и послушницы...

Не спитъ одна Соломонія. Лихорадочнымъ румянцемъ горитъ ея лицо, необычнымъ огнемъ сверкаютъ глаза. Сидитъ на ложѣ своемъ она, простоволосая и страшная-страшная въ томъ припадкѣ кровожадной радости, какая сейчасъ обуяла старуху.

На низенькой скамеечкѣ, обитой кожей, которая обычно служитъ во время молитвы старицѣ Софіи, а теперь придвинута къ кровати, сидитъ у ногъ бывшей княгини среднихъ лѣтъ женщина въ монашескомъ одѣяніи, полная, благообразная на видъ, съ ласковымъ, но трусливо-бѣгающимъ взоромъ маленькихъ, заплывшихъ маслянистыхъ глазъ.

И, приподнявъ голову, впиваясь глазами въ старицу, слушаетъ Досифея-сестра, что говоритъ ей Соломонія.

— Вѣрно говорю тебѣ: время приспѣло... Шуйскіе — противъ... Бѣльскіе — противъ же... Молчатъ только. Вишь помогаетъ колдуньѣ дьяволъ, второй пособникъ ея, послѣ Ваньки-то Овчинина... Литву свою же родную Еленка дозволила Ванькѣ чуть не до тла разорить... Волшбой, клятьбой, да дѣлами содомскими помогала энтому курячему воину, кудряшу глуздоумному... Теперь на Крымъ, на Казань снаряжаются... И тутъ если имъ посчастливитъ — не будетъ тогда и равнаго имъ!... Долго ли тогда глупаго мальчонка со свѣту сжить. Обвѣнчаютъ ихъ. Овчина — царемъ, она — царицей станетъ... Полюбилось ей царствовать! Такъ, слушай... Клялась ты мнѣ... Еще поклянись: на пыткѣ — слова не вымолвишь лишняго...

— Матушка, княгинюшка, да какъ же еще? Въ церкви, вѣдь, на мощахъ на святыхъ... Вся твоя раба... Что ужъ тутъ... За твое неоставленіе!..

— Не оставлю... Много ты получила... И въ десять разъ больше дамъ. Все твое... Видѣла, сколько я припасла за восемь лѣтъ? Все тебѣ. Съ себя послѣдній шугай сниму... сорочку останнюю... Все тебѣ. Только — сослужи...

— Господи, твоя раба. Только и ты помни: жива буду — мнѣ дашь. Коли умру... запытаютъ, на мѣстѣ ли убьютъ — дочкѣ моей все... Одна у меня дочка... Дороже жизни... дороже глазъ во лбу!..

— И я тебѣ клялась... Слово мое давала... Чего-жъ еще!? А, постой... Зелье-то отъ времени силу свою не отмѣнитъ ли?

— Десять лѣтъ пролежитъ, хоть въ огнѣ, хоть въ водѣ, — дай человѣку, и въ день человѣка не станетъ!..

— Ладно. Такъ и ты не бойся ничего... Вотъ столбчики тебѣ... Видишь, какимъ боярамъ первымъ надписаны. И доступъ получишь... И ото всѣхъ напастей сберегутъ ежели что... Видишь ли? Бери, спрячь.

Бережно взяла изъ рукъ старицы монахиня три свитка-письма, перевязанныхъ шелкомъ и печатью восковой припечатанныхъ. Подойдя вплотную къ большой неугасаемой лампадѣ, горѣвшей передъ образомъ Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, Досифея стала разбирать крупно начертанныя сверху буквы подъ разными титлами: имена и прозвища тѣхъ, кому надо было на Москвѣ передать посланія.

— Пенинскіе?.. Свои противъ своихъ, значитъ? Оболенскихъ же они!.. Ну, да, видно, свои грызутся — чужая не приставай... Да! все люди знатные!..

И съ этими словами Досифея завернула въ платокъ свертки и спрятала ихъ на груди.

— Береги цидули-то. Хоть и нѣтъ тамъ ничего яснаго, да будетъ того, что мною посыланы... И себя, и всѣхъ загубишь, коли раньше сроку объявится дружба наша. А потомъ все равно. Изъ гробу не встанетъ литвинка, чтобы крамолу казнить... Когда ѣдешь?

— Завтра же, княгинюшка.

— Инъ, ладно. Не проговорись гдѣ по пути, али на самой Москвѣ, что и была въ этой сторонѣ. Что со мной видѣлась... Ну, съ Богомъ!..

И съ обычнымъ поклономъ, исполнивши метаніе, удалилась Досифея изъ кельи старицы Софіи.

А старуха сейчасъ же кинулась ницъ передъ образами и стала молить, ударяясь лбомъ о каменный помостъ кельи.

— Господи! молилась она: — помоги! научи... Вразуми... Дай гордыню врага сокрушить. Милосердный, попусти Еленкѣ смерть принять мучительную... Дозволь еретичку извести!..

И горячо, со слезами, до разсвѣта молилась насильно постриженная старица Софія, прося у Неба одолѣнія на врага.

Было это въ самый день Благовѣщенія, въ понедѣльникъ, 25 марта.

Быстро и Свѣтлый праздникъ Христовъ, Пасха приспѣла. Ранняя она была.

Радостно снова гудятъ колокола надъ Москвой, стольнымъ городомъ... Подвѣшанные на новой колокольнѣ каменной, еще Василіемъ начатой и теперь только отстроенной, мѣдные великаны-колокола гулко звенятъ, словно за весь народъ радуются. И поютъ ихъ мѣдные зѣвы подъ ударами тяжкихъ языковъ хвалу Всевышнему...

Отошла великая всенощная въ церквахъ. Опустѣли улицы и площади кремлевскія, гдѣ передъ каждымъ ярко-освѣщеннымъ храмомъ—черно отъ народу было. Дозорные только на стѣнахъ стоятъ, словно истуканы чернѣются, дремлютъ, опершись о древка сѣкиръ или на стволы пищалей.

Зато, необычные для такого поздняго времени, шумъ и оживленіе царятъ въ ярко-освѣщенныхъ, новыхъ каменныхъ палатахъ дворцовыхъ. Разговляется тамъ царь у себя со своими боярами ближними, съ дворней, стражей дворцовой и прочей челядью... Христосуется съ сотрапезниками, какъ по обычаю.

И Елена тутъ же.

Уже къ концу пришла святая трапеза. Руки царь омылъ. Глазки слипаются.

— Мамушка! негромко говоритъ онъ матери: спать хочу больно. Усталъ, вѣдь. Можно ли?

— Можно, сынокъ, можно... Прощайся, отпускай всѣхъ...

И прощается царь.

Въ это время подошла къ Еленѣ мамка царева, слуга ея близкая, сама Аграфена Челяднина.

— Пожалуй, государыня-матушка...

— Что надо, говори.

— Богомолица тутъ одна... Старица Досифея... Изъ Вознесенскаго монастыря...

— Знаю, видывала. Что же ей? Руга̀ [1]) пойдетъ имъ царская, какъ водится...

---

[1]) Руга̀ — подачка монастырямъ отъ царей, мѣсячина и «жалованные», случайные кормы.

— Не то, господарыня... На Афонѣ была она... И до Ерусалима-града Святого сподобилъ дойти Всевышній... Памятку оттоль тебѣ принесла. Просфора, при Гробѣ Господнемъ свячена... Да яичко красное. Не погребуй... Дозволь челомъ бить...

— Какъ можно святыней такой брезговать?.. Пусть подходитъ. Гдѣ она?

— Здѣсь сейчасъ... Я и кликну ее.

— Здѣсь? задумавшись, переспросила княгиня. Да какъ она добилась къ тебѣ? Почему не завтра поутру?..

— На короткое время, на разговѣнье отпущена царское изъ монастыря... Только ради просьбы ея, что тебя видѣть надобно. Сама ты еще когда поизволишь въ монастырь... Вѣдь дорого, баютъ, яичко ко Христову дню... А мнѣ о ней Плещеева боярина женка шепнула. Знаешь, дружны мы съ ней.

— Плещеева? Ну, это ничего... Проведи Досифею сюды... Я приму отъ нея даръ, пока царь съ гостями прощается...

Такъ, сама ничего не зная, уговорила преданная Аграфена Челяднина Елену принять посланницу Соломоніи, взять просфору и яйцо красное изъ рукъ отравительницы.

Набожно на чистый платъ приняла святую дань обрусѣлая уже Елена.

А Досифея сладко приговариваетъ:

— Сподобилъ Господь... Вкуси, какъ Богъ велѣлъ, натощакъ завтрева... Еще краше да здоровѣй, чѣмъ есть, государыня, станешь...

— Спасибо, спасибо... Знаю ужъ... отвѣчала Елена.

Одарила монахиню, чѣмъ пришлось, — и скрылась, исчезла та изъ виду; такъ же незамѣтно, какъ пришла, смѣшалась съ толпой челяди, которая повалила изъ дворца за отъѣзжающими боярами.

Проводивши всѣхъ, сдавши дьяку-приставнику наруки ребенка-царя, ушла къ себѣ и Елена.

Подъ иконы, за занавѣсъ кіотный положила она даръ Досифеи.

На другой день, 31 марта, поздно встала княгиня, сейчасъ же одѣлась, боярынь принимать и бояръ пришлось, которые на поклонъ сошлись. И забыла про вчерашнее подношеніе Досифеи.

Только на второй день Пасхи, утромъ 1-го апрѣля, подойдя къ божницѣ, развернула платочекъ, увидала подарки, вспомнила.

— Грѣхъ какой... Ужъ поѣла я... Завтра не забыть бы разговѣться съ утра! подумала про себя княгиня.

И только во вторникъ, рано вставъ съ первой молитвы утренней, бережно отдѣлила Елена кусокъ просфоры, освященной самимъ Іерусалимскимъ патріархомъ... Съѣла часть съ молитвой и святой водой запила, что въ сулейкѣ чеканной тутъ же въ кіотѣ стояла. И яйцо свяченое очистила, разрѣзала на части и съѣла вмѣсто ранняго завтрака.

Въ это самое время вбѣжалъ къ матери сынъ старшій, ведя за руку младшаго братишку.

Юрій, младшій сынъ Василія, не походилъ на бойкаго, живого и изъ себя пригожаго Ивана.

Чрезмѣрно упитанный, съ прозрачно-блѣднымъ, отдутловатымъ лицомъ, онъ еле переваливался на своихъ изогнутыхъ ножкахъ, тупо глядѣлъ на все вокругъ голубовато-сѣрыми, прозрачными глазами и плохо даже говорилъ, несмотря на пятилѣтній возрастъ. За ними степенно, въ сопровожденіи той же мамки Аграфены, вошла и двоюродная сестра царевичей, Евдокія Шуйская, на годъ моложе братца Ивана, данная ему въ подруги, некрасивая, но тихая и послушная дѣвочка. Въ рукѣ она держала нарядно-разодѣтую куклу.

— Мама, что ѣшь? Дай намъ! поздоровавшись съ матерью, сталъ просить Иванъ.

— Да ужъ нечего. Видишь, яичко доѣдаю... Доси-

— Елена, подойдя къ особой укладкѣ, вынула и подала дѣтямъ по писаному прянику.

феино!.. обращаясь къ Аграфенѣ, замѣтила Елена. А вотъ, развѣ просфоры хочешь...

— Дай, дай... И Юрѣ... И Докушкѣ...

— А вы натощакъ ли, дѣточки?

— Нѣтъ, матушка-княгинюшка... Молочкомъ ужъ, извѣстно, теплымъ поены... и съ колачикомъ! отозвалась мамка.

— Ну, такъ нельзя... Другой разъ... Вотъ, это пока берите...

И, подойдя къ особой укладкѣ, вынула и подала дѣтямъ по писаному прянику.

Обрадованные, шумно двинулись обратно дѣти къ себѣ. Здѣсь принялись разбирать игрушки: литыя фигурки да кораблики со снастями, которые подарены были имъ къ празднику, да яйца раскрывныя, куда чрезъ слюдяное оконце глядѣть можно и Вознесеніе Господне увидишь.

Игралъ солдатиками одинъ Ваня. Юрій, опустясь въ углу у печки на коверъ, сосредоточенно сосалъ данный ему пряникъ. Евдокія, какъ дѣвочка, возилась съ куклами, въ колыбельку ихъ спать укладывала.

Оставшись одна, Елена позвала свою ближнюю боярыню, что всегда голову княгинѣ чесала, а сама подумала:

— Что за притча? Горечь особливая у меня во рту... Не хворь ли какая приближается?! Надо матушкинаго лѣкаря-фрязина спросить...

Вошла чесальница, стала волосы разбирать, расчесывать да собирать.

Вдругъ Елена вскрикнула.

Чесальница задрожала даже вся.

— Что съ тобою, государыня? Али дернула ненарокомъ за волосики? Такъ ужъ прости, Бога для.

И отвѣсила земной поклонъ.

Но, поднимаясь и взглянувъ робко въ лицо Елены, она и сама вскрикнула:

— Государыня-матушка, да что съ тобой?..

Елена сидѣла откинувшись, блѣдная, съ неестественно

расширенными зрачками сверкающихъ глазъ. Губы вздрагивали, словно хотѣла она что сказать, да не могла.

Наконецъ, кое-какъ справясь со спазмомъ, перехватившимъ ей дыханіе, княгиня еле пролепетала.

— Матушку... Лѣкаря... За Овчиной скорѣе...

Чесальница стрѣлой кинулась. Минуты не прошло, какъ покой княгини переполнился встревоженнымъ, блѣднымъ, напуганнымъ людомъ, все больше женской прислугой дворцовой. Явилась и Анна Глинская, взглянула на дочь и затряслась даже вся.

— Что съ ней? Говори скорѣе... Не мучь... обратилась она къ своему итальянцу-лѣкарю, осматривавшему поверхностно княгиню.

— Сейчасъ скажу... Прикажите выйти всѣмъ... Надо раздѣть больную...

Всѣ вышли по приказу старухи. Аграфена Челяднина, заглянувшая было тоже сюда, кинулась къ дѣтямъ, чуя недоброе и желая охранить ихъ отъ невѣдомой бѣды...

Бурей ворвался въ покой Овчина.

— Что случилось? Кто сгубилъ ее?.. забывъ этикетъ и всякое стѣсненіе, подбѣгая къ постели, гдѣ врачъ уложилъ и изслѣдовалъ Елену, вскричалъ первый бояринъ.

— Сгубили, вѣрно!.. А кто — не знаю... отвѣтилъ, пожимая плечами, итальянецъ.—Что ѣла она сегодня?..

Пока звали постельницу княгини, чтобы допросить, князь Овчина, склонясь у изголовья Елены, лежавшей неподвижно, словно въ столбнякѣ, обливалъ ея руки слезами и тихо уговаривалъ:

— Очнись, княгиня!.. Приди въ себя... Скажи, что съ тобой?.. Хоть глазомъ укажи... кто злодѣй?!. На части разорву, своими руками...

И словно услыхала его больная, узнала вѣрнаго слугу своего... Еле вздрогнули вѣки... слезы сверкнули въ углахъ глазъ и остановились, застыли тамъ, какъ и вся застывшая лежала Елена.

— Не иначе, какъ индійскій ядъ тутъ одинъ!—тихо произнесъ, ни къ кому не обращаясь, итальянецъ... Въ чемъ только дали?..

Случайно взоръ его упалъ на небольшой поддонъ, покрытый бѣлымъ платомъ. Здѣсь лежала початая просфора, освященная не въ Іерусалимѣ, а въ кельѣ Соломоніи... И скорлупа отъ яйца, тамъ же крашенаго, тамъ же ядомъ пропитаннаго.

Не говоря ни слова никому, отославъ женщину, которая явилась къ допросу, врачъ распорядился дѣлать горячія припарки и класть къ ногамъ больной, всю ее обложить раскаленными кирпичами, обернувъ ихъ толсто, чтобы тѣло не жгли.

Самъ же кинулся къ себѣ, въ лабораторію. Ясно какъ день стало ему, что въ просфорѣ и въ яйцѣ заключался сильнѣйшій ядъ, «столбняковый», какъ зовутъ его. И Еленѣ врядъ ли дожить до вечера.

Такъ и сказалъ онъ Овчинѣ, всѣмъ боярамъ, спѣшно собравшимся на большой государевъ совѣтъ.

Самого восьмилѣтняго государя, конечно, здѣсь не было. Порывался онъ «къ мамѣ», да уговаривали его:

— Больна де... Проситъ повременить!..

Когда Аграфена узнала, что сама же она Досифею, отравительницу, къ княгинѣ подвела, чуть съ ума не сошла мамка! Волосы на себѣ рвала. Въ ноги брату, князю Ивану и всѣмъ боярамъ кинулась.

— Моя вина... Я виновата, окаянная! заголосила... И разсказала, какъ дѣло было.

Кинулись Досифею искать. Но въ монастырѣ ея и не видѣли отъ Свѣтлой заутрени, отъ самой... И словно сквозь землю баба провалилась, хотя Овчина и другіе бояре всю Москву вверхъ дномъ поставили...

На другой же день, какъ сказалъ докторъ, 3-го апрѣля, почти не приходя въ сознаніе, скончалась Елена Глинская, полонянка-литвинка, умѣвшая полюбить Русь и охранять

ее пять тревожныхъ долгихъ лѣтъ, хотя и при помощи боярской. Чутье матери помогало правительницѣ. А случай избавилъ отъ ужаснаго дѣла: отравиться не только самой, но отравить и обоихъ дѣтей своихъ... Сразу внести горе и смуту въ юное, недавно устроенное царство всероссійское.

Когда привели сыновей прощаться къ умирающей матери, впервые за сутки шевельнула она рукой, словно желая благословить малютокъ. А слезы, тяжелыя, рѣдкія, медленно покатились по щекамъ, принявшимъ уже фіолетовый оттѣнокъ.

Малютка Евдокія Шуйская кинулась къ теткѣ, обхватила ее тонкими рученками, зарыдала, забилась... Такъ и унесли дѣвочку...

Юрій тупо глядѣлъ на мать, на всѣхъ собравшихся вокругъ... И не выпускалъ конца тѣлогрѣи мамки Челядниной, которая привела дѣтей.

Иванъ, — сильно поблѣднѣвшій, напуганный видомъ больной матери, поцѣловалъ ей руку, какъ ему сказали, прижался плечомъ къ Аграфенѣ, которая на колѣняхъ у постели Елены цѣловала умирающей ноги, — и стоялъ... Стоялъ ребенокъ,—и смутно вспоминалась ему иная пора: зимняя ночь... Огни... Черныя тѣни вокругъ саней... И на какомъ-то странномъ ложѣ лежитъ человѣкъ... Отецъ его, князь великій... И тоже—лицо страшное... И что-то силятся сказать его глаза... Рука, тяжелая, холодная, вотъ, какъ мамина сейчасъ, касается волосъ... А тамъ—туманъ...

И вдругъ, въ непонятномъ ему самому ужасѣ, ребенокъ дико вскрикнулъ и затрепеталъ весь, потрясаемый приступомъ судороги...

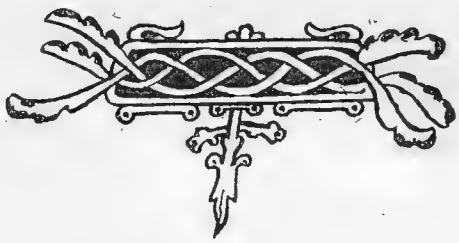
Быстро схватила на руки мамка выкормыша и помчалась, въ кроватку уложила, чернымъ прикрыла, всѣ лампады зажгла... Крестъ съ мощами, которымъ отецъ, умирая, благословлялъ на царство Ваню, въ изголовье кроватки поставила. А сама кинулась къ иконамъ и, до крови ударяясь лбомъ о помостъ, громко стала взывать:

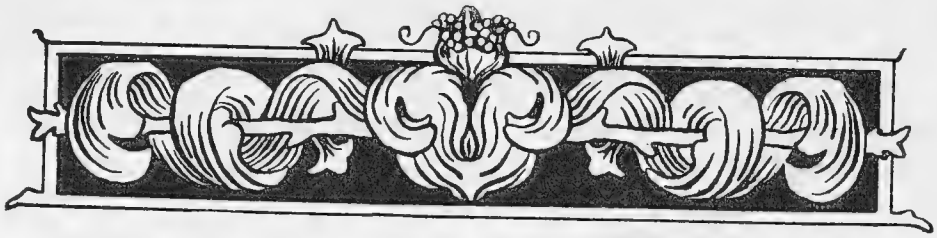
— Прости, Господи! Помилуй, Господи!.. Отпусти прегрѣшенія всѣ, вольныя и невольныя... Спаси, защити и помилуй...

А надъ тѣломъ усопшей княгини черный клиръ собирался отходную пѣть...

Только колокола кремлевскіе не отозвались сейчасъ же на печаль въ домѣ царскомъ: ликующій пасхальный перезвонъ, дрожа въ весеннемъ воздухѣ, словно твердилъ:

— Нѣтъ смерти въ мірѣ... Только жизнь вѣчная подъ разными видами... И самая смерть ведетъ къ жизни вѣчной!..





Дворцовая тина.

(Года: 7046 [1538], 10 апрѣля—7051 [1543], 9 сентября).

Тяжелое время настало для малютки — господаря московскаго.

Семь дней только минуло, какъ мать у него такъ безвременно умерла, а ужъ стали «большіе бояре», враги Овчины, недруги Глинскихъ и всей дружины прежней великокняжеской, свою власть-силу показывать.

10 апрѣля, спалъ еще Иванъ, когда почувствовалъ, что будитъ его мамка ближняя, Аграфена.

Это очень понравилось ребенку. Хоть и ласковъ былъ къ мальчику дядька, приставленный съ пяти лѣтъ, по обычаю, смотрѣть за царемъ, но, конечно, ребенокъ пестунью свою несравненно больше любилъ.

И теперь, въ полуснѣ, почуявъ ея руки на своей головѣ, заслышавъ ея голосъ, онъ, не раскрывая глазъ, притянулъ мамку къ себѣ, за шею, нашелъ ея ухо и капризнымъ тономъ забормоталъ:

— Грунька, злая... Не буди... Спать хочу! Не встану вотъ, и не встану... Рано, поди...

И, оттолкнувъ Челяднину, онъ снова готовился уснуть.

— Ой, проснись, государь! тревожно, но тихимъ, сдержаннымъ голосомъ заговорила Аграфена... Коли ты насъ

оставишь,—кто же защититъ? Я ли тебя грудью своей не питала, не выкормила?!.

Иванъ сразу вскочилъ:

— Обидѣть! Тебя? Кто хочетъ? Кто смѣетъ? Да я голову велю срубить... Я самъ...

И онъ поднялся, неодѣтый, на кроваткѣ, во весь ростъ, стиснувъ зубы, сверкая темными живыми глазками, словно волченокъ, у котораго берутъ матку-кормилицу...

— Ой, вели... Ой, покрой, заступись за насъ... За Ваню, за брата моего любезнаго... Самъ же жалуешь его, Ванюшка... Какъ отецъ, и онъ любитъ тебя... А его въ ночи пришли, схватили... Въ каменный мѣшокъ вкинули, что подъ дворомъ твоимъ новымъ... Тамъ хотятъ голодомъ уморить...

Хотя мальчикъ и не понялъ весь ужасъ того, что говорила мамка, но суть ясна: обидѣли лучшаго человѣка послѣ мамы и мамки Аграфены: куда-то увели Овчину-Телепнева.

Ребенокъ задыхался отъ негодованія и злости, вдругъ стихійно проснувшейся въ груди.

— Кто смѣлъ?! Кто посмѣлъ?! только и могъ выговорить онъ.

— Посмѣли, Ванюшка! птенчикъ, государь князь милостивый... Люди смѣлые, могучіе... Да тише ты говори... Прокралась я къ тебѣ... Вѣдь и меня хотятъ взять отъ тебя... сослать, въ монастырь заточить, а то и совсѣмъ покончить, какъ съ братцемъ, князь Иванъ Ѳедорычемъ.

Тутъ мальчикъ даже и сказать ничего не смогъ. Отнять у него Аграфену? Да развѣ это мыслимо? Или онъ не царь? Не читалъ самъ всѣ указы, какіе отъ его имени писались, его печатью скрѣплялися?! Не ему послы и воеводы и бояре первые руку цѣлуютъ, на жалованьи благодарятъ?! Не онъ—царь всея Руси?! Юнъ онъ еще, правда, но онъ самодержецъ. И мама покойница, и всѣ толковали ему это. Маму — смерть взяла. Смерть сильнѣе государей.

А изъ людей, изъ русскихъ и чужихъ даже, кто посмѣетъ не послушать его?..

И топнувъ босой ногой, властно ребенокъ выкрикнулъ:

— Пусть попробуютъ!.. Пусть посмѣютъ взять тебя!

— Шуйскіе ли испужаются?! отвѣчая на крикъ царя, питомца своего, зашептала Челяднина. — Да Палецкіе, да Вельяминовы, да Бѣльскіе... Мало ли ихъ, крамольниковъ... И брата, и меня, вишь, винятъ... Поклепъ взводятъ: будто мы на здоровье государыни-матушки твоей усопшей помышляли... Да если бы знали они?.. Да мнѣ все равно, что на себя руку поднять,—то и на нее было бы... Еще тяжелѣй... Спаси, не дай въ обиду...

— Да не плачь ты, мамушка. Говорю: не дамъ!.. Стой, кто тамъ идетъ?.. Много ихъ! — чутко настороживъ уши, произнесъ, почему-то оробѣвшій, ребенокъ.

Челяднина, та вся такъ и задрожала.

— За мной, охъ, за мной это они, злодѣи... Провѣдали, гдѣ я... На тебя послѣдняя надежда... Спаси, не дай... Выручи!..

И, рыдая, припала она, словно къ подножью креста, къ ногамъ Ивана.

Правда, вошли люди, бояре: Бѣльскій одинъ, да Шуйскій, побѣдоносный воевода, Василь Васильевичъ, былой послѣдній «волостель» вольнаго, вѣчевого Новгорода, пока не «добылъ» его себѣ, не покорилъ Василій, великій князь. За дверьми — звонъ оружія слышенъ... Аллебарды поблескиваютъ, пищали дуломъ о дуло задѣваютъ, звенятъ.

Хотя вошли «большіе бояре» безъ доклада всякаго, безъ сказу за дверью обычнаго, но низко поклонились ребенку.

— Челомъ бьемъ тебѣ, государь, великій князь. Каковъ царь въ здоровьи своемъ?

Не отвѣчая на здорованье, мальчикъ, нахмурясь, произнесъ:

— А што же вы, бояре, безъ зову, безъ докладу пришли? Не было такъ еще... Что надо? Рано... спать я хочу.

— Спи, государь. А у насъ дѣло неотложное. Вотъ, ее намъ и надобно! — указывая на Аграфену, отвѣчалъ Василь Васильевичъ Шуйскій.

— Ее? Зачѣмъ? Кто смѣетъ?! Не троньте ее... Моя мамушка и ничья больше! — начиная дрожать, звонкимъ, рвущимся голоскомъ сталъ выкрикивать ребенокъ.

— Да ты не тревожься, государь! выступая впередъ, мягко, вкрадчиво сталъ уговаривать Иванъ Шуйскій мальчика.—Твоя она мамушка, и будетъ такъ. Сама же похвалялась, что знаетъ бабу, которая твою усопшую родительницу испортила! Помяни Господи душу княгинюшки... Такъ, теперь на очи надо ихъ для правды другъ дружкѣ поставить... Для твоей же пользы государевой, по царскому твоему велѣнію и по Судебнику...

Мальчикъ уже зналъ, что Судебникъ нѣчто важное въ государствѣ, чему и властитель порой покоряться долженъ. Но слезы и растерянный, напуганный видъ мамки лишали его всякаго соображенія.

Обхвативъ ее руками, онъ рѣшительно сказалъ:

— Не дамъ! Сюда эту бабу ведите... Пусть здѣсь судятъ...

— И того нельзя, невозможно никакъ, господине. У владыки-митрополита, на очахъ его судъ идетъ... Такъ и дойти тамъ долженъ до конца... Отпусти мамушку на малый часъ... Она, вѣдь, не ребенокъ малый, пойметъ, что волей-неволей, а надо идти... сама пойдетъ... Пусти ее...

— Нѣтъ, не пущу! крикнулъ еще громче мальчикъ.

— Не пускай, не давай!.. взмолилась, рыдая, Челяднина.

Но однимъ сильнымъ движеніемъ оторвалъ Шуйскій Василій рыдающую женщину отъ ребенка и отшвырнулъ ее къ двери... Тамъ ужъ ждали, подхватили, мгновенно увели ее... Ушли и бояре, пропустивъ къ ребенку Анну Глинскую, бабушку его. Стояла до сихъ поръ старуха за дверьми, въ смертельной тревогѣ, но не смѣла войти...

Долго старалась привести въ себя изступленно-рыдаю-

щаго и вздрагивающаго всѣмъ тѣломъ внучка старуха... Такъ и заснулъ онъ опять на своей постелькѣ, обезсилѣвъ отъ слезъ и судорожныхъ рыданій.

А Челяднину и Ивана Овчину настигла ихъ злая судьба. Первую быстро постригли и заключили въ далекій, суровый по уставу, Каргопольскій монастырь. Второго же забыли въ томъ каменномъ мѣшкѣ, куда посадили боярина, сведя несчастнаго чуть не съ самаго трона... И вспомнилъ о немъ только Богъ: на десятый день послалъ за душой Ивана вѣстника своего... Умеръ голодной смертью всевластный любимецъ Елены... Съ искусанными, изгрызенными до костей руками вынутъ былъ, долго спустя, трупъ конюшаго, перваго боярина московскаго,—изъ темной глубины каменнаго мѣшка, что у Ризположенскихъ воротъ *).

Послѣ описаннаго здѣсь, пережитаго отрокомъ-царемъ тяжелаго мгновенья настало нѣкоторое затишье, хотя сравнительно и очень краткое... Да и то, тоскливо тянулись теперь дни юнаго Ивана Васильевича. Главный бояринъ, Василій Шуйскій, и дядьку прежняго согналъ отъ царя, своего человѣка приставилъ... Чтобы доносилъ тотъ: кто и съ чѣмъ безъ Шуйскихъ самихъ къ государю заявляется?

Ничего не сказалъ на это притихшій, напуганный мальчикъ. Молчалъ, думалъ больше, глядя въ цвѣтныя оконницы дворца на проходящій и мимоѣдущій, вольный торговый и ратный людъ. Вѣрилъ Иванъ: всѣ они готовы голову за него сложить... Но какъ добраться туда? На эту площадь людную?.. Какъ сказать?.. И ребенокъ въ головѣ складывалъ свои жалобы, рѣчи цѣлыя вспоминалъ, что говорили ему и мать покойница, и Овчина, и Аграфена, всѣ, словомъ, кто толковалъ ему о величіи его царскомъ. И что теперь сталось?!. На совѣтахъ дворцовыхъ домашнихъ и въ большой думѣ, гдѣ сажали его на мѣсто

*) Теперь — Троицкія.

царское, во время пріемовъ посольскихъ пышныхъ, онъ ужъ привыкъ молчать. Но раньше мама слово скажетъ... Ваня Оболенскій-Телепневъ... Все люди, любившіе его... И вѣрилъ Иванъ каждому ихъ слову... А теперь?.. Нѣтъ: никому не вѣритъ онъ... А сидитъ, молчитъ. Не знаетъ, какъ ему самому рѣчь начать? Запугали его. Вонъ, вчера, какъ игралъ онъ въ спальнѣ великаго князя покойнаго съ братомъ Юрой и съ Евдокіей... Свободно, свѣтло тамъ... И Шуйскій Иванъ дочь провѣдать сюда же пришелъ. Разлегся на лавкѣ... И нога на кровати, на отцовой, на царской... А раньше самые важные бояре, входя сюда, и стояли-то голову опустя, вотъ, какъ въ церкви стоятъ... А Тучко́, бояринъ, изъ князей Курбскихъ... Скарбъ мамушкинъ, княгини Елены для чего-то перебирали они съ Шуйскими... «Надо рѣшить, говорятъ: что—куда? Въ большую ли казну, или малую?.. Или въ терему, въ похоронки»... Раскидали охабни, душегрѣи ея, въ которыхъ еще такъ недавно, балуя ребенка, царица сына кутала. И Тучко бояринъ швыряетъ милыя вещи концомъ сапога. «Это, говоритъ, старье... Хламъ... намъ не надобно!» Кому «намъ»? Мамины были вещи, значитъ: его теперь, царя Ивана, они!..

Думаетъ ребенокъ все о томъ, что видитъ, и молчитъ.

Повадился онъ въ Чудовъ монастырь, въ митрополичьи покои ходить. Сперва къ Даніилу, а потомъ и къ Іоасафу... Тихо тамъ, хорошо, лучше, чѣмъ во дворцѣ теперь великокняжескомъ стало... Ни Шуйскихъ, ни Тучкова, ни Бѣльскихъ, никого изъ обидчиковъ здѣсь не видать.

А если и приходятъ, такъ чинно, тихо себя ведутъ, вотъ, какъ при матушкѣ, при великой княгинѣ, покойницѣ... Какъ, вѣрно, и при отцѣ Ивана себя вели... Что же, развѣ, если малъ онъ еще, такъ и не царь?.. Неправда... Онъ имъ всѣмъ владыка!

Радъ малютка, что принимаетъ его ласково Іоасафъ. Спроситъ только Ивана послѣ взаимныхъ привѣтовъ:

— Что, государь, какъ наставникъ твой и духовникъ, отецъ протопопъ Благовѣщенскій: доволенъ ли тобою? А, Ваня? Къ Слову Божію прилеженъ ли? Скажи, чадо.

— Прилеженъ, святый отче! отвѣчаетъ мальчикъ, бойко глядя доброму владыкѣ въ глаза. А глаза у того ясные, и всѣ окружены морщинками. Но это нравится Ивану.

Что еще особенно нравится здѣсь ему, это столбцы писаныхъ хартій и стопки тисканныхъ книгъ, которыя вездѣ по кельѣ у владыки разложены. Поглядитъ, поглядитъ царь да и скажетъ:

— Благослови, владыко: въ книжки да и въ столбцы почитаться...

— Богъ благословитъ... Да разберешь ли ты только книги мои? Ну, скажемъ, Библія... Апостолъ... А то, вѣдь, и эллинская премудрость попадается... Непристойнаго не поймешь ты, малъ еще, государь!.. А и пристойнаго, гляди, не поймешь...

— Пойму, отче! бойко отвѣчаетъ Иванъ, не робѣющій, не глядящій здѣсь волкомъ, не молчаливый мальчикъ, а ребенокъ, какимъ надо быть въ девять лѣтъ... Все пойму... Особливо, скажи: что про царей гдѣ есть? Все мнѣ про царей знать хочется...

— Да что же тебѣ?..

— Да все... Какъ жили... воевали... людей судили... Какъ ихъ люди слушали... А они карали за непокорство, за невѣжество...

— Ого-го! Вонъ оно куды пошло... Ну, читай... Вотъ Книга Царствъ... А то — Титуса Ливіуса на нашу рѣчь перетолковано... Читай, поучайся...

И жадно, по цѣлымъ часамъ читаетъ мальчикъ... И про Александра Македонскаго, и про Августа, и Юлія Цезаря... И про судей еврейскихъ и царей, передъ которыми трепетали, которыхъ всѣ боялись, даже беззаконія творящихъ... Читаетъ Иванъ, благо, правители-бояре и не заботятся: гдѣ и что государь?

— А не поздно ли? Шелъ бы домой... Съ братомъ побылъ бы, съ сестрицей Дунюшкой...

Покорно встаетъ, прощается мальчикъ. А самъ говоритъ:

— Святый владыка: скучно мнѣ съ ними... Дѣвчонка сестра... И роду не нашего... Шуйскихъ она... А братъ... Какой-то онъ... И не пойму я... Ѣсть бы ему только, да рюмить, чуть что... А я бы, кабы воля моя, умеръ бы, а не заплакалъ... Иной разъ и самъ не радъ, что плакать приходится...

Гладитъ его по головѣ старецъ и говоритъ:

— Терпи, Ваня... Всѣмъ намъ плакать приходится здѣсь на земли... Самъ Господь Богъ, Христосъ Спаситель міра — здѣсь во плоти терпѣлъ, не слезы—кровь изъ глазъ лилъ... Терпи, дитятко... Иди съ Богомъ!.. Богъ защититъ тебя!..

Благословитъ и отпуститъ.

И легче на душѣ сдѣлается у мальчика... Словно просвѣтлѣетъ тамъ...

А во дворецъ вернется— снова душа замутится, закипитъ досада, обида въ груди. Ужъ навѣрное кто нибудь чѣмъ-нибудь да затронутъ все, самое дорогое ребенку... А въ памяти столько злобы, обиды и горя, что до вѣку не забыть... И опять сожметъ губы, замолчитъ, волченкомъ ходитъ и глядитъ девятилѣтній великій князь московскій Иванъ Васильевичъ. Такъ и прозвали «волченкомъ» его, кто смѣлъ это слово сказать. А митрополитъ-старикъ, по уходѣ ребенка-царя, сидитъ и думаетъ:

— Чудное дитя, государь нашъ малолѣтній... Чуетъ дѣтская душа, что невзгода и на него, и на Русь пришла... Да что подѣлаешь?... Какъ оборонять и царя, и землю?... Онъ малъ, бояре сильны и грозны... Потерпѣть еще надо... Эхе-хе... Да, надо, надо терпѣть, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Вотъ, хоть бы насчетъ силы боярской, сдается, скорпіи сами себя съ хвоста грызть починаютъ... Вишь, какъ нужно было имъ Овчину да со всѣми его присными убрать, такъ Шуйскіе и Бѣльскихъ на пе-

редъ поставили...Изъ тюремъ, изъ неволи ихъ повыпускали... Молъ, все пополамъ!.. А какъ медвѣдя-то свалили, пришла пора шкуру дѣлить,—гляди, сами зубы другъ на дружку оскалили... Боярамъ Бѣльскимъ одолѣніе Господь бы послалъ. Все же люди, не хищные враны, какъ эти Шуйскіе... Василій Шуйскій погрознѣе, да старъ и хворъ... А Иванъ,—та гадина опасная, хитрая... Ну, да что тамъ?! Что было, то видѣли; что будетъ, поглядимъ еще... На все воля Господня...

Вздохнулъ и за книги свои принялся.

Старикъ ясно видѣлъ: въ чемъ горе для Руси.

Каждый изъ союзниковъ, какими явились два знатнѣйшихъ рода: Бѣльскихъ и Шуйскихъ, пожелалъ прочнѣе въ свои руки власть забрать, если не совсѣмъ, то хоть до того времени, когда государю пятнадцать лѣтъ стукнетъ и, согласно завѣщанію родительскому, снимется съ него опека боярская, самъ володѣть всѣмъ начнетъ, какъ предки правили...

А для укрѣпленія власти въ эти давнія времена былъ одинъ прямой путь: вездѣ и всюду «своихъ» людей насажать, и земель побольше, и угодій, и денегъ, и почету тѣмъ доставить, кто и мечемъ, и словомъ въ трудную годину подсобитъ, выручитъ...

Шуйскіе своихъ тянутъ, Бѣльскіе—своихъ...

Сперва Шуйскіе одолѣли. Но году не прошло, какъ умеръ Василій, старшій, воинственный братъ, герой литовскаго похода: отъ гнѣва яраго, ударомъ скончался старикъ.

Иванъ Шуйскій ему наслѣдовалъ, какъ глава рода. Тутъ и окрѣпли Бѣльскіе. Патрикѣевыхъ къ себѣ, Хабара, Иванъ Ивановича, прилучили. Тучковы-бояре съ ними же... И стали вездѣ своихъ друзей сажать.

Было положено начало смутѣ еще въ 1538 году, при Даніилѣ митрополитѣ. Собрались, сговорились тогда Шуйскіе... Напали на Бѣльскихъ съ ихней дружиною... Кого по тюрьмамъ разсадили, кого въ деревню выслали. А дьяка

Мишурина, ближняго слугу покойнаго царя Василія, — прямо, безъ приказу государева, нагимъ раздѣли и голову прочь! Тутъ же у тюремъ, гдѣ Бѣльскій былъ засаженъ. Даніила на житіе въ дальній монастырь выслали, а на его мѣсто Іоасафа поставили.

Выше мы видѣли, что думалъ, годъ спустя, въ 1539 г. митрополитъ Іоасафъ, хотя и поставленный Шуйскими, но не любившій ихъ.

Лѣтомъ же 1540 году, то есть, еще годъ спустя, когда десятилѣтній царь пришелъ въ одинъ изъ большихъ праздниковъ съ митрополитомъ здороваться, тотъ ему и сказалъ, подавая какую-то бумагу:

— Прочти, государь... Что молвишь?

Прочелъ Иванъ, заблистали глаза. Ужъ многое онъ ясно понимать сталъ, не по годамъ даже.

— Бѣльскаго на волю пустить? Господи! Да конечно! Все же я обиды такой отъ него, какъ отъ Шуйскихъ, не зналъ и не видѣлъ... Да какъ Шуйскіе? Развѣ позволятъ? Вонъ, дядя Иванъ, и меня самого, было, разъ чуть не прибилъ... Никого близко не нашлось... заступиться было некому, такъ онъ...

— Ничего, государь. Теперь на нихъ, на Шуйскихъ, всѣ! Больно они каждому, — простымъ и вельможнымъ людямъ, — больно солоно достались. Подписывай съ Богомъ... Найдемъ, какъ дѣло сдѣлать...

Подписалъ Иванъ, отдалъ и отъ радости даже руку пастырю облобызалъ.

— Праздникъ для меня нынче истинный...

— Вижу!.. Не заросли плевелами сѣмена добрыя въ сердцѣ твоемъ, чадо! Богъ помилуетъ тебя за это!

И Бѣльскій неожиданно былъ освобожденъ.

Зашипѣлъ отъ злости Шуйскій. Но дознался, что тутъ митрополита рука, отступился. Даже на совѣтъ государевъ ѣздить пересталъ. Дальше вести борьбу духу не хватило. Далеко ему до покойнаго дяди, Василія Шуйскаго.

А тамъ, у царя и рады, что не видно злого гордеца...

Скоро новая бѣда постигла Шуйскаго съ присными.

Прибѣжали къ нему приспѣшники изъ дворцовыхъ, продажныя души, да и говорятъ:

— Плохо дѣло твое, бояринъ! Чего только бояре Бѣльскіе и Захарьины и Патрикѣевы задумали, да у царя молодого выпросили! Андрею, князю удѣльному Старицкому, женѣ его, теткѣ твоей, сыну ихъ Владиміру — всѣмъ темницу раскрыли. На ихнемъ дворѣ старомъ, въ Кремлѣ, на волѣ и жить государь повелѣлъ... Только не отъѣзжать никуда, да на свѣтлыя очи царевы покуда не показываться.

Потемнѣлъ Шуйскій, а самъ криво такъ улыбается.

— Ничего. Еще поглядимъ-посмотримъ, чья возьметъ? У отца моего кобылка была, безъ мѣры ѣла и пила, пока не лопнула. На свою голову литовскій «волченокъ» волю забираетъ да враговъ своихъ лютыхъ на волю пускаетъ. Что дальше? — поглядимъ!..

А дальше — больше пошло.

Съ митрополитомъ, съ боярами заглянулъ Иванъ въ одну изъ мрачнѣйшихъ тюремныхъ келій особой, крѣпкой палаты, гдѣ много-много лѣтъ въ тяжелыхъ оковахъ сидѣлъ Димитрій, удѣльный князь Углицкій. Юношей посадили князя. А теперь дряхлый старецъ угасаетъ въ тюрьмѣ...

Таковъ ужъ обычай былъ у московскихъ великихъ князей въ годы возвышенія Русскаго царства: какъ воцарялся новый князь, такъ дядьевъ, братьевъ, всѣхъ ближайшихъ соперниковъ, всѣхъ родныхъ, которые могли бы за престолъ въ споръ вступить, скорѣе такихъ по тюрьмамъ, да въ схиму сбывали...

Сжалось сердце у мальчика, когда онъ увидѣлъ дряхлаго князя Димитрія, родича своего. Волосами узникъ обросъ... Борода, какъ у лѣсного отшельника. Отъ воздуха спертаго, тяжкаго, желтый лицомъ старикъ, какъ остовъ, худъ и страшенъ.

Сказали ему, — кто пришелъ. Совсѣмъ отвыкшій отъ міра и отъ людей, полуодичалый старецъ поднялся и, гремя цѣпями, отвѣсилъ поклонъ юному великому князю.

Вздрогнулъ отъ звука этихъ цѣпей мальчикъ. Самъ быстро-быстро Бѣльскому зашепталъ:

— Снять... снять съ него эти цѣпи скорѣй... Прошу тебя, князь.

Далъ знакъ бояринъ, живо расклепали наручники, ножные кандалы сняли.

Старикъ стоитъ, не шевельнется. Словно и не ему милость оказана.

— Что мнѣ сдѣлать? Какъ порадовать его? шепчетъ снова мальчикъ боярину.

— Самъ подумай... Его спроси...

— Да, да. Князь Димитрій: чего хочешь? На волю? Или чего? Скажи... Я все сдѣлаю...

— Ты кого... спра...шиваешь?.. съ трудомъ, отвыкнувъ почти отъ членораздѣльной рѣчи, зашамкалъ старикъ. Димитрія, князя Углицкаго? Такъ нѣту его... Давно померъ!.. А мнѣ, рабу Божію, ничего не требуется. Смерти жду... Скорѣе бы пришла... Да, вотъ, развѣ, псалтирь новый... Затрепалъ я свой... Хоть и такъ весь знаю, да все лучше бы... А больше ничего... Жизни не вернешь мнѣ... А безъ нея и свобода мнѣ ни къ чему... Я здѣсь прижился...

И умолкъ. Снова стоитъ, словно мощи живыя...

Вышли тихо всѣ, какъ изъ склепа могильнаго, изъ кельи той тюремной...

Послалъ Иванъ старцу лучшій, любимый псалтирь свой и другія книги божественныя... И отъ стола посылалъ блюда. Но сравнительная свобода и радость, послѣ полувѣка страданій, словно подкосили послѣднія силы старика и онъ тихо угасъ, все время почему-то твердя:

— Не столько радости будетъ о девяности девяти праведникахъ, сколько объ одномъ раскаявшемся грѣшникѣ.

И такъ затихъ.

Но еще это не все. По дальнѣйшему «печалованію», по просьбамъ Іоасафа, дозволилъ царь дядѣ Андрею съ женой и дѣтьми на Святой Рождественскій вечеръ во дворецъ прибыть, за столъ его съ собой посадилъ. И здѣсь великую милость явилъ.

Послѣ трапезы подозвалъ дядю и говоритъ:

— По доводу святого отца-митрополита, съ рѣшенія царской думы нашей и нашимъ хотѣніемъ, возвращаются тебѣ, государь-дядя нашъ, князь Андрей Ивановичъ Старицкій, всѣ удѣлы твои, какъ дѣдомъ Иваномъ еще было жаловано. Отпускаются вины и измѣны прошлыя, а напредки тебѣ намъ вѣрой и правдой служить, какъ крестъ цѣловалъ.

Сказалъ, а самъ горитъ, лицомъ зардѣлся весь, изъ-подлобья выглядываетъ, въ лица окружающихъ всматривается: такъ ли, хорошо ли, складно ли сказалъ, все ли упомнилъ, что митрополитъ да бояре ему сказывали? И видитъ: ропотъ хорошій кругомъ пошелъ... Старики — головами киваютъ. Молодые—между собой перешептываются... Значитъ, все хорошо. Отъ восторга даже слезы невольныя выступили на глазахъ самолюбиваго, чуткаго мальчика.

И все такъ хорошо пошло, да недолго, жаль. Году не прошло, а 3 января 1542 году гроза нагрянула, все отъ того же повѣта, отъ двора Шуйскаго. Извелся князь Иванъ Шуйскій, думу думаючи. Сердце одна мысль только и жжетъ: ростетъ, крѣпнетъ царь Иванъ. Говоръ про дѣла ребенка милосерднаго въ народѣ пошелъ. Раньше словно и не знали на Руси объ Иванѣ Четвертомъ, царѣ-отрокѣ. А теперь, гдѣ тотъ ни появится, — толпа собирается... Здравствуютъ, многая лѣта кричатъ... Еще два три года такъ пойдетъ, и съ «волченкомъ» во вѣки не справиться... Бѣльскіе совсѣмъ одолѣютъ, хоть на Литву всему роду Шуйскихъ уходить... Не можетъ быть этого.

Рѣшился тутъ Иванъ Шуйскій на послѣднее. Изъ Владиміра, гдѣ жилъ теперь послѣ опалы князь, засновали гонцы. И въ Москву скачутъ къ заговорщикамъ-боярамъ, къ друзьямъ Шуйскихъ, къ недовольнымъ новыми порядками... И въ Новгородъ, въ прежнюю отчину Шуйскихъ, въ былой вольный городъ вѣчевой вѣстники поскакали...

Всѣ новгородцы на кличъ сошлись. Въ ночь со 2-го на 3-е января Шуйскіе въ Москву прибыли, въ городъ проникли. И триста человѣкъ съ ними дружины, сильной, на все готовой, оружіемъ увѣшанной...

Сторожа во дворѣ Бѣльскаго кто спалъ, кто подкупленъ былъ, другихъ — сразу захватили: крикнуть, тревогу поднять не дали.

Проснулся, вскочилъ Бѣльскій, когда ужъ въ сосѣдней горницѣ шаги раздались.

— Кто тамъ? Ты, Алексѣичъ? — спрашиваетъ.

Думаетъ: дворецкій по дѣлу какому спѣшному. А ужъ полночь пробило давно.

— Василичъ, а не Алексѣичъ! — вбѣгая со своими приспѣшниками, крикнулъ Шуйскій.

Опомниться Бѣльскій не успѣлъ, къ оружью не поспѣлъ кинуться, какъ ужъ связанъ былъ, кой-какъ одѣтъ, въ телѣгу брошенъ и вонъ изъ Москвы съ разсвѣтомъ вывезенъ. Въ заточеніе далеко увезли его, въ крѣпость на Бѣлоозеро... А потомъ, чтобъ совсѣмъ спокойно спать, поѣхали въ маѣ туда трое холопей Шуйскаго и удушили князя. На сѣновалѣ спрятался онъ было... Здѣсь и нашли его, въ сѣно сунули головой, сами навалились сверху, пока не задохся несчастный. Князя Петра Щенятева и Хабарова Ивана, вдохновителей Бѣльскаго, тоже забрали, по городамъ разсадили.

Въ испугѣ вскочилъ юный царь Иванъ, крѣпко спавшій давно, когда влетѣлъ къ нему блѣдный, окровавленный весь, Щенятевъ князь... А за нимъ и новгородскіе буяны, пьяные, срамные, съ крикомъ да гомономъ, въ шапкахъ,

къ Ивану въ покой ворвались... Не было довольно стражи во дворцѣ.

— Стойте, холопы... Что вы?! Какъ вы смѣете! крикнулъ было царь.

— Ишь ты: холопы!.. Какъ поетъ! Тоже, приказываетъ! Молодъ еще. А мы и сами съ усами, гляди: носъ не оброс!

И съ глумленіемъ, съ прибаутками потащили вонъ Щенятева. Часу не прошло, вбѣжалъ самъ митрополитъ Іоасафъ, очевидно, не зная, что здѣсь произошло.

— Къ тебѣ прибѣгаю, государь!.. Къ владыкѣ земному... Агаряне нечестивые въ Чудовомъ обложили меня. Я въ Троицкое подворье... Тамъ запрусь, думаю. Да, вѣдь, черно отъ силы отъ ихней идумейской, діавольской!.. И самъ антихристъ, Шуйскій Иванъ ведетъ... Спаси, государь... Стражу кликни...

Но стража ни къ чему не послужила. Малое число людей Бѣльскій ставилъ во дворцѣ, опасаясь дать отроку Ивану въ руки много ратныхъ людей. Теперь самъ поплатился за это.

Вторично съ крикомъ и гомономъ ворвалась буйная, дикая, полупьяная ватага въ покои Ивана Васильевича.

Во главѣ — Шуйскій, князь Иванъ.

— Какъ посмѣлъ ты безъ приказу моего съ Владиміра съѣхать?—перепуганный на смерть, но бодрясь еще, спросилъ строго юный великій князь и выступилъ впередъ...

Толпа назадъ подалась. Іоасафъ въ это время успѣлъ черезъ другую дверь вонъ убѣжать и кинуться въ Троицкое подворье.

Шуйскій на слова отрока—грубо оттолкнулъ его отъ себя и крикнулъ:

— Молчи!.. «Волченокъ» молодой... Іоасафа лучше головой намъ выдай! Измѣнникъ онъ землѣ и смѣстить его надобно, иного пастыря стаду дать...

Внѣ себя отъ обиды, отъ грубаго толчка, мальчикъ

обезумѣлъ... Съ пѣной у рта схватилъ со стола у постели тяжелую книгу съ застежками въ кожаномъ переплетѣ и ударилъ ею обидчика.

Шуйскій успѣлъ уклониться... Слегка только поцарацало високъ ему угломъ... Злобно схватилъ бояринъ мальчика и швырнулъ его на кровать. Падая, тотъ весь вытянулся, затрепеталъ и сильнѣйшій, еще небывалый у ребенка, припадокъ судорогъ тутъ же начался...

— Ну, ладно, выздоровѣешь... крикнулъ бездушный крамольникъ и кинулся со всѣми по слѣдамъ Іоасафа, къ Троицкому подворью...

Совсѣмъ дикая сцена разыгралась тамъ.

Въ Кирилловомъ Бѣлоозерскомъ монастырѣ заключили Шуйскіе Іоасафа, а на митрополичье мѣсто посадили «старателя своего», — новогородскаго же архіепископа Макарія, давняго друга покойнаго царя Василія.

Главное было сдѣлано: власть вернулась въ руки Шуйскихъ. Съ ними ликовали и Палецкіе, и Кубенскіе. Но душа заговора, князь Иванъ, не пожалъ плода отъ злодѣяній своихъ: черезъ годъ — его не стало. Отравили, говорятъ...

На первое мѣсто встали Иванъ да Андрей Михалычи Шуйскіе, да Шуйскій-Скопинъ, князь Ѳеодоръ Ивановичъ...

Годъ прошелъ еще.

Съ той ужасной ночи и послѣ сильнаго припадка своего, круто опять измѣнился великій князь. Замолкъ, поблѣднѣлъ, осунулся... Не слышно стало смѣха частаго, который такъ и звенѣлъ раньше въ каждой горницѣ, гдѣ Иванъ съ братьями игралъ, или съ ребятами голоусыми. Это все были дѣти бояръ и дворянъ значительныхъ, которые «на верху», въ царскихъ покояхъ воспитывались...

Отсталъ отъ игръ царь-отрокъ. Читаетъ только постарому, много. Еще больше прежняго.

Изъ верхнихъ ребятъ — особый любимецъ у него объ-

явился, старше его года на три, на четыре: Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ, испорченный, лѣнивый мальчикъ, — царскій рында (замѣняющій пажей при московскомъ дворѣ).

Скоро Иванъ также облѣнился, позабылъ и любимыя книги свои, и прежнія забавы, словно совсѣмъ отупѣлъ, — только и дѣлалъ, что по саду бѣгалъ, игралъ со своимъ товарищемъ. А припадки чаще повторяться стали...

Скоро враги Шуйскихъ съ друзьями своими — смекнули, что тутъ можно сдѣлать? Черезъ отца Воронцова, падкаго на подкупъ, стали они мальчика-Ѳедю учить, какъ надо вооружать Ивана-царя противъ правителей.

— Знаешь, Ваня, — мягкимъ голосомъ, съ лѣнивою манерою сталъ нашептывать разъ вечеромъ Воронцовъ Ивану: — Шуйскіе-то всю казну отца твоего — себѣ перетаскали... И сейчасъ — не столько добытку въ твою казну идетъ, сколько къ ихъ рукамъ прилипаетъ. Ты бы отца моего къ казнѣ большой приставилъ... Вотъ, тогда заживемъ мы съ тобой...

— Ну, что ты?!. Не видалъ развѣ, миленькій, какъ они со мной? Не чинятся ничуть... Словно они — государи, а я ихній вотчинникъ.

— Да самъ виноватъ!.. Пригрозить не умѣешь.

— Чѣмъ грозить-то?

— Вотъ на! Да откуда сила у нихъ? — повторяя натверженный отцомъ урокъ, заговорилъ Ѳедоръ. — Въ чемъ сила, знаешь ли? Въ имени твоемъ царевомъ!.. Напиши на лоскуткѣ бумаги имя свое... Да хоть мнѣ, или отцу моему въ руки дай... Я любому воеводѣ прикажу перехватать ихъ, да удавить... Нынче же... А то скажи имъ раньше: «Молъ, если не сдѣлаете по моему, — на площадь выду... На Лобномъ мѣстѣ стану, кличъ кликну: «Народъ православный, люди московскіе?!. Кто заступится за меня, спасетъ отъ боярскаго своеволія?..» И струсятъ они тутъ же! Ужъ помяни мое слово!..

— Хорошо, Ѳедя... Хорошо, миленькій!.. пообѣщалъ царь-мальчикъ другу. И скрѣпилъ поцѣлуемъ обѣщаніе.

Все исполнилъ, все повторилъ при первомъ же случаѣ Иванъ, что Ѳедя ему говорилъ. Дѣло было въ Столовой палатѣ, на обычномъ совѣтѣ государевомъ 9 сентября 1543 года.

Нахмурились Шуйскіе, зароптали Кубенскіе, Пронскіе, Басмановъ Михаилъ съ ними и Ѳедька Головинъ.

— Что за рѣчи негожія? Откуда ихъ взялъ ты, государь, не потаи!..

— Ни откуда не взялъ! — упрямо хмурясь, отвѣтилъ государь. Самъ я такъ надумалъ, рѣшилъ... Самъ такъ и сдѣлаю... Пиши, дьякъ... обратился онъ къ дьяку палатному.

Тотъ, не зная что дѣлать: писать, или нѣтъ? — переводилъ глаза съ Шуйскихъ на Ивана и обратно.

Андрей Шуйскій, теперь стоящій первымъ въ роду, — только бровью повелъ — и дьякъ застылъ въ своей прежней безстрастной позѣ, словно и не слыхалъ слова царскаго.

— Пиши, говорю, холопъ! — крикнулъ, блѣднѣя, отрокъ.

— Потерпи малость, государь... Все будетъ написано и сдѣлано. Да обсудить же малость дай... Не простая вещь... Вишь, Воронца Сеньку — къ большой казнѣ приставить... Волка — овечье стадо стеречи... Не измѣнишь ли волю свою государскую.

Тринадцатилѣтній, но много въ жизни извѣдавшій мальчикъ почуялъ, что глумятся надъ нимъ. Онъ постарался не выйти изъ себя, чтобы не потерять преимущества надъ мучителями.

— Нѣтъ, не перемѣню моей воли государской... спокойно по виду отвѣтилъ Иванъ. Только какая-то больная струна зазвенѣла въ звукахъ голоса.

— Что дѣлать, видно исполнить придется... — мигнувъ единомышленникамъ, опять мягко процѣдилъ Шуйскій. —

А еще, отче митрополитъ, ты попроси: не уважитъ ли твоей просьбы пастырской строгій нашъ царь-государь.

— И то, сыне! — медленно, убѣдительно и плавно заговорилъ ставленникъ Шуйскихъ, волей-неволей покорный имъ Макарій: не отмѣнишь ли? Казна твоя большая хорошо оберегается... И малая — тожъ... За какую провинность людей смѣнять? Не водится... Ну, скажемъ, если ужъ такъ тебѣ твой слуга любъ, иначе чѣмъ возвысь его...

— Царь я, не царь я?.. крикнулъ мальчикъ, забывая даже почтеніе къ сану святителя. — Его, вотъ его... указывая на сидѣвшаго, словно на горячихъ угляхъ Семена Воронцова, заговорилъ быстро царь: — его къ казнѣ... Нынче же приставить... Не то кличъ кликну... Народъ на васъ подниму, на мятежниковъ...

— Вотъ оно что! — блѣднѣя отъ ярости, заговорилъ Шуйскій. — До того ужъ дошло... Царь — на вѣрныхъ слугъ своихъ, на бояръ на первыхъ, — народъ натравить желаетъ... Ну, какъ по твоему не сдѣлать теперь?!. Его? его, вотъ, — къ казнѣ къ большой?!. Ну, а змѣеныша этого, наушника, — указывая на стоявшаго за мѣстомъ царевымъ Ѳедора Воронцова, загремѣлъ бояринъ: — Его куды?.. Ужъ не на мое ли мѣсто?.. И сказать народу: за что онъ тутъ отъ царя посаженъ!.. Что народъ скажетъ? А?.. Иди, садись, голубчикъ...

И, вплотную подойдя къ оробѣлому отъ неожиданнаго поворота дѣлъ, Ѳедѣ, Андрей Шуйскій повлекъ юношу къ своему мѣсту, прочь отъ Ивана...

Окружающіе поняли маневръ... Вскочили... Кто окружилъ великаго князя Ивана, другіе стали тащить прочь изъ покоевъ Ѳедю Воронцова... Засверкали ножи въ рукахъ.

— Убить... Убить гадину, что промежду царя и бояръ рознь сѣетъ! — первый крикнулъ Шкурлятевъ-князь.

Съ воплемъ рванулся на помощь другу Иванъ, но плотной стѣной стояли тутъ бояре: и Пронскіе, и Палецкій...

Затѣмъ, когда уже увели Воронцовыхъ, сына и отца, совсѣмъ, вонъ изъ палаты — и эти бояре въ догонку побѣжали...

Оборванный, избитый, блѣднѣе смерти, мотался въ рукахъ палачей Ѳедя и молилъ о пощадѣ. А тѣ все тащутъ впередъ, изъ горницы въ горницу, на дворцовое крыльцо...

Иванъ кинулся на колѣни передъ митрополитомъ.

— Святитель! Заступись... Только бы они, злодѣи, не убили его... Пусть все будетъ по-ихнему!.. Бѣги скорѣе... Какъ хотятъ, стану покоряться имъ!.. Только бы не убили его, Ѳедю несчастнаго!..

Всталъ, пошелъ Макарій, высокій, сухощавый, на ходу слегка раскачиваясь...

Къ Морозовымъ, сидѣвшимъ тутъ же, въ сторонѣ, печальнымъ и молчаливымъ, къ нимъ кинулся юный князь.

— Васъ чтутъ бояре, чтитъ народъ... Ради Спасителя, молю: застойте за Ѳедю...

Встали Морозовы, пошли на выручку...

Въ сѣняхъ дворцовыхъ, видятъ: сгрудились всѣ. Угрозы звучатъ... Ножи въ рукахъ...

Сталъ просить Макарій:

— Чада мои: Бога вспомните!.. Не проливайте крови подъ сѣнью царевой... Молодъ, глупъ парень... Сослать— и то кара будетъ ему!

И Морозовы голосъ подали.

— Опомнитесь, бояре... До народа еще долетитъ о насъ худая молва. Что хорошаго? И царь — не всегда въ молодыхъ годахъ пребудетъ. Попомнитъ услугу вашу.

Потѣшившіе свою душу надъ обоими Воронцовыми, бояре успѣли остыть на воздухѣ.

— Ну, инъ-ладно! — отозвался запѣвало — Шуйскій Андрей. Въ зашей ихъ съ крыльца... Эй, стража, подбери-ка казначеевъ княжевыхъ, господарскихъ!..

И когда кубаремъ слетѣли со ступеней, сброшенные внизъ, оба Воронцова, ихъ подхватили стражники Шуйскаго и повели въ тюрьму.

Великій князь Иванъ видѣлъ это въ окно. Не успѣлъ вернуться въ столовую палату митрополитъ, какъ отрокъ кинулся къ нему:

— Спасибо, отче... Видѣлъ я: вызволилъ ты несчастныхъ. Вѣкъ тебя не забуду... Еще прошу: поди, отъ меня Шуйскихъ моли: недалеко бы ихъ... Въ Коломну бы ихъ, чего лучше?.. Пусть тамъ пока-что проживаютъ Воронцовы, если ужъ изъ Москвы ихъ выбить задумали... Вонъ, шумятъ бояре на крыльцѣ... Толкуютъ видно: какъ дальше имъ быть?.. Скорѣй иди, отче!

Опять вернулся Макарій на крыльцо.

— Съ чѣмъ опять? — крикнулъ ему Ѳомка Головинъ, особенно нелюбившій Воронцовыхъ и недовольный, что не дали ему прикончить недруговъ.

Макарій передалъ просьбу царя.

— Въ Коломну?!. Ишь ты!.. А то еще въ Тверь, благо Москвѣ она дверь! — съ издѣвкой подхватилъ Ѳомка. — Поди, скажи княжати своему: не бывать тому!.. Ступай, ступай...

Яростно надвигаясь на Макарія, чтобы заставить того уйти, Ѳома тяжелымъ, подкованнымъ сапогомъ наступилъ на край его мантіи и затрещала, разрываясь крѣпкая ткань.

Макарій не сдвинулся.

Также мягко, плавно и внушительно, какъ всегда, онъ произнесъ.

— Да сбудется реченное пророкомъ: раздѣлили ризы мои между собою и объ одеждѣ моей бросали жребій...

Услыхавъ такой упрекъ, сравненіе ихъ съ мучителями Христа, бояре сдержаться захотѣли.

— Иди, отче, съ миромъ къ царю и скажи: въ Коломну — больно близко для измѣнниковъ, доносчиковъ и воровъ вѣдомыхъ... На Кострому мы ихъ сошлемъ... сказалъ Андрей Шуйскій.

Сталъ просить Макарій:
— Чади мои, Бога вспомните. Не проливайте крови подъ сѣнью царевой.

Молча выслушалъ отвѣтъ бояръ Иванъ, безъ звука, низко поклонился святителю — и прочь пошелъ въ свою горницу.

Не плакалъ ужъ онъ, не приходилъ въ ярость, какъ въ другіе разы... Шелъ медленно, словно и не видалъ ничего вокругъ... Вотъ ужъ у себя въ покоѣ онъ...

Сидящій здѣсь, десятилѣтній Юрій, котораго всегда любилъ и ласкалъ государь-братъ старшой, — тотъ, несмотря на всю тупость свою, когда увидалъ страшное, перекошенное злобой лицо Ивана — не осмѣлился даже подойти къ нему. Притихла и Евдокія Шуйская, двоюродная сестра Ивана, тутъ же, какъ мышка прикурнувшая, подъ надзоромъ няньки, боярыни неважной...

И хотѣла — и боялась она подойти, спросить: что съ братцемъ, всегда такимъ веселымъ и ласковымъ съ ними съ «малышами», какъ звалъ Иванъ ее и Юру, гордясь своимъ старшинствомъ.

Молча дошелъ Иванъ до окна, въ глубокой нишѣ котораго были два выступа по бокамъ сдѣланы, словно скамейки двѣ, и ковриками перекрыты...

Не сѣлъ онъ, а такъ, стоя — глядѣлъ на площадь въ раскрытое окно.

Слышитъ, — что-то живое, мягкое завозилось у ногъ его.

Взглянулъ онъ: кошечка, любимый котенокъ это Евдокіи, котораго и самъ Иванъ порою баловалъ. Теперь котенокъ подобрался къ ногамъ княжимъ, сталъ лапкой за кисть сапожка сафьяноваго потрогивать-поигрывать; мурлычитъ еле лышно, сласково...

Вдругъ, съ какимъ-то яростнымъ, глухимъ, горловымъ взвизгомъ, скорѣй похожимъ на вой звѣря, чѣмъ на крикъ человѣческій, поднялъ ногу Иванъ и съ быстротою молніи опустилъ ее прямо мѣдной подковкой на головку бѣднаго звѣрька... Тотъ и не мяукнулъ... Раздался черепъ... А Иванъ все топталъ звѣрька и приговаривалъ глухимъ, хриплымъ шопотомъ:

— Андрею-такъ... Фомкѣ-такъ... И Алешкѣ... И Шкурлятеву... И Кубенскимъ... Такъ... такъ... такъ...

И вдругъ, нагнувшись, схватилъ истоптанное животное и съ какимъ-то необычайнымъ, заливчатымъ хохотомъ швырнулъ изъ окна туда, внизъ, въ шумную народную толпу, снующую передъ дворцомъ...

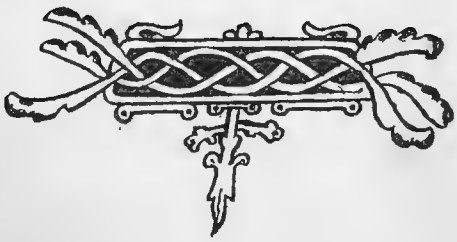
Нянька, въ испугѣ, выбѣжала... Дала знать митрополиту и большимъ боярамъ, что съ государемъ неладное творится что-то... Евдокія сначала окаменѣла отъ страха и жалости за свою кошечку, но вдругъ опомнилась... Кинулась сперва къ братцу... Потомъ къ дверямъ... Словно побѣжать хотѣла туда, на площадь, гдѣ, окровавленное, лежало тѣльце ея любимицы... Но тутъ ее переняла возвращавшаяся нянька.

А Иванъ, заливаясь все тѣмъ же больнымъ, неудержимымъ хохотомъ, повалился на выступъ у окна — и по тѣлу, по лицу у него стали пробѣгать частыя судороги, — предвѣстники обычнаго припадка *).

*) Царствен. Кн. — Сказанія кн. А. Курбскаго. — Письма Ивана Грознаго къ А. Курбскому.

Часть II.

СВѢТЛАЯ ПОРА.



Передъ зарей.

(Годъ 7051-й [1534], 29 декабря) *).

Большое «гостеванье», пиръ честной идетъ въ новомъ домѣ дьяка посольскаго, богатаго новгородскаго вотчинника, Ѳедора Григорича Адашева.

Очень недавно пріѣхалъ Адашевъ со всей семьей на Москву, а повезло ему. И службу хорошую доброхоты доставили, и дворъ такой, хоромы новыя вывелъ онъ, — какихъ въ Новгородѣ не имѣлъ.

Положимъ, не зря снялся дворянинъ со стараго своего пепелища и поѣхалъ новаго счастья въ новомъ краю искать.

Кромѣ различныхъ, торговыхъ и родственныхъ связей, какими зачастую новгородцы обзаводились среди москвичей, среди этихъ, хотя и менѣе богатыхъ, но болѣе могущественныхъ сосѣдей, у старика Адашева нашлось два особливыхъ помощника, два добрыхъ давнихъ пріятеля въ Москвѣ-Бѣлокаменной, которая теперь не одной силой и значеніемъ государственнымъ, но и красотой своихъ новыхъ строеній стала затмевать древній «градъ Св. Софіи».

Одинъ изъ этихъ двухъ — самъ Макарій, бывшій архіепископъ новгородскій, теперь — митрополитъ московскій и всея Руси.

---

*) Источники тѣ-же, что и въ 1-й части.

Другой—коренной новгородецъ, землякъ и старинный благожелатель Адашевыхъ, – Сильвестръ, отецъ-протопопъ Благовѣщенскаго собора кремлевскаго, переведенный сюда еще Іоасафомъ, но дружный и съ Макаріемъ, новымъ митрополитомъ московскимъ.

Года полтора-два всего какъ переѣхалъ іерархъ верховный Макарій изъ Нижняго на Москву.

И тогда же, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ сторонниковъ своихъ, уговорилъ онъ и Адашева переселиться за собой.

— Все же — «свои люди» тамъ будемъ, не совсѣмъ одни въ чужой сторонѣ!—полушутя, полусерьезно объявилъ умный пастырь Макарій, когда узналъ о своемъ назначеніи на митрополичій престолъ.

— Оно, слова нѣтъ: самъ князь Ондрей меня ставитъ... Да сказано: «не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе»... Нынчѣ князь Шуйскій таковъ, завтра — инаковъ. А оно — чѣмъ выше сѣсти, тѣмъ больнѣй упасти? Не такъ ли, отецъ протопопъ? — обратясь къ Сильвестру, бывшему при разговорѣ, продолжалъ Макарій, глядя на него открытыми, ясными глазами и медленно перебирая на рукахъ зерна топазовыхъ четокъ, похрустывавшихъ своими острыми гранями.

— Тебѣ ли не знать, отче?.. Видали мы: куды изъ митрополичьихъ-то покоевъ угодить можно! И скоренько!..

— То-то-жъ! А твой сынъ и ты, Ѳедя, мнѣ же надобны будете... — снова обратился къ Адашеву пастырь.— Ты — правая рука мнѣ въ дѣлахъ... А сынъ — въ книжной премудрости помощникъ... Свѣтлый разумъ ему Господь далъ. Если когда захочетъ священный санъ пріять — до большаго достигнетъ. И разумомъ свѣтелъ, и духомъ чистъ!.. Люблю его, прямо тебѣ говорю, Ѳедя! — обратился Макарій къ Адашеву.

Тотъ только низко поклонился на добромъ словѣ:

— Твои люди, владыко. Какъ прикажешь. Хошь

завтра-жъ сберуся, опричь хоромъ, со всѣмъ дворомъ, и съ чадью, и съ домочадцами!..

Сказано — сдѣлано.

На Москвѣ сперва Адашевъ всей семьей у дружка одного всталъ, благо широко строились тогда люди, которые побогаче. Трудъ — почти даровой; кабальный, по большей части. Лѣсу — за алтынъ — на рубль навезутъ. Кругъ Москвы лѣса стоятъ, взглянуть на верхушки деревъ — шапка валится.

Двухъ мѣсяцевъ не прошло, осень еще не подкатила вплотную, а ужъ Адашевъ новоселье справлялъ.

А теперь, вотъ, годъ спустя — опять большой пиръ у него. Третье декабря, Ѳеодора, ангела своего, чествуетъ хозяинъ.

Все исправилъ онъ, честь-честью. Въ шестомъ часу утра стоялъ уже съ двумя челядинцами, въ сѣняхъ митрополичьихъ, со своимъ именинным пирогомъ. Тутъ не мало уже набралось и другого люду. Кто — съ такой же нуждой, какъ самъ Адашевъ. Кто — благословенья на свадьбу дѣтей, на постройку новыхъ хоромъ, или на иное какое житейское дѣло у владыки испросить. Всѣмъ двери раскрыты.

Отошла ранняя служба. Впустили въ палату просителей и поздравителей. Макарій уже былъ предупрежденъ кто — зачѣмъ? Служки всѣхъ опросили и доложили ему.

Для всѣхъ и каждаго нашлось ободряющее слово пастырское. За дары — иконами всѣхъ мірянъ одарилъ владыка. На строеніе на новое — тоже иконами благословилъ.

Съ Адашевымъ особенно долго и ласково толковалъ Макарій.

Отпуская уже его съ благословеніемъ и передавая образокъ великомученика Ѳеодора, князя черниговскаго и ярославскаго, митрополитъ спросилъ:

— Такъ нынче, думаешь, все порѣшите?..

— Нынче, отецъ святый. Нынче. Такъ всѣ толковали...

— Ну, въ добрый часъ. Оно давно пора... Иди съ миромъ!..

Осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и отпустилъ.

Дворъ Адашева, какъ человѣка пришлаго и незнатнаго, ютился не въ самыхъ стѣнахъ Кремля, гдѣ имѣли свои хоромы только старые дружинники, да бояре знатные, или родичи и слуги царевы.

Построился Адашевъ у Никольскихъ воротъ, неподалеку отъ Земскаго двора, по сю сторону высокой Кремлевской каменной стѣны, отъ моста недалеко тоже, что черезъ Неглинку-рѣку перекинутъ былъ и сообщалъ Китай-городъ съ Зарѣчною частью, съ Занеглименьемъ.

Мостъ этотъ, широкій, съ крытыми лавками и помѣщеніями по бокамъ, на половину деревянный, на половину каменный, — велъ въ Бѣлый городъ. Здѣсь всегда кипѣла торговля и жизнь. Словно гнѣзда ласточекъ, лѣпилось жилье человѣка по бокамъ широкаго мостового проѣзда.

Откупивъ для себя довольно изрядный клочокъ земли, Адашевъ основательно обстроился, обведя высокимъ, крѣпкимъ тыномъ тотъ поселокъ, какимъ явился его новый дворъ. Всего тутъ было: и собственныя жилыя палаты, и женскіе терема, и даже особая храмина, въ родѣ часовни или «крестовой палаты» большихъ бояръ, гдѣ утромъ и вечеромъ, а то и трижды въ день, собиралась на молитву вся семья съ чадами и челядинцами.

Для послѣднихъ тоже были вытянуты людскія избы, попроще: лѣтники и зимники; тамъ же, въ глубинѣ двора, тянулись стойла и конюшни, и амбары, и клѣти, кладоушки. Словомъ, все, какъ быть должно, включая и садъ, довольно густой и обширный, съ прудомъ и бесѣдками.

Всѣ отдѣльные срубы, кромѣ черныхъ, людскихъ избъ, соединялись галереями, ходами, переходами и лѣстницами. Болѣе низкіе — жались къ высокимъ; пристройки и придѣлочки были налажены всюду и понемногу еше росли, по мѣрѣ надобности или увеличенія семьи и средствъ у хозяина.

Здѣсь, въ миніатюрѣ, повторялось то же, что съ палатами царскими, митрополичьими, боярскими... Что со всей Русью творилось въ этотъ періодъ ея наростанія и устройства. Жилось широко и прилаживался каждый къ своему вкусу и норову, не заботясь особенно о сосѣдѣ, или, хотя бы, о вопросахъ общественной цѣлесообразности.

Впрочемъ, и смыслъ былъ въ такомъ раскинутомъ построеніи. Въ случаѣ пожара, которые были часты и сильны въ тѣ времена, если часть деревянной усадьбы и погарала, другая часть могла уцѣлѣть и дать пріютъ, пока тамъ наново хозяева отстроятся.

Съ прошлаго вечера приборка шла въ домѣ: на утро знатныхъ гостей ждутъ. Правда, самъ не великъ бояринъ Адашевъ; да пришлый онъ, съ нимъ не такъ чинятся, съ выходцемъ новгородскимъ. Извѣстно: новгородцы—люди мірскіе, вольные... Да и самъ митрополитъ къ нему, къ Ѳеодору Григорьичу какъ-то изволилъ пожаловать. Сынъ Ѳеодора, Алексѣй — одинъ изъ любимыхъ юношей-дворянъ у митрополита. А это много значитъ для набожныхъ бояръ.

И сразу, словно своимъ сталъ незначительный посольскій дьякъ у такихъ родовитыхъ князей и бояръ, какъ Глинскіе, Челяднины, Годуновы; даже у самихъ Мстиславскихъ и Шуйскихъ — Адашеву пріемъ и почетъ.

Всѣ-то они нынче обѣщали «побывать» на часокъ, именинного пирога откушать, хозяину здравія и долголѣтія пожелать за чарой вина добраго...

И собрались рано, по обычаю... Послѣ полуденъ.

Всѣ почти тутъ: Григорій и Михаилъ Юрьичъ Захарьины-Юрьевы, бояринъ Юрьевъ, Романъ, отецъ Анастасіи, будущей царицы московской... Челяднинъ, Иванъ Андреевичъ, охотничій царскій, любимый, — молочный братъ юнаго царя, хотя и много старше онъ Ивана Васильевича; князь Михайло Курбскій пожаловалъ, Иванъ Годуновъ съ нимъ, отецъ Бориса, будущаго государя самоставленнаго; Воронцовы: тутъ Илья да Матвѣй, дальніе родичи, сослан-

ныхъ недавно, любимцевъ царскихъ: Ѳедора и отца его... Михайло и Юрій Васильевичи Глинскіе пожаловали, дядевья царскіе, давніе враги Шуйскихъ. Курлетевыхъ двое, Бѣльскій Яковъ, Ховрины-Головины, старинный родъ, изъ Сурожа-града выходцы, родня тѣмъ Головинымъ, что Шуйскаго руку держутъ, только не за одно они съ родичами. Князь Хованскій, Андрей Ѳедорычъ здѣсь, тесть будущій Владиміра Андреевича, Старицкаго князя, двоюроднаго братца царскаго.

Ѳедоръ Барминъ, какъ одинъ изъ самыхъ почетнныхъ гостей, въ переднемъ углу сидитъ. Онъ духовникъ юнаго царя.

Не любитъ попъ новаго митрополита, не любитъ и Глинскихъ, которые среди всѣхъ собравшихся — первые; но сильнѣй всего не любитъ онъ Шуйскаго Андрея.

Обманулъ верховный бояринъ Бармина. Архіерейство за постоянную помощь, а тамъ — и клобукъ митрополичій попу обѣщалъ, да все водитъ, все манитъ... Рѣшилъ порвать съ первосовѣтникомъ Ѳедоръ. А для этого надо съ Глинскими подружиться.

Ѳедоръ Михайлычъ Мстиславскій князь, прямой Рюриковичъ, съ сыномъ пріѣхалъ, съ юнымъ Иваномъ, кравчимъ и очень близкимъ человѣкомъ у юнаго царя. Старикъ — тоже одинъ изъ первыхъ въ думѣ послѣ Андрея Шуйскаго. Недаромъ покойный царь Василій Ивановичъ женилъ князя Ѳедора на единокровной племянницѣ своей Анастасіи, рожденной отъ крещенаго царевича казанскаго Петра и отъ Евдокіи, родной тетки царя Ивана малолѣтняго.

Такимъ образомъ, Иванъ Ѳедоровичъ, рожденный отъ брака Мстиславскаго съ Анастасіей Петровной, хоть лѣтъ на семь и старше юнаго царя, но доводится тому троюроднымъ племянникомъ.

Заглянулъ на пирушку и родичъ князь Ѳедора, молодой стольникъ Иванъ Дмитричъ Мстиславскій.

Сабуровъ бояринъ тутъ, Иванъ Иванычъ, Замятня-Кривой прозвищемъ. Съ другими пріѣхалъ и смѣлый воитель, происходящій отъ древняго колѣна Суздальскихъ волостелей и князей, отважный воевода, князь Александръ Горбатый, Кубенскій Иванъ, и не мало другихъ еще, богатыхъ и знатныхъ.

Конечно, припожаловали и сослуживцы Адашева по Приказу, но, видя: въ какое блестящее общество попали?— не стали очень засиживаться. Да и столы для почетныхъ гостей стояли отдѣльно отъ общихъ, гдѣ помельче людъ сидѣлъ.

Этимъ-то накрыли столы и въ сѣняхъ, большихъ и свѣтлыхъ, замѣнявшихъ въ тѣ времена въ домѣ пріемную комнату, и въ трапезной людской, большой чистой горницѣ, особливо-парадно прибранной и изукрашенной теперь. Полы застлали циновками, и полавочники полстянные набросили на деревянныя лавки, что вдоль стѣнъ тянутся.

Передъ каждымъ крыльцомъ вездѣ рогожи большія, штукъ по нѣсколько разостлано: ноги отъ снѣгу отирать, чтобы въ хоромахъ не наслѣдить. Рогожами новыми, чистыми, — переходы и полы вездѣ устланы. А въ иныхъ покояхъ, гдѣ знать передъ обѣдомъ собираться должна, и въ самомъ столовомъ покоѣ даже цыновки узорчатыя и дорожки бѣлыя положены. Недаромъ изъ Сурожа и Адашевъ родомъ. Знаетъ, какъ надо домъ обрядить по хорошему. И то про итальянцевъ-сурожанъ толкъ идетъ, что у нихъ порой хоть и въ брюхѣ щелкъ, да на брюхѣ шелкъ. Умѣютъ товаръ лицомъ показать! Стѣны въ покойчикахъ «собинныхъ» у Адашева и коврами увѣшаны, и вещами дорогими разными затѣйными заставлены.

Шубы да охабни свои гости на крытомъ крыльцѣ да въ обширныхъ сѣняхъ поснимали, сами въ кафтанахъ за столъ пошли. У шубъ люди стоятъ, наготовѣ и для береженья, чтобы путаницы не вышло.

Самый пиръ тоже не зря налаженъ. Поклонился Адашевъ боярину Мстиславскому, доброму и ласковому, тотъ отпустилъ своего дворецкаго домомъ править у Адашева на весь день. Клюшники и слуги домашніе помогаютъ важному, толстому распорядителю, который ростомъ и дородствомъ любому вельможѣ не уступитъ.

Обѣщалъ ему именинникъ поминки хорошія. Да и есть за что. Наканунѣ еще осмотрѣлъ Молчанъ Всячина, такъ звали дворецкаго, — поле сраженія: запасы и вина приготовилъ, поварамъ, тоже принанятымъ, — приказы отдалъ. А теперь, видя, что дворня Адашева, хотя и большая, все же неопытна и съ порядкомъ не справится, — отобралъ изъ челяди, которая во множествѣ за господами пріѣхала, по одному, а то и по два отъ каждаго гостя, и къ дѣлу приставилъ. Все какъ по маслу пошло. Привычны челядинцы къ боярскимъ пирамъ широкимъ, и каждый знаетъ свычаи да обычаи господина своего: что любитъ, что не любитъ тотъ, да какъ ему служить?.. Все дворецкому говорятъ. Тотъ слушаетъ и налаживаетъ. А челяди любо: и самимъ подоночки перепадутъ, и алтынъ-другой подаритъ ужо хозяинъ за услугу.

Такъ все хорошо и чинно пошло, словно бы равный равныхъ у себя принимаетъ, а не случайникъ-угодникъ боярскій своихъ покровителей и милостивцевъ чествуетъ.

Сіяетъ Адашевъ. Всюду поспѣваетъ, повинуясь указанію толстаго Молчана Всячины. Два сына: Андрей да Данилко-подростокъ помогаютъ отцу.

Шумъ и гамъ на дворѣ и въ избахъ людскихъ; въ поварняхъ — сущій адъ! Дворъ людьми и колымагами заставленъ.

Даже на улицѣ передъ широко-раскрытыми, обыкновенно же крѣпко притворенными воротами, сани и возки стоятъ. И внутри двора, въ саду, гдѣ онъ граничитъ съ задворками, здѣсь мѣсто немного порасчищено, верховые кони стоятъ, тѣхъ гостей, кто верхомъ пріѣхалъ. Сѣно

всѣмъ лошадямъ брошено, овесъ даденъ. Иные гости свои запасы привезли, другимъ — клюшникъ выдалъ. Стоятъ, терпѣливо дожидаются кони, изрѣдка вздрагиваютъ, ушами поводятъ, фыркаютъ.

Конюхи и кучера, что сторожатъ коней, въ кучки сбились, толкуютъ, пьютъ и закусываютъ тутъ же, благо и о нихъ вспомнили. Молодые парни галдятъ, борются, шутки шутятъ. И стонъ стоитъ во дворѣ и въ избахъ людскихъ, гдѣ челядь, пріѣхавшая съ гостями, тоже ѣстъ, пьетъ и угощается.

Какъ поѣли, стемнѣло ужъ, лучины и каганцы тутъ зажгли, домры и балалайки зазвенѣли, плясъ и пѣсни начались... Не отстаютъ черные люди отъ бояръ и князей, поминаютъ Ѳеодора, ангела хозяйскаго.

Столованье въ палатахъ хозяйскихъ тоже ужъ отошло. Свѣчи въ люстрахъ и лампадники большіе вездѣ зажжены. Не мало гостей разъѣхалось, особенно изъ тѣхъ, кто попроще. А знатные бояре разошдись во всю и не думаютъ во свояси собираться.

Все какъ-то «свои» подобрались, словно по уговору, и какъ дома себя чувствуютъ. Смѣхи, шутки...

Люди здѣсь все не старые: кому тридцать — сорокъ, рѣдко кому пятьдесятъ. И выпить охочи, какъ всѣ тогда это дѣлать любили. А погребъ у Адашева на рѣдкость! Недаромъ онъ и самому митрополиту фряжскія вина выписывалъ! Только пьютъ-пьютъ гости, а сами другъ на дружку поглядываютъ, словно ждутъ чего. Толкуютъ все про дѣла и семейныя, и государскія. Туго что-то жить стало.

Конечно, хвалятъ всѣ отсутствующаго первосовѣтника и чару про его здоровье пили послѣ чары государевой... Нельзя иначе. Здѣсь за столами, разставленными покоемъ, много сидитъ завѣдомыхъ «ласкателей», «похлѣбниковъ» князя Андрея Шуйскаго... Да, вѣрно, и среди челяди, шныряющей за услугой между столовъ, — не мало есть

«послуховъ», подкупленныхъ шпіоновъ властолюбиваго князя. Извѣстное дѣло: чуть человѣкъ у царя въ силу вошелъ, онъ вездѣ старается глаза и уши имѣть, чтобы знать все: что гдѣ говорятъ или дѣлаютъ?

Какъ дома устроено, такъ Москва и въ иныхъ краяхъ поступаетъ: у салтана турскаго, у хановъ казанскаго и крымскихъ, вездѣ свои слуги у Москвы есть. А касимовскій, подвластный царекъ такъ шпіонствомъ опутанъ, что и шагу ступить не можетъ, чтобы отклика въ теремахъ московскихъ не было.

Такъ ужъ дома, у себя люди сильные, полномочные зорко и за друзьями, и за врагами слѣдятъ.

Правда: слишкомъ незначителенъ Адашевъ, чтобы думалъ о немъ первосовѣтникъ, слишкомъ все естественно и ловко сложилось сегодня, чтобы онъ заподозрить что-либо могъ, но «береженнаго, говорятъ, Богъ бережетъ!».

И каждое слово счетомъ и съ опаскою говорятъ бояре, даже злѣйшіе враги Шуйскаго, хотя и раскраснѣлись ихъ лица, сверкаютъ глаза и разстегнуты вороты шелковыхъ, богато-расшитыхъ косоворотокъ-рубахъ.

И не столько наружная теплынь и духота покоя томитъ застольниковъ, сколько внутренній огонь, жажда неукротимая.

Только, странная вещь: чѣмъ больше заливаютъ они огонь, чѣмъ больше утоляютъ жажду, осушая кубки и стопы, одну за другой, тѣмъ сильнѣй духоту и жажду чувствуютъ.

Много мѣстъ опустѣло за столами, уставленными вдоль всей обширной горницы.

Кто за добра ума уѣхалъ, кто свалился подъ столъ и храпитъ. Другихъ слуги заботливо вынесли, уложили въ сани, въ колымагу ли, и домой на отдыхъ повезли.

А кучка бояръ, изъ тѣхъ, кто выше названъ, все сидитъ, словно чего-то дожидается.

Человѣкъ двадцать, двадцать пять ихъ, которые, нѣтъ-нѣтъ,—да и переглянутся или на остальныхъ гостей посмотрятъ, на человѣкъ пятнадцать — двадцать, тоже «питуховъ знатныхъ», которые, очевидно, могутъ пить вино, словно воду.

Уставъ отъ хлопотъ, присѣлъ и хозяинъ. А сыновья его съ тремя-четырьмя княжатами да боярскими дѣтьми, что помоложе, пошли послѣ стола на конюшни, новаго аргамака смотрѣть, рѣдкой аравійской породы, котораго за большія деньги въ Астрахани для сына Алексѣя, любимца, старикъ Адашевъ черезъ знакомыхъ купцовъ пріобрѣлъ. Потомъ, налюбовавшись на красавца-скакуна, перешли въ покои, гдѣ рѣдкіе заморскіе часы «боевые» и «воротные», на цѣпи, на шеѣ висящіе, красовались, жбаны и чаши рѣдкой чеканки, болваны, идолы восточные, оружіе рѣдкое... Все, что предки Адашева изъ Суража вывезли, или онъ самъ потомъ въ Новгородѣ торговомъ отъ проѣзжихъ торговыхъ людей накупилъ...

А старики все сидятъ, рѣчи веселыя толкуютъ...

— А что же верховный бояринъ нашъ, князь Ондрей не пожаловалъ? Пира-бесѣды не почтилъ?.. вдругъ спросилъ кто-то.

Адашевъ повелъ бровями и отвѣтилъ поспѣшно:

— Просилъ я, какъ же, просилъ его честь. Да, конешно: люди мы незначные!.. «Недосугъ, говоритъ. Коли справлюсь съ дѣлами — загляну. А лучше не жди!» И на томъ спасибо, конешно! Люди мы маленькіе! Ужъ какъ духу хватило просить о чести — не знаю! — какъ-то странно улыбаясь, закончилъ свою рѣчь хозяинъ.

— Эка вывезъ!.. А еще умный ты человѣкъ считаешься, Ѳедь! угрюмо отозвался вдругъ, молчавшій почти весь день, князь Андрей Ѳедоровичъ Хованскій.

Хоть и трезвъ онъ былъ совсѣмъ, въ ротъ вина не бралъ нынче по приказу лекаря, потому хворь одолѣла боярина: камчюгъ на ноги палъ, еле ходить даетъ, пальцы

горой раздуло и сейчасъ въ мѣховомъ чулкѣ одна нога, а не въ сапогѣ, — да не смолчалъ на слова Адашева.

— «Честь»... Просить какъ посмѣлъ?! А какъ же мы? Какъ же насъ? Али мы хуже Ондрюшки Шуйскаго?..

Всѣ, кто сидѣлъ за столомъ, насторожились. Сидѣли тутъ, хоть и безъ чиновъ, но группами, невольно подбираясь пріятель къ пріятелю.

Настроеніе у всѣхъ группъ было разное: кто о чемъ толковалъ, какъ на кого хмѣль дѣйствовалъ.

Но тутъ ясно выразилось два теченія.

Одни, «свои», перечисленные выше, гости — словно остановить хотѣли взглядами некстати разговорившагося самолюбиваго и раздражительнаго боярина, особенно подвинченнаго припадками подагры и невольнымъ воздержаніемъ, когда всѣ такъ аппетитно пили вокругъ.

Изъ второй половины, «чужаковъ», какъ ихъ въ умѣ называли первые,—кой-кто просто сталъ вслушиваться, заслышавъ смѣлое слово, а иные, даже вида не подавая, такъ и навострились, чтобы не пропустить ни звука, особенно, когда бесѣда приняла столь интересный оборотъ,

Эти послѣдніе, все друзья и присные Шуйскаго Андрея, даже сугубо стали осушать кубки, болтать съ сосѣдями, а сами все слушаютъ. Одинъ изъ нихъ вдругъ, словно совсѣмъ опьянѣлый, поникнулъ головой на скатерть, залитую, заваленную объѣдками, кусками, — и захрапѣлъ.

Адашевъ все это смѣтилъ. Не проглядѣли и другіе.

— Слышь-ка, тезка! прервалъ князя Хованскаго, очевидно собравшагося продолжать свою рѣчь, князь Андрей Дорогобужскій, старый, почтенный, поглаживая серебристую, большую бороду: — брось, милый! Вонъ и не пилъ ты, а горше насъ вздоръ мелешь. Хуже мы, не хуже его, а онъ — первый въ царствѣ, значитъ, ему и честь такова... Его дѣло, кого ему хочется жаловать...

— То-то и дѣло: жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь! —

уже негромко, сквозь зубы проворчалъ упрямый, не привыкшій сдаваться скоро, князь.— Э, видно домой мнѣ пора!..

И онъ сталъ подниматься при помощи слуги, который неподалеку наготовѣ стоялъ.

— Да, ужъ видно, пора!.. раздались и еще голоса, больше «чужаковъ».

Хозяинъ послѣднихъ не сталъ особенно удерживать. Прощаться начали, кланяться. Проводы до сѣней пошли.

— А только васъ, гости дорогіе, обращаясь къ группѣ «своихъ», сказалъ Адашевъ, не пущу я такъ скоро. Такая мнѣ радость!.. Въ кои-то вѣки всѣхъ моихъ печальниковъ да доброхотовъ въ моемъ дому повидать пришлося!.. Ужъ не пущу! Хошь ворота на запоръ!

— Ладно; посидимъ еще! за всѣхъ отозвался Милославскій.

— Да не здѣсь... Я, вотъ, гостей дорогихъ провожу. А потомъ въ другую горницу перейдемъ. Хоть и поменѣ она, да прохладнѣе тамъ. И топить нынче не сказано... Туды намъ и подадутъ все...

Быстро проводивъ уѣзжающихъ, вернулся хозяинъ къ пирующимъ. По-одиночкѣ, по просьбѣ хозяина, поднимались «свои» и, въ сопровожденіи Алексѣя, пришедшаго съ отцомъ, направились во внутренніе покои, въ теремъ.

Хозяйка и дочка Адашева со всѣми дѣвушками и мамками ушли изъ этой половины. Въ свѣтлицѣ дѣвичьей, гостей ради, сидятъ теперь, свою бесѣду ведутъ.

А два большихъ покоя убраны хорошо, столами уставлены, словно и ждали, что сюда кто придетъ.

Такъ вышло, что наверхъ только человѣкъ двадцать «своихъ» попало: остальнымъ Адашевъ съ поклонами заявилъ:

— Эка жаль! Не вмѣстимся всѣ тамъ! Видно, здѣсь догостюете! Вотъ, сынокъ Алеша послужитъ дорогимъ гостямъ. Въ угощеньи отлички не будетъ, не сумлѣвайтеся!..

— Ну, вотъ! Нешто мы не знаемъ хозяина ласковаго? раздалось въ отвѣтъ.

И, волей-неволей, всѣ нежелательные люди остались тутъ, внизу.

Когда Адашевъ самъ поднялся наверхъ, тамъ ужъ шелъ пиръ горой, словно затѣмъ только и собрались всѣ эти первые вельможи московскіе.

Въ передней горницѣ бубенъ гремѣлъ, цимбалы залились... Дѣвки дворовыя, еще раньше позванныя хозяиномъ, пѣсни лихія пѣли...

Гости, сидѣвшіе во второй комнатѣ, подтягивали пѣнью, пили... Кто-то, помоложе, даже по горницѣ въ плясовую пошелъ.

Въ раскрытыя двери все видно. И завтра же, если еще не сегодня, первосовѣтникъ знать будетъ, какъ весело ангела своего Ѳедька Адашевъ справлялъ, какъ кутили бояре, соперники Шуйскаго въ дѣлахъ правленія, а въ жизни радые только выпить и поплясать, гдѣ бы то ни было, хоть бы и у такого худороднаго вотчинника, какъ пришелецъ-новгородецъ.

Часъ или два такъ дѣло шло. Но потомъ картина измѣнилась. И кто заглянулъ бы теперь въ покой, замѣтилъ-бы, что не пьютъ гости Адашева, что не хмѣль да не бабьи пѣсни держутъ ихъ здѣсь такъ долго.

Сидя за столами, подъ звонъ и громъ музыки, подъ громкое пѣнье голосящихъ бабъ, какую-то важную вещь обсуждаютъ бояре.

Губы сжаты рѣшительно у всѣхъ, брови принахмурены. Голоса негромко, но внушительно и твердо звучатъ.

— Кажись, никого чужихъ? оглядѣвшись, заговорилъ Ѳедоръ Барминъ. — Можно и присягу дать?

— Можно... давай! послышались голоса.

Всѣ сгрудились вокругъ попа. Двое-трое только и самъ хозяинъ стояли въ дверяхъ, словно любуясь на пляски, а въ сущности затѣмъ, чтобы не дать любопытному или

подкупному глазу разглядѣть, что тутъ дѣлается. Слугъ тоже не было во второмъ покоѣ.

Въ первомъ ихъ всѣхъ поставили, безъ зову входить не велѣли.

Барминъ уже двинулся къ божницѣ въ углу и хотѣлъ взять большое, окованное серебромъ Евангеліе, какъ вдругъ увидалъ въ полуосвѣщенномъ пространствѣ какую-то фигуру, лежащую на полу, почти на половину подъ лавкой.

— Что такое, хозяинъ? обратился попъ къ Адашеву: кого ты здѣсь ранѣй насъ поштовалъ? Вонъ, ужъ одно мертвое тѣло лежитъ...

Адашевъ быстро подошелъ.

— Эге! наклонившись надъ лежащимъ, сказалъ онъ, разглядывая лицо несомнѣнно-пьянаго человѣка, котораго хмель свалилъ здѣсь и кинулъ подъ лавку.

Затѣмъ, поднявшись, объявилъ:

— Кабальный это мой недавній. Съ полъ-года, какъ записанъ. Самъ, говоритъ, изъ духовныхъ дѣтей... И здоровъ пить. Ранѣй, толковалъ, конюхомъ на дворѣ у Шуйскихъ служилъ. Да за слабость согнали... Къ вину слабъ... Видно, вотъ... допился.

При имени Шуйскихъ всѣ многозначительно переглянулись. А пьяный мужиченко лежалъ неподвижно, словно мертвый, только тяжело, неровно дышалъ, съ присвистомъ какимъ-то. Ротъ полураскрытъ, языкъ виденъ... Виномъ несетъ... Борода, сѣдѣющая ужъ, вся взмокла, взъерошена... Лицо космами волосъ полузакрыто. Противный, грязный... Мертвецки пьянъ.

— Что же? Сказано: веселіе есть пити!.. Не намъ однимъ! — подмигивая сосѣдямъ, заговорилъ Годуновъ. Богъ ему проститъ. Пусть лежитъ здѣся. Не помѣшаетъ...

— Конешно! отвѣтилъ въ тонъ Годунову Бѣльскій.

— Ну, вотъ! — морщась отозвался Глинскій Михаилъ: хлопъ смердящій тутъ будетъ валяться, гдѣ я веселиться хочу... Вонъ его!.. Вели-ка убрать, хозяинъ!..

— И то! — переглянувшись съ Глинскимъ, поддержалъ Мстиславскій: — лучше бы воздухъ очистить.

Адашевъ далъ знакъ двоимъ изъ челяди.

Слуги вошли и стали у дверей.

— Растолкайте-ка Тереньку да помогите ему ноги уволочь. Ишь, для ангела моего переложилъ, да не въ своемъ углу и свалился.

Подошли два дюжихъ парня, стали толкать спящаго, тотъ лежитъ и не шелохнется.

Привычнымъ дѣломъ, чтобы немного отрезвить товарища, одинъ сталъ неистово тереть пьяному уши и за ушами, да такъ, что ушная раковина захрустѣла. Налилось кровью лицо пьянчужки, а все лежитъ, не двинется. Не умеръ, дышетъ, а недвижимъ.

— Ужъ не оставить ли его?.. Пусть валяется! — опять спокойнымъ тономъ замѣтилъ Годуновъ. Только легкая усмѣшка прозмѣилась по устамъ. — Вѣдь, и то, не крамолу, не заговоръ мы вести собрались... Повеселиться, душа на распашку. Такъ смердъ ежели и увидитъ што непристойное, болтать не посмѣетъ...

— Просто, вынести его! замѣтилъ Адашевъ, начинавшій раздражаться, но подъ взглядами остальныхъ сохранившій внѣшнее спокойствіе. Возьмите-ка!

— Стойте! вмѣшался Воронцовъ, значительно переглянувшись съ другими: — попытаемъ малаго: крѣпко-ль спитъ? Вотъ ему фряжскаго вина хорошаго. Коли парень выпить не дуракъ — почуетъ, выглохчетъ!..

И, взявъ большую стопку съ крѣпкимъ ромомъ, бояринъ сталъ лить жидкость въ ротъ пьяному.

Тотъ не глоталъ и питье пролилось, еще больше смочивъ одежду, бороду, волосы спящаго.

— Вотъ бы теперя подпалить гада этого! — желчно сказалъ тогда Воронцовъ, отбрасывая опустѣлую стопку и направляясь невѣрными шагами къ столу за свѣчей. Вотъ потѣха будетъ!..

Адашевъ поднявшись, объявилъ:
— Кабальный это мой недавній. Съ полгода, какъ записанъ.—

— Что ты, бояринъ! остановилъ Горбатый: — да ежели онъ вправду такъ пьянъ, тутъ на мѣстѣ и сгоритъ!.. Утушить не успѣешь...

— Туды и дорога доводчику Шуйскихъ!.. сквозь зубы проворчалъ Воронцовъ и взялъ огарокъ.

— Загорится — вскочитъ! Тутъ мы и узнаемъ правду его. А сгоритъ, я кабальные гроши хозяину внесу!.. И, не удержанный никѣмъ, Воронцовъ швырнулъ огаркомъ въ лицо несчастному шпіону, который все время такъ прекрасно игралъ свою роль и теперь только собирался убѣжать, въ виду грозящей опасности.

Убѣжать горюнъ не успѣлъ. Огонь коснулся волосъ, смоченныхъ алкоголемъ, вспыхнула борода, волосы, вся одежда на несчастномъ и, дико закричавъ, этотъ живой факелъ, ослѣпленный, обезумѣвшій, сталъ метаться по комнатѣ, задѣвая людей, скамьи, столы, ища выхода и грозя распространить пожаръ по всему дому.

Князь Горбатый, одинъ не потерявшій присутствія духа при неожиданномъ финалѣ дикой шутки, быстро сбросилъ съ себя кафтанъ, раньше надѣтый на одно плечо, подбѣжалъ къ метавшемуся холопу-предателю, окуталъ ему плечи, голову, грудь своимъ кафтаномъ и крикнулъ:

— Еще одежи скорѣй!..

Остолбенѣлые въ первую минуту, бояре опомнились. Нѣсколько рукъ протянулось съ кафтанами. Окутали, какъ мумію, горящаго человѣка, затушили пламя.

Тутъ два челядинца подхватили несчастнаго, издававшаго жалобные, душу надрывающіе стоны, и унесли прочь...

— Теперя никуда не пойдетъ... Никому ничего не скажетъ! — прерывая воцарившееся тяжелое молчаніе, произнесъ все тотъ же Воронцовъ, довольный, что хоть чѣмъ-нибудь насолилъ Шуйскому.

— Присягу давай! угрюмо обратился къ Бармину Хованскій, на трезвое сознаніе котораго особенно тяжело повліяла дикая сцена.

Теперь только бояре оставались во второмъ покоѣ. Дѣвки, бабы, музыканты — убѣжали изъ сосѣдней, первой горницы, чуть вспыхнуло пламя:

— Горимъ! Горимъ! завопили челядинцы...

Адашевъ вышелъ, унять суматоху, поднятую ими въ домѣ, и успокоить всѣхъ, что пожара не случилось.

Когда онъ вернулся, бояре ужъ почти столковались о томъ дѣлѣ, ради котораго сошлись сегодня здѣсь.

— Ты, Ѳедоръ, раньше присягалъ... Слушай ужъ, какъ рѣшено! обратился къ нему Барминъ.

Говорилъ Мстиславскій старикъ.

— Всѣ мы видимъ: каковы любы да милы царю юному Шуйскіе. Нѣтъ ихъ — веселъ и радошенъ онъ, птенчикъ малый, солнышко наше красное... А войдетъ Ондрей ли, другой ли кто изъ ихней шайки, и задрожитъ весь, въ лицѣ перемѣнится свѣтъ-Иванъ Василичъ, государь нашъ. Самъ не кажетъ своего страху и горести. Вѣдь и за это терпѣть приходилось ему. Не разъ мы видѣли. И царя, и Русь, и насъ, первыхъ людей, обижаютъ, тѣснятъ да грабятъ Шуйскіе. Не бывать тому!

— Во вѣки не бывать! зазвучали полные сдержанной ярости, заглушенные голоса.

— Такъ, вотъ, Ваня... И ты, Никита!.. — обращаясь къ юношѣ, сыну своему, Ивану Ѳедорычу и къ Никитѣ Романовичу Юрьеву, молодому стольнику цареву, недавно еще въ «робятахъ верховыхъ» бывшему, продолжалъ князь Мстиславскій: — вотъ, вы обое часто царя съ глазу на глазъ видаете. Вмѣстѣ — игры игрываете... И улучите часъ. Разскажите: что̀ сейчасъ слышали. А для вѣрности, если усумнится въ васъ... Молъ: не Ондреемъ ли вы подосланы? — скажите: «Царь-государь! вотъ, святки близко. Всѣ у тебя перебываютъ, о комъ говоримъ мы. У каждаго, только въ потай отъ Шуйскихъ, — одно слово спроси: «У Адашева пировали-ль?» А тебѣ по одному всѣ одинако отвѣтятъ: «Врагамъ царевымъ на пагубу!..» Ты какъ это

слово услышишь, спознаешь: кто да кто за тебя? Можно-ль тебѣ бояться Шуйскихъ? Или пора пришла и на нихъ плетку взять». Поняли?

— Вѣстимо... Все поняли! — въ одинъ голосъ отвѣтили оба сверстника царева, гордые, что на ихъ долю выпала такая важная задача.

— И мы бы ему поговорили! — вмѣшался Глинскій Михаилъ. — Не хто другой — дядя родной царю... Вѣритъ онъ мнѣ... И брату Юрію... Да такъ ловко обставили племяша Шуйскіе, что въ ухо дунуть малому ничего не можно. Все кто-нибудь поблизу да вертится. Скажешь слово, а тебя, по пути домой, въ сѣняхъ царевыхъ схватятъ... И живъ не будешь до утра!..

— Конечно... Видали виды!.. отозвался Курлятевъ.

— Много они крови нашей пролили! — стукнувъ по столу, пробормоталъ Челяднинъ.

— А вы — ребята голоусые почитай... За вами такъ слѣдомъ слѣдить ужъ не станутъ... Вы и скажите... И чтобы на гайтанѣ у царя завсегда приказъ его былъ подписной готовъ... Безъ приказу — тоже никто на такое дѣло не пойдетъ... Онъ царь, — ему нѣтъ суда. А Шуйскіе — со всякимъ потягаются. Такъ, чтобы намъ оправка была: слово и подпись государева. А мы ужъ скрѣпимъ ее, какъ надобно... И печати тиснемъ по череду... Вотъ, слышите?..

— Слышимъ! отвѣчали оба молодые боярина, можетъ быть, обреченные на смерть при неудачѣ, но радостно взявшіеся за общее, свое, боярское дѣло.

Быстро родъ Шуйскихъ — сталъ всѣ роды забивать. А для бояръ и князей, для дружины и рады московской — одного господина, Рюриковича, довольно. Тотъ — изстари властелинъ. Не смѣютъ Шуйскіе изъ рядовъ выдвигаться. Такъ, чего добраго, и на тронъ влѣзетъ одинъ изъ нихъ. Благо, царь молодъ, припадоченъ...

И чтобы помѣшать одному изъ «своихъ» — стать выше всѣхъ, — бояре идутъ на тяжкія жертвы: царскую власть,

и безъ того не въ мѣру окрѣпшую, еще укрѣпить готовы, своими дѣтьми, собой рискуютъ, — но Шуйскимъ тяжелый ударъ будетъ нанесенъ!.. И, разъѣзжаясь далеко за полночь съ веселаго Адашевскаго пира, — каждый изъ заговорщиковъ на свой ладъ рисовалъ себѣ личное торжество и униженіе гордаго, опаснаго всѣмъ врага.

Почти мѣсяцъ послѣ этого пира миновалъ.

Задумываться что-то особенно сильно сталъ отрокъ-царь. И раньше чудной онъ былъ: то проказитъ, какъ шалый, а то убѣжитъ, въ уголъ забьется и не глядитъ ни на кого. А теперь и понять нельзя, что съ нимъ? Даже складка на лбу у мальчика между бровей легла. И озорство свое бросилъ. Часами куда-то, словно сквозь стѣну глядитъ... А позоветъ его кто — вздрогнетъ ребенокъ, поблѣднѣетъ даже отъ непонятнаго испуга; но сейчасъ же овладѣетъ собой и улыбается... Особенно Шуйскому, Андрею.

Совсѣмъ перемѣнился къ нему юный царь. Раньше, какъ ни старался наученный горькимъ опытомъ ребенокъ скрывать свой страхъ и непріязнь къ первосовѣтнику, — а все-таки сквозили они и въ глазахъ и въ звукахъ голоса, когда приходилось Ивану говорить или выслушивать князя.

Теперь все какъ рукой сняло. Слушаетъ царь его спокойно, улыбается ласково и самъ прямо въ глаза страшному боярину глядитъ, порой — даже по рукѣ того погладитъ... По той самой рукѣ, на которой, сказываютъ, много крови, измѣной пролитой, застыло!

И только порой, словно молнія, прежній страхъ провьется, промелькнетъ въ глазахъ мальчика. Но сейчасъ же все исчезнетъ и царь еще довѣрчивѣй, еще ласковѣй и покорнѣй говоритъ и слушаетъ боярина. Не надивится Шуйскій.

— Умнѣть сталъ нашъ царь! — говоритъ онъ окружающимъ: — видитъ, чувствуетъ: кто нуженъ да хорошъ для него, для всего царства-государства московскаго!

— И то умнѣетъ! — отвѣтилъ поспѣшно Иванъ Годуновъ, поблескивая своими восточными глазами. — Кто же здѣсь — важнѣе тебя? Не мы же, выходцы ордынскіе, не цари касимовскіе или казанскіе, какими покойный князь Василій дворъ запрудилъ... Не бояре наши, лѣнивые бражники...

— Эй, мурза, не хвались! — самодовольно усмѣхаясь, замѣтилъ Шуйскій. — Слыхали мы, какъ и ты пировалъ у Одашки-дьяка... Съ платочкомъ по горницамъ выплясывалъ... Хе-хе!.. Скоренько вы, татаре, всѣ свычаи-обычаи наши спознаете.

— Былъ грѣхъ, каюсь... Да быль — молодцу не укоръ!.. Что-жъ у смерда и не похороводиться? Не думалъ я только, что тебѣ все станетъ вѣдомо?

— Видишь, одначе! Помни, мурза: нѣтъ ничего тайнаго... Мнѣ нужно все знать: малое и великое! Кормчій я кораблю, али нѣтъ? Я царство веду! Такъ, и знать мнѣ все надобно!..

— Вѣстимо, вѣстимо! кланяясь, отвѣтилъ Годуновъ: — за такимъ кормчимъ — спокойно можно спать... и плясать хоть ночь до зари! — усмѣхаясь, добавилъ онъ.

— То-то!.. А Челяднинъ — бражникъ, съ той поры, какъ зачертилъ, — и трезвымъ его не видать... Кабы не заступка царя да отца-богомольца нашего, Макарія, — давно бы его выбить изъ Кремля!..

— Конечно! Никчемный человѣчишка! поддакнулъ Годуновъ. И какъ ты оставилъ его? Послать бы по слѣдамъ дяденьки, да маменьки...

— Ничего! пренебрежительно махнувъ рукой, проговорилъ Шуйскій. — Што я стану со всякимъ бражникомъ тягаться... Кажду мразь давить? Есть враги посильнѣй — и тѣхъ я не боюсь...

И отошелъ надменный бояринъ отъ Годунова, не то намекъ, не то угрозу кинувъ въ лицо.

А съ этимъ самымъ Челяднинымъ Иванъ Васильевичъ, юный государь, что-то на охоту ѣздить зачастилъ.

Любилъ раньше отрокъ-царь Ивана Мстиславскаго да Юрьевыхъ Никишку.

А тутъ, что-то, за послѣдніе дни, — совсѣмъ охладѣлъ къ нимъ. Даже разъ Шуйскому при нихъ на нихъ же самихъ нажаловался: смѣяться посмѣли они надъ царемъ; плохо-де онъ скачетъ! Крестьянина какого-то, мужиченку съ ногъ сшибъ, чуть не убилъ! Велика важность? Развѣ онъ не владыка смердамъ своимъ?

— Съ глазъ моихъ убери охальниковъ! крикнулъ Иванъ, косясь на прежнихъ любимцевъ, и даже ногой топнулъ.

— Уберу, уберу!.. снисходительно отозвался князь Андрей. Пока — пусть малость послужатъ тебѣ. А ты гляди: и впередъ смердамъ спуску не давай. Дави, лови, трави ихъ! Мало, что ли, хамья, мужичья сѣраго. Имъ острастка надобна.

Такъ напускалъ на народъ мальчика государя Шуйскій, ухмыляясь въ бороду и лелѣя свои какіе-то, затаенные планы.

Потомъ, — наединѣ, призвавъ и Мстиславскаго Ивана и того же Никиту Захарьина, сказалъ имъ:

— Слышали: царь нашъ — убрать васъ велѣлъ. Моя одна защита теперь за васъ. А вы за мальчонкой понаблюдите. Чуть такое-этакое послышите у царя, что мнѣ во вредъ, на пользу ли, — и повѣдайте мнѣ. Я и защиту, и награду вамъ дамъ за то!..

— Твои слуги! отвѣтили съ поклономъ боярскія дѣти.

— Да, еще што скажу вамъ... подумавъ продолжалъ Шуйскій: — вотъ, не хорошо оно, правда, что малый — народъ давитъ. Да што и ждать отъ пащенка хорошаго? Такъ вы еще-бъ и подбивали на всякое озорство паренька... Яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ. Онъ еще покажетъ себя. Много головъ боярскихъ слетитъ, много носовъ волченокъ отгрызетъ, когда въ силу войдетъ... Смирить его надобно. Пусть узнаетъ, какъ неладно

народъ дразнить! Пускай извѣдаетъ, что въ насъ, въ боярахъ, — одна и оборона ему! Чѣмъ меньше его любить станутъ, — тѣмъ мы отъ него цѣлѣе! Поняли, ай нѣтъ? Ты, Ваня, — обращаясь къ Мстиславскому, сказалъ первосовѣтникъ: не гляди, что племянникъ ему приходишься. Князья московскіе и братовьямъ кровнымъ глотку рѣзали... Такъ ужъ ты — што! Вотъ, и смекай слова мои!..

И послѣ этого практическаго урока онъ отпустилъ обоихъ юношей, въ которыхъ разсчитывалъ найти новыхъ двухъ пособниковъ своимъ тайнымъ цѣлямъ.

Но если въ этихъ двухъ ошибся бояринъ, — десятокъ другихъ приспѣшниковъ, изъ числа окружавшей отрока Ивана челяди, рындъ, боярскихъ дѣтей и бояръ степенныхъ, — всѣ покорно выполняли программу первосовѣтника.

И дикое веселье, и жестокость, и насиліе надъ людьми маломощными, беззащитными позволялъ себѣ юный государь.

До сихъ поръ — не знали почти въ народѣ: что̀ онъ, да каковъ онъ?

— Царь-отрокъ. Бояре правятъ!.. толковали всѣ.

А какъ бояре правятъ? — всѣмъ дѣло знакомое.

И Русь, вся земля, — со страхомъ и надеждой ждала: когда-то царь настоящій въ свои года придетъ, державу въ руки возьметъ, отъ бояръ людъ оборонитъ, бѣдный людъ земскій, угнетенный, задавленный, мшелоимствомъ да боярскими поборами разоренный, внѣшними и внутренними врагами обиженный!

А тутъ — вѣсти пошли недобрыя:

— Молодъ, а ужъ норовистъ нашъ царь. Гдѣ встрѣтитъ хрестьянина, — коли конемъ не потопчетъ, такъ иначе обидитъ. Тварей безсловесныхъ казнить да мучить охочъ: глаза имъ колетъ, мясо кусками рветъ, да имена имъ христьянскія даетъ, словно бы людей хрещеныхъ изводитъ.

Вотъ какіе толки пошли въ народѣ, все шире и шире расходясь, словно круги отъ камня по водѣ.

Правда: проснулась какая-то жестокость въ Иванѣ, недопустимая во всякомъ мальчикѣ 12—13 лѣтъ, но понятная въ этомъ несчастномъ, видѣвшемъ кровь, насиліе и измѣну вокругъ; въ ребенкѣ, который столько разъ уже дрожалъ за свою собственную жизнь и даже теперь, придя въ болѣе осмысленный возрастъ, каждую минуту могъ ждать, что его схватятъ, кинутъ въ мѣшокъ каменный и съ голоду тамъ уморятъ, какъ дядю Андрея Старицкаго, какъ Овчину-Телепня, какъ десятки другихъ, до горемычнаго Димитрія Углицкаго включительно...

И мальчикъ уже научился хитрить и лукавить не хуже взрослаго, борясь за самую жизнь, не только за власть свою.

На охотѣ, куда выѣзжалъ онъ со своими хортами, съ толпой удалыхъ сокольничьихъ, доѣзжачихъ, выжлятниковъ и прочей, молодой и старой челяди,—только тамъ и отдыхалъ мальчикъ тѣломъ и душой. Не надо было притворно улыбаться никому, гнуть голову и самолюбіе, слышать голоса, отъ которыхъ ярость нѣмая, холодная закипала въ груди!

Вѣтеръ здѣсь только свисталъ въ ушахъ, улюлюкали удалые доѣзжачіе, порскали, атукали; собаки заливались по слѣду, заяцъ пищалъ, когда приходилось приколоть его. И каждый разъ, опуская ножъ въ пушистую грудку бѣднаго звѣрька, царь мысленно казнилъ своими руками постоянныхъ обидчиковъ-бояръ и даже, хищно оскалясь, неслышно шепталъ имена ихъ.

— Молитвы што ли читаешь отходныя зайцу? — спросилъ его какъ-то Челяднинъ, неотлучный спутникъ на охотѣ.

— Отходную, да только по гіенамъ злымъ, не по зайчишкѣ сѣрому.

— Ну, гдѣ тутъ гіеновъ взять? Нѣтути ихъ у насъ!

— Не говори: попадаются! — загадочно проговорилъ мальчикъ.

И только долго спустя понялъ Челяднинъ: въ чемъ дѣло?

Вернется съ охоты — свѣжій, довольный, радостный мальчикъ. Не узнать его. Ходитъ, — глядѣть любо: козыремъ. Къ бабкѣ побѣжитъ, добычей, которую самъ на полѣ поймалъ, хвастаетъ. Псарямъ, сокольничьимъ — всѣмъ провожатымъ — вина дать велитъ и денегъ хоть малость на каждаго.

Но чуть появится въ покояхъ Андрей Шуйскій, Темкинъ Юрій, Головинъ Ѳомка, или другой кто изъ совѣтниковъ, родни или присныхъ рода Шуйскаго — и опять словно завянетъ государь-малолѣтокъ. И глядитъ не посвоему, смѣется или говоритъ — какимъ-то чужимъ, фальшивымъ голосомъ.

И вотъ, за послѣдніе дни — очень ужъ на охоту царь зачастилъ.

Но Шуйскій спокоенъ. Среди челяди и псарей — есть у него свои люди. Доносятъ, что кромѣ нихъ и Челяднина пьянаго — никто не видитъ царя.

Чужихъ — самъ царь подпускать не велитъ, боится убійцъ подосланныхъ.

— Убійцъ? Самъ ты себя убьешь, парень! ухмыляясь въ бороду, подумалъ князь Андрей. Душу и тѣло свое загубишь раньше времени! Не я буду Шуйскій!..

И не мѣшалъ онъ охотѣ царской.

Не зналъ, жаль, бояринъ: что говорилось тамъ между царемъ и Челяднинымъ? Порою только третій тутъ былъ и слушалъ молча, да длинные сѣдые усы свои покручивалъ.

Отдыхаютъ, или звѣря ждутъ, соберутся всѣ трое: царь, Челяднинъ и старый слуга царскій, доѣзжачій Шарапъ Петеля, не то что отцу Ивана Васильевича, а еще дѣду его великому князю и царю Ивану Третьему, вѣрой и правдой служившій.

Много лѣтъ Шарапу. Скоро и всѣ шестьдесятъ стукнетъ. А силенъ и бодръ, — получше иныхъ молодыхъ охотникъ. Изъ лука, изъ пищали — не цѣлясь въ цѣль потрафляетъ. Татарской сноровкой — живому барану съ маху башку стешетъ, любого степняка-коня въ день сократитъ... Мало ли что умѣетъ старый охотникъ.

Удивляется и любитъ его всей дѣтской душою царь.

А Шарапъ Петеля и царство небесное отдалъ бы, чтобы только лишній разъ улыбнулся его «царечикъ-ангелочикъ», какъ онъ Ивана зоветъ, котораго и верхомъ ѣздить, и стрѣлять училъ, и на рукахъ часто нашивалъ...

Какъ-то, въ спорѣ, года два тому назадъ, своей рукой Шарапъ одного изъ псарей-ухарей молодыхъ на мѣстѣ уложилъ. Никто не зналъ: за что?

— По пьяному дѣлу! Въ спорѣ! только и твердилъ самъ старикъ, очень набожный и тихій всегда.

И кто былъ при томъ, псари и доѣзжачіе, то же самое сказали.

Ради заслугъ старыхъ, ради слезъ царя, не наказали строго убійцу: епитемью наложили. Нехотя убилъ-де.

Потомъ лишь Иванъ узналъ: ухарь-новичокъ посмѣлъ при старикѣ одну грязную клевету про царя-мальчика повторить.

На разспросы царя, Петеля угрюмо отвѣтилъ:

— На многихъ, на бояръ у меня ужъ и то руки чешутся... Кабы всѣмъ пасти ихнія заткнуть!.. А ужъ своему брату тебя поносить ни въ кои вѣки не позволю!..

Кинулся Иванъ и поцѣловалъ старика. И ни слова больше не сказалъ.

Вотъ почему стоитъ Шарапъ и слушаетъ: что царь съ Челядниныимъ толкуетъ?

— Скорѣй! Скорѣй бы!.. бичуя нагайкой и снѣгъ и вѣтви сосѣднихъ елокъ, твердитъ отрокъ.

— Погоди! случая выждать надо. Тамъ ужъ, говорятъ, придумали, что слѣдуетъ.

— Да, да!.. Надо все сразу... Всѣхъ растоптать... радостно, лихорадочно-быстро лепечетъ мальчикъ, серьезно и осторожно обдумывая гибель враговъ.

И вдругъ личико его омрачается.

— Да ты погоди: правда-ль, что всѣ тѣ, про кого Ѳедя сказывалъ, противъ Шуйскихъ?.. Правда-ль, что не одолѣютъ Шуйскіе насъ?.. Вѣдь, тогда мнѣ бѣда!.. Погибъ я!..

И мальчикъ весь дрожитъ.

— Вотъ, дождись Рождества. Опроси всѣхъ, какъ тебѣ сказано... Узнаешь!..

— Узнаю... Допрошу... Ну, ужъ и тогда!.. весь бѣлѣя отъ ярости, шепчетъ мальчикъ.

— Тогда — намъ мигни... У меня все готово! угрюмо и негромко, словно опасаясь, нѣтъ ли у лѣса ушей? — произноситъ старикъ доѣзжачій.

— Да, да! совсѣмъ задыхаясь и также шепотомъ отзывается Иванъ.

Вскакиваетъ на лошадь, мчится по полю и, погружая въ первое изловленное или недобитое существо ножъ скалитъ зубы и говоритъ:

— Онъ пищитъ... Слышь, Шарапъ?!. Онъ пищитъ еще!..

— Не пискнетъ у меня! отвѣчаетъ догадливый слуга и мчатся дальше, полюютъ, пока первая звѣзда не загорится въ небесахъ...

Рождество пришло! Большіе пріемы да службы долгія. Всѣ перебывали во дворцѣ новомъ, у юнаго царя, у бабки его...

У тридцати человѣкъ, названныхъ ему заранѣе, спросилъ Иванъ, какъ условлено: о пирѣ Адашевскомъ, — и всѣ, какъ одинъ, отвѣчали:

— Пировали, царь! Ворогамъ твоимъ на пагубу!..

Что было съ Иваномъ въ тѣ дни и сказать нельзя.

На третій же или на четвертый день Святокъ опять на охоту царь поскакалъ. Только и вернулся скоро, и не привезъ почти ничего.

И ужъ всѣ эти дни такъ ласковъ да милъ былъ съ Шуйскими, да не съ однимъ Андреемъ, а и съ присными его, что диву всѣ дались.

— Ахъ ты, государь ты мой юный! Ишь, ровно кошечка ластится!.. замѣтилъ, наконецъ, первосовѣтникъ. Такъ-то оно лучше. Знаешь: ласково теля — двухъ матокъ сосетъ!..

— Знаю, знаю! Не совсѣмъ ужъ несмышленокъ я, вотъ, какъ братъ Юра... Смыслю кой-што!.. смѣясь какъ-то странно, отвѣтилъ Иванъ — и отошелъ.

Дочка покойнаго Василія Шуйскаго, Настя, лѣтъ пятишести малютка, тутъ-же рѣзвилась...

Вдругъ подбѣжалъ къ ней мальчикъ, схватилъ, поднялъ на руки и зашепталъ искренно, нѣжно:

— А тебя, сиротка, племянушка, я все-таки всегда буду любить!..

И вдругъ сталъ цѣловать, совсѣмъ какъ взрослый, когда тотъ жалѣетъ почему нибудь малое дитя...

Понравилась выходка Шуйскому.

— Любишь племянушку?.. Люби, люби... Сиротка! Тебѣ Богъ воздастъ!

И даже погладилъ по волосамъ царя-отрока.

— И тебѣ Богъ воздастъ!.. незамѣтно уклоняясь отъ противной ласки, съ веселой улыбкой, словно эхо отвѣтилъ Иванъ. За добро, за все, сторицею!..

— Ага, чувствуешь, какъ я тебѣ твое наслѣдье сберечи да уготовати хочу?! То-то! Чувствуй!..

И, крайне довольный собой, вышелъ князь отъ царя, думая:

— Кой лядъ?! Что меня мои пугаютъ, будто враги сильно подкопались подъ меня?!. Никогда такъ твердо я на ногахъ не стоялъ.

Такъ насталъ и условленный заранѣ день, 29 декабря 1543 года.

Родственный съѣздъ былъ назначенъ у бабки царевой, у Анны Глинскихъ.

Свои все позваны: Глинскіе, Бѣльскіе, Сабуровы съ Курбскими, Годуновы...

И Шуйскому Андрею зовъ былъ, хотя ни онъ старухи, ни она его — не любили другъ друга особенно. Все-таки, нельзя не идти. Не Адашевъ то — бабка царева. Самъ митрополитъ пожалуетъ хлѣба-соли откушать. Да и завѣдомо тамъ всѣ Андреевы недруги соберутся. Такъ лучше самому быть, все слышать и видѣть, что сказать или сдѣлать могутъ бояре-завистники?

— Не люблю я, когда ты къ старой этой вѣдьмѣ литовской ходишь, да еще безо всякой опаски!.. передъ уходомъ князя толковала ему жена.

— А что прикажешь, голубушка? Ужъ не казаковъ, али пищальниковъ въ палаты царскія брать? И такъ я сохраненъ. Никто не посмѣетъ меня пальцемъ тронути, не то што. А ѣмъ и пью я тамо съ опаскою...

И пошелъ.

Посидѣли сколько полагается, недолго: устаетъ старица быстро... Все по чину и по ряду прошло. Уходить собрались.

Не понравилось только Шуйскому: какъ нынче у бабки государь расходился!

Взялъ, мальвазіи выпилъ. «За чье здравіе?» — спросили. Потому молча сталъ отрокъ пить.

— За упокой! говоритъ, а самъ смѣется и на Андрея Шуйскаго смотритъ.

— Какіе покойнички у насъ? Не слыхать что-то? отозвался князь Андрей.

— Не слыхать, такъ услышимъ!..

Отвѣчаетъ Иванъ, а самъ не перестаетъ смѣяться.

Екнуло что-то сердце у князя. Заспѣшилъ онъ домой, хоть царь и не поднимался еще.

— Что торопишься, Андрей? вдругъ, хмуря брови, спросилъ въ свою очередь царь-ребенокъ.

Прямо такъ: Андрей! Ни бояринъ... Ни князь.

Вспыхнулъ Шуйскій.

— Дѣла есть, господине. Твои-жъ, государскія... Не время мнѣ гостевать.

— А ты бы посидѣлъ. Я, царь, — сижу... Тебѣ бы и торопиться впередъ невмѣстно. Не было того при отцѣ государѣ моемъ.

— Мало чего не бывало! Ты еще и не помнишь, што было-то. А я ужъ позабывать сталъ. Сиди себѣ. Ты молоденекъ. И посиживай. А я иду!.. Мнѣ твое сидѣнье не указъ: я постарше тебя, государь.

— Старъ кобель, да не дядькой же звать! вдругъ съ какой-то кривой, злобной усмѣшкой грубо отрѣзалъ отрокъ.—Самъ назвалъ государемъ меня. Ну, и сиди, холопъ, коли я приказываю!..

— Ты?.. Мнѣ... прика... — задыхаясь и не находя воздуху въ груди, вдругъ громко началъ Шуйскій.

— Ахъ, ты... Да я...

Но, оглянувшись, онъ умолкъ.

Въ пылу гнѣва позабылъ совсѣмъ бояринъ, что одинъ почти въ стаѣ враговъ стоитъ, безоружный, въ самыхъ далекихъ покояхъ дворца, гдѣ даже къ окну нельзя подбѣжать, на помощь кликнуть...

А враги того и ждали. Оттѣснивъ пришедшихъ съ Шуйскимъ князей Кубенскаго да Палецкаго, стоятъ стѣной вокругъ, какъ псы, готовые растерзать добычу. Ясное дѣло: въ западню попалъ! Понизилъ сразу тонъ бояринъ.

— Помилуй, государь: хворъ я! Хвори ради отпусти, не посѣтуй!..

И земно поклонился царю-мальчику, котораго такъ обидѣлъ сейчасъ.

Старуха-бабка, та ужъ изъ покоя давно поспѣшила,

ушла. А Иванъ смотритъ и зубы скалитъ въ какой-то не то гримасѣ, не то усмѣшкѣ.

— Отпуститъ?.. Челомъ бьешь, бояринъ добрый да ласковый? Инъ, пожалѣю, отпущу...

— То-то... Я ужъ зналъ, не посѣтуешь на старика... За твоими-жъ дѣлами государскими ночей не сплю... Прости, будь здоровъ!..

И опять поклонъ отвѣсилъ.

— Пущу, пущу!.. криво улыбаясь попрежнему, продолжаетъ Иванъ. — Не одного только, съ провожатыми. Ишь: хворъ ты и старъ!.. Покой тебѣ нуженъ... Не изобидѣлъ бы кто путемъ-дорогой. А дорога-то будетъ не близкая... Отдохнешь!

И залился злымъ хохотомъ рано ожесточившійся мальчикъ.

— Господи Іисусе!.. блѣднѣя и окончательно теряясь, забормоталъ ошеломленный князь. Я — въ опалу?.. И за слово, за единое?.. Бояре! Не стойте-жъ, скажите царю: нельзя такъ!.. Я, Шуйскій Андрей... Враги вы мнѣ, правда! Да здѣсь надо вражду позабыть. Меня! За слово въ ссылку?! Въ опалу?! Онъ, дите столь юное? Что-жъ съ вами, со всѣми будетъ потомъ? Забудьте вражду, о себѣ подумайте!.. Бояре, вѣдь, мы... Дума, вѣдь, мы! Люди земскіе, государскіе... А счеты семейные апосля сведемъ!..

Молчаніе не нарушилъ ни одинъ звукъ голоса.

— Моя здѣсь воля, а не боярская! вдругъ надменно, весь словно выростая на глазахъ у бояръ, властнымъ звенящимъ голосомъ произнесъ тогда Иванъ.

Сдѣлалъ знакъ... Ввели троихъ пищальниковъ изъ дружины Горбатаго князя, Александра Борисовича.

— Ведите въ тюрьму боярина! приказалъ Иванъ.

Затѣмъ, доставъ изъ-за пазухи приготовленный указъ, передалъ свитокъ тому же Горбатому.

— Вотъ и указъ мой, государевъ... За печатью... Со скрѣпами... Ведите...

И Шуйскаго повели.

Лучъ надежды мелькнулъ у боярина.

— Только бы изъ дворца вывели... А тамъ?!. Развѣ не Андрей Шуйскій онъ? Слово скажетъ, мигнетъ — и освободятъ его...

Но на первомъ же переходѣ, на лѣстницѣ, догнали ихъ другіе люди, человѣкъ пять доѣзжачихъ и псарей царскихъ. Ихъ Шуйскій замѣтилъ, когда еще сюда шелъ...

— Бояринъ! обращаясь къ молодому оружничьему царскому, Челяднину, который съ карауломъ пошелъ, проговорилъ Шарапъ Петеля: — бояринъ, погоди! Слово государево.

Всѣ стали. На небольшой, полутемной площадкѣ сгрудилось всего человѣкъ двѣнадцать — пятнадцать.

— Приказалъ сейчасъ государь, продолжалъ старикъ: — намъ отъ караула князя принять. Не гоже боярина середь бѣла дня, почитай, словно татя, по улицамъ вести. Можетъ, погодя, и помилуетъ царь боярина, такъ безчестить зря не велитъ. Мы князя Андрея дворовыми переходами до самыхъ, почитай, тюремъ доведемъ... И не увидитъ никто... А тамъ — опять караулъ приставится, какой слѣдуетъ...

— Инъ, ладно! Мнѣ все едино! отвѣтилъ съ усмѣшкой Челяднинъ.

Взялъ пищальниковъ и прочь пошелъ.

И вмѣстѣ съ удалявшимися шагами воиновъ гасла послѣдняя надежда на спасеніе въ сердцѣ гордаго князя, внезапно сломленнаго налетѣвшей грозой.

— Потрудись, бояринъ, шубу сыми! Не такъ значно, не такъ примѣтно дѣло будетъ! обратился сейчасъ же Петеля къ Шуйскому.

Тотъ не пошевельнулся, словно и не слышалъ.

Но уже двое дюжихъ парней, доѣзжачихъ, стоявшихъ тутъ со своими неразлучными ножами за поясомъ, сдернули дорогую шубу съ княжескихъ плечъ.

Шапка тоже снята горлатная, кафтанъ узорчатый, дорогой. Неизвѣстно откуда простой кафтанъ и шапка появились на немъ.

— Не посѣтуй, руки связать надобно! съ нескрываемымъ глумленьемъ снова заговорилъ Петеля.

А тутъ ужъ крутятъ боярину руки назадъ; веревки въ холеное тѣло такъ и впилися, врѣзались. Стоитъ, не моргнетъ Шуйскій. Тутъ ни слова, ни стоны, ни мольбы, ни проклятія — ничего не поможетъ. Дѣло ясное. И стоитъ старый князь. Какъ онъ раньше ни жилъ, а умереть надо по хорошему. Повели его. Шапка на глаза нахлобучена. Борода только вѣтромъ развѣвается. Морозъ жжетъ. Ничего не чувствуетъ бояринъ... Долго идутъ. Вотъ за ограду царскаго двора вышли. Здѣсь, знаетъ князь: большой пустырь начинается. Направо, вдали — Троицкое подворье. А еще дальше, полѣвѣе, у самыхъ воротъ Ризположенскихъ — тюрьмы. Если туда его живымъ челядинцы доведутъ, и то онъ спасенъ. Но нѣтъ! Чуетъ старикъ, что на пустырѣ покончатъ съ нимъ.

И не ошибся.

Вмѣсто ровнаго снѣгового насту, которымъ теперь перекрыта бревенчатая мостовая, ведущая отъ дворцовыхъ задворковъ къ монастырю и къ тюрьмамъ, — палачи полѣвѣй боярина, по сугробамъ повели.

— Кончать, што ли? слышитъ напряженнымъ ухомъ чей-то шопотъ старикъ.

Это одинъ изъ псарей у Шарапа Петели справляется.

— Стой, самъ я. Первый... За царечка-ангелочка моего... за всѣ его обиды...

И остановились. Въ сумеркахъ зимняго вечера отчетливо на снѣгу вырѣзается вся кучка людей со связаннымъ Шуйскимъ по срединѣ. Князь стоитъ, не дрогнетъ. Только молитву шепчетъ. Мысленно съ женой, съ дѣтьми прощается.

— Замолился! глухо ворчитъ старикъ-доѣзжачій. И отъ тебя не мало маливались... Ну, держись!..

И съ размаху всадилъ онъ ножъ въ грудь боярина.

Шуйскій отшатнулся назадъ, дернулъ связанными руками и упалъ на рану, когда ножъ вытащилъ изъ нея Петеля. Блеснули еще ножи... Заклокотало что-то въ груди у князя... Вздрогнулъ онъ, забился, потрепеталъ немного и вытянулся вдругъ весь... Поалѣлъ сначала, а потомъ потемнѣлъ вокругъ снѣгъ... Руки палачей покраснѣли.

— Ну вотъ и будетъ! сказалъ старикъ-доѣзжачій, видя, что Шуйскій мертвъ. Ступайте, обмойтесь. Вонъ, хоть у колодца, у площадного, что передъ церковью... А я къ царю пойду.

У Ивана еще тѣ не разошлись, при комъ состоялся арестъ Шуйскаго. Тутъ-же посланы были люди: схватить и отвести въ тюрьму князя Шуйскаго-Скопина и Юрія Темкина.

— Да Ѳедьку Головина не забыть бы!.. настаивалъ Иванъ.

И объ этомъ распорядились. Бѣльскіе, Глинскіе да Мстиславскій сразу здѣсь первые голоса завели. Всѣхъ ведутъ за собой. Да легко царю ихъ слушать. Вѣдь они его отъ Шуйскихъ, отъ ненавистныхъ, избавили. Воронцова, любимца-товарища, обѣщаютъ сейчасъ же изъ ссылки воротить... И восторга полна душа Ивана...

— Тебя Шарапъ Петеля спрашиваетъ! доложилъ тутъ царю Челяднинъ.

Еще больше засверкали глазки у мальчика. А лицо поблѣднѣло.

— Пусть сюды войдетъ.

— Какъ? Сюды, государь?

— Сдается, не тихо я сказалъ! вдругъ нахмурясь, отвѣтилъ отрокъ.

Поклонился Челяднинъ, вышелъ.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! послышался за дверьми голосъ Петели, произносившаго обычную входную молитву.

— Аминь!.. Входи, входи! крикнулъ царь-мальчикъ.

Тотъ вошелъ, нахмуренный, смущенный присутствіемъ синклита бояръ.

— Ну, что?..

— Все, государь... Какъ велѣлъ, такъ исполнено...

— Мертвый онъ? Совсѣмъ мертвый?.. сверкая глазами и весь подергиваясь, переспросилъ Иванъ.

— Полагать надо, что такъ.

— А чѣмъ? Чѣмъ? подходя вплотную къ старику, опять заторопился допросомъ мальчикъ.

— Вотъ... этимъ самымъ... Какъ сказывалъ... совсѣмъ ужъ неохотно проговорилъ старикъ, указывая на свой охотничій ножъ въ широкихъ кожаныхъ ножнахъ.

Тутъ бояре замѣтили ясно, что руки старика въ крови, лицо и одежда забрызганы кровью.

Сердца у всѣхъ похолодѣли. Всѣ угадали — и хотѣлось бы всѣмъ, чтобы они ошиблись.

Только Бѣльскій да двое Воронцовыхъ просіяли.

— Ужъ не Шуйскаго ли ты прикончилъ, старикъ? спросилъ Яковъ Бѣльскій.

— Кого-жъ иного?.. Какъ царь приказалъ... потупясь отвѣтилъ невнятно доѣзжачій.

Говоръ пронесся среди остальныхъ бояръ.

Князь Хованскій и князь Мстиславскій первые заговорили.

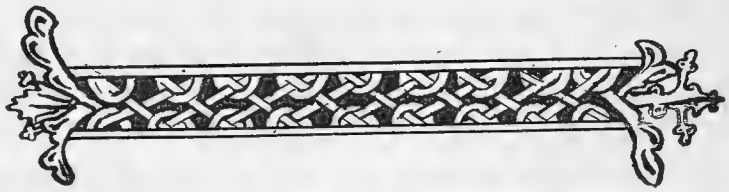
— Ээхъ... Не очень-то оно гоже, государь. Про опалу, про ссылку у насъ рѣчь шла... А ты вотъ какъ!.. Молодъ, правда, горячъ больно... Не то, вѣдь, мы толковали, вспомни!

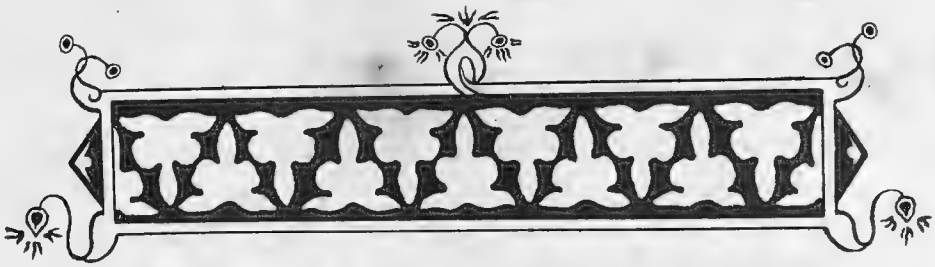
— Все я помню, бояре: кто я, кто вы! За совѣты спасибо. За помощь — вдвое. А ужъ какъ мнѣ съ врагомъ моимъ быть?—на то моя государская воля. Такъ я думаю. И ужъ не слушая, что стали толковать между собой смущенные бояре, онъ опять обратился къ доѣзжачему.

— Дай... Вынь-ка ножъ... Покажи скорѣй!

И, схвативъ обнаженный ножъ, онъ пальцемъ провелъ по влажному отъ крови лезвію. Палецъ окрасился...

— Крови, ишь, понюхалъ! Зубы оскалилъ. Ой, не къ добру! подумалъ про себя князь Курбскій, Михаилъ; но ужъ ничего не сказалъ. Промолчали и другіе. Только пасмурные разошлись отъ царя.





Невидимый хранитель.

(Года: 7052—54 [1544—46]).

Не мало дней спустя послѣ первой своей удачи, послѣ такой дивной побѣды надъ сильнѣйшимъ бояриномъ изо всей густой, многоголовой толпы князей и вельможъ, толпившихся вокругъ трона, юный государь словно опьянѣлый былъ.

Онъ весь переродился. Походка, голосъ, взглядъ — сразу измѣнились.

— Совсѣмъ покойный Василь Иванычъ осударь! говорили старые слуги, помнившіе отца Иванова.

А самъ Иванъ только и твердилъ:

— Господь предалъ въ руки мои врага моего, обидчика и хулителя злѣйшаго... Господь за меня!..

Отъ радостнаго экстаза, какъ раньше, бывало, отъ ужаса и обидъ,— даже припадокъ съ мальчикомъ сдѣлался. Но ужъ не лежалъ онъ безпомощнымъ, какъ въ былые, печальные свои дни. Кромѣ бабки, княгини Анны Глинскихъ, ея врачъ, итальянецъ, собственный врачъ Ивана и еще нѣсколько лучшихъ врачей, какіе были у Мстиславскаго, да у Морозова, да у Курбскихъ, всѣ сошлись къ кроваткѣ больного. Бояре главнѣйшіе столпились въ сосѣдней горницѣ и спрашивали у каждаго выходящаго:

— Какъ государю? Да лучше ли?..

Припадокъ скоро прошелъ. Разошлись бояре, но тучи осенней мрачнѣй.

Съ этого дня полную волю страстямъ и желаньямъ своимъ далъ необузданный по природѣ мальчикъ, въ конецъ исковерканный за пять долгихъ лѣтъ боярскаго самовластія, наставшаго послѣ отравленія Елены. Хотя и теперь не унялися нисколько гордые, надменные представители первыхъ вельможныхъ родовъ, но приходилось имъ считаться съ волей, даже съ каждой прихотью юнаго царя, если еще не съ сознательными рѣшеніями, не съ царственнымъ разумомъ повелителя всея Руси.

Правда, настоящую власть присвоили себѣ Глинскіе, Бѣльскіе и Сабуровы со Мстиславскимъ во главѣ, какъ съ однимъ изъ старѣйшихъ. Но ужъ если Ивану забрело что въ голову, волей-неволей приходилось исполнять. А приходило ему на умъ все по-дѣтски — незрѣлое и жестокое, вдобавокъ. Никто не дивился, что на другой же день послѣ смерти Андрея Шуйскаго Иванъ послалъ гонцовъ въ Кострому: вернуть Ѳедю Воронцова, друга своего, съ отцомъ его.

— Чтобъ ни спалъ, ни ѣлъ гонецъ, пока ихъ не увидитъ. Пусть двадцать, тридцать коней загонитъ... Но чтобъ черезъ десять дёнъ Ѳедя здѣсь у меня былъ!

И такое, почти невозможное приказаніе было выполнено. Но, вотъ, задумалъ Иванъ выместить старыя обиды, свои и Ѳедины, еще раньше нанесенныя имъ сверстниками и товарищами по играмъ, «ребятами голоусыми», рындами и другими, что «наверху» въ царскихъ хоромахъ живутъ.

Княжичъ Мишанька Богдановъ Трубецкой, да княжичъ Дорогобужскій Иванъ, первый — изъ литовскихъ, Ольгердовичъ, второй — изъ сѣверскихъ владѣтельныхъ князей, въ спорѣ дѣтскомъ, давно какъ-то, своей знатностью похвалялись, въ ловкости и удачѣ превзошли Ивана. Не забылъ этого злопамятный мальчикъ. Теперь онъ ихъ

велѣлъ въ тюрьму отвести. А туда прислалъ вѣрныхъ людей — тѣхъ же доѣзжачихъ своихъ и погибли оба. Одного — задушили подушками. Другого — прирѣзали.

Нѣсколько дней спустя, товарищъ обоихъ загубленныхъ, красавецъ-юноша, Ѳедоръ Иванычъ Овчина-Телепень, съ другими «верховыми» ребятами толковалъ.

Высокій не по лѣтамъ, сильный малый, былъ онъ сынъ родной того самаго Ивана, который правилъ въ годы княженія Елены и считался ея любимцемъ.

— Какъ дружны вы съ осударемъ! сказалъ кто-то Ѳедору Овчинѣ. И совсѣмъ братья родные. Одна стать и постать. Рядомъ поставить — не разберешь: кто ты, кто царь Иванъ!.. Только, что постарше ты немного...

Нахмурился Ѳедя.

— Молчи лучше!.. Любилъ я его, правда, какъ брата. И отецъ мнѣ говаривалъ: люби государя... А теперь не видѣлъ бы его! За что онъ Мишку и княжича Ивана загубилъ... Палачъ, не братъ онъ мнѣ!..

Вечеромъ того же дня схваченъ былъ юный Овчина, и не успѣлъ никто о немъ похлопотать, потому что на утро уже мертвымъ лежалъ несчастный. А государь молодой и во дворцѣ въ это время не остался.

Съ гикомъ и свистомъ, окруженный цѣлой ватагой приспѣшниковъ, цѣлой ордой шалопаевъ изъ боярскихъ дѣтей и простыхъ молодчиковъ, помчался Иванъ за пять верстъ отъ Москвы, въ сельцо Островское, гдѣ стоялъ загородный дворецъ, построенный покойнымъ Василіемъ.

И въ шумномъ весельи четырнадцати-лѣтній Иванъ, успѣвшій ужъ до срока извѣдать почти все дурное и запретное въ жизни, пылкій и рослый не по годамъ, въ разгульномъ пиру старался онъ подавить невольно, невѣдомо почему и откуда выплывшую въ душѣ, тоску...

Гудѣли струны; скоморохи и шуты плясали, визжали... Бабы и дѣвки, согнанныя сюда, пѣсни пѣли красавчику-осударю какъ могли... И сквозь весь нестройный шумъ

сквозь чадъ грубаго веселья — какъ будто слышалъ отрокъ чей-то жалобный, знакомый уху, голосъ, молившій о пощадѣ, различалъ чей-то стонъ.

— Ну, што тамъ?! вдругъ словно окрикнулъ въ душѣ самъ себя Иванъ. А они, бояре, жалѣли тебя?!

И, расправивъ нахмуренныя было брови, онъ беззавѣтно предался веселью, кипѣвшему вокругъ...

Бояре все это знали, видѣли.

Пытались они обуздать царя молодого, да не очень. Не до того имъ вовсе было. И даже отчасти на руку это имъ. Каждый понималъ: почему давалъ Андрей Шуйскій потачку дурнымъ наклонностямъ ребенка? Руки у бояръ тогда свободнѣй, не такъ связаны. При безупречномъ повелителѣ и самимъ придется не очень свободно жить. Зазорно даже вести ту, хотя и скрытую, менѣе видную сейчасъ,— но безпощадную, смертельную борьбу, которую не переставали поддерживать вельможи.

Въ минуту, когда пришлось сдѣлать усиліе и свергнуть, давившаго всѣхъ, Андрея Шуйскаго,— помирились и обѣщали навѣки забыть обиды даже такіе враги, какъ Челяднины и Кубенскіе, давніе «совѣтники» Шуйскихъ, какъ Воронцовы и Головины-Ховрины, изъ рода тѣхъ Головиныхъ, которые содѣйствовали ссылкѣ отца и сына Воронцовыхъ... Но моментъ прошелъ, Шуйскій мертвъ и всѣ не подумали, какъ бы имъ прежде всего ослабить царскую власть, пользуясь малолѣтствомъ царя Ивана. Нѣтъ! Опять поднялась старая вражда, перекоры, доносы да мѣстничество. Полугода не прошло, какъ результаты сказались. Раньше другихъ стали осматриваться Глинскіе, особенно много выигравшіе отъ переворота.

Недаромъ юный государь первые дни своей власти ознаменовалъ кровавой местью. Онъ былъ только вглядчивымъ и понятливымъ ученикомъ у старшихъ. Два брата Кубенскихъ: князья Иванъ и Михаилъ — сразу подведены врагами подъ обухъ. Зимой, въ морозъ — схвачены были

съ постелей оба и со всѣми чадами и домочадцами увезены въ ссылку, объявлена имъ опала царская за многія дѣла воровскія и непотребныя. Въ томъ числѣ говорилось и о сношеніяхъ съ родичами и сторонниками Андрея Шуйскаго, съ княземъ Петромъ Иванычемъ Шуйскимъ и другими. Кубенскіе сами толковали такъ:

— Воронцовы злобу свою тѣшутъ на насъ! Ну, да недолго. Имъ дружки ихніе тоже шею свернутъ. Литовцы эти, налеты московскіе: Глинскіе да Бѣльскіе!.. А тамъ и на энтихъ моръ придетъ! Наши не выдадутъ, не потерпятъ чужаковъ у трона!

Кубенскіе не ошиблись, хотя не знали одного: главной пружины, той руки, которая двигала шашками на клѣткахъ московскаго дворцоваго поля.

Рука эта скоро обозначится.

Когда вѣсть о ссылкѣ и опалѣ Кубенскихъ разнеслась, Палецкіе и Шуйскій Петръ, и князь Горбатый, прихвативъ Курбскаго старика и Мстиславскаго,— кинулись прямо къ митрополиту Макарію. Тотъ какъ разъ хворалъ: ноги схватило... Отъ бдѣній долгихъ, отъ простуды давней. А, все-таки, въ кельѣ сидѣлъ и работалъ старецъ.

— Что же могу я, чада мои? отвѣтилъ онъ на просьбы: — дѣло это мірское. Какъ царь да его ближніе бояре рѣшаютъ — такъ тому и быть.

Но ходатаи не отставали.

Подумалъ, повздыхалъ Макарій.

— Ну, инъ ладно! говоритъ. — Попытаюсь... Правда, такая ужъ наша доля пастырская: овецъ, и правыхъ, и заблудшихъ, порой, боронить... Идите, чада мои, съ миромъ! Попытаюсь... Бѣльскихъ да Глинскихъ, конешно, нечего просить. Это — Воронцовыхъ рука. А тѣ не смилуются. Нѣмецкая кровь, памятливая!.. Самого царя-отрока попрошу. Авось, уважитъ старику. Не часто я докучаю ему!..

И на призывъ больного архипастыря Иванъ поспѣшилъ явиться къ митрополиту.

Правда, не часто тревожилъ Макарій царя, хотя никогда и отказу въ прошеньи не зналъ. Мальчикъ охотно и нерѣдко, по старому, захаживалъ въ митрополичьи кельи, вглядывался, какъ тотъ работалъ, молился у себя, въ небольшой моленной, «крестовенькой», какъ называлъ ее Макарій.

И все уваженіе, всю любовь, какую могъ питать Иванъ къ кому-нибудь,—питалъ онъ къ митрополиту.

Умный старикъ, быстро выйдя изъ-подъ опеки Шуйскихъ, вознесшихъ его, правда, на высоту, но поступавшихъ и не по-божески, и неразумно, — Макарій старался поставить себя совершенно независимо, какъ подобало духовному пастырю всея Руси.

Но въ то же время, какъ человѣкъ практическій, онъ понималъ, что въ мірѣ жить — надо мірское творить!

Незамѣтно, твердой рукой старался онъ если не создавать, такъ направлять событія въ той исторической драмѣ, которая разыгрывалась вокругъ отрока-царя. Дѣло, съ виду, казалось бы просто: стоило, какъ и всѣ, — стараться проводить на разныя мѣста «своихъ» людей, окружить Ивана, потакать его мелкимъ слабостямъ и даже крупнымъ порокамъ... А тамъ и совсѣмъ забрать въ руки государя.

Такъ въ одной откровенной бесѣдѣ и совѣтовалъ митрополиту старый пріятель, протопопъ Сильвестръ.

— Немолодъ ты, отче! отвѣтилъ Макарій. — И опытомъ искушенъ, и умомъ Богъ не обидѣлъ, а не дѣло говоришь.

— Кое же не дѣло? Скажи, отче-митрополите!

— А вотъ, слушай: злыхъ, какъ думаешь, да скверныхъ мало ли кругомъ?..

— Ой, много!

— То-то-жъ. Мы такъ скажемъ: для ради устроенія земли, для спокою христіанскаго — душою покривимъ, потакнемъ государю... Онъ насъ возлюбитъ... Волю намъ

дастъ. Надолго ли оно? Иные явятся, совсѣмъ душу діаволу предавшіе. Да не ради земли, или христіанскаго спасенія, а ради корысти и прелести земной. Ужъ они такъ юношу улестятъ, на то пустятся, чего мы съ тобой, попъ, и за райское древо не сотворимъ. И по маковкѣ насъ тогда... Другіе придутъ. И настанетъ стонъ и плачъ и скрежетъ зубовный! Такъ ли?

— Пожалуй, правда твоя, отче-митрополите. Выходитъ: и такъ горе, и инако вдвое.

— Ничего не выходитъ. Помолчи ужъ. Твоя рѣчь впереди. Твое слово умное не усохнетъ, вѣрь!..

— Вѣрю... слушаю, отче!..

— То-то-жъ! Скоръ ты больно! Обмірянился... Нашу, высшую, Божію правду забылъ, Христомъ заповѣданную. Сказано есть: «возлюбите ближняго своего паче себя!..» Великое, плодоносное это слово. Злого человѣка любовью своей ты смягчишь, ненависть въ немъ погасишь... Ремства не вызовешь, коли видитъ онъ, что ты за тѣмъ же кускомъ не тянешься, который и онъ облюбовалъ... А добрый себя отдастъ за любовь. Понялъ?

— Понялъ... Да, все же: съ кускомъ-то какъ? Надо его доставать же?.. Безъ него нельзя же?..

— Аахъ, отче! Совсѣмъ ты школьную науку забылъ. Пословки старой не помнишь: двое тягаются — третьему корысть! При нашемъ кускѣ не то двое: двадцать два спорщика найдутся. Пусть колотятся. А мы подождемъ. Не уйти куску отъ насъ. Терпѣнье, терпѣнье, попъ, возьми—и самъ цѣлѣй будешь, и дѣло лучше сладится. Я ужъ малолѣтка вотъ какъ узналъ. Погоди: все тебѣ въ свой часъ скажу, какъ будетъ дѣло!..

И заступникъ за христіанство, умный, развитой и широко, не по времени, образованный пастырь, который искренно страдалъ, видя, какъ медленно строится царство, какъ тяжко жить слабымъ и беззащитнымъ земскимъ людямъ, Макарій глядѣлъ и терпѣливо выжидалъ желанной поры.

Ожидая прихода государева, который обѣщалъ въ тотъ же день явиться на зовъ, Макарій призвалъ Алексѣя Адашева.

— Что, сыне: готово твое писаніе?..

— Готово, святый отецъ. Благослови прочесть... съ поспѣшностью, свойственною всѣмъ авторамъ, доставая изъ шапки листки какой-то рукописи, свернутые въ трубочку, отвѣчалъ Алексѣй.

— Нѣтъ, погоди, Алеша!.. Дай-ка сюды. Ты мнѣ скажи одно: все по моему сказу писано?

— Все. Какъ же иначе, святый отецъ.

— Инъ, ладно. Побудь рядомъ... въ келіи... Я самъ прогляжу. Можетъ, поисправлю что. Ужъ не посѣтуй!.. А ты побудь тамъ. Государь если придетъ — все жди же! Да, вонъ, подвинь поближе ликъ-то Спаса, что я по тебѣ писалъ. Съ поставцомъ... Такъ... Ну, иди съ Богомъ!.. Дожидайся, да Богу молись!

Принявъ благословеніе пастыря, Алексѣй Адашевъ съ сильно бьющимся сердцемъ перешелъ въ сосѣднюю келью, полный какого-то непонятнаго волненія, страннаго ожиданія. Макарій, между тѣмъ, не любившій тратить ни единаго часу понапрасну, послалъ за однимъ изъ самыхъ знающихъ своихъ толмачей-переводчиковъ, итальянцемъ Чекки.

Ужъ много лѣтъ работалъ Макарій надъ огромнымъ и сложнымъ трудомъ: составлялъ полный списокъ Четій-Минеи. А для этой работы ему переводили съ латинскаго и греческаго языка всевозможныя сочиненія и рѣдкія рукописи, которыя съ затратой трудовъ и крупныхъ средствъ добывалъ отовсюду пастырь, ученый и поэтъ. Послѣднее свойство души Макарія: поэтическая находчивость и живость вымысла особенно много помогали Макарію въ его работѣ по составленіи Четіи-Минеи. Источники были такъ неполны, искажены, порой въ обрывкахъ... Объ одномъ и томъ же святомъ разные авторы говорили различно.

Приходилось или выбирать, что больше подходитъ, или даже создавать, для цѣльности повѣствованія, событія и черты изъ жизни, которыя соотвѣтствовать должны и лицу, взятому въ описаніи, и духу православной вѣры, какой царилъ въ современномъ Макарію обществѣ, особенно въ средѣ духовенства.

Но тѣ же толмачи переводили ему и свѣтскія хроники съ итальянскаго, французскаго и иныхъ языковъ.

И, вотъ, сегодня Макарій велѣлъ читать и переводить себѣ старинное сочиненіе: «Gesta Romanorum.», книгу, полную вымысла и драматизма, ту самую, изъ которой много лѣтъ спустя геніальный англичанинъ Шекспиръ позаимствовалъ не мало сюжетовъ для своихъ драмъ.

— Найди-ка, сыне, ту гисторію, какъ ходилъ въ пещеру король къ вѣдуньѣ-женѣ и та показала ему судьбу царства... И какъ то уразило царя... — обратился Макарій къ вошедшему Чекки...—Прочитай мнѣ ее еще разокъ... И по нашему перетолкуй... Я послушаю. Да и порисую, вотъ еще... Благо, работать сидя можно...

Чекки нашелъ повѣсть, послужившую потомъ зерномъ для Макбета, и сталъ читать и переводить тутъ же живой, интересный разсказъ.

Старецъ внимательно слушалъ толковника и поправлялъ изображеніе Христа, нарисованнаго отрокомъ. Ликъ Его представлялъ почти портретъ Алексѣя Адашева, съ котораго, какъ съ натурщика, вопреки обычаю, писалъ свой образъ Макарій. Иногда онъ знакомъ останавливалъ Чекки и о чемъ-то думалъ, покачивая своей сѣдой головой, обрамленной ореоломъ пышныхъ волосъ, несмотря на то, что сейчасъ они были зачесаны и собраны вмѣстѣ.

— Государь жалуетъ!.. доложилъ пастырю служка. И тотчасъ почти за дверью раздался звонкій голосъ Ивана:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Аминь!.. Входи, входи, царь-государь! дѣлая движеніе встать при помощи служки, произнесъ митропо-

литъ. Въ то же время махнулъ онъ Чекки рукой, чтобы тотъ уходилъ.

Отдавъ земной поклонъ вошедшему отроку-царю, италіанецъ ушелъ со своимъ тяжелымъ, въ кожу переплетеннымъ фоліантомъ въ рукахъ.

Иванъ поспѣшилъ къ Макарію.

— Не труди себя, отче... Да еще при недугѣ! искренно-ласково сказалъ онъ, принимая благословеніе пастырское и цѣлуя руку митрополита.

Тотъ обнялъ, сидя, царя и поцѣловалъ его.

— Да ужъ, хворь—не свой братъ. Спасибо, что ждать не заставилъ, государь. Просить тебя надо, а самому—ни съ мѣста. Пришлось тебя ужъ тревожить, отъ царскихъ заботъ отрывать.

Иванъ вспыхнулъ.

Просто, безъ малѣйшаго намека, были сказаны эти слова, но такимъ горькимъ упрекомъ прозвучали, именно, при всей ихъ простотѣ и кротости,—что царю легче было бы обиду и брань снести, чѣмъ это извиненіе старца. Вспоминая: какими царскими дѣлами занимался онъ эти дни, отрокъ такъ и горѣлъ отъ стыда, вдругъ проснувшагося въ душѣ.

— Какая просьба, отче-господине?... Приказывай!... Какъ сынъ покорный—все сотворю, что велишь.

— Ну, что ты!... слегка замахавъ худощавой своей аскетической рукой, съ улыбкой сказалъ Макарій.—По церковному—я еще могу гдѣ указать тебѣ. А по мірскимъ дѣламъ—ты царь... Помазанникъ Божій!.. Тутъ я, какъ и всѣ подвластные тебѣ, просить лишь гораздъ!...

— Все равно, отче! Говори, что хочешь? глубоко польщенный такой рѣчью, отвѣчалъ Иванъ.—Хоть я и догадываюсь: о Кубенскихъ ты, надо быть?

— Какъ тебѣ не угадать?.. Орелъ ты у насъ! Прозорливый духомъ, умомъ остеръ! Царь, Божіей милостью... Вотъ, о нихъ о самыхъ и прошу тебя. Не ради ихъ грѣш-

ной души. Ужъ, конешно, коли ссылалъ ты, такъ зналъ, за что. А ради милосердія и твоего имени свѣтлаго ради молю... Не посмѣли бояре къ тебѣ, ко мнѣ забѣжали. Пришлось тревожить тебя...

— Ага, не посмѣли? Боятся, значитъ, меня?

— Какъ не бояться?! Гроза и милость царская, что Божій громъ и вёдро. Не уйдешь отъ нихъ, нигдѣ не скроешься!... Вотъ, послѣ грозы — пусть солнышко проглянетъ! Помилуй окаянныхъ. Господь, помнишь: Содомъ хотѣлъ пощадить ради одного праведнаго. А у тѣхъ бояръ и дѣти есть, невинныя, малыя, и жены... Вотъ, ради нихъ...

— Не щадили они меня, отецъ!... Ни мамушку не пожалѣли, извели, бѣдную...

— Ну, это кто знаетъ? Нешто по сыску дознано, что Кубенскихъ то дѣло?..

— Всѣ они заодно. Вонъ, дядевья мнѣ толкуютъ: всѣхъ прибрать къ рукамъ надобно!.. И Воронцовы мнѣ измѣну Кубенскихъ, какъ масло на воду, вывели! Что же щадить воровъ?...

— Дяди? въ раздумьи повторилъ Макарій. — Воронцовы?... Ну, конешно: они теперь правители... Они, значитъ, тутъ всему головой. Прости, царь, что обезпокоилъ. Ихъ просить буду, коли ты не можешь, не дерзаешь противъ дядей да Воронцовыхъ... Не посѣтуй, что утрудилъ те...

Но Иванъ не далъ кончить старику. Глаза загорѣлись, лицо снова вспыхнуло, только ужъ не стыдомъ, а досадой.

— Не дерзаю? Не могу? Я — все могу!.. Да и самъ же ты говоришь: многіе за тѣхъ просили! А у меня въ думѣ моей — всѣ бояре равны, что дядевья, что Воронцовы. Всѣ передо мной равны!..

— Спору нѣтъ! Такъ и по Писанію... И по всякому! Совѣсть царева — единый ему законъ... да правда святая. А то — не долженъ онъ знать лицепріятія, какъ солнце не знаетъ его: сіяетъ на злые и на благіе...

— Ну, вотъ, видишь! Дай же, я напишу... Тутъ, у тебя. Пускай ворочаются Кубенскіе. Только, чтобы ужъ больше не смѣли воровскимъ дѣломъ жить. Пусть тебѣ, отче, присягу дадутъ великую... Я тогда и дядевьямъ скажу: теперь Кубенскихъ бояться, молъ, нечего! Присяга великая, святая дадена!...

— Такъ, такъ! Истинное слово твое. Ну, пиши! Спаси тебя Христосъ, что стариковскаго слова послушалъ, просить себя напрасно не заставилъ! Оно и то сказать: Кубенскіе — сумы переметныя!... Промежъ бояръ мотаются, сами не знаютъ, чего ищутъ... Такъ острастка на пользу имъ. И не сразу вернемъ опальныхъ. Къ Пасхѣ, вотъ... Красное яичко поднесемъ — слово это твое милостивое... Пока побережемъ его... — пряча написанное царемъ въ ящикъ стола, сказалъ Макарій.

— Вотъ, и хорошо. Не сразу мнѣ придется Ѳедю и дядей озлить... совсѣмъ развеселясь, сказалъ Иванъ. Но вдругъ снова задумался.

— Вотъ, сказалъ ты, отче: Кубенскіе — переметчики. И не такіе, ужъ, злодѣи... А, вѣдь, есть такіе, что опаснѣй другихъ... Какъ бы съ тѣми быть? Со злыми да крамольными? Научи, отче!..

— Ну, что ты меня пытаешь государь! Говорю: плохъ я въ мірскихъ дѣлахъ. А только, помню... Молодъ еще былъ, вотъ, въ родѣ тебя же. Съ отцомъ въ лѣсъ мы поѣхали. Къ веснѣ дѣло было... Лошадка въ саняхъ... И сосунокъ-жеребеночекъ сбоку. Домой ужъ намъ вертаться, а тутъ волки пристигли, голодные, злые... И пришлось покинуть имъ жеребеночка... Отогнать его отъ себя! Живо волки налетѣли, зарѣзали малаго, рвать стали. А тамъ и между собой грызться почали... Только клочья летятъ! Мы-то ускакали въ тотъ часъ. А какъ вернулись съ мужиками, съ пищалями, отъ жеребенка костякъ одинъ лежитъ, да и волковъ не мало обглоданныхъ... Это за добычу, другъ дружку они... волки-то... Такъ и въ жизни

приходится. Малое что либо злымъ уступишь и отойдешь. Они тебя не тронутъ, за малое, грызться да губить другъ друга станутъ. Все же потомъ повольнѣй будетъ добрымъ... И руки чисты у добрыхъ останутся. А чистыя руки — великое дѣло передъ Господомъ.

Иванъ опять невольно потупился и нервнымъ жестомъ сжалъ въ кулаки пальцы обѣихъ рукъ, стараясь убрать ихъ отъ взоровъ старика, глядѣвшаго такъ незлобиво, ясно и ласково.

Послѣ небольшого молчанія юноша произнесъ негромко:

— Сдается, отче: уразумѣлъ я слова твои!

— И въ добрый часъ! Аминь... Ну, и дѣло съ концомъ. А теперь не взглянешь ли на работу на стариковскую?

И Макарій ближе подвинулъ простой мольбертъ, на которомъ стояла доска кипарисовая съ законченною почти иконой — изображеніемъ Спасителя-отрока.

— Покажь, покажи, владыка! Мнѣ очень по нраву образа твои. Вотъ, словно живые всѣ!.. Да, постой... вглядываясь въ образъ, съ изумленіемъ воскликнулъ Иванъ. — И впрямь, я видѣлъ недавно совсѣмъ такое лицо. Поплоше малость, постарше... Не такое милостивое, да божественное... Погоди, сейчасъ видѣлъ, вонъ, въ томъ покоѣ... Твой одинъ тамъ паренёкъ былъ, кланялся мнѣ, какъ я проходилъ. Славный такой...

— Адашевъ Алеша... Ну, конечно, не ошибся, государь. Съ него и взято подобіе... Хотѣлось мнѣ для тебя памятку оставить. Умру, чай, скоро... И годы, и недуги... Какъ самъ ты отрокъ — и Христа-Отрока для тебя изобразить Господь привелъ... Прими, не побрезгуй!..

— Благодарствуй, отче!.. Постой ка, погоди! И правда, у парня того, твоего ликъ такой... добрый, ясный. Рѣдко видѣть мнѣ приходилось...

— Золотой парень, государь! Душа чистая, голубиная!.. Ученъ сколь хорошо!.. Родъ ихъ — изъ Сурожа.

Того самаго Одашева сынокъ, коли помнишь, у котораго, годъ вотъ минулъ...

— Бояре противъ Шуйскаго собирались?.. Помню... Помню... А что онъ дѣлаетъ у тебя?..

— Такъ, въ дѣлахъ помогаетъ... Языкамъ чужимъ зѣло хорошо обученъ... И самъ въ риторствѣ не промахъ. Способенъ на все... Одарилъ Богъ!.. Да, вотъ... Какъ разъ у меня... Не читалъ я еще... Новое сложеніе его... Не взглянешь ли?..

И Макарій, уже раньше проглядѣвшій работу Алексѣя, подалъ теперь ее Ивану.

Юноша развернулъ и прочелъ заглавіе:

«Царь христіанскій и земля его».

Послѣ этого заголовка, начертаннаго вычурными, разрисованными буквами, шли строки, выведенныя красивымъ почеркомъ, словно печатанныя.

— Какъ пишетъ хорошо... Да и, поди, что-нибудь такое, дѣльное... Семъ-ка я пролистаю...

И Иванъ, всегда любившій чтеніе, сталъ пробѣгать глазами строки. Долго читалъ онъ не отрываясь. Разные оттѣнки самыхъ разнообразныхъ ощущеній пробѣгали по выразительному лицу царственнаго юноши. А сидѣвшій неподвижно старикъ, не сводя глазъ съ Ивана, читалъ въ его лицѣ, какъ въ раскрытой книгѣ, всѣ мысли и ощущенія душевныя.

Только проглядѣвъ все до послѣдней строки, положилъ Иванъ рукопись на столъ, не говоря ни слова, весь находясь подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго.

Рукопись, въ видѣ поученія, оставленнаго умирающимъ греческимъ царемъ юному наслѣднику своему, давала полную картину идеальныхъ отношеній хорошаго правителя къ любящей его странѣ, къ народу и землѣ. Это былъ горячій гимнъ во славу полубожественной, полуотеческой царской власти, за которую народъ платитъ и обожаніемъ ребенка, и почтеніемъ, страхомъ смертнаго передъ носителемъ вѣчной истины и благости. Тутъ же указывались и

средства избѣжать покушеній со стороны враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Словомъ, въ царѣ, описанномъ Алексѣемъ, Иванъ видѣлъ себя, не такого, какимъ онъ былъ сейчасъ, а какимъ представлялъ себя порою, тѣмъ идеальнымъ царемъ, который можетъ затмить славу Августа, могущество Соломона и милосердіе Тита. Цари — Давидъ и Константинъ и Ѳеодосій — не такъ благочестивы и умны, какъ этотъ царь.

При чтеніи — то восторгомъ сжималась грудь Ивана, то слезы умиленія сверкали въ глазахъ впечатлительнаго юноши. А порой — и стыдъ пурпуромъ заливалъ полныя щеки, еще одѣтыя пушкомъ юности.

— Что, али не понравилось? первый прервалъ молчаніе Макарій.

— Говоришь, отче: не понравилось? Что ты? Почему? не желая сразу обнаружить впечатлѣнія, произведеннаго на него чтеніемъ, отвѣчалъ самолюбивый и по привычкѣ— чрезмѣрно скрытный юноша. — Нѣтъ, ничего. Изрядно составлено... Ты бы его мнѣ показалъ, писателя твоего...

— Какъ пожелаешь, сынъ мой... Онъ, поди, и теперь здѣся. Кликнуть могу. Прикажешь?

— Инъ, позови, пожалуй... Посмотримъ твоего тихоню, святошу, да разумника. Что-й-то и не видалъ я такихъ кругъ себя.

— Есть они, государь, да впередъ не пузырятся. По угламъ стоятъ, дѣла ждутъ. А кто побойчѣй да поклювастѣй — и тутъ какъ тутъ!..

— Правда, правда твоя... Ну, зови парня...

Адашевъ быстро явился на зовъ, поклонился, какъ слѣдуетъ, и царю, и митрополиту, и молча сталъ у дверей.

— Что же ты? Ближе подойди, Алексѣй. Такъ вѣдь звать-то тебя?

— Такъ, государь! — подходя ближе и глядя своими большими, черными, огненными глазами прямо въ глаза Ивану, отвѣтилъ Адашевъ, свершивъ обычный поклонъ.

— Лѣтъ много ли? Двадцать будетъ?

— Двадцатый пошелъ, государь!

— Немного старше меня! съ легкимъ оттѣнкомъ зависти сказалъ Иванъ. — А изрядно твоя эпистолія сложена. Самъ слагалъ?

— Самъ, государь!.. помня наказъ Макарія, слегка потупляясь, отвѣтилъ Адашевъ.

— Да ты не потупляйся, не дѣвка красная... И дѣло не зазорное. И я, и отецъ-митрополитъ — хвалимъ же. Чего-жъ тебѣ? Кверху голову держи. Я трусовъ не люблю.

— Не трусъ я, государь! Хоть сейчасъ вели на бой! На Литву, на агарянъ ли нечестивыхъ — твой холопъ и ратникъ. Увидишь: трусъ ли я?!.

— Ого! Вотъ по иному заговорилъ, какъ ты его, государь, за живое задѣлъ. Знаю: не трусъ онъ у меня. И въ дѣлахъ ратныхъ свѣдущъ...

— Да ты кладъ, парень... Мы тебѣ дѣло найдемъ, — принимая осанку и видъ властителя, сказалъ юный царь, довольный, что можетъ, помимо бояръ, самъ создать себѣ приближеннаго человѣка, возвысить его. И ужъ, конечно, — этотъ будетъ преданъ изъ благодарности.

— Думаю я, все также серьезно продолжалъ отрокъ: — пора съ Казанью кончать. За малолѣтство мое — бояре матушку-рѣпку пѣли, брюха свои толстыя берегли. Я поубавлю жиру въ нихъ!.. Пусть съ Казанскимъ юртомъ кончаютъ, да и весь сказъ. И Шигалейку царемъ туды...

— Воиновъ мало на готовѣ, государь... заговорилъ, очевидно хорошо освѣдомленный въ этихъ дѣлахъ, Адашевъ: —Правда: Литва притихла, да Крымъ насѣдаетъ. Того и жди погрому... Бояре — врозь. Хрестьянамъ — раззоръ чистый отъ намѣстныхъ бояръ да тіуновъ... Граматы вольныя мало гдѣ даденыи... Дѣлъ (пушекъ) осадныхъ, ни великихъ, ни малыхъ — вдосталь нѣтъ... Чѣмъ Казань воевать?

— Такъ, такъ! Все-то ты знаешь! кивая головой, проговорилъ Иванъ. — Такъ, пожди, что впередъ будетъ!? Мной ужъ приказъ даденъ: всѣ тѣ порухи исправить. Обѣщались дядевья. Горбатый и Мстиславскіе и Курбскій Андрей — ужъ, толкуютъ, за дѣло взялись!..

— Въ добрый часъ! отозвался Макарій, нарочно давшій свободу двумъ юношамъ столковаться между собой.

— Ну, какъ никакъ, — вижу: добрый ты слуга царю своему. И о томъ печалуешься, отъ чего мало корысти тебѣ было доселѣ. А что будетъ? — увидимъ.

Затѣмъ, поднявшись и сдѣлавъ обычный поклонъ митрополиту, Иванъ принялъ отъ него благословеніе.

— А ты, Алексѣй, сказалъ онъ Адашеву: — нынче-жъ ко мнѣ на верхъ приходи. Дѣло я для тебя придумалъ. Знаешь, отецъ-митрополитъ, отъ самой почитай смерти отцовской «Царская книга» наша не сведена лежитъ. Вотъ, искусникъ этотъ пусть и засядетъ за нее. А тамъ поглядимъ!.. Пока — прости, владыка!..

И царь ушелъ, допустивъ на прощанье къ рукѣ Адашева.

— Ну, пойдемъ, Алексѣй, Богу помолимся со мной, чтобы помогъ Онъ намъ въ начинаніяхъ нашихъ... сказалъ Адашеву митрополитъ, возлагая руку на голову, замечтавшагося Богъ вѣсть о чемъ, юноши.

И съ помощью Алексѣя и служки перейдя въ молельню свою, долго и горячо молился старикъ о томъ, чтобы Богъ исполнилъ все, какъ онъ задумалъ на благо Руси.

О чемъ молился Алексѣй — кто знаетъ?!

Бояре все не унимались. Распри и раздоры росли и клубились, грозя затопить все царство.

Юный царь, въ душѣ котораго различныя настроенія мѣнялись такъ же быстро и легко, какъ очертанія тучекъ въ небесахъ, — то каралъ, то миловалъ бояръ своихъ,

сегодня налагая по чьему-либо доносу опалу на боярина, а завтра, по просьбѣ другихъ, смѣняя гнѣвъ на милость. Между тѣмъ, слѣдуя совѣту, кстати и осторожно данному Адашевымъ, самъ Иванъ только и дѣлалъ, что ѣздилъ по разнымъ монастырямъ и, колеся изъ конца въ конецъ по своему царству, узнавалъ Русь.

Адашевъ, собственно, не посовѣтовалъ ему ѣздить, а краснорѣчиво описалъ, какъ Киръ Персидскій и Александръ Македонецъ, сынъ Филипповъ — въ юности исходили по всей землѣ, которая ихъ наслѣдьемъ потомъ стала. И знали они землю... И говорили со всякимъ, кто жилъ на землѣ у нихъ, — его роднымъ языкомъ.

— И я бы такъ хотѣлъ! замѣтилъ Иванъ. Теперь онъ не стѣснялся откровенно высказывать передъ тихимъ, вдумчивымъ Алексѣемъ всѣ свои желанія, кромѣ дурныхъ. О тѣхъ — Иванъ съ другими товарищами толковалъ.

— Да, хорошо бы... Да нельзя. И земля еще у насъ не улажена... Могутъ тебѣ вредъ какой сдѣлать... И не пристало... Хоть и отрокъ, а царь ты... Вонъ, черезъ годъ и боярская опека съ тебя снимется... Развѣ, вотъ что...

— Что? Говори скорѣй!

— Государи завсегда по монастырямъ благочестивые ѣздили. Этого никто претить тебѣ не станетъ. Вотъ, и ты почни. А тамъ — и мнихи, и отцы-игемоны — всякую тебѣ правду скажутъ... И про бояръ, и про тяглыхъ людей, какъ тяжко имъ отъ насильниковъ... Они бы рады лучше тебѣ, царю, послѣднее нести, а лиходѣи все отбираютъ.

— Ну, недолго имъ!.. Пусть погодятъ... Скоро поуправлюсь я съ ними! сжимая руки, пробормоталъ Иванъ.

И сейчасъ же объявилъ главнымъ боярамъ, что желаетъ на богомолье, по монастырямъ поѣхать: наканунѣ своего царскаго совершеннолѣтія — у Бога помощи и совѣта просить. Всѣ только похвалить могли Ивана за намѣренье. И до пятнадцати лѣтъ своихъ, когда пришла пора, —

согласно завѣщанью отца, — отстранить боярскую опеку и взять правленье въ свои руки, — Иванъ посѣтилъ до двадцати монастырей и обителей въ разныхъ концахъ Московскаго царства. Въ декабрѣ 1545 года побывалъ царь и во Владимірѣ, когда удалось, наконецъ, Москвѣ хоть на малое время снова посадить въ Казани «своего» хана и приспѣшника — толстаго Шихъ-Алея.

Вездѣ и монахи и народъ простой съ восторгомъ принимали царя. И всюду — достигали до государя жалобы и слезы на своеволіе намѣстниковъ, окольничьихъ, прикащиковъ городовыхъ, старостъ губныхъ, тіуновъ, — вплоть до мелкихъ служилыхъ людей, которые обирали и тѣснили чернь. Все это залегло въ душѣ и въ памяти Ивана. Гдѣ и чѣмъ могъ, — облегчалъ онъ народъ, монастырямъ и селамъ и пригородамъ граматы льготныя давалъ. Онъ помнилъ, какъ еще недавно его самого тѣснили и открыто грабили алчные, гордые бояре, потомки старой дружины великокняжеской, куда послѣ прибавились потомки удѣльныхъ князей, потерявшіе власть и значеніе личное, собравшіеся вкругъ крѣпнушаго трона московскихъ царей. И всѣми силами не позволяли эти люди, старались остановить, заворожить въ извѣстныхъ границахъ быстро растущее самодержавіе Москвы, грозящее разбить, затушить послѣднія искры ихъ собственной былой мощи и самостоятельности...

Все понималъ, на опытѣ извѣдавшій это, молодой царь — и рѣшилъ потерпѣть, подождать, пока сможетъ при помощи «земли» — очистить царство отъ лишняго бурелому и валежнику, сваленнаго бурями минувшихъ вѣковъ.

Осенью 1545 года свершилось царю пятнадцать лѣтъ. Теперь онъ уже не опекаемый мальчикъ, который проситъ опекуновъ: сдѣлать такъ или иначе. Хотя и по виду, но все имъ совершается. Указы и доклады — ему читаются: какъ онъ повелитъ? Теперь ужъ никто не смѣетъ

именемъ Ивана столбецъ подписать, послать бумагу куда на исполненіе. Самъ молодой государь дѣла государскія вѣдаетъ... на словахъ, конечно. Все идетъ, какъ машина, заведенная еще дѣдомъ, Иваномъ Третьимъ. Стара машина, кое-гдѣ заржавѣла, скрѣпы расшатались, повизгиваютъ... Да и надстроено въ ней не мало за послѣднія тридцать — сорокъ лѣтъ... Не совсѣмъ даже части ея одна другой соотвѣтствуютъ... Но еще хорошо работаютъ, крѣпко откованныя, гладко-отлитыя колеса и шестерни... И одно новое въ ней сейчасъ колесо работаетъ: это — воля, порой дикая, неукротимая воля, — ребенка-царя. Но она — больше пустыхъ или не важныхъ, ребяческихъ вещей касается и тонетъ этотъ новый голосъ въ шумѣ и шорохѣ, который издаютъ всѣ части государственнаго механизма — до послѣдней мелкой цѣвки, до мужичка-оратая включительно. Да той самой цѣвки, изъ которой и создана прочная основа «земли Русской», царства великаго Московскаго...

Тѣмъ самымъ временемъ, именемъ Ивана, за его подписомъ, а порой и по собственной волѣ — продолжались опалы, ссылки, даже казни. Такъ, Афанасію Бутурлину за дерзкія рѣчи — языкъ рѣзали... Глинскіе съ Воронцами, какъ звали Воронцовыхъ, — подо всю партію Шуйскихъ подкопались и добились ссылки ихнихъ главарей. Но, по пути, и самъ Воронцовъ Ѳедоръ опалу испыталъ. Постепенно любимца успѣли вывести изъ всякихъ границъ осторожности и тотъ прямо головой себя выдалъ, когда однажды ворвался къ царю да сталъ чуть не съ крикомъ выговаривать:

— Что-й-то ты дѣлаешь, Ваня?!.. Сколь много разъ обѣщалъ слушать меня, — а нынѣ, ни словечушка не молвя, потайнымъ путемъ, бояръ да иныхъ людишекъ жалуешь многимъ жалованьемъ великимъ! Вонъ, хошь, Олешку Одашева, чернорожаго взять... И князь Лександра Горбатова — прямо возвеличилъ... А они — вѣдомые враги всему роду нашему... Какъ же такъ?!..

Изподлобья поглядѣлъ Иванъ на своего наперсника, къ которому если еще не совсѣмъ охладѣлъ, то ужъ сталъ относиться съ презрѣніемъ, невольно сравнивая въ умѣ пошлаго Ѳедю съ чистымъ, идеально-пылкимъ Адашевымъ.

— Постой, погоди, Ѳедя!.. Я ничего такого не говаривалъ тебѣ... Никого не хочу я слушаться, кромѣ Господа. Онъ Единъ царямъ указчикъ.

— Ну, брось! Я тебѣ — первый другъ! Ужли для меня чего не сдѣлаешь?.. Ты ужъ такъ, гляди, ладь, чтобы помимо меня — никто къ тебѣ не подходилъ. А я ужъ оберегу тебя! Я ужъ знаю... И всѣ за меня стоятъ! желая запугать трусливаго, какъ онъ зналъ, Ивана, прибавилъ Воронцовъ. — Ты гляди: мы не позволимъ чужой сбродъ во дворецъ напускать!..

— Не позволите?!.. протяжно повторилъ Иванъ. — Ну, инъ ладно. Тогда — дѣлать нечего. Ваша власть!

Сказалъ — и ни слова больше.

Довольный одержанной мнимой побѣдой, Воронцовъ ушелъ.

Когда Иванъ разсказалъ о сценѣ съ Воронцовымъ дядѣ Михаилу Глинскому, тотъ такъ и побагровѣлъ:

— Ого! въ Шуйскіе, въ Ондреи, во вторые — парень норовитъ... И ты стерпѣлъ, племяшъ?..

Иванъ, съ умысломъ сказавшій все Глинскому, отвѣтилъ съ напускной кротостью:

— Что-жъ я? Вы — правители, опекатели мои!.. Вамъ и беречь меня. И то ужъ болтаютъ — кровь я зря лью... Что самъ ни сдѣлаешь — потомъ отъ васъ же покоры: отчего-де васъ не спросилъ, бояръ главныхъ?..

Результатомъ этой бесѣды явилась ссылка Воронцова Ѳедора чуть ли не въ одинъ день съ его заклятыми врагами: Шуйскимъ и иными.

Было это въ октябрѣ 1545 года.

Опять всполошились всѣ присные попавшихъ въ опалу,

бояръ. Засыпали Бѣльскихъ и Глинскихъ подарками, кинулись къ ногамъ митрополита.

Волей-неволей, чтобы не выказать себя врагомъ сильнаго еще боярства, пришлось пастырю снова за преступниковъ просить.

— Да за кого просишь, отче? Думалъ я: доброхотъ ты мнѣ, а вдругъ за враговъ просишь!.. Знаешь ли: тѣ же Кубенскіе, Палецкіе, Шуйскіе да Тучковы — меня съ братомъ Юріемъ — чуть не голодомъ морили... Какъ съ послѣднихъ бусурменовъ, — въ праздники даже великіе — затрапезныхъ кафтанцевъ не сымали, въ штанцахъ подранныхъ водили. Себѣ батюшкино да матушкино добро хитили. Петли имъ мало, не то опалы моей...

Но Макарій все-таки смягчилъ Ивана. А по угодникѣ и ласкателѣ своемъ, Ѳедѣ — юноша и самъ скоро заскучалъ.

И къ святкамъ того же года были прощены всѣ.

Возвратясь вторично на Москву, Воронцовы, пылая местью къ врагамъ, повредившимъ имъ у царя, — рѣшили принять крутыя мѣры. Помогать дѣлу, сперва за свой счетъ и страхъ, а потомъ и вкупѣ съ Воронцами, принялся Ѳедоръ Барминъ, духовникъ царя Ивана. Насулили сначала Шуйскіе отцу протопопу полонъ коробъ всего — и ничего не дали. Тотъ, какъ ужъ извѣстно, скоро противъ первыхъ покровителей пошелъ, присталъ къ Глинскимъ съ Бѣльскими. И правда: сперва потянули было Бармина эти вельможи. Но Макарію не понравилась такая близость между духовникомъ Ивана и первосовѣтниками его.

— По единому сто прутьевъ изломишь, а въ связкѣ — погодишь! подумалъ Макарій и незамѣтно, полегоньку да потихоньку, не самъ, а посредствомъ десятковъ и сотенъ людей, съ которыми приходилъ въ столкновеніе и вліять на которыхъ умѣлъ превосходно, — сталъ Макарій подтачивать вліяніе Ѳедора Бармина, расшатывать его положеніе.

Гордый, стремительный и не очень дальновидный, Барминъ самъ помогалъ больше всѣхъ своему ослабленію. Ма-

лѣйшая неудача или замедленіе въ осуществленіи плановъ личныхъ — раздражали протопопа и онъ надоѣдалъ покровителямъ, злился, грозилъ... Кидался къ вождямъ противной партіи, заискивалъ, унижалъ себя, роняя и свое достоинство и шансы на успѣхи, которыхъ только и жаждалъ честолюбивый Барминъ. Благо родины, успѣхъ вѣры Христовой не особенно заботили его.

— Протопопицу въ монастырь. Самъ надѣну клобукъ, спервоначалу — черничій, а опосля и митрополичій! вотъ въ чемъ заключались завѣтныя мечтанія Бармина.

— Нѣтъ, видно отъ бояръ-собакъ пути не ждать! рѣшилъ наконецъ попъ и самъ пытался повліять на царя, придираясь къ тому, что усердно работалъ при сверженіи князя Андрея Шуйскаго.

Но и царя только раздражали рѣзкія нападки исповѣдника. А грубые, неумѣлые намеки и періоды льстивыхъ заискиваній раскрыли скоро глаза не по годамъ проницательному и подозрительному юношѣ на истинный характеръ и угрозъ, и лести протопопа.

Видя, что и тутъ дѣло не выгораетъ, Барминъ совершенно озлобился.

— Эка!.. Погодите-жъ! Всѣмъ вамъ насолю...

И ужъ прямо положилъ душу, безкорыстно на этотъ разъ, злобы и мести ради, чтобы ко всеобщей смутѣ и неурядицѣ, царящей вокругъ трона молодого царя, прибавить свою каплю желчи.

Рыбакъ рыбака увидалъ издалека.

Работая въ одномъ направленіи, Воронцовы и Барминъ столкнулись скоро, уразумѣли другъ друга и рѣшили дѣйствовать сообща «всѣмъ ворогамъ своимъ и царскимъ на пагубу свирѣпую»...

Только въ то самое время, какъ протопопъ дѣйствовалъ потихоньку и осторожно, вливая ядъ клеветы и крамолы въ умы своей паствы, Воронцовы шли инымъ путемъ. Прикинувшись, что обида и раскаяніе заставили ихъ

отшатнуться и отъ первыхъ бояръ, литовскихъ нашественниковъ: Глинскихъ и Бѣльскихъ; да и отъ самого царя, который-де игрушка въ рукахъ у родни своей, — Воронцовы кинулись къ Шуйскимъ, Кубенскимъ, и ко всей старой партіи. Конечно, и на половину не повѣрили тѣ своимъ новымъ союзникамъ, но въ борьбѣ нельзя брезгать даже сомнительными средствами и не совсѣмъ надежными друзьями. Закипѣла работа... Новгородъ былъ всегдашняя опора старинныхъ вотчинниковъ и волостелей своихъ, Шуйскихъ, вѣчно умѣвшихъ мирволить новгородцамъ и защищать старыя вольности города отъ Москвы-насильницы. Новгородъ и на этотъ разъ сыгралъ роль опорнаго пункта для заговорщиковъ.

Ждали только случая, чтобы устрашить порядкомъ царя и возстановить противъ Бѣльскихъ съ Глинскими, а то и захватить самого Ивана, а тамъ поглядѣть можно: какъ царемъ-плѣнникомъ воспользоваться? Шемякина смута не за горами была. Всѣ еще ее помнили.

Конечно, не остались въ невѣдѣньи и первые бояре обо всемъ почти, что затѣвалось; но помалкивали, надѣясь обратить происки враговъ на гибель ихъ же собственную.

Такъ подоспѣла весна 1546 года.

Плохія вѣсти пришли: ханъ крымскій на Москву походомъ идетъ. Ужъ за Рязанью сторожа порубежные видѣли значки агарянскіе, бунчуки ордынскіе. Это за брата, за хана казанскаго, мстилъ Гирей, за походъ удачный, который прошлой весной русскіе на Казань совершили. Иванъ пожелалъ теперь самъ выступить въ походъ. Робкій и запуганный боярами въ своемъ дворцѣ, онъ въ мечтаніяхъ совершалъ тысячи геройскихъ подвиговъ, подобно Дмитрію Донскому и другимъ царственнымъ героямъ-предкамъ.

— Двумъ смертямъ не бывать — одной не миновать! уговаривалъ себя отрокъ, когда невольный страхъ передъ какой-то неизвѣданной опасностью охватывалъ его юную, измученную до срока душу.

Умереть въ каменномъ мѣшкѣ, задавленнымъ или зарѣзаннымъ толпой крамольныхъ бояръ — это казалось Ивану ужаснымъ. Онъ и содрагался, и въ ярость приходилъ при одной мысли, что такой конецъ грозилъ ужъ ему не разъ, да еще и теперь можетъ грозить.

Но умереть въ бою, съ оружіемъ въ рукѣ, получая и нанося раны? Вѣдь, это должно быть даже пріятно! — нашептывалъ ему голосъ Рюриковой воинственной крови и кровь Батыя-завоевателя, которой не чуждъ былъ государь.

У Коломны отряды, пришедшіе изъ-подъ Москвы съ царемъ, стали станомъ. Новгородскіе и псковскіе дружинники скоро подоспѣли сюда же. Пришло тысячи двѣ ратныхъ людей и казаковъ изъ Касимова съ царькомъ ихнимъ, Шихъ-Алеемъ-ханомъ во главѣ.

Къ этому времени казанцы, временно принявшіе было Шихъ-Алея на престолъ, выгнали уже толстаго, лѣниваго шаха, который все прислушивался къ голосамъ изъ Москвы, своихъ татаръ — гяурамъ продавалъ; вмѣсто дѣла царскаго — дѣвушекъ да женъ мурзинскихъ и простыхъ татарокъ въ гаремъ увозилъ. Иную — добромъ, а иную и силою. И согнали казанцы хана. Опять онъ въ Касимовѣ царитъ.

Пришлось здѣсь, въ Коломнѣ, всѣмъ стоять, дожидаться остальныхъ ратныхъ полковъ, которые изо всѣхъ концовъ царства, подъ предводительствомъ мѣстныхъ дворянъ и бояръ, къ сборному пункту потянулись.

Май насталъ. Все зеленѣло, цвѣло...

Остановясь съ ближними своими людьми въ большомъ пригородномъ монастырѣ, царь мало дома сидѣлъ. Съ утра ранняго окруженный боярскими дѣтьми и дворянами своими, скакалъ онъ по окрестнымъ полямъ, заглядывалъ и въ села... Отдыхалъ тамъ порой, собирая веселые хороводы, потѣшаясь, чѣмъ придется.

Особенно царь быструю ѣзду любилъ... Не мало и давить народу на скаку довелось ему съ его озорной, мно-

гочисленной челядью. За отсутствіемъ настоящихъ враговъ, Иванъ воображалъ, что поражаетъ бусурманъ, когда съ гикомъ и воемъ налеталъ на село, грозой проносился по зеленѣющимъ нивамъ и только что не сжигалъ жалкія избы напуганныхъ крестьянъ... Потомъ стоянку дѣлали... И веселье, нездоровое, разгульное, кипѣло волной... Но если боярамъ, дьякамъ и подъячимъ въ особый укоръ такіе дебоши народомъ не ставились, такъ ужъ самому Ивану — и подавно...

— Веселится соколъ нашъ ясный! твердили мужички-сѣрячки: — молодъ-зеленъ еще... Ничаво... Все обойдется. Вонъ, баютъ: и ласковъ онъ порой къ нашему брату — хрестьянамъ православнымъ!.. Што же: пущай его!..

Бояре, глядя на буйныя забавы, поглаживали бороды и самодовольно твердили:

— Ишь, побойчалъ какъ!.. Хоробрый будетъ волостель. Землю обережетъ. Не станетъ на печи отъ ворога прятаться...

Младшій братъ, Юрій, тотъ оставался въ Москвѣ, во дворцѣ, и цѣлыми днями тамъ или ѣлъ, или спалъ, или въ банѣ парился. А то въ окно глядѣлъ, птицу кормилъ-прикармливалъ, которая къ знакомому окну всегда стаями слеталась.

Въ одно утро Воронцовъ, все время и такъ ходившій туча-тучей, вошелъ къ Ивану въ особенно мрачномъ настроеніи.

— Что съ тобой, Ѳедя?.. Ай съ лѣвой ноги нонѣ всталъ? послѣ первыхъ привѣтствій спросилъ царь.

— Съ лѣвой? Погоди, скоро никакой не останется... Не съ чевы и вставать буде.

— Ой, что такъ страшно? Аль татаръ трусишь?..

— Какіе татаре? Свои горше лютаго татарина ушибутъ. Тогда вспомянешься: кто твой слуга вѣрный, а кто Юда-предатель.

Загорѣлись глаза у Ивана, даже задрожалъ онъ, пуще всего не любившій намековъ и боявшійся неизвѣстности.

— Что бы ни было страшное — да легче его знать, чѣмъ пустяковой бѣды ожидать! говаривалъ онъ.

— Эй, Ѳедь! прикрикнулъ царь на Воронцова: — гляди, не очень зли меня. Я нынче тоже не больно радошенъ всталъ. Говори, коли дѣло есть, не виляй хвостомъ по-лисьи!

— Что не сказать? То и дѣло, что мятежъ въ стану. Бояре твои первые: Бѣльскіе-Подбѣльскіе да Глинскіе-Спать Завалинскіе то учинили, что ратники бунтъ завели... потайный пока... А тамъ и въявь все объявится... Увидишь скоро. А тебѣ никто и не скажетъ... Позволяютъ чуть не одному скакать. На пагубу, видно, чтобы потомъ власть въ руки свои вплотную забрать!

— Мятежъ? Бунтъ? Ратники?.. Да ты спятилъ! Когда? Кто? Не Шуйскіе-ль то сызнова?

Иванъ и допустить не могъ въ умѣ, чтобы простые, ратные люди какое-либо зло отъ себя сами замыслили на него, на царя, Богомъ даннаго. Воронцовъ на мигъ задумался: предать или не предать давнихъ враговъ своихъ, недавнихъ союзниковъ, Шуйскихъ?

И рѣшеніе быстро созрѣло.

— Шуйскіе?.. повторилъ онъ, словно неохотно... Може, они да и не одни!.. Я не обыщикъ. Мое дѣло тебя остеречи да оберечи. А тамъ — каты твои пущай съ докащиками сыскъ ведутъ да воровскихъ людей имаютъ!.. Только, совѣтъ мой тебѣ: не ѣзжай никуды безъ доброй сторожи... А лучше и вовсе дома посиди... Покамѣстъ...

Иванъ только презрительно посмотрѣлъ на Воронцова. Потомъ, помолчавъ, промолвилъ:

— Инъ, ладно! Спасибо за вѣсти. А какъ быть мнѣ? — разсудимъ мы сами о томъ умишкомъ своимъ.

Въ то же утро, на любимомъ конѣ своемъ, на арабчикѣ, котораго принялъ въ даръ отъ Адашева, щедро одаривъ взамѣнъ новаго слугу своего, — выѣхалъ по обыкновенію за городъ Иванъ съ большой, блестящей свитой. А по-

одаль скакала дружина дворянская, человѣкъ двадцать — тридцать. Рядомъ съ Иваномъ ѣдутъ: двоюродный братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій и родичъ, племянникъ царя по женской линіи, князь Мстиславскій Иванъ. На большомъ, тяжеломъ конѣ плетется за всѣми грузный царь касимовскій, Шихъ-Алей, безбородый и мало подвижный. При немъ братъ Джанъ-Алей и Даиръ-царевичъ Астраханскій. И Курбскій Андрей, воинъ молодой, и Горбатый князь, воевода — тутъ же ѣдутъ. Воронцовы оба брата поодаль немного: Ѳедоръ и Василій. Кубенскій Семенъ, родственникъ казненнаго всего годъ тому назадъ князя Ивана, троюроднаго брата царскаго, ѣдетъ задумчивый, взволнованный чѣмъ-то. Мстя за невинно казненнаго страдальца, онъ теперь подалъ руку Воронцовымъ и Шуйскимъ, но прямая честная душа Рюриковича возмущается окольными, темными путями, которыми пришлось ему идти. Двое князей Сицкихъ: Даніилъ и Василій Андреичи, рядомъ съ Кошкиными-Захарьиными ѣдутъ, съ Никитой и Данилой Романычемъ. Особенно сблизила этихъ бояръ женитьба Василія Сицкаго на Марфѣ, — старшей изъ двухъ сестеръ-сиротокъ, Кошкиныхъ-Захарьиныхъ.

Морозовъ Михаилъ, воевода Михаилъ Воротынскій, Хованскій князь, Иванъ Челяднинъ, Палецкій, Бѣльскій молодой — всѣ тутъ.

Алексѣй Адашевъ, новый постельничій царскій, ѣдетъ и о чемъ-то толкуетъ съ княземъ Дорогобужскимъ, своимъ товарищемъ по должности, тоже спальникомъ царскимъ. Съ говоромъ и смѣхомъ ѣхала вся кавалькада. Атласные кафтаны, опушки мѣховыя, соболиныя, разводы и жгуты изъ золотыхъ да серебряныхъ нитей тканные, камни, самоцвѣты дорогіе, украшавшіе всадниковъ, — все это такъ и сверкало-переливалось въ лучахъ яркихъ солнечныхъ.

Оружіе дорогое, съ насѣчкою, тоже сіяло да позвякивало. Оперенныя стрѣлы въ саадакахъ — на быстромъ скаку такъ и взлетали за спиной у дворянъ-провожатыхъ...

Проѣхавъ съ полчаса, миновавъ и оставивъ далеко позади городскую черту, весь поѣздъ направился прямо къ стану московскихъ войскъ: Передового полка и полка Правой руки, которые раскинули шатры свои верстахъ въ шести отъ города, въ тѣни густыхъ деревъ большой, многолѣтней рощи.

— Глядите, что за люди такіе идутъ прямо на насъ? вглядываясь въ даль, спросилъ вдругъ князь Мстиславскій.

Царь насторожился и тоже пристально сталъ вглядываться по тому направленію, куда указывалъ княжичъ Иванъ.

Въ полуверстѣ отъ нихъ, изъ рощи на опушку, одинъ за другимъ высыпали ратные люди, по виду пищальники. Всѣ въ темныхъ полукафтаньяхъ, въ шапкахъ новгородскихъ, — они, конечно, принадлежали къ дружинѣ, высланной изъ Новгорода тамошнимъ намѣстникомъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, вѣдавшимъ и Псковъ заодно. Раньше Репнинъ-Оболенскій съ Андреемъ Шуйскимъ правили бурливыми сынами святой Софіи, но Шуйскій возвысился сперва на степень правителя московскаго, а потомъ — зарѣзанъ былъ на пустырѣ, какъ овца. Репнинъ тоже не удержался на своемъ мѣстѣ. Турунтай, назначенный Бѣльскими, не былъ честнѣе. Онъ лишь измѣнилъ тактику, которой раньше держались оба соправителя.

Льстя всему «міру», всѣмъ обывателямъ вообще, давая городу новыя льготы, и своей волей и у царя выпрошенныя, намѣстники вообще не упускали ни одного случая, гдѣ можно было прижать, потѣснить, пограбить отдѣльныхъ людей: торговыхъ, тяглыхъ или гостей заморскихъ; а такихъ особенно много сбиралось въ Новѣгородѣ, на старомъ торговомъ перепутьи. Еще солонѣй Пскову приходилось.

Но псковичи — тѣ молчали, терпѣли покуда. А болѣе смѣлые, буйные новгородцы, и въ спальнѣ царевой не

разъ подъ главенствомъ Шуйскихъ куралесившіе, — эти легко поддались на «поджигу» Воронцовыхъ, Кубенскихъ и тѣхъ же Шуйскихъ. Рѣшили теперь они воспользоваться случаемъ: отрока-царя припугнуть, а то и въ полонъ забрать, держать, пока своего не добьются...

Чтобы избѣжать обычныхъ, вѣчныхъ ссоръ между войсками, — новгородцевъ подальше отъ москвичей поставили, верстахъ въ трехъ, зато къ городу поближе. И только мимо шатровъ, осѣненныхъ хоругвями съ ликомъ Заступницы Новгородской, можно было пробраться къ вѣжамъ московскимъ.

Видно, шепнулъ кто пищальникамъ: когда и какъ поѣдетъ Иванъ. Покинувъ шатры, ратники забрались по ту сторону дороги, въ рощу. И теперь, какъ изъ мѣшка, сыпались на опушку, встали и на пути, по которому царю впередъ ѣхать надобно. Сначала, казалось, немного ихъ вышло изъ лѣсу. Но за полверсты видно, что между деревъ еще кафтаны и цвѣтные верхи шапокъ виднѣются... И постепенно увеличивается живой человѣческій заторъ на пути.

Поблѣднѣлъ Иванъ отъ ярости, узнавъ новгородскую дружину, вольницу, ему съ малыхъ лѣтъ страшную и нелюбимую... и словно старый страхъ проползъ холодной змѣйкой по спинѣ.

Далеко еще они, пѣшіе... Кругомъ — обороны много у Ивана... А все же невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу...

Овладѣвъ собой, онъ сказалъ Горбатому:

— Ну-ка, Сашка, пошли кого, пусть погонятъ съ пути это воронье... Новгородцы, никакъ... Ихъ даже кони, того и гляди, испужаются, лохматыхъ!

Сейчасъ же отъ группы дворянъ, ѣхавшихъ сзади, отдѣлилось человѣка три и поскакали къ кучкамъ пищальниковъ; но тѣ, опершись на свое оружіе, стояли спокойно и ждали приближенія поѣзда.

— Эй, вы! Што за люди?.. Прочь съ пути, смерды поганые... Царь ѣдетъ!.. А не то!..

И дворяне внушительно свиснули по воздуху нагайками своими турецкими, со свинчаткой на концѣ.

— Су! Грози да не грозно! И не такихъ медвѣдей мы подымали на рогатины... Што-жъ, што царь? Его-то намъ и надобно. Челомъ ему бить хотимъ, на обидахъ на помѣстныхъ, на служилыхъ да на дворянскихъ... Скачите, скажите царю... Неча ему пужаться насъ. Не татаре мы: его подовластные...

— Прочь! И слушать ничего ихъ не хочу!.. уже съ пѣной у рта отъ дерзости холоповъ вскрикнулъ Иванъ, когда подскакали дворяне и передали: что толкуютъ пищальники. — Пусть въ шалаши свои сызнова попрячутся, намъ дорогу даютъ. Для жалобщиковъ приказы есть у насъ... Прочь ихъ погнать... Сейчасъ же.

— Приказы? Знаемъ мы энти приказы! Вонъ они у насъ, здѣся сидятъ! показывая на загривки, уже гораздо рѣзче загалдѣли пищальники, выслушавъ отвѣтъ Ивана.

Отвѣтъ этотъ сообщили имъ царскіе посланные, окруженные всей толпой провожатыхъ дворянъ, по знаку Горбатаго выѣхавшихъ впередъ царскаго поѣзда.

— Что?!! Вы — орать? Царскаго слова не слушать?.. Прочь, холопы!.. загремѣлъ голосъ старшаго изъ дворянъ-охранниковъ. Ну-ка, братцы, — покрестимъ дураковъ, чтобы знали, какъ молиться, какъ лобъ крестить? И со свистомъ опустилась тяжелая нагайка на плечи ближайшаго изъ толпы.

Тамъ словно ждали только этого знака...

Плотной стѣной, отвѣчая бранью на каждое бранное слово, толчкомъ на толчокъ, стали надвигаться на конныхъ — пищальники. Одни хватали за уздцы горячившихся коней, стараясь стащить съ сѣдла всадника... Другіе — кололи лошадей; тѣ вздымались на дыбы и чуть не сбрасывали хозяевъ. А кучи новгородцевъ, озлобленныхъ, дю-

жихъ, подвыпившихъ хорошо, очевидно — для храбрости, — все росли... Полетѣли комки грязи, камни въ дворянъ, колпаки завертѣлись по воздуху. — Сообразивъ опасность, конные, словно сговорились, круто повернули, проскакали немного назадъ, выстроились, опять повернули и стояли теперь живой стѣной между поѣздомъ царя и толпой бунтовщиковъ, стояли, готовые ринуться въ лихую атаку. Но раньше они вынули по стрѣлѣ, зарядили самострѣлы — и ждали, что будетъ.

Князь Горбатый, видя, что творится, — поскакалъ къ дворянамъ-стражникамъ, чтобы распорядиться ими.

Иванъ, еще пуще теряясь, страшно озлобленный оглядѣлся вокругъ.

Прежде всего ему кинулось въ глаза, какъ разбилась его собственная свита. Владиміръ Андреичъ, Сицкіе, Захарьины, Курбскій молодой, Мстиславскій, Адашевъ, Морозовъ, Воротынскій, Челяднинъ и Бѣльскіе, — всѣ заступили царя, огородили его, словно прикрывая собой отъ опасности, какъ порою пчелы матку охраняютъ тѣлами своими.

Петръ Шуйскій, Хованскій и Кубенскій съ Палецкимъ, — словно ненарокомъ, отстали малость, поодаль, на отлетѣ держатся. Воронцовы братья — ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ: посрединѣ, такъ сказать! И сюда, и туда одинаково быстро и незамѣтно примкнуть могутъ, смотря по ходу событія.

Все это замѣтилъ наблюдательный, вдумчивый царь-отрокъ.

Впередъ глянулъ, — тамъ ужъ стрѣла зазвенѣла... Пищаль грохнула... Ослопы мелькаютъ, сверкаютъ лезвія сабельныя... Побоище прямое затѣвается. Вотъ, упало двое...

Назади — посмотрѣлъ Иванъ и обмеръ. Изъ рощи, мимо которой имъ дорога была, — тамъ, отрѣзая царю отступленіе, новыя толпы этихъ патлатыхъ, угрюмыхъ, возбуж-

денныхъ холоповъ-пищальниковъ появляются... Много ихъ! Съ той и другой стороны — до тысячи шапокъ наберется... А иные и въ полной бронѣ, съ колпаками желѣзными на головѣ... Словно на врага вышли! Направо отъ дороги лугъ зеленѣетъ, пригорками и холмами онъ кончается вдали. Что тамъ? Можетъ, новая засада?.. И круги разноцвѣтные пошли ужъ въ глазахъ у царя.

— Словно зайца изловили, затравили! подумалъ онъ Дурень, что я Ѳедьку-холопа не послушалъ?.. Все же, видно, не вралъ онъ, хошь самъ, можетъ, и бѣду навелъ!.. вдругъ, почему-то съ прозорливостью, присущей порой эпилептикамъ, рѣшилъ Иванъ.

Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ, что съ обѣихъ сторонъ кто-то хватаетъ подъ уздцы его коня.

— Прочь! съ выкатившимися отъ ужаса глазами, вскрикнулъ Иванъ, выхватывая съ быстротой молніи пистолетъ изъ-за пояса и взводя курокъ.

Еще мигъ — и грянулъ выстрѣлъ, но въ небо, такъ какъ Адашевъ подтолкнулъ руку Ивана.

Это онъ, Алексѣй, съ Никитой Кошкинымъ-Захарьиныхъ схватили царскую лошадь и теперь говорили:

— Не бойся, государь! Здѣсь, за лугомъ, вонъ, за тѣми холмами, проселокъ вьется... Тѣ пѣшіе, мы на коняхъ. Я сейчасъ тамъ былъ... На проселкѣ. Чисто вокругъ. Нѣтъ никого!.. Скачемъ туда, цѣлиной, на перерѣзъ, скорѣича, государь, пока заднее мужичье не подвалило.

И, сразу поворотивъ коня Ивана, они втроемъ помчались первыми, безъ памяти, черезъ лугъ, а за ними и весь поѣздъ.

При этомъ Шихъ-Алей, прятавшійся позади всѣхъ, а теперь замѣтившій, что и сзади надвигаются пищальники, что было мочи гикалъ, погонялъ и шпорилъ своего грузнаго, лѣниваго коня, чтобы втиснуться въ группу мчавшихся людей, летѣвшихъ вразсыпную, словно стая голубей отъ ястреба. Татарину ни за что не хотѣлось, чтобы

между его толстой, дряблой спиной и дулами новгородскихъ пищалей не было ничего, кромѣ вольнаго воздуха, такъ и свиставшаго у всѣхъ въ ушахъ отъ бѣшеной скачки...

Почти безчувственнымъ домчали Ивана въ станъ московскій, гдѣ посрединѣ былъ раскинутъ высокій, златоверхій царскій шатеръ съ хоругвію дѣдовой при немъ. На хоругви былъ изображенъ св. Георгій-побѣдоносецъ.

Почти всѣ ночи раньше проводилъ Иванъ въ Коломенскомъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда былъ настоятелемъ одинъ изъ монаховъ-Іосифлянъ, другъ покойнаго князя Василія, — Вассіанъ Топорковъ, непримиримый врагъ всѣхъ бояръ.

За особое доброхотство въ великому князю бояре лишили его епископскаго сана, подняли на Вассіана коломенскую чернь, едва не побившую каменьями архипастыря. И кончилось тѣмъ, что сослали Топоркова на дальній Сѣверъ, въ бѣдный, хотя и чтимый очень, Бѣлоозерскій монастырь.

Теперь коломенскіе монахи поразсказали Ивану о вѣрномъ слугѣ и мученикѣ за преданность царю. Но послѣднихъ ночей не пришлось Ивану провести подъ монастырскимъ кровомъ. Едва ввели его въ шатеръ, какъ начался обычный припадокъ съ напуганнымъ, потрясеннымъ юношей. Кое-какъ, въ отсутствіе врачей, справились окружающіе съ больнымъ и разошлись. У ложа остался одинъ Адашевъ, какъ постельничій. Да въ сосѣднемъ отдѣленіи шатра, раздѣленнаго на двѣ половины, расположился на отдыхъ князь Владиміръ, тоже сторожа сонъ двоюроднаго царственнаго брата.

Вечеръ сходилъ на землю.

Тысячи звуковъ висѣли надъ суетливымъ станомъ московской рати. Ржали кони въ коновязяхъ, блеялъ и мычалъ скотъ, приведенный для продовольствія ратниковъ... Везли воду на варку ужина отъ рѣки въ большихъ мѣ-

хахъ и въ ушатахъ, на скрипучихъ телѣгахъ... Вился и разносился въ прохладномъ воздухѣ терпкій дымокъ отъ очаговъ походныхъ, отъ костровъ. Летѣлъ къ небу клубами этотъ дымъ, весь озаренный и пронизанный косыми красноватыми лучами заходящаго солнца, придающаго нѣжные оттѣнки багрянца дымнымъ струйкамъ и клубамъ. Движеніе и говоръ, и гомонъ въ станѣ. Вечерніе караулы разводятся, къ ужину сбираются люди... Проѣзжаютъ посланцы порой... Завтра праздникъ и передъ аналоемъ на открытомъ воздухѣ священникъ служитъ всенощную... Благоговѣйно осѣняютъ загрубѣлыя руки ратниковъ широкимъ знаменіемъ креста ихъ запотѣлые, загорѣлые лбы... Ароматъ ладана сливается съ ароматами зеленыхъ луговъ и лѣсовъ, доносимыхъ сюда вѣтеркомъ... И какая-то незримая, неуловимая тишина словно готовится поглотить, заглушить всѣ стихающіе звуки шумнаго лагеря, заканчивающаго свою дневную полубоевую жизнь.

Легкій порывъ вѣтерка пробрался въ открытыя полы царскаго шатра, скользнулъ по лицу спящаго, шевельнулъ прядью вьющихся слегка, темнорусыхъ волосъ и Иванъ сразу прокинулся, проснулся.

Во снѣ позабывъ о случившемся, онъ раскрылъ глаза, не чувствуя той истомы и разбитости во всемъ тѣлѣ, какія обыкновенно испытывалъ послѣ своихъ припадковъ. Свѣжимъ, бодрымъ пробудился царь и съ отрадой впивалъ всею полуобнаженной грудью свѣжій майскій вечерній воздухъ и ароматъ, глядѣлъ на красноватые лучи, пронизавшіе сумракъ шатра, на всю знакомую ему картину военнаго стана, отходящаго ко сну. Приподнявшись, ловилъ царь чуткимъ ухомъ всю гамму изъ тысячи звуковъ, разсѣянныхъ въ воздухѣ и образовавшихъ какое-то стройное, хотя и слабо уловимое, согласное созвучье.

Вдругъ глаза его встрѣтились съ глазами Адашева, тревожно глядѣвшими на проснувшагося царя.

Сразу все вспомнилъ Иванъ — и передернулось, переко-

силось отъ злобы лицо, пѣна опять выступила въ углахъ губъ. Быстро повернувшись къ стѣнѣ, чтобы скрыть краску, заливающую ему лицо, краску стыда и смущенія, Иванъ погрузился въ глубокое, мучительно-напряженное раздумье.

— Видѣли!.. Всѣ видѣли, какъ струсилъ я, бѣжать кинулся! И отъ кого же? Отъ холопей, отъ смердовъ своихъ же, отъ толстолобыхъ новоградчанъ!.. А не уйди я — убили бы! Прямо надо говорить. Спасибо еще Одашкѣ и Захарьину-Кошкѣ... Выручили... Но ужъ видитъ Богъ и святой Георгій! — сведу когда-никогда я счеты съ проклятыми новоградчанами... Не они сами, внуки ихъ за все про все мнѣ поплатятся! На вѣки отучу ихъ фордыбачиться, иначе, — живъ не буду... Аминь!..

«А теперь надоть бы узнать путемъ: кто подстроилъ ихъ? Кого бы только мнѣ на обыскъ пустить? Изъ бояръ — никого нельзя!.. Они покрываютъ одинъ другого. Злѣйшаго ворога — ворогъ не выдастъ, чтобы противъ царя больше шапокъ стояло!.. У-у!.. И съ вами, голубчики, по времени, поуправлюсь я! Моя земля — и буду я володѣть ею...

«Одашку нешто напустить?.. Вѣренъ парень, не лукавъ, да молодъ... Живо подлые съ толку, съ пути парня собьютъ».

И, лежа въ молчаніи, царь мучался, изыскивая: какъ бы ему зачинщиковъ, настоящихъ вдохновителей сегодняшняго бунта раскопать?.. Кто бы помогъ ему расплатиться за мученія страха, испытанныя тамъ, на дорогѣ, подъ лѣсомъ? За всѣ муки стыда, переживаемыя здѣсь вотъ, теперь?!..

И вдругъ чуть не въ голосъ вскрикнулъ царь:

— Захарьинъ, Васька!.. Благо — здѣсь, со мной онъ!..

И сейчасъ же вскочилъ, живо сѣлъ на постели.

— Одашевъ!

— Что прикажешь, царь-осударь? спросилъ съ поклономъ Адашевъ.

Владиміръ Старицкій, услыхавъ голосъ двоюроднаго брата, тоже появился въ этой половинѣ шатра.

— Что? Каково тебѣ, государь?

— Ничего... Спаси тебя Богъ, брате. Лучше сейчасъ. А въ скорости — и вовсе хорошо, легко станетъ, коли Богъ допоможетъ.

— Захарова дьяка, Ваську, ко мнѣ! приказалъ онъ Адашеву.

Адашевъ поспѣшилъ выйти, разыскать этого дьяка изъ Суднаго дворцоваго приказа, человѣка темнаго родомъ, но приближеннаго къ юному царю за безстрашное исполненіе долга. Доказалъ это Захаровъ годъ тому назадъ розыскомъ по дѣлу казненнаго, тогда же, князя Ивана Иваныча Кубенскаго, думнаго боярина, Рюриковича родомъ, доводившагося и со стороны матери — троюроднымъ братомъ Ивану; еще при Василіи занялъ Кубенскій важный постъ крайчаго царева.

Ивану донесли, что бояринъ, правда, послѣ пиру веселаго, упившійся изрядно, толкуя о казняхъ, свершенныхъ недавно, очень порицалъ юнаго царя и такъ заключилъ «неистовыя» рѣчи свои:

— Вотъ, ужъ будь я въ верховныхъ боярахъ, не попустилъ бы злодѣяній такихъ! Показалъ бы, что Рюриковичъ прирожденный есмь, а не на овчину львиная шкура надѣта у меня.

Юный Иванъ понялъ жгучій намекъ, скрытый въ послѣдней фразѣ, и рѣшилъ жестоко отомстить боярину.

Долго думалъ тогда, вотъ, какъ и нынче же, Иванъ: кому бы дѣло поручить?

Вспоминать, прикидывать сталъ и остановился на старомъ пособникѣ матери покойной, на дьякѣ Василіи Захаровѣ. Изъ простыхъ людей былъ Захаровъ, но и мать Ивана, великая княгиня Елена, за умъ и сметку его отличала и по смерти ея не опускаться, а подниматься продолжалъ старый служака.

— Слушай, дьякъ! сказалъ ему царь: — прослышанъ я, что бояринъ мой значный, родичъ любезный, воровскимъ дѣломъ живетъ... Кубенскій самъ бояринъ, крайчій нашъ и самотягъ, бражникъ бѣсовскій. Мало того, что во хмелю наше царское величество поноситъ, но и жалобы многія до насъ дотекли на мздоимство и лихоимство боярское... И сказываютъ: погреба его некупленнымъ, нашимъ царскимъ виномъ да медами полны... Не желаемъ терпѣть того, дьякъ. Особливо — глумленія боярскаго. Сможешь ли, никого не убоясь и не устрашась, розыскъ сотворить, послуховъ найти, какъ надо уличить боярина?

— Коли самъ онъ столь виноватъ, чего-жъ бояться али страшиться мнѣ, свѣтлый царь-государь? Его вина, его и страхъ. А я — слуга царскій!..

И правда: какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Послухи нашлись неложные, старыя вины несомнѣнныя сыскались на гордомъ, знатномъ бояринѣ, который, несмотря на знать и богатство, подобно остальнымъ вельможамъ, и въ лихоимствѣ грѣшенъ былъ, и, любя выпить, не особенно съ царскими погребами чинился... Казнили его.

Правда, взывалъ бояринъ къ близкимъ и приснымъ:

— За что гибну? Хуже я, што ли, васъ? Грѣшнѣй ли? — и то подумайте! Вызволяйте своего!

Но всѣ попытки оказались напрасны.

Иванъ самъ слѣдилъ за судомъ и розыскомъ. И всѣ скоро поняли, что не грѣхи личные, не лихоимство, а слова неосторожныя сгубили боярина, Рюриковича...

Такая же, вотъ, каша и сейчасъ заварилась и царь рѣшилъ, что дьякъ, не струсившій тогда, не сробѣетъ и теперь и душой передъ царемъ не покривитъ.

— Встань, слушай! приказалъ онъ Василію Захарову, когда тотъ, введенный въ шатеръ, какъ водится, поклонъ земный отвѣсилъ.

— Что было нынче со мной? Слыхалъ ли? Знаешь, чай, уже?..

— Слыхивалъ, знаю, царь-осударь!..

— Розыскъ учинить надо... Судъ нарядить!.. Быть того не можетъ, чтобы сами они отъ себя, какъ ни буйны собаки новгородскія... Знаютъ, вѣдь: московскій станъ мой рядомъ. За каждый мой волосъ ихъ бы запытали, затерзали потомъ! Живьемъ бы сожгли ихъ мои ратники! Значитъ: заручка у мятежныхъ была. На сильную руку на чью-то надѣялись... Да не на одну!..

— Такъ полагать надо, царь-осударь!..

— Вотъ, и допытайся... Никого не щадя, ничего не страшася. Дядей родныхъ, бабку свою старую, — всѣхъ тебѣ на сыскъ отдаю...

— А, рази, думно тебѣ, царь-осударь? осторожно освѣдомился прозорливый дьякъ.

— Ничего мнѣ не думно. Кабы думно — я бы самъ наказалъ, своей властью... Да не хочется праваго за виноватаго схватить... Чтобы виноватые не ликовали, да не тѣшились надо мной...

— А все же, осударь, чай, въ мысляхъ имѣешь что? Али, въ примѣтахъ какихъ? — продолжалъ допытываться осторожный старикъ, чтобы получить хоть малѣйшую путеводную нить въ этомъ лабиринтѣ боярскихъ происковъ и козней.

— Въ примѣтахъ?.. Въ мысляхъ?.. Мало-ль што имѣю я. Да тебѣ скажу — и съ толку собью. Пойдешь по моимъ слѣдамъ, — свои потеряешь.

— Не было того, кажись, царь-осударь! Чту я тебя, — самъ знаешь, какъ. А разума своего не чураюсь... У тебя царскій умъ, высокій... У меня — подъячій, низкій. Да онъ-то намъ тута и надобенъ!..

— Правда, правда... Ну, слушай!..

И царь разсказалъ дьяку и про навѣты Воронцова, и про поведеніе ихъ утромъ, во время нападенія новгород-

цевъ, и про остальныхъ бояръ, все, что замѣтить успѣлъ въ эту тяжелую минуту.

Невольно высказались тутъ и симпатіи, и антипатіи царя, и его затаенныя желанія и всѣ подозрѣнія.

А старой лисѣ — дьяку только того и надобно было.

«Западаетъ Воронцовская звѣзда! Восходятъ зорьки Захарьиныхъ да Одашева!».. подумалъ про себя дьякъ, а самъ заговорилъ вслухъ:

— Выразумѣлъ я слова твои, царь-надежа... А только труда не мало будетъ подлинныхъ-то злодѣевъ сыскать. Это истинная правда, что съ подспорьемъ великимъ дѣло начато... Откуды лишь?.. Да небось: душу положу, а все, какъ масло на воду — выведу!

— Дѣйствуй! А вотъ тебѣ и подписъ мой! Кого хошь— на допросы зови, въ колодки сажай... Полная тебѣ воля!

И, снабженный приказомъ царскимъ, дьякъ принялся за дѣло.

Отпустивъ дьяка, Иванъ остатокъ дня провелъ съ Адашевымъ и Владиміромъ Андреевичемъ.

Оба съ князь Владиміромъ они слушали, что имъ начитанный Адашевъ изъ разныхъ книгъ пересказывалъ.

— Да ты постой! остановилъ его Иванъ. — Буде тебѣ все про важное, да про ратное, да объ земляхъ чужихъ... И самъ я не мало читывалъ... И не до того мнѣ нынче. Веселое что прибери. Развѣй хворь, кручину-тоску мою... Видишь: недужится мнѣ еще...

— Изволь, осударь! вспыхнувъ невольно лицомъ, отвѣтилъ Адашевъ. Хоть и не мастакъ я... Да пришлось какъ-то... Читывалъ я италіанскую книжицу невелику. Мнихъ одинъ, домниканецъ складывалъ... Какъ его?.. Да, Банделли звали... Забавныя у него гисторіи, хошь и не совсѣмъ чинныя да пристойныя.,.

— Ихъ-то намъ и подавай!.. Ужъ коли мнихъ писалъ — значитъ: забавно. Мастаки они на всяку таку всячинку. Валяй!..

И, заливаясь не разъ румянцемъ стыда, покорный волѣ царя, Адашевъ сталъ пересказывать новеллы шутливаго характера изъ хроники нѣкоего доминиканца Банделли, изображавшаго все въ живыхъ краскахъ, съ забавнымъ остроуміемъ. Оба слушателя забавлялись и хохотали отъ души, при чемъ царя занималъ столько же разсказъ, сколько и невольное смущеніе и застѣнчивость разсказчика, чистаго душой, патріархально-воспитаннаго въ семьѣ, Алексѣя Адашева.

— Ишь ты, замѣтилъ Иванъ: — соромишься ты, словно дѣвица красная. Соромишься шутки шутить... Все бы тебѣ изъ божественнаго... Да, скажи, женатъ ты, Алеша?

— Женатъ, осударь!..

— А, што, красива твоя женка? Стройна, полна? Какъ звать-то ее?

— Настасьей, осударь... Мнѣ — мила... А тамъ, какъ сказать: красива, ай нѣтъ? — не знаю...

— Ладно. Кроешься... Боишься, чтобы не сглазили?.. Ладно: на Москву воротимся, — самъ приду — погляжу. Да скажи: на кой лядъ такъ рано оженили тебя, молодца? То-то ты мнѣ такой плохой товарищъ въ веселыхъ забавахъ моихъ!.. Къ женѣ все домой тянетъ? А? Право, рано сгубили парня.

— Воля была родительская, осударь... И опять: протопопъ Сильвестръ, отецъ честной, батюшкѣ моему порадилъ: «скорѣй парня женить, — сказалъ: — раньше добра видать... Дѣтокъ выведетъ. Будетъ для кого стараться: домъ пріумножить, а не расточить... Хошь и не царское наслѣдье у насъ, чтобъ надо готовить преемника, — а все-жъ, — гнѣздо... И не избалуется парень, здоровѣй будетъ! Господь такъ и устроилъ, чтобы въ бракъ вступали люди. Слѣдуетъ лишь соблазну блюстися!»

Внушительно, твердо повторилъ почему-то Адашевъ эти рѣчи пастыря, словно желая врѣзать ихъ въ умъ и душу отрока-царя.

Тотъ задумался на мгновенье.

— Протопопъ нашъ, благовѣщенскій, — Сильвестра? Вы его откуда знаете?

— Изъ нашихъ онъ краевъ, новгородскій...

— Да, да, правда... И я замѣчалъ: хорошій онъ попъ... На иныхъ не похожъ. Хошь бы Ѳедора взять Бармина, батьку духовнаго моего.

— Да, Сильвестръ — рѣдкаго ума старецъ и жизни святой! живо вмѣшался Владиміръ, который зналъ, какъ много помогли его освобожденію именно Сильвестръ съ Макаріемъ митрополитомъ. — Давно онъ вѣдомъ намъ, государь! Истинный пастырь духовный!..

Царь еще больше задумался.

— Гм... надо будетъ пощупать попика... Може, и мнѣ онъ по душѣ придется, ежели вамъ такъ угодилъ. А я не однихъ скомороховъ да чревоугодниковъ, застольниковъ моихъ, жаловать умѣю... И людей бы добрыхъ, изрядныхъ хотѣлось кругъ себя видѣть... Да чтой-то мало ихъ! произнесъ негромко этотъ царь, въ пятнадцать лѣтъ успѣвшій узнать всю тягость жизни и извѣриться въ окружающихъ, — и замолкъ. Вдругъ тишина въ шатрѣ прервана была рѣзкимъ крикомъ:

— Да пріидетъ царствіе Твое!...

Это крикнулъ сидящій на жерди, говорящій попугай Ивана, посланный царю константинопольскимъ патріархомъ, умѣвшій читать «Отче нашъ». Иванъ улыбнулся.

— Пріидетъ! пріидетъ! Да не сразу, видно... И, погладивъ по шейкѣ любимца, снова сталъ бесѣдовать съ Адашевымъ и съ братомъ. Но скоро опять дремать сталъ и отпустилъ ихъ...

За тѣ немногіе дни, какіе провелъ еще подъ Коломной Иванъ, пока пришло извѣстіе, что крымцы бою испугались, назадъ поворотили, — ретивый дьякъ Захаровъ и розыскъ весь кончилъ... Какъ по писанному все пошло!

Выплыли всѣ замыслы злодѣйскіе наружу: поджига-

тельство Шуйскихъ явное. Соучастіе тайное, оказанное со стороны Кубенскихъ и Воронцовыхъ, которое помогло осуществленію дѣла.

Иванъ въ ярость пришелъ, услыхавъ такія вещи.

— Ѳедя Воронцовъ?.. Тотъ же, что юдинымъ цѣлованіемъ цѣловалъ меня? Самъ о крамолѣ упреждалъ самъ же и заводилъ ее? Съ врагами своими смертельными противъ меня, съ Шуйскими стакнулся?! Ладно же! А Кубенскимъ мало, видно?! Не унимаются? Весь родъ ихъ изведу, а смирю строптивыхъ, покажу имъ: каковъ я «овчина» есть подъ шкурой львиною.

И оба брата Воронцовыхъ: Ѳедоръ и Василій, и Кубенскій Петръ—казнены были смертью. А ихъ многочисленные сообщники, смотря по степени вины, или, вѣрнѣе, ненависти къ нимъ Ивана: кто сосланъ былъ, кто батогами и кнутами казненъ, кто, просто, опалѣ подвергнутъ, съ глазъ царскихъ удаленъ въ помѣстья свои дальнія.

Было замѣшано въ дѣлѣ нѣсколько лицъ изъ бѣлаго и чернаго духовенства. Ихъ, властію митрополита, тоже кара постигла. Кого заточили въ монастыри дальніе, бѣдные. Иныхъ—разстригли, предали свѣтской власти на расправу.

Ѳедоръ Барминъ нашелъ сильныхъ покровителей у царя, у Макарія, и былъ отпущенъ «въ легкомъ подозрѣніи», но оставался еще духовникомъ царскимъ, пообѣщавъ митрополиту покорствовать во всемъ и въ дѣла мірскія не мѣшаться отнюдь!

Воротясь на Москву, Иванъ не забылъ своего обѣщанія,—побывалъ у Алексѣя Адашева.

Тотъ жилъ ужъ не въ Китай-городѣ, у отца, а какъ царскій постельничій,—устроился въ самомъ Кремлѣ, по правую руку Ризположенскихъ воротъ, по лѣвую сто-

рону которыхъ темнѣли тюремные срубы съ потайными подземельными тюрьмами, «мѣшками» каменными»...

Ворота же самыя представляли изъ себя двѣ высокихъ башни, первая, «Собакина» по прозванью, по сю, другая — по ту сторону Неглинки-рѣки. Обѣ башни были соединены крытымъ мостомъ, съ бойницами поверхъ покрытія. Такимъ образомъ, внизу ѣхать, а вверху — ходить можно было. Для береговыхъ жителей, селившихся за стѣнами, сбоку каменной кладки были деревянные мостки еще черезъ воду перекинуты.

Дворъ Алексѣя Адашева, граничащій съ владѣніями Семена Никитича Годунова, не такъ великъ и посадистъ былъ, какъ дворъ старика, Ѳедора Григорьевича, но все же изряденъ. А жилые покои — просторнѣй даже и лучше убраны, чѣмъ у отца.

Нежданно въ гости царь пожаловалъ. То-есть, жена Алексѣя, Настасья, урожденная Сатина, изъ роду князей Козельскихъ, и подруги — гостьи, бывшія у ней и гулявшія по саду, — притворились сильно напуганными, когда Иванъ, въ сопровожденіи самого Адашева, появился передъ ними.

Не зналъ, конечно, царь, что, пока сѣдлали коня ему, послѣ того, какъ онъ объявилъ:

— Алеша, а нынче я къ тебѣ нагряну!.. что въ этотъ самый мигъ помчался вѣстникъ къ Адашевой съ упрежденіемъ.

А Настя, добрая и ласковая на видъ, красавица, съ сѣрыми, на выкатѣ глазами и полной грудью, — была не глупа и мужу покорна. На чеку жила и все ужъ давно у ней было налажено, съ подругами уговорено.

Пока дворцовымъ дворомъ и проулками нелюдными добрался Иванъ до Адашевыхъ — тамъ все было готово.

Приняли честь-честью царя.

Сама хозяйка меду первую чару поднесла и расцѣловалась съ гостемъ. И всѣ другія гостьи, больше дѣвушки, такъ какъ недавно повѣнчанная Настя еще сохраняла

Сама хозяйка меду первую чару поднесла и расцѣловалась съ гостемъ...

связи съ подругами,—всѣ должны были угощать да цѣловаться съ юнымъ царемъ, свѣтлаго государя-красавчика потѣшить.

Всѣ, какъ на подборъ, красавицы здѣсь собрались. А больше всѣхъ приглянулась царю веселая, бойкая да разбитная, подруга хозяйки, Анна Романовна Захарьина-Кошкина. Хотя не княжескаго, боярскаго только роду дѣвушка, но славной почетной семьи, особенно тѣмъ отмѣченной, что за многіе годы ни къ единой крамолѣ Захарьины не причастны, ни къ какой изъ партій боярскихъ и княжескихъ не примыкали. И свое невольное уваженіе къ имени Захарьиныхъ перенесъ при встрѣчѣ Иванъ на Анну.

Къ тому же Анна глядѣла такъ ясно и довѣрчиво своими темными, прекрасными, дѣтски-чистыми глазами, такъ искренно радовалась вниманію, оказанному ей со стороны царя, такъ звонко и заразительно хохотала при всякой шуткѣ, отъ всякой рѣзвой выходки, что въ юношѣ-царѣ острое волненіе, вызванное видомъ миловидной и веселой дѣвушки,—совсѣмъ потонуло среди тысячи другихъ, тонкихъ и пріятныхъ душѣ, ощущеній: жалости, восторга, дѣтскаго веселья, какого никогда почти и не зналъ печально-взроставшій Иванъ. И такимъ беззаботнымъ весельемъ онъ сейчасъ же заразился отъ этой простой, милой дѣвушки.

Зазвонили къ вечернѣ. Притихла веселая компанія. Перекрестились всѣ. Расходиться настала пора. Но первое свиданіе было не послѣднимъ.

Воротясь во дворецъ, Иванъ долгое время ходилъ радостный, тихій какой-то, словно поюнѣлъ совсѣмъ. А то царь много старше своихъ пятнадцати лѣтъ казался, особенно въ гнѣвныя минуты. Раньше дня не проходило, чтобы не гнѣвался на кого-нибудь. А тутъ безъ шуму нѣсколько дней прошло, и не затѣвалъ своихъ обычныхъ дебошей Иванъ.

Пособники въ безобразіяхъ отрока и люди, не любившіе смиренія въ Иванѣ, — всѣ задумались:

— Что за перемѣна въ царѣ?..

Скоро все обозначилось.

У Адашева сперва, а тамъ и у Захарьиныхъ, куда царь зачастилъ, будто бы въ благодарность Никитѣ за спасеніе, въ коломенской передрягѣ, — вездѣ Иванъ старался сейчасъ же съ Анной увидаться и какъ можно дольше оставался наединѣ съ дѣвушкой.

Захарьевы опасались сперва. Но скоро успокоились, когда пересказала имъ сестра: какъ ведетъ себя царь и что толкуетъ ей?

Но, все-таки, семья опечалилась.

— Не будетъ проку изъ этого! Нешто первые бояре допустятъ до благого конца, до честного вѣнца?.. Особливо Глинскіе, Бѣльскіе! Живьемъ сглонутъ.

— Вѣстимо, не допустятъ! подтвердилъ и старикъ дядя, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ, послѣ смерти отца ихъ, Романа, занявшій мѣсто главы семейства. — А, впрочемъ, — поглаживая бороду, процѣдилъ онъ сквозь зубы: — глядя еще по дѣламъ, по...

И не докончилъ, за хлопоты принялся. Къ митрополиту заглянулъ, къ Бармину, исповѣднику царскому, къ Адашеву удосужился, хотя тотъ и много боярина моложе, да очень его царь за послѣдніе дни возлюбилъ!

Событія быстро одно за другимъ пошли, словно съ горы покатились.

Поздняя осень стояла, когда въ одинъ изъ свѣтлыхъ теплыхъ дней Иванъ, заглянувъ къ Захарьинымъ, по обыкновенію ушелъ съ Анной въ садъ, въ бесѣдку, увитую хмелемъ, жгуты котораго и порѣдѣли и пожелтѣли теперь...

Послѣ первыхъ фразъ, Иванъ, зорко глядя въ лицо дѣвушкѣ вдругъ произнесъ:

— Нюта, а, вѣдь, я нынче прощаться пріѣхалъ...

— Что ты, государь? Что ты, Ванечка?.. Да почему? Далеко-ль, надолго-ль ѣдешь? Ужъ не въ походъ-ли? Скажи скорѣе...

Спрашиваетъ дѣвушка, а у самой голосъ дрожитъ, слезы градомъ изъ глазъ такъ и посыпались, скользятъ по щекамъ помертвѣлымъ... Скатываются на грудь высокую, что дышетъ тяжело и порывисто.

— Въ походъ?! Эко, што вывезла! Вотъ, и видать: разумъ-то короткій, дѣвичій. Кто же не знаетъ, что по осени въ походъ не сбираются, спустя лѣто по малину въ садъ не хаживаютъ. Весной да зимою походы всѣ. А осеннее дѣло — иное... Свадьбы! Придетъ Покровъ — веселье со дворовъ! Вѣнцомъ парней — дѣвокъ кроетъ, покрываетъ... Вотъ оно што!

— Не пойму я рѣчи твоей, Ваня... Какой вѣнецъ? чья свадьба?

— Моя, вѣстимо. Не вѣкъ же мнѣ голубей гонять, чужихъ бѣлыхъ лебедушекъ подлавливать. Свою пора завести.

— Ты... Ваня... Ты, государь, женишься...

— Надо! Года такіе пришли... Въ животѣ и въ смерти — Богъ воленъ. Нельзя мнѣ сиротой землю оставлять. Умру — моимъ пусть дѣтямъ престолъ будетъ, не дядьевымъ сынкамъ. Съ нихъ — ихняго довольно!

— Умрешь? Женишься... Да не мучь... толкомъ говори...

— И то толкую ясно. Жениться задумалъ. Если бояре, вороги, изведутъ раньше времени, чтобъ хоть сѣмя мое осталось... Что-жъ молчишь? Не спросишь: на комъ? Али знать не охотишься?

Но Анна, ухватясь за край скамьи одной рукой, чтобы не свалиться отъ налетѣвшей слабости, сидѣла не говоря ни слова.

— На цесарской сестрѣ женюся... Ужъ и посольство вернулось... И парсону ея мнѣ прислали... Пригожа на диво. И вѣно богатое даетъ за сестрой цесарь!.. Да что

съ тобой? спросилъ онъ, видя, что дѣвушка какъ-то мягко, мѣшкомъ, валится со скамьи на землю.

Подхвативъ ее, онъ опять усадилъ обомлѣвшую красавицу, воротъ ей распахнулъ, въ чувство привелъ.

А самъ глядитъ все, вглядывается.

— Вижу, вижу: неложно любишь меня!.. Да, вѣдь, и не разстанемся мы... Пошутилъ я...

Дѣвушка, сразу оживясь и порозовѣвъ, подняла свой кроткій взоръ на красавца-царя.

— Не понимаешь?.. Я женюсь... Тебя за кого-нибудь изъ похлебниковъ, изъ бояръ моихъ замужъ выдадимъ... Согласна-ль?..

— Государь, что спрашиваешь? Видишь: на все твоя царская воля! Только: не жилица я на свѣтѣ. Ты счастливъ будь съ государыней-царицей твоей богоданной... А я... Я въ монастырь уйду... за васъ Бога молить, за счастіе и долгоденствіе ваше!..

И каждое слово, каждый звукъ ея голоса звучали такой правдой и тоскою, что слезы выступили на глазахъ впечатлительнаго юноши.

Въ неукротимомъ порывѣ схватилъ онъ дѣвушку въ свои могучія объятія и тоже искренно, горячо зашепталъ, откинувъ всякое притворство, всякое выпытыванье.

— Не плачь, лапушка! Отри слезы, кралюшка. Ласточка ты моя сизокрыленькая, щебетушечка веселая. Повеселѣй, защебечи по-старому!.. Ни на комъ, окромя тебя, не оженюсь. Ни съ кѣмъ не повѣнчаюсь. Ты моя нареченная. Царица богоданная!.. По гробъ жизни. Вижу, вѣрю, что не царя во мнѣ,—меня самого любишь. И мнѣ ты мила же!

Но дѣвушка, хотя и ожила, слыша рѣчи такія заманчивыя, отъ которыхъ голова кружилась и духъ захватывало, все же грустной осталась.

— Да что, ты все не вѣришь мнѣ? Шутилъ я раньше, а сейчасъ правду говорю... Хошь крестъ цѣловать!..

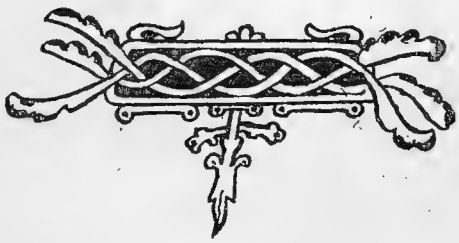
Смолкъ народъ, ожидая, что отвѣтитъ царю владыко-митрополитъ, любимый всѣми, Макарій.

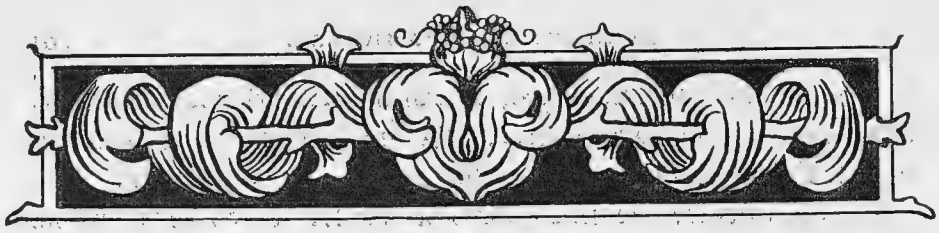
— Вѣрю, милый, вѣрю, желанный... Вѣрю, Ванечекъ, красавчикъ мой ласковый... Да не о томъ я думаю теперь! Ты не обманываешь. Да другіе не позволятъ.

— Глинскіе? Не послушаю я ихъ!.. Ужъ была рѣчь. Кромѣ нихъ, всѣ рады, что я близъ тебя такимъ тихимъ сталъ, свои прежнія повадки забылъ. И самъ отецъ митрополитъ хвалитъ тебя же. А до Глинскихъ мнѣ и дѣла нѣтъ. Хошь и дядевья, да не свои они:—литовцы. Имъ бы славы да корысти все. А у меня и такъ всего довольно. Я царь всея Руси! И могу по моему хотѣнью невѣсту брать. Съ митрополитомъ ужъ говорено. Все по чину сотворимъ, чтобы зависти да обиды боярской не было. И сборъ дѣвокъ-невѣстъ по царству. И смотрины. И все... А выберу я тебя! Такъ и знай!..

И, слушая его, грезила на яву дѣвушка, опаляемая поцѣлуями Ивана.

Все вышло по слову юнаго царя, при чемъ онъ совершенно не замѣчалъ одного, что важнѣйшія его рѣшенія внушаются ему осторожно со стороны митрополичьихъ покоевъ.





Царь всея Руси.

(Года: 7055 — 7056-й [1547 — 48-й] *).

Еще въ концѣ 1546 года, о Рождественскомъ посту, заявился къ митрополиту Иванъ со своимъ словомъ государевымъ о женитьбѣ, какъ ужъ не разъ здѣсь и раньше было толковано.

И на другой же день митрополитъ Макарій отслужилъ торжественный молебенъ передъ древней чудотворной иконой Владимірской Божіей Матери, въ Успенскомъ соборѣ, заложенномъ еще въ 1326 году, руками святого митрополита Петра, одного изъ устроителей Московскаго царства. Полтора вѣка спустя, въ 1471 году, другой святитель, Филиппъ, возсоздалъ изъ камня весь обветшалый, деревяный храмъ, собравъ много казны на святое дѣло. Самъ святитель былъ погребенъ въ обновленномъ храмѣ раньше, чѣмъ великій италіанецъ — зодчій, Аристотель Муроль, отстроилъ до конца эту прекрасную усыпальницу первосвятителей московскихъ и всея Россіи.

А созданіе историческаго храма, какъ въ первый, такъ и во второй разъ сопровождалось рядомъ чудесъ и зна-

*) Царств. Книга. — Гейденсталлусъ — Герберштейнъ — Павелъ Іовій (Iovio Paolo. De leg. Basil.).

менiй: какъ бы отмѣтить хотѣлъ Рокъ, что съ построенiемъ стѣнъ храма связана и судьба царства. «Въ декабрѣ того года, пишетъ лѣтописецъ: егда покори великiй князь новгородскихъ крамольниковъ и, повернувъ на Москву, повелѣ свозить камень на церковное строительство, явися на небеси звѣзда велика, а лучъ (хвостъ) отъ нея дологъ вельми, толстъ, свѣтелъ, свѣтлѣй самой звѣзды. А конецъ луча того аки хвостъ великiя птицы распростреся». «А по Крещенiи друга звѣзда явися хвостата надъ Лѣтнимъ Западомъ хвостъ же ея тонокъ, а не добрѣ дологъ, а первыя звѣзды луча — будетъ темнѣе.

Такъ, значитъ, двѣ кометы сiяли по вечерамъ съ неба, озаряя вновь заложенный храмъ Успенiя Богородицы.

Здѣсь-то собрались по зову Макарiя всѣ бояре, даже опальные. Изъ собора къ себѣ митрополитъ со всѣми званными прошелъ и объявилъ, зачѣмъ собралъ ихъ.

Отъ митрополита во дворецъ великокняжескiй пошли. Въ столовой палатѣ Иванъ ихъ принялъ и впервые здѣсь царь этотъ, прозванный «риторъ въ премудрости словесной», всенародно свое первое слово сказалъ.

— Отче, господине! произнесъ Иванъ, обращаясь къ митрополиту. — Милостiю Божiею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостью великихъ чудотворцевъ Петра, Алексiя, Iоны, Сергiя и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованiе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ женитися!

«Сперва мыслилъ я подружiю взяти въ иностранныхъ государствахъ, у какого либо круля, альбо цесаря. Но послѣ ту мысль отложилъ.

«Не хочу жены искати въ чужихъ царствахъ-государствахъ, какъ послѣ отца-матери своихъ малъ я остался, возросъ безъ призору родительскаго! Вотъ приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ норовѣ не сходны станемъ съ нею, то промежъ насъ дурное житiе пойдетъ!

«Посему и поволилъ я въ своемъ царствѣ жены по-

искати и пояти ю по твоему, отче-господине, пастырскому благословенію».

Говоръ пошелъ по рядамъ боярскимъ, словно вдали по дну, по каменистому, потокъ пробѣжалъ.

Не всѣ знали, что царь жениться твердо порѣшилъ, да еще у себя, на Руси, то есть, вѣрнѣе, на Москвѣ невѣсту взять.

Кто не подозрѣвалъ о заранѣе сдѣланномъ выборѣ царя, надѣялся: авось ихъ рода дѣвицу залюбитъ Иванъ, или какъ-нибудь провести можно будетъ свою родственницу на престолъ московскій. Кто слыхалъ о близости юнаго государя къ Аннѣ Захарьиной, все-таки надежды не терялъ, что иная, болѣе красивая или знатная, дѣвушка завладѣетъ Иваномъ во время смотринъ.

И всѣ зашевелились, здравствовали царя на словѣ, на рѣшеніи его, хотя и задѣло первыхъ бояръ, почему съ ними раньше юноша не посовѣтовался?..

Со слезами на глазахъ заговорилъ первымъ, какъ и подобало, Макарій.

— Царь-государь! Чадо мое духовное! Порадовалъ нынѣ ты молитвенника и слугу своего! Юнъ еси, а разумомъ обиленъ, яко кладезь — водою кристальною, жаждущимъ въ отраду и упоеніе!

Затѣмъ, какъ бы прочитавъ недовольство въ душахъ у первосовѣтниковъ и желая смягчить его, продолжалъ:

— Особливо всѣмъ радошно, что самъ ты до благого почину дошелъ, только у Бога-Наставителя царей Единаго совѣту прося. Слезы умиленія текутъ по ланитамъ моимъ и увлажнены очи синклитовъ твоихъ, честныхъ князей, бояръ, думцевъ и дружинниковъ! Видимъ нонѣ: царя истиннаго, самодержца и государя достойнаго посылаетъ рокъ для всея Руси!..

За митрополитомъ поднялись съ почетныхъ мѣстъ казанскіе всѣ, астраханскіе и касимовскіе былые цари и царевичи, нашедшіе убѣжище на Москвѣ и сидѣвшіе по обѣ стороны престола царскаго.

Тутъ всѣ они были: Джанъ-Али и Шахъ-Али, Эддинъ-Гирей, что шесть лѣтъ спустя, подъ именемъ Симеона Казанскаго, принялъ крещеніе, Дервишъ-Али и Абдула, царевичи астраханскіе, и много другихъ.

Потомъ бояре поздравили царя.

Когда все стихло въ обширной палатѣ, поднялся снова Иванъ и, все также волнуясь, какъ и во время первой рѣчи, напряженнымъ, звенящимъ голосомъ, торопливо немного, но рѣшительно и отчетливо проговорилъ:

— Благодарствую на добромъ словѣ тебя, отче-господине! Васъ, братья-цари и царевичи!.. Васъ, князья и бояре, слуги мои вѣрные, помощники не корыстные! А теперя и еще слово скажу. Отче-господине! По твоему, отца моего митрополита, благословленію и съ вашего боярскаго совѣта поизволилъ я, допрежъ своей женитьбы, поискать прародительскихъ чиновъ, какъ прародители наши, великіе князья, цари и государи и сродникъ нашъ, великій князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство, на великокняжескій столъ садились. Волю и я также сей господарскій чинъ исполнити, на великое княженіе, на царскій престолъ возсѣсть.

Особенно сильно выдавъ послѣднія слова, умолкъ Иванъ, опустился на мѣсто и сталъ вглядываться: какое впечатлѣніе произвела на всѣхъ его рѣчь?

Впечатлѣніе было сильное.

Среди общаго гула рабскихъ привѣтствій, въ морѣ льстивыхъ, улыбавшихся радостно лицъ, среди преувеличенныхъ ликованій прорывались для чуткаго слуха нотки озлобленнаго удивленія и разочарованія.

Иванъ, очевидно, кѣмъ-то подученный, смѣлой рукой брался за кормило правленія, опираясь на завѣщаніе отца назначившаго для совершеннолѣтія сына пятнадцатилѣтній возрастъ.

Юный царь, успѣвшій уже проявить если не разумъ, то твердую волю свою, — не остановился на полу-пути и

принималъ тутъ же, завѣтный для московскихъ государей, титулъ царя. Этимъ онъ равнялъ себя съ первыми государями современной Европы и дома для себя создавалъ особенно вліятельное и величественное положеніе.

Трудно было бороться съ мальчикомъ, великимъ княземъ московскимъ. Каково же будетъ теперь тягаться въ чемъ-нибудь съ царемъ всея Руси, той Руси, которая, конечно, съ восторгомъ приметъ вѣсть о возвеличеніи государя своего, о своемъ величіи новомъ. Только намѣчали его отецъ и дѣдъ Ивана и смѣло осуществилъ великіе планы ихъ наслѣдникъ, этотъ юный царь!

Поняли смыслъ сегодняшняго дня и русскіе, и азіаты, бывшіе здѣсь, поняли и всѣ послы чужеземные, позванные на торжество и, при посредствѣ толмачей, освѣдомленные обо всемъ, что говорилось и творилось въ палатѣ...

Не умѣлъ юный, пылкій Иванъ дѣла въ дальній ящикъ откладывать. Не посмотрѣлъ онъ, что дяди его, Глинскіе, сычами глядятъ... Что подручные и похлѣбные ихъ князья и бояре по угламъ шушукаются.

Колеся по Руси, по монастырямъ, какъ то дѣлали часто и предки его, онъ узналъ Русь, увѣровалъ въ нее и съ молодымъ задоромъ не пугался ничего.

А Небо, въ лицѣ прозорливаго, осторожнаго и благожелательнаго политика, дипломата Макарія — покровительствовало юному государю, еще безсознательно, но упорно стремящемуся къ созданію неограниченной монархической власти на Руси.

Чрезъ мѣсяцъ ровно, 16 января 1547 года, въ томъ же Успенскомъ соборѣ дышать было трудно отъ толпы. Залитый огнями храмъ выглядѣлъ особенно парадно.

Совершалась великая литургія и вѣнчанъ былъ на царство Іоаннъ Васильевичъ Четвертый всея Руси, великій князь володимерскій, московскій, новгородскій, псковскихъ, вятскихъ, пермскихъ, болгарскихъ и иныхъ земель повелитель.

Отпѣли Херувимскую — и совершилось помазаніе освященнымъ елеемъ. На плечи Іоанна, облаченнаго въ парчевыя ризы царскія, въ бармы богатыя, — возложена была цѣпь золотая, знакъ царскаго достоинства, и шапка Мономаха, символъ власти надъ землей. Подано было яблоко — держава, осыпанная дорогими камнями. Мечъ острый, знакъ правосудія, держали предъ царемъ, какъ предъ высшимъ вершителемъ правды всенародной.

Прозвучали, словно напѣвы ангеловъ, стройные голоса клира, запѣвавшіе «Достойно есть»...

Подъ гремящіе звуки шелъ обрядъ увѣнчанія.

Смолкли голоса. Въ торжественной тишинѣ отговоренъ причастный стихъ. Государь принялъ причастіе по чину священства, какъ духовный пастырь народа. Вторично совершено мѵропомазаніе.

И вскорѣ затѣмъ, при звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ торжественно послѣдовалъ во дворецъ новый царь всея Руси, юный Іоаннъ IV.

Осыпалъ милостями въ этотъ радостный день всѣхъ приближенныхъ своихъ Іоаннъ. Принялъ дары отъ пословъ чужеземныхъ, отъ подданныхъ своихъ — и самъ щедро всѣхъ одарилъ.

А придя къ себѣ послѣ долгой, утомительной трапезы вѣнчальной, всю ночь не уснулъ. И молился, и плакалъ, и чувствовалъ, что онъ очень счастливъ. И обѣщалъ въ душѣ Іоаннъ, теперь ужъ не по чину обычному, а добровольно: беречь, хранить державу, землю русскую и весь народъ православный, врученный Богомъ юной его рукѣ!..

Еще черезъ полъ-мѣсяца совершилось и другое торжество свадьба: царя.

Для этого еще передъ Рождествомъ прошлаго года разослана была по всѣмъ городамъ, по всей землѣ русской особая грамота къ областнымъ князьямъ, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и дворянамъ.

«Когда къ вамъ эта наша грамата придетъ, — стояло

въ листѣ послѣ обычнаго заголовка: и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери-дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей-дѣвокъ ни подъ какимъ видомъ не таили бы! Кто же изъ васъ дочь-дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни! Грамату пересылайте между собою, не задерживайте ни часу».

Конечно, при тогдашней трудности сообщеній, за полтора мѣсяца, — со дня написанія указа до дня свадьбы царя, — не много дѣвушекъ собралось, помимо московскихъ, владимірскихъ, ярославскихъ и другихъ ближнихъ невѣстъ.

Хлопотъ, всетаки, и заботъ, и горя, и происковъ по всей землѣ море разлилось.

Иные, впередъ зная, что ихъ дѣвка не попадетъ въ царевы терема и не желая напрасно убыточиться на дорогой нарядъ да на проѣздъ невѣстинъ въ далекую Москву, откупались у намѣстниковъ, чтобы тѣ браковали на мѣстѣ дочекъ.

Другіе, наоборотъ, все отдавали и еще сулили большее впереди, если намѣстникъ присудитъ: дочь на смотрины царскія попадаетъ; если потомъ дѣвушка царицей станетъ, весь родъ свой возвеличитъ.

Въ Москвѣ — опять дѣвушекъ разбирали. Женки умѣлыя, бабки-повитухи глядѣли ихъ, врачи царскіе...

Изъ не очень большого числа отобрано было и совсѣмъ немного, при чемъ дипломатія и знаніе придворныхъ отношеній играли больше роли, чѣмъ врачебныя и иныя познанія.

Всего 12 невѣстъ попали, наконецъ, въ терема царскіе на ожиданье. Среди нихъ очутилась и Захарьина-Кошкина, Анна Романовна, горячо молившая Бога: ей бы выпала доля великая — стать женой Ивана, царицей Московской...

Послѣ долгой, невольной разлуки — состоялась, наконецъ, встрѣча ея съ царемъ.

Особенно рано поднялись въ тотъ день боярышни. Знали, что царь къ нимъ въ теремъ пожалуетъ.

Быстро убрали постели во всѣхъ покояхъ, гдѣ на широкихъ скамьяхъ перины ночью были постланы...

Покрыли скамьи дорогими полавочниками рытаго бархату да сукна заморскаго.

Въ одномъ покоѣ — стулъ особый, съ самаго начала стоявшій тамъ въ углу, — выдвинули на середину, подмостивъ его немного досками. Весь помостъ — коврами покрытъ. Самый стулъ — мѣхами и парчей убранъ. Это — мѣсто царское приготовлено.

Разрядились, собрались всѣ боярышни, ждутъ, пока позовутъ ихъ.

Насурмлены, накрашены, набѣлены онѣ, какъ это водится по обычаю. Не одинъ царь ихъ смотрѣть станетъ. И не могутъ дѣвушки безъ раскраски явиться.

Ждетъ со всѣми зова и Анна Захарьина.

Замираетъ сердце. Дышать тяжело. Если долго ждать придется — не вынесетъ она.

Но ихъ скоро позвали.

Степенно тронулись боярышни. Сверкаютъ дорогими повязками, шелестятъ-шуршатъ нарядами парчевыми да шелковыми. На рукахъ цѣлые облака кисеи расшитой, это рукава рубашекъ парадныхъ... Дѣвушки такъ волнуются, что у нихъ, сквозь размалевку, — пурпуръ щекъ, или синева подъ глазами, сразу проступившая отъ волненія, — явно означается...

Медленно входятъ парами боярышни.

Въ рядъ стали, опустились на колѣни, челомъ бьютъ жениху державному...

Подалъ знакъ Иванъ. Старикъ-бояринъ, одинъ только и пришедшій съ царемъ въ покои завѣтные, заговорилъ:

— Встаньте, дѣвицы... Подымитесь, красныя... Дайте царю видѣть лица ваши ясныя.

Медленно поднимаются дѣвушки.

Тутъ впервые послѣ мѣсяца разлуки взглянула Анна на царя.

Такъ и впилась взглядомъ, забывъ, что ей строго на строго наказано и матерью, и нянькой: глазъ не пялить на государя.

Сердце забилось у боярышни. Поблѣднѣлъ, похудѣлъ Иванъ за то время, что не видались они. Важный, даже строгій сидитъ, въ бармахъ, въ блестящемъ уборѣ царскомъ, такъ недавно еще возложенномъ на юношу...

Словно не тотъ, не ея Ваня тамъ сидитъ, а чужой какой-то, но еще болѣе могучій и прекрасный, чѣмъ прежній дружокъ Анны...

Такимъ часто во снѣ Анна царя видѣла; на яву — никогда. Просто — одѣтый, веселый, безпечный, проводилъ онъ часы въ саду у матери Анны, вдовы-боярыни, съ дочкой-красавицей...

Ждалъ-ли царь, зналъ ли впередъ, что въ этой самой толпѣ явится передъ нимъ Анна, — только ея взоръ — такъ и скрестился съ горящимъ, пытливымъ взоромъ властелина.

Опустила глаза дѣвушка и замерла.

А старикъ-бояринъ, спутникъ Ивана, Иванъ Иванычъ Замятня-Кривой, дальній родичъ Анны, и родня неближняя первой жены царя Василія, Соломониды Сабуровой, по порядку выкликаетъ невѣстъ:

— Арина Ондреева, княжна, роду Горбатыхъ-Суздальскихъ...

Выступила впередъ первая красавица - княжна. Мягко, плавно ступаетъ, словно лебедь плыветъ, несетъ тѣло свое мощное, стройное, полный станъ слегка колышется...

Подошла, склонилась ницъ почти у самыхъ ногъ Ивана, такъ что тепломъ отъ нея пахнуло на юношу. Стоя на

колѣняхъ, протянула руку съ ширинкой затканной и сложила свой платочекъ у ногъ царя.

По знаку Ивана, подняла ширинку боярыня старая, которая «гнѣздо» привела, а теперь стоитъ у трона. Сбоку, на столѣ, грудой лежатъ другіе кусочки расшитой, жемчугами и золотомъ украшенной, ткани.

Отдаривать ими царь будетъ дѣвушекъ.

Взявъ со стола платокъ, онъ подаетъ его княжнѣ.

Приняла его дѣвушка, встала, еще разъ поклонъ отвѣсила и къ сторонкѣ отошла.

— Анна Романова, роду Захарьиныхъ-Юрьиныхъ, Кошкина! — вызываетъ опять Замятня.

Робкими шагами приближается Анна. Колышется тонкимъ станомъ, только не изъ кокетства, какъ княжна Суздальская, а отъ изнеможенія.

Не дойдя на шагъ до помоста, упала на колѣни, какъ подкошенная, Анна. Протянула руку впередъ, платочекъ, ширинку свою уронила къ ногамъ царя.

Незамѣтно, чуть-чуть улыбнулся Иванъ.

Выраженіе какое-то, непривычное, доброе, словно слабый лучъ во тьмѣ, — промелькнуло по его блѣдному озабоченному лицу. Никто и не замѣтилъ этого. Одна Анна, не глядя даже, почуяла, словно нить незримая, но живая, между нею и сидящимъ на тронѣ сразу, вдругъ протянулась.

Принялъ онъ платокъ Анны изъ рукъ старухи и, будто нечаянно, — задержалъ его въ рукѣ. А другой рукой взялъ со стола богато-расшитую ширинку и, слегка нагнувшись, — кинулъ ее прямо на грудь Аннѣ. Далеко опустилась дѣвушка. Не могъ онъ дать ей въ руки своего дара.

Судорожнымъ движеніемъ прижала къ груди дѣвушка этотъ лоскутокъ, побывавшій въ рукѣ у милаго, — затѣмъ съ трудомъ поднялась и тихо-тихо двинулась занять мѣсто рядомъ съ Ариной, Суздальской княжной...

— Варвара Сицкая!.. выкликаетъ между тѣмъ За-

мятня... И идутъ своимъ чередомъ тайные эти «смотры» царскіе.

Много еще разъ смотры повторялись. Много иныхъ испытаній въ рукодѣліи, въ грамотѣ, въ знаніи божественныхъ правилъ и хозяйственныхъ, обыденныхъ обычаевъ прошли дѣвушки. Десятки разъ наполнялись молодыя сердца надеждой и отчаяніемъ...

Всѣ невѣсты, царемъ видѣнныя, но отпущенныя по домамъ, награждены на дорогу богато, смотря по знатности и положенію каждой изъ нихъ. Многія, впрочемъ, и домой не вернулись. Иные сверстники царя, холостой народъ, — тутъ-же и приглядѣли себѣ изъ боярышенъ-красавицъ подругу и поженились, благо родители рады были сбыть товаръ съ рукъ, чтобы домой не везти, стыда не терпѣть отъ сосѣдей:

— Поѣхалъ, видно, ни по́ што, вернулся ни съ чѣмъ...

И царь доволенъ. Съ его легкой руки смотрины не пустые вышли, свадьбой-таки кончились!

А на пышныхъ, явныхъ смотринахъ — Аннѣ Захарьиной кольцо и ширинку царь вручилъ, когда послѣдніе «смотры» были, при боярахъ, при духовенствѣ... Нарекли ей новое имя, «царское»: Анастасіей назвали и поселили, какъ «царевну-невѣсту», въ особомъ дворцѣ.

Съ нею и обвѣнчалъ митрополитъ Макарій Іоанна въ день 3-го февраля 1547 года.

Все было хорошо... но недолго.

Еще и передъ свадьбой Іоаннъ устроилъ шумный мальчишникъ, причемъ въ банѣ мовникомъ — Алексѣй Адашевъ вмѣстѣ съ первѣйшими княжатами состоялъ: со Мстиславскимъ, Трубецкимъ, Никитой-Захарьинымъ и другими...

И тутъ-то, противъ воли, Адашевъ, всегда избѣгавшій слишкомъ веселыхъ пировъ и потѣхъ царя-отрока, впервые увидалъ: до чего человѣкъ забыться можетъ, погрязнувъ въ винѣ и въ буйномъ весельи.

Но тогда же подумалъ, чистый душой и тѣломъ, — будущій руководитель Іоанна:

— Женится — перемѣнится. Царь ли виноватъ, что злые приставники не блюли чистоту души отрока юнаго, а порой еще на дурное подбивали мальчика; до срока губили его?

И Адашевъ старался не слышать, не глядѣть на дикое веселье, на все, что творилось вокругъ.

Мѣсяцъ, не больше, послѣ свадьбы хорошо все шло. Не отходилъ царь отъ жены молодой. Дѣлами даже мало заниматься сталъ, хотя раньше самъ во все вникать старался.

Но скоро Іоаннъ снова сталъ возвращаться къ забавамъ буйной юности. Одновременно и за царское дѣло принялся; да, только кровью, петлей и заточеніемъ пахло отъ его поспѣшныхъ рѣшеній.

Призадумались лучшіе люди: митрополитъ, Адашевъ, Сильвестръ... всѣ Захарьины, сразу въ большое возвышеніе пришедшіе... и многіе другіе.

Возликовали зато иныя, темныя силы, копошившіяся, словно черви, и раньше вокругъ царя.

Веселые люди, скоморохи, — вопреки обычаямъ истовымъ дѣдовскимъ, снова стали гостями дворцовыми и въ самомъ Кремлѣ и въ пригородныхъ, потѣшныхъ дворцахъ царевыхъ.

Крамола, пригнувшая было голову, осмѣлѣла. Посредствомъ веселья и вина, — явилась надежда уловить въ свои сѣти царя; со стези чистой, прямой на кривую направить. И тогда, извѣстно, въ мутной водѣ только рыбка и ловится.

Но очистители московскаго государственнаго потока тоже не дремали.

Ранней весною, въ первыхъ числахъ апрѣля, сидѣлъ въ сумеркахъ въ своей просторной кельѣ Макарій. Послѣдніе лучи заката, угасая за дальнимъ западнымъ бо-

ромъ, пурпуромъ окаймили гряду воздушныхъ облаковъ, словно задремавшихъ высоко въ лазоревомъ, ясномъ небѣ.

Ясный сумракъ царитъ въ кельѣ, гдѣ старецъ сидитъ у окна, глядя въ высь, въ ясное вечернее небо.

На небольшомъ, особомъ столѣ видны краски водяныя, кисти, стекла какія-то, небольшія, на которыхъ изображены различныя библейскія и евангельскія сцены, но такъ легко, прозрачно все нарисовано, что сквозь слои красокъ видно дерево простого гладкаго стола, на которомъ лежатъ стеклышки.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! послышался за дверью обычный возгласъ.

— Аминь! — отвѣтилъ Макарій, давая этимъ право войти въ келью.

На порогѣ показался Сильвестръ, протопопъ Благовѣщенскаго собора.

Почти однихъ лѣтъ онъ съ Макаріемъ, но разнятся они по виду. Тотъ былъ брюнетомъ въ годы юности. Смѣлый открытый взоръ — словно всю жизнь привыкъ внушать повиновеніе. Губы сухія, аскетическія, упорно, крѣпко сжаты. Высокій, бѣлый лобъ, увеличенный еще отъ начавшаго лысѣть черепа, перерѣзанъ двумя-тремя морщинами и обличаетъ мыслителя, человѣка съ широкимъ умомъ.

Сильвестръ лицомъ попроще, попонятнѣй. Чистый славянскій типъ, уцѣлѣвшій послѣ монгольскаго ига на Руси — только въ семьяхъ священниковъ, именно, вотъ такихъ, какъ семья Сильвестра, гдѣ отъ прадѣда къ правнуку — всѣ левиты, этотъ славянскій типъ обнаруживаетъ себя и мягкостью очертаній лица, и окраской сѣроватыхъ, еще не помутнѣлыхъ отъ старости глазъ... Мелкая сѣть морщинъ, слѣдъ обычныхъ житейскихъ заботъ и разсчетовъ, легла вокругъ глазъ у Сильвестра. Продольныя морщины лба не врѣзаны въ кожу, а словно образованы мягкими, выпуклыми складками ея... Умѣренная полнота и округлость

фигуры средняго роста тоже составляетъ противоположность съ высокой, крѣпко сбитой, хотя и костлявой фигурой Макарія.

— А и въ часъ заглянулъ ты ко мнѣ, отецъ-протопопъ! сказалъ хозяинъ гостю послѣ перваго обмѣна привѣтствій, преподавъ благословеніе своему посѣтителю. Я ужъ думалъ спосылать по тебя... Что, думаю: долго не видать пріятеля?..

— Недосужно было, отецъ-митрополитъ... То съ паствой, то по домашнему... Весна... Къ лѣту готовиться надо, самъ вѣдаешь...

— Знаю, знаю: хлопотунъ ты великій... Марѳа ты у меня евангельская... мягко улыбаясь, пошутилъ Макарій. — А ты бы поменьше... Вспомни: «воззрите на птицы небесныя...»

— Какъ онѣ мерзнутъ зимою, которы въ теплы края не снарядилися!.. Видѣлъ, видѣлъ, господине! на шутку шуткой отвѣчалъ Сильвестръ...

— Ну, ужъ што тутъ... Въ этомъ дѣлѣ тебя не обговоришь. Повѣдай лучше: та́къ зашелъ, али вѣсти какія?..

— Да такія вѣсти, что бѣда и горе вмѣстѣ!.. Чай, и ты ихъ слыхалъ раньше мово, отче-митрополите... Все про царя про нашего...

— Слыхалъ... Слыхалъ!.. поглаживая бороду, отвѣчалъ Макарій.

— Такъ, што-жъ это будетъ? Долго-ль это оно будетъ? Вотъ, помнишь, отецъ, мы съ тобой думали: образумится юный, не закоснѣлый царь, боярами обруганный, запуганный... Отшатнется отъ нихъ и отъ житья ихняго... Добре державу свою поведетъ... О землѣ вспомянетъ... По завѣту Божію Русь заживетъ... А теперь?..

— Что же теперь? Царь благочестія не рушитъ... И монастыри жалуетъ. Давно ли Псковской монастырь щедро таково одарилъ, когда гостевалъ тамъ по осени?

— Да, это што говорить! А, вонъ, псковичи-горожане стонутъ да охаютъ. Разорилъ ихъ грабитель, намѣстникъ,

ставленникъ литовскій, дружокъ Глинскихъ съ Бѣльскими, Турунтай-Пронскій, князь Егорій Иванычъ... Сколько цидулъ да жалобъ на Москву шло... И сюды жалобщики ѣздили-жъ, убыточились... А царь ихъ и на свѣтлыя очи свои не допустилъ... Даромъ, что, во Псковѣ будучи, всего наобѣщалъ.

— Что-жъ, на то его царева воля...

— Божья воля должна быть, а не человѣческая...

— Будетъ... все будетъ, отецъ-протопопъ... Эка, горячъ ты больно, словно молодятинка. Старики ужъ мы съ тобой, батько. Пождать-погодить надо умѣть...

— Э-эхъ, и то сколько лѣтъ годили! Всего Василія перегодили... Ивана Третьяго памятуемъ... Другого Ивана, Четвертаго, Богъ послалъ, а все не легче...

— Будетъ легче, погоди, батька... Знаешь, зря слова я не скажу. Еще какія вѣсти?..

— Да Ѳедька-протопопъ сызнова хвостомъ завилялъ. Почитай, и въ дому не живетъ... То самъ по людямъ, то къ нему они... Что-то вновѣ затѣвается...

— Знаю, что затѣвается?.. Все вѣдаю! А Ѳедоръ и тутъ же готовъ?! Ну, на этотъ разъ не пройдетъ ему... Пусть хорошенько послѣдятъ за батькой: что, какъ и куды?..

— Да ужъ я и то наладился...

— Доброе дѣло... А я за то скажу тебѣ: о чемъ хлопочетъ протопопъ.

— Ой, скажи, отче. Больно охота дознаться.

— Еще бы не охота. Дѣло-то не шуточное... Опять, конешно, смута боярская... Не спится имъ, не дремлется, мирно не живется. Головы на плечахъ чешутся, хотятъ, чтобы катъ причесалъ, мастеръ заплечный...

— Новая крамола?..

— Склыки боярскія... Вотъ, какъ промежъ тебя же съ Барминымъ. Только тамъ потасовка въ горячую идетъ!.. По-прежнему, правда, не смѣютъ они враждовать, челядь

собирать да хватать другъ дружку... Теперь малость царя опасаются. Всѣ видѣли, какъ искромсанный князь Шуйскій, Андрей, на снѣгу валялся... Какъ ротъ кровью заливало Бутурлину бѣдному, когда за единое слово за несуразное языкъ отхватили боярину... Изъ-подъ полы теперь шпыняютъ бояре другъ дружку.

— Знаю. Довольно понаглядѣлся я...

— Ну, такъ и дальше слушай... Знаешь, чего бояринъ Захарьинъ-Юрьевъ домогается, съ того самаго часу, какъ на племянницѣ его оженился царь?

— Вѣстимо чего: на мѣсто Бѣльскихъ да Глинскихъ самому встать охота... Да дѣло то не выгорѣло...

— Кстати слово молвилъ... Теперь, гляди: выгоритъ! Выжечь литовцевъ собираются...

— Какъ, выжечь?..

— Такъ... Какъ мурашей да пчелъ выкуриваютъ... Не впервой оно на Москвѣ...

— Ага, во што!.. Энто, какъ при дѣдахъ еще бывало: кто на кого сердитъ, пусть того красный пѣтухъ спалитъ?.. Такъ?

— Вотъ, вотъ... Начнутъ Москву палить... Народъ булгачить: «Такіе, молъ, и такіе бояре васъ попалили...» А народъ темный, глупый...

— Дуракъ народъ, што и говорить!

— То-то-жъ... Такимъ случаемъ и сами зачинщики въ сторонѣ, и съ недругами посчитаются...

— Шуйскіе съ Бѣльскими да Глинскими?..

— Тамъ, ужъ кому съ кѣмъ придется...

— Такъ, такъ... То-то и ко мнѣ людишки приходили... На духу каялись... Да не въ домекъ мнѣ было: какому грѣху прощенья просятъ? Впередъ оно, словно бы, каялись.

— Вотъ, видишь...

— Да, погоди, отче: а не будетъ оно и нынѣ, какъ въ Коломнѣ случилося? На свою же на шею неугомонные Шуйскіе какъ бы огню не накликали?..

— Нѐ, нынѣ иное дѣло! Тамъ наши земляки, новгородцы, впуталися. Больно лютъ на нихъ царь... Помнитъ, какъ они еще Іоасафа изъ спальни у него тащили... да бояръ любимыхъ... А тута и самъ онъ дядьевъ-то, Глинскихъ длинноусыхъ, не больно привѣчать сталъ. Вонъ, Михайлу во Ржевъ, на кормленье, отъ себя подалѣ усылаетъ. Конешно: зла онъ имъ не сотворитъ. А насолили они ему покорами за женитьбу... И коли народъ встанетъ на Глинскихъ, съ народомъ государь не спорщикъ. Ему самому народъ только одна и опора отъ бояръ.

— Э-эхъ, кабы понялъ онъ!..

— Пойметъ... Начинаетъ помаленьку... А мы поможемъ... Вонъ, Одашевъ сказывалъ...

— И мнѣ Олексѣй говорилъ. Сынъ, вѣдь, духовный... Да, что-й-то плохо вѣритса... Доброе-то слово въ душѣ у царя, что сѣмя, при пути брошенное: и птица его клюетъ... И колымагами, колесами телѣжными давитъ... Проку мало. Спервоначалу шибко за доброе ухватится. И дрожитъ весь, и чуть не плачетъ... А тамъ... Опять блудъ да соромъ, да крови пролитіе... Подумать горько.

— Говорю: не кручинься... Вонъ, изъ казанскаго юрта вѣсти добрыя... Сафа-Гирею конецъ подходитъ. По емъ малолѣтній царенокъ, Утямишь, двухлѣтокъ остается... Мы и снарядимъ царя на войну. Авось, тамъ отрокъ опамятуется, если здѣсь еще не успѣемъ на путь направить его...

— Да чѣмъ, отче? Чѣмъ? Буенъ вельми, гордъ и продерзостенъ отрокъ...

— А ты квасы ставилъ, батько?..

— Что за спросъ? Случалось, отче-господине... Не безъ того въ дому.

— А который лучше: что молчкомъ киснетъ, ай тотъ, что уторы рветъ?..

— Такъ, то — квасъ, дѣло глупое... Людское сотвореніе...

— А то — душа, дѣло мудрое, сотвореніе Божеское... Побродитъ, поколи бродится... Да, ежли уши и очи есть, увидитъ, услышитъ, на путь прямой выдетъ, свѣтильника не угаситъ въ безвременьи...

— Аминь, отче-господине... Твоими бы устами...

— Да грѣшныя души уловлять?.. Стараюсь, батько... И по вѣрѣ моей, по заслугѣ да отпустятся мнѣ прегрѣшенія мои мнози...

И, перебирая хрустящія четки, Макарій беззвучно зашепталъ молитву...

Когда Макарій кончилъ, замолкнувшій на время и сидѣвшій въ раздумьи, Сильвестръ снова заговорилъ:

— А какъ полагаешь, отче-митрополите: не можно бы какъ ни есть то злое дѣло упредити?.. Не попустить огня и смятенія на Москвѣ?..

— Хе-хе, батько!.. Да подумай: рѣку ковшемъ вычерпаешь ли? Такъ и злобу людскую... Нынче упредишь... Изловятъ поджигальщиковъ... Перехватаютъ бояръ, которы шлютъ холоповъ на разбойное дѣло. А завтра другіе будутъ... И такъ до вѣку-вѣковъ... А, вотъ, запрудить рѣку да на свои колеса воду пустить, чтобы хлѣбъ молола — это можно...

— И то бы добро... Да какъ оно выйдетъ?..

— Не спѣши. И это узнаешь по времени... Теперь рано еще... Думаю я тутъ надъ одной вещью... Тебѣ показать хочу. Поди сюды, батько...

И Макарій подвелъ Сильвестра къ столу, гдѣ лежали картины, нарисованныя прозрачными красками на стеклѣ.

— Охъ, какъ лѣпо!.. восторгался Сильвестръ. И какъ это ты?.. Гдѣ это ты?..

— А такъ... Случаемъ Богъ человѣка послалъ... Видалъ ты когда стекла, окончины, а въ нихъ разны узоры да фигуры вплавлены? Веницейская работа... Какъ солнце лучемъ кинетъ въ такое оконце, а пятна разныя или фигуры тѣ — такъ на полу, на стѣнахъ и обозначутся.

— Случалось... Видывалъ... Въ Нѣмецкой слободѣ...

— Вотъ, и у меня оттудова толмачемъ одинъ... Фрязинъ онъ говоритъ, италійскій... А я мекаю: просто жидовинъ. Да по мнѣ все едино. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа... Занятный парень. Онъ, баетъ: скоморошествовалъ въ юности, а тамъ и отсталъ... За рукомесло принялся... Да стараго, веселаго дѣла не забылъ... Чудной человѣкъ... На разные голоса одинъ говоритъ. И не познать: съ неба-ль голоситъ, изъ-подъ полу ли кто говоритъ глухо да протяжно таково... Словно изъ могилы... А на Русь попасть давно ему любилося... Да, знаешь, не пущаютъ чужіе государи къ намъ знатцевъ никакихъ... Чтобы дольше неразумными мы пожили... Все же таки, Петрусъ мой... Петрусомъ его Динарой звать... Два раза онъ у самой русской грани былъ. Отъ Пруссовъ и отъ Нейстріи подбирался. Его ловили, разъ даже батогами упарили. Не унялся мой Динаріусъ... Деньги, баяли ему: — тутъ дюже легко наживать, на Москвѣ... А у нихъ — потуже. И проскочилъ-таки. Черезъ Антіохію... Съ богомольцами... Вонъ куды... И показалъ онъ мнѣ таку вещь...что...

— Какую?..

— Зѣло занятную... Говоритъ: та самая, что въ поганскихъ храмахъ ею мистеріи египетски и чудеса лживыя творили.

— Да ну?!. Занятно...

— Да какъ ошшо! Вотъ, не видалъ ты?.. А увидишь... Гляди, стемнѣло, какъ на волѣ, такъ и въ келейкѣ моей. Какъ разъ, что надобно... Вотъ, я и покажу тебѣ... У меня готово... налажено...

И высокій старикъ пошелъ къ углу, гдѣ стоялъ небольшой, черный ящикъ, складной, съ кожанымъ мѣхомъ, вродѣ гармоники. Труба, недлинная и довольно широкая, торчала съ одной стороны. Это былъ волшебный фонарь довольно примитивнаго устройства, еще мало извѣстный на Западѣ и совсѣмъ невиданный на Руси.

Зажегъ Макарій бережно масляный небольшой свѣтильникъ, стоявшій въ задней части ящика... Вставилъ стекло съ картинкой — и на темной сейчасъ, келейной стѣнѣ ясно обрисовался карающій Богъ Саваоѳъ, окруженный огнями и молніями.

Вдругъ, съ перемѣной стекла — картина измѣнилась и Сильвестръ увидѣлъ Адама и Еву, которыхъ ангелъ пламеннымъ мечомъ изгонялъ изъ рая...

Даже вскрикнулъ отъ удивленія старикъ.

— Вотъ, чудо!.. Какая хитрая вещь... И все можно изъ нея увидать?

— Все, что заготовишь на стеклѣ... Такъ вотъ, какъ видѣлъ ты... И чѣмъ ровнѣй стѣна, тѣмъ лучше...

— Господи... Что мнѣ на мысль пришло... Вотъ, кабы образки пострашнѣе... Да такъ, въ потемочкахъ отроку нашему, государю показать?.. Напугать, почище чѣмъ пожарами боярскими, можно и на стезю праведную наставить...

Все время къ этому только и клонившій рѣчь, но осторожный до конца, Макарій посмотрѣлъ на Сильвестра съ удивленнымъ видомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, и уменъ же ты, батько! Мнѣ бы никогда того не придумать! Правда твоя: можно попытаться... Устрашеніе безвинное чада во исправленіе его, — не грѣхъ, но заслуга передъ Господомъ... Только, какъ ты свое измышленіе мудрое произведешь?.. Одному неспособно... Вотъ, развѣ Петруса моего, который на разные голоса?..

— Вотъ, вотъ! И онъ намъ будетъ надобенъ! горячо отозвался протопопъ, совершенно искренно убѣжденный, что онъ самъ придумалъ планъ, давно созданный богатой фантазіей Макарія. — Онъ, Петрусъ твой, отче, царя попужаетъ... Какъ начнетъ словно изъ-подъ земли рыкать... А я ошо Олешѣ, Одашеву мигну... Вѣрный парень... И Никиткѣ Захарьину сказать можно... Не выдадутъ. А то, ежели самой царицѣ сказать, что задумали мы есьмы царя

отъ блуда, отъ гнѣва и отъ всѣхъ грѣховъ содомскихъ отворотить, она и сама намъ перва пособница станетъ... Тоже, вѣдь, у меня на духу она кается... Знаю: сколько потайно слезъ проливаетъ отъ остуды царской скорой... Только любитъ мужа очень, и не коритъ, и весела въ его очахъ...

— И лучше такъ... Дольше не опротивѣетъ... А тамъ, може, и въ самъ дѣлѣ съ твоей выдумкой, батько... Може, Богъ дастъ... Дѣйствуй, батько... А я и стеклышки, которы надобно, тебѣ изготовлю... Такъ и быть.

— Пострашнѣе...

— Конешно...

— Его самаго... Царя-отрока... И всѣхъ тѣхъ, знаешь... Кажненныхъ...

— Ну, вѣстимо... А ужъ грѣхъ на тебѣ...

И оба старика принялись обсуждать въ подробностяхъ планъ огромной лжи, предпринятой «во спасеніе тысячи ближнихъ» съ самимъ Иваномъ, господиномъ ихъ, во главѣ...

И до конца мудрый Макарій оставилъ Сильвестра въ увѣренности, что попъ самолично создалъ весь блестящій планъ нравственнаго устрашенія для исправленія царственнаго юноши, во благо и спасеніе царства.

А тотъ, вокругъ котораго кипѣло и бурлило все это море страстей, происковъ и чистыхъ вожделѣній, — самъ юный Іоаннъ ни о чемъ не догадывался, не вѣдалъ и только жить торопился безъ оглядки, во всю. За три — четыре года, со дня гибели Андрея Шуйскаго и до послѣднихъ дней, Иванъ окончательно успѣлъ стряхнуть съ души робость и страхъ, внушенный ему въ дѣтствѣ своевольными опекунами, «первыми» князьями и боярами.

Тѣмъ болѣе, что, читая и перечитывая Царственную книгу съ записью дѣяній своихъ предковъ, чѣмъ занялся юноша для своего поученія, Иванъ часто наталкивался тамъ на тѣ-же самыя мысли и дѣла, какія ему прихо-

дили часто въ голову совершенно самостоятельно. И, какъ оказывалось: думалъ онъ правильно. У него, очевидно, былъ врожденный инстинктъ власти.

— Царь я, и по царскому мыслю... говорилъ себѣ Иванъ: — а они, гады, «овчиной» меня дразнятъ... Ну, дамъ я имъ знать... Попомнятъ... Мое время — впереди!

И Иванъ рѣшилъ выжидать, какъ ни странно было такое рѣшеніе въ пылкомъ, неоглядчивомъ, болѣзненно-впечатлительномъ государѣ. Тяжелый опытъ дѣтства, очевидно, не прошелъ безслѣдно, научилъ выдержкѣ юнаго царя.

Но, вдругъ, Иванъ почувствовалъ, что почва словно колебаться начинаетъ у него подъ ногами.

Первый починъ положили этому Глинскіе, дяди его.

Подобно Воронцову, годъ тому назадъ желавшему посѣять тревогу въ душѣ царя, пришелъ теперь старшій изъ братьевъ покойной княгини Елены, князь Михайло Васильевичъ, и объявилъ:

— Здравъ буди, племяшъ... Поизволь намъ, государь, съ матушкой, княгиней-старицей, съ бабкой твоею, во Ржевъ ѣхати, что ты, государь, жаловать мнѣ, слугѣ твоему, на кормленье изволилъ. Отъ грѣха подалѣ.

— Когда? Зачѣмъ? Надолго-ль собрался? спросилъ Иванъ.

— Какъ вешнія воды пройдутъ... Поживемъ, покудова поживется тамъ. А зачѣмъ? Знаешь, племяшъ-государь: двумъ медвѣдямъ тѣсно въ берлогѣ. А ты себѣ новаго завелъ, да еще съ молодыми медвѣжатами! пощипывая усы, угрюмо отвѣчалъ литовскій магнатъ, намекая на дядю молодой царицы и братьевъ ея.

— Поѣзжай! желая прервать непріятный разговоръ, сказалъ только Иванъ и отпустилъ дядю, довольный даже въ душѣ такимъ оборотомъ дѣлъ.

Бабку-старуху, положимъ, онъ любилъ и никогда ни въ чемъ не мѣшала ему эта тихая, простая, добрая ста-

руха, которая одна и пригрѣвала и баловала внука-сиротку въ печальную пору боярскаго самовластія, московскаго безгосударства, когда даже иностранцы убѣгали изъ щедрой до нихъ столицы.

Единственной слабостью старухи — была любовь къ врачеванію себя и окружающихъ, вообще свойственная полькамъ и литвинкамъ искони.

У старухи много лѣтъ ужъ состоялъ врачомъ худенькій, старенькій португалецъ-еврей, очень ученый и знающій человѣкъ, знакомый не только съ Аристотелемъ и Галеномъ, но и съ Авиценой, Авероэсомъ и другими замѣчательными физіологами-изслѣдователями арабской школы врачей, стоящихъ на почвѣ опыта, изучавшихъ живое и мертвое тѣло человѣка не съ помощью логики и силлогизмовъ, а со скальпелемъ и лупой въ рукѣ!

Иванъ заглядывалъ, по свойственному ребенку любопытству, и въ лабораторію этого врача, Згорджетти. Забавляло его сперва, а потомъ и серьезно занимало видѣть, какъ, производя опыты вивисекціи, врачъ, вооруживъ носъ огромными круглыми, очень сильно увеличивающими очками, въ родѣ лупы, препарировалъ на дощечкахъ мышей, кроликовъ, зайцевъ и другихъ мелкихъ звѣрковъ.

Затѣмъ, когда юноша сталъ самъ, если не управлять, то расправляться съ ослушниками, итальянецъ-анатомъ, при помощи бабки царя, выпросилъ у послѣдняго право пользоваться тѣлами казненныхъ для своихъ изысканій и опытовъ.

Литвинка, хотя и сильно обрусѣлая, княгиня Анна не видѣла ничего дурного въ такомъ дѣлѣ.

Строго-правовѣрный Иванъ сначала былъ смущенъ просьбой. Но отказать не могъ и только поставилъ условіемъ, чтобы обо всемъ хранилась полная тайна!

Вѣдь, если бы узнали не только простые люди, но и невѣжественные, полные предразсудковъ, бояре о томъ, что чье-нибудь, даже и преступничье тѣло не погребено

по обрядамъ, а отдано на «поруганіе вѣдуну-знахарю»... ну, тогда не особенно пріятную минуту пришлось бы пережить и бабушкѣ и царственному внуку!..

И никто не зналъ, что такая минута близка.

Десяти дней не прошло послѣ разговора обоихъ старцевъ, безкорыстно, хотя и не одинаково-умѣло пытавшихся направить въ болѣе спокойное русло бурливую московскую государственную жизнь, — когда Адашевъ, дежурившій при Иванѣ въ качествѣ спальника, раннимъ утромъ доложилъ царю о приходѣ дяди царицы Анастасіи, о бояринѣ Григорьѣ Юрьевичѣ Захарьинѣ.

— Конешно, впускай... Да только, съ чего въ таку рань онъ припожаловалъ?.. Не крымцы-ль опять? Не его бы тогда забота. Горбатый дѣло ратное вѣдаетъ...

— Не вѣдаю, царь-государь! — отозвался Алексѣй, хотя все ему ужъ было извѣстно, даже болѣе, чѣмъ кому иному во дворцѣ Іоанна.

Не успѣлъ Иванъ «аминя» сказать на входную молитву новаго родича и сановника, какъ въ опочивальню вошелъ взволнованный, даже напуганный съ виду, Захарьинъ и совершилъ уставный поклонъ, ожидая вопроса царя.

— Зачѣмъ спозаранку пожаловалъ? Говори скорѣе, дядя! — торопливо, заражаясь настроеніемъ вошедшаго, произнесъ царь.

— Бѣ-ѣды! Чистыя бѣды, осударь!.. Неймется, не терпится твоимъ крамольникамъ... Москву со всѣхъ четырехъ концовъ запалить хотятъ...

— Москву?.. Крымцы?.. Да нешто допустятъ ихъ? Руки коротки...

— Какое тамъ, крымцы?! Свои нехристи-бусурманы, царь-надежа... Почище всякихъ крымцевъ будутъ...

— Что еще за сказки ты сказываешь, бояринъ? Или,

какъ дядя мой, каркать пришелъ, на неустройство государское жаловаться? Куда-нибудь прочь заносишься? Такъ видѣли, что Воронцовымъ было за шашни? Знайте: никому не спущу... Никого не помилую, ни чужихъ, ни своихъ!

— Да што ты, осударь?! — невольно блѣднѣя, но не выдавая себя, зачастилъ москвичъ-Захарьинъ. — Рази можно намъ обиждаться на тебя, на свѣта нашего?.. А только говорю: горе близится... Бяда подымается... отъ близкихъ отъ твоихъ, отъ самыхъ отъ ближнихъ людей... Такихъ, что и сказать боязно...

— Вижу: куды гнешь! Глинскіе вамъ поперекъ пути стали! Эки не сыти горла́ у васъ, бояре. Анамнясь — онъ на вашъ родъ, теперь — вы на нихъ жалитесь да сваритесь другъ съ дружкой?.. Не хватаетъ вамъ чего? — не знаю! Все собрать, что въ сундуки, да въ мошну вашу отъ земли идетъ, такъ я столько у себя въ казнахъ и не видывалъ... И все вамъ мало!

— Твоя воля, осударь! Толкуй, што хошь... А только великое слово твое государево на Глинскихъ у меня...

— Да говори ужъ... Не тяни, что нищаго за суму, калику перехожаго... Что за слово такое великое?

— Попалить всю Москву хотятъ... Сказывалъ, вѣдь...

— Да пошто? На какую надобность? Али не ндравится имъ посадка московская? Новые строи завести хотятъ дядевья? На литовскую стать?

— Не то, осударь. На насъ, на родню царицыну зубъ у нихъ, что ласковъ ты къ намъ, осударь... Кормы даешь, города жалуешь... Мѣстами не обидѣлъ... И хотятъ молву пустить, народъ сомустить... Молъ, «какъ настали Захарьины въ царевомъ приближеніи — и пожары пошли, знаменье небесное»... Што неугодны мы, то-ись, Захарьины, въ приближеніи царскомъ.

— Хитро, да не очень. Кто-жъ имъ повѣруетъ? А и вступится чернь, — нешто я послушаю кого?..

— Міръ — великъ человѣкъ, осударь! Міра — и дѣды твои слушали, постарѣй тебя были... И ты послушаешь. А намъ — крышка!..

Нахмурился только Иванъ, ничего не отвѣтилъ на это.

— Да откуда вы вѣстей собрали, довѣдались? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Во царевомъ кабакѣ во твоемъ, осударь, смерда одного поимано... Пустошныя рѣчи пьяный баялъ, похвалялся во хмелю... «Я, гритъ, сичасъ, гритъ, одинъ всю Москву спалю... И пальчикомъ, гритъ, не тронутъ меня, добра-молодца, а ошшо зелена-вина поднесутъ»... Ну, обыщикъ тутъ одинъ былъ, какъ водится... По кабакахъ вездѣ они, ради воровского дѣла, разбойнаго посыланы... Обыщикъ изымалъ его, голубчика... Кабальнымъ объявился парень, Бѣльскихъ слуга, изъ домовой чади ихней... И все это дѣло открылъ... Вотъ, какъ повѣдалъ я тебѣ... Не я одинъ знаю... Въ сѣняхъ со мною пришли и бояре всѣ, что при обыскѣ были; какъ до нихъ вѣсть дошла... Ванька Челяднинъ тамъ... Твой прямой слуга.. Ежели Петькѣ Шуйскому, да Ѳедькѣ Скопину съ Иванцемъ Ѳедоровымъ съ бояриномъ да съ княземъ Темкинымъ не увѣруешь...

— А, вся Шуйская свора тамъ!..

— Зачѣмъ, Шуйская, осударь? Не изъ Шуйскихъ я... И духовникъ же твой, отецъ-протопопъ, Ѳедоръ — не изъ ихней семьи... Его спроси... Ему то вѣдомо... На духу одинъ вотъ, тоже изъ челядинцевъ литовскихъ, покаялся... Такъ, ради дѣла осударева — онъ тебѣ разрѣшится, скажетъ...

Иванъ задумался. Дѣло выходило серьезнѣе, чѣмъ предположилъ онъ вначалѣ.

— А бояринъ твой, Ѳедька Нагой, такожды изымалъ другого похвальбовщика-поджигателя... Да на дѣлѣ ужъ на самомъ... Утромъ — въ кабакѣ похвалялся слуга сатаны, смердъ подлый, а ввечеру — и заполыхало въ томъ

концѣ... И при огнѣ — изымали подлаго: на дѣло рукъ своихъ любовался! Тута опознали и скрутили голубчика... Спроси, всѣ внизу дожидаются... Еще благо, вѣтру не было: не упустили огня, не то бы...

Царь все молчалъ.

— Такъ, помилуй, защити, надежа-царь! — вдругъ рухнувъ къ ногамъ Ивана, запросилъ Захарьинъ, видя колебанія юноши...

Вдругъ за дверью раздался голосъ обоихъ дядьевъ царскихъ, обоихъ Глинскихъ, творившихъ входную молитву.

— Аминь!.. встрепенувшись, отвѣчалъ Иванъ.

Глинскіе, Михаилъ да Юрій, вошли, тоже блѣдные, взволнованные не меньше Захарьина, только на этотъ разъ — искреннѣй, чѣмъ этотъ бояринъ.

— Кстати!.. О васъ и рѣчи!.. сказалъ царь, почему-то даже улыбнувшись чуть-чуть замѣтно.

— Знаемъ, знаемъ!.. Успѣли ужъ... Упредили... Затѣмъ и поспѣшали мы!.. заговорилъ Михаилъ. — Все ужъ намъ повѣдано... Поклепъ да хула какая на насъ, на твоихъ родичей ближнихъ, на слугъ некорыстныхъ, стародавнихъ, государь!.. Мало имъ, что тѣснить стала исконныхъ князей боярщина долгобородая, земщина сѣрая... Совсѣмъ карачуна намъ дать задумали!.. Слышь, государь! Кабальныхъ нашихъ, двоихъ-троихъ, которы на воровскомъ дѣлѣ пойманы, батогами биты, — такихъ людишекъ подлыхъ, послѣднихъ трое душъ — боярами закуплено... И показывать супротивъ насъ научено... А мы не при чемъ... Вѣрь, государь. Хоть образъ снять состѣны...

— И мы же всѣ на образъ побожимся! — возразилъ, не утерпѣвъ, Захарьинъ.

— Помолчи, жди, пока я слово скажу! — оборвалъ Иванъ, видя, что положеніе запутывается.

— Такъ, ты говоришь, дядя: кабальные твои же, каз-

ненные [1]), на тебя лжи плетутъ?.. И на тебя Юрій?.. Ладно... Мы велимъ путемъ, съ пристрастіемъ допытаться у холоповъ... Алеша! — обратился онъ къ Адашеву, стоявшему вдали: — дьяка Захарова на обыскъ наряди... Получше-бъ довѣдался!..

— Слушаю, осударь.

— И всѣхъ бы бояръ и князей, что̀, вонъ, баетъ Никитичъ, въ сѣняхъ дожидаются, — опросилъ бы дьякъ потолковѣе...

— Слушаю, осударь.

— Ну, вотъ... Пока — будетъ!.. Ступайте съ Богомъ, со Христомъ, потерпите, не грызитесь больно... Ужъ такъ-то мнѣ грызня ваша боярская прикро стоитъ, што и не глядѣлъ, не слушалъ бы!..

Захарьинъ отдалъ земной поклонъ царю-племяннику по женѣ и вышелъ, только у самой двери спину показавъ.

Глинскій Михаилъ заговорилъ снова.

— Царь-государь... Пути-дороги стали... Подозволь заутра намъ съ бабкой твоей во Ржевъ, какъ ужъ я тебѣ докладывался недавнушка... Какъ ты соизволить пожелалъ... Жду я великихъ бѣдъ... Такъ старушкѣ тамо поспокойнѣе будетъ...

Весь насторожился Иванъ и внимательно поглядѣлъ въ лицо дядѣ.

Что это значитъ? Самъ ли Глинскій что затѣялъ, взаправду? Москву спалить хочетъ, народъ поднять на царя, на Захарьиныхъ съ Шуйскими и заблаговременно укрывается въ болѣе безопасный уголокъ? Или, просто: страхъ въ старикѣ проснулся передъ заговоромъ другихъ бояръ, подстроившихъ все дѣло съ пожарами, съ похвальбой пьяницъ-воровъ кабальныхъ, бѣжавшихъ со двора Глинскихъ?..

---

[1]) Т. е. наказанные.

И то, и другое возможно. Всего навидался царь... Гдѣ же правда?

И чуть не выкрикнулъ, въ тоскѣ, блѣднѣя, Иванъ свой внутренній вопросъ:

— Гдѣ правда истинная?!.

Но удержался юноша. И только, передохнувъ, овладѣвъ внутреннимъ волненіемъ, сказалъ:

— Што-жъ: какъ поволили мы, такъ тому и быть. Слова свово назадъ не беремъ. Ты поѣзжай съ бабкой. А ты, обратился онъ къ другому дядѣ, Юрію: — оставайся. Будешь мнѣ надобенъ.

И, оставя, такимъ образомъ, второго брата въ видѣ какъ бы заложника за перваго, онъ отпустилъ ихъ обоихъ.

— Ну, Алеша, што ты скажешь? обратился Иванъ къ Адашеву, который успѣлъ отдать всѣ приказанія, вернулся и стоялъ на своемъ мѣстѣ, скромный и внимательный, какъ всегда.

— Что, осударь? Смѣю-ль я? Мое ли это маленькое, рабское дѣло: — бояръ твоихъ осударевыхъ да родичей судить? Тебѣ лучше знать... Твои они слуги и разумъ у тебя не нашъ, холопскій...

— Ну, ужъ, не размазывай... Говори напрямки, коли спрашиваютъ. Не пытаю я тебя! Знаю: не охочъ ты заскакивать, другихъ хулить, себя выставлять... Раскусилъ я давно тебя, оттого и приближаю, на черное твое рожденье не глядючи... Такъ, говори. Умъ—хорошо, два—лучше, баютъ... Говори, слышь... Не ужимайся... Безъ опаски все выкладывай, какъ на духу... Я приказываю...

— Да и того не надо, осударь... Передъ тобой, царемъ, безъ приказу, по закону Господню, какъ на духу долженъ я... воистинну... Помазанникъ вѣдь Божій ты, аки кесари древніе, византійскіе...

— Да, да!.. горделиво подтвердилъ Иванъ. — Нашъ родъ, волостелей московскихъ, православныхъ, — поди, самый древній изъ всѣхъ будетъ, кто на престолахъ хри-

стіанскихъ сидитъ... Да не о томъ теперь рѣчь... Дѣло то говори... Какъ по-твоему?..

— А по-моему, государь, по крайнему глупому разумѣнію: кому плохо, тотъ и неправъ!.. Какъ и въ притчѣ сказано: у нищаго послѣднее отымется и дастся богатому, для пріумноженія богатствъ его... А нищему, конечно, обидно... Онъ готовъ на всяки злобы, только-бъ свое вернуть... намекая на литовскую, слабѣющую партію, сказалъ Адашевъ.

— Правда, правда твоя... вслушиваясь, повторилъ Иванъ.

— А еще скажу! Какъ мыслишь, осударь: бываетъ ли дыму безъ огня?

— Не бываетъ, говорятъ.

— Вотъ и я мерекаю: и тамъ, и здѣсь дымкомъ припахиваетъ... Бояре сварятся... А посадскимъ твоимъ, московскимъ, осударевымъ, безъ крышъ быть, это ужъ какъ Богъ святъ...

— Ха-ха! усмѣхнулся Иванъ.—Это какъ дядевья мои Глинскіе, порой по-своему «балакали»: «паны де сварятся, у хлоповъ чубы трещатъ»?.. А! пущай ихъ. Лѣсу много, сызнова еще краше отстроятся... А на хорошій пожаръ и поглядѣть занятно. Страхъ люблю... Читалъ я про Нероніуса-цесаря... Онъ свою столицу, градъ Римъ, нарочито запалилъ, на пригоркѣ сидѣлъ, стихъ слагалъ, объ эллиновскомъ великомъ погорѣньи, о Трояновскомъ воспоминаючи... Вотъ, чай, красиво было... Недаромъ нашу Москву бѣлокаменную четвертымъ Римомъ, Іерусалимомъ вторымъ прославили!.. Пусть дерево повыгоритъ. Люди посадскіе за умъ возьмутся, тоже камнемъ почнутъ строиться... Тогда ужъ совсѣмъ всесвѣтный нашъ градъ престольный станетъ... А за Кремль я не печалуюсь... Тута бояре своихъ хоромъ палить не станутъ, пожалѣютъ... На моемъ дворѣ царскомъ, почитай, и древа мало... Храмы всѣ, почитай, каменные. Пущай посады палятъ, другъ дружку грызутъ...

Я, вона, въ дѣяніяхъ дѣдовскихъ читалъ... Да и ты же знаешь: нарочито порою дѣды мои бояръ, да князей стравливали... Пусть грызутся, яко скорпіи! Ха-ха-ха!..

И весело засмѣялся Иванъ.

Молчитъ-стоитъ, потупился Алексѣй. Не разберешь: что на душѣ у него творится?

— Что же молчишь, Алеша? Аль не такъ—по твоему?

— Такъ-то оно, такъ... И мнѣ бояре не братья. Чужой я имъ. А ты мнѣ, помимо, что царь-владыка, какъ отецъ родной, благодѣтель... И сказать не знаю, какъ ужъ!.. Авось, когда на дѣлахъ окажу, какъ чту я тебя... Только, вотъ, самъ ты молвить изволилъ... земщинѣ плохо придется... Дѣткамъ твоимъ, простому люду тяглому, посадскимъ да торговымъ гостямъ. Неустройство пойдетъ. У черни бока затрещатъ. А чернь—люди темные. Не бояръ, тебя винить станутъ: царь-де насъ позабылъ, и Богъ насъ не жалуетъ... Знаешь, какъ дѣло пойдетъ?. Вонъ, прошлой осени и то недородъ великій по царству былъ... Люди покрехтываютъ... Кормы дороги... Скотъ за зиму по селамъ дохъ съ безкормицы... И кругъ Москвы, и далѣ... Нова бѣда тутъ еще вешняя... Вода, вонъ, теперя высока стоитъ... Потопитъ, гляди, побережье все... И Московское и иное, дальнее. Все заботы тебѣ, осударь... А тутъ бояре иную смуту: огонь, наговоръ пустятъ... Хорошо ли?.. Самъ знаешь, осударь!

— Земщины опасаешься? Земщины намъ, государямъ бояться нечего. Знаетъ она, что первые мы ея заступники... Искони бѣ... и до моихъ часовъ... Самъ видѣлъ: къ землѣ я, не отъ земли отбиваюсь!.. Только, мой часъ еще не пришелъ. Не все я пью да веселюся; бываетъ порою и твоихъ росказней про дѣла свѣтлыя царскія часто слушаю. Думаешь: невдомёкъ мнѣ, куда ты гнешь? Кабы сердце мое не лежало къ словамъ твоимъ краснымъ,— вонъ бы тебя давно погналъ. Хоть и мягко стелешь, да жестко лежать приходится непутевымъ повадкамъ и

помысламъ моимъ... Совѣсть есть во мнѣ. Такъ ты потерпи... Не сразу, Алеша. Человѣкъ я... юный... То, парень, вспомни еще: — ты не князь, не бояринъ... И много васъ стало такихъ при очахъ нашихъ, которыхъ отъ сохи беру, людьми дѣлаю... Какъ думаешь: зря это? Царство тоже не само собою правится. Руки, головы надобны, помочники какіе ни есть. И безъ бояръ намъ не обойтись покудова... Слышишь: покудова... Такъ молчи, знай помалкивай!..

И отпустилъ Иванъ молодого наперсника, пораженнаго такими рѣчами юноши, котораго всѣ считали вздорнымъ, распущеннымъ блазнемъ-баловнемъ.

Когда услыхалъ Сильвестръ отъ Адашева о рѣчахъ такихъ царскихъ, призадумался и сказалъ только:

— Одначе! Труднѣе намъ будетъ управиться съ отрокомъ, чѣмъ мы и думали...

И снова кинулся за совѣтомъ къ Макарію.

Числа 2-го апрѣля было, что бояре передъ царемъ перекорилися, а 12-го ужъ и пожары сильные въ Бѣломъ городѣ загорѣлись-вспыхнули. Чуть не весь «порядокъ», тысяча домовъ, по старинному счету, въ одномъ мѣстѣ въ Занеглименьи какъ выкосило; по старой пословицѣ: злые воры обшарятъ однѣ стѣны оставятъ; огонь все заберетъ. 20-го новое попущеніе Божіе... Опять пожаръ лютый...

А въ народѣ пошелъ говоръ:

— Господь за грѣхи караетъ... И самъ царь молодой Богу неугодно живетъ... Скоморохи да бражники, не синклиты и стратиги — гости царю первые...

Дальше, какъ предвидѣлъ Адашевъ, разливъ сильный рѣчной, послѣ многоснѣжной зимы, всѣ низины затопилъ: Царицынъ лугъ за Москвой-рѣкой, и по сю сторону, по Варваркѣ по самой, до Печерскаго угла, гдѣ монастыри стоятъ и торговыя мѣста... Словно островъ, дѣтинецъ высокій, Кремль бѣлокаменный всплылъ. Не мало людей и скота потопило... Трупы, гниль легла поверхъ земли...

И въ посадахъ тоже, и въ селахъ ближнихъ. Убирать некому! Вода спала, жары пошли, хворь моровая началась.

Иванъ отъ повѣтрія, по совѣту дохтуровъ-лѣкарей своихъ, въ пригородный дворецъ, верстахъ въ пяти отъ Москвы, что въ селѣ Островскомъ, переселился. Тамъ весело зажилъ. Не слыхать здѣсь ни мору, ни голоду. Веселье, пиры хмельные, хороводы разудалые. А кругомъ цѣпью стража стоитъ. Хворыхъ людей ни пройти, ни проѣхать не пускаютъ.

Глинскій Юрій тутъ же. Отъ отрока не отстаетъ: на веселыхъ пирушкахъ — первый. Мастера пить литовскіе паны!

А опалы, да кары строгія не унимаются. Совсѣмъ царь съ пути сбитъ. Кто въ разгульную минуту сумѣетъ шепнуть слово злое про недруга своего Ивану, тотъ и добьется цѣли, такъ дѣло и выйдетъ! Нынче — однихъ караетъ царь... Завтра — недруговъ этой партіи гнѣвомъ опалитъ. А черезъ нѣсколько дней одумается, всѣхъ помилуетъ...

Тутъ-то, въ селѣ Островскомъ, въ началѣ іюня, 3-го числа, юнаго государя нашли посланцы псковскіе, земскіе жалобщики, человѣкъ всего 70. Не въ моготу стало Пскову отъ обиды боярской, отъ произволу намѣстничьяго. Посадилъ имъ Глинскій на шею дружка своего, князя Турунтая, роду Пронскихъ.

И прямой «турунтай». Кричитъ-гремитъ, казнями стращаетъ безвинно. Тогда и смирится, когда сцапаетъ, ухватитъ что-нибудь. Что увидитъ, домой волочетъ.

Давно ли вздохнуть торопились свободно псковичи, когда по ихнему прошенію убрала княгиня Елена изъ Пскова дьяка Колтыря Ракова. Дьякъ тотъ новые тяготы и налоги на людей налагалъ и не столько на Москву, въ казну государеву ихъ посылалъ, сколько въ мошну свою складывалъ... А тутъ — Шуйскаго ставленники явились, разоряли ихъ. На смѣну послѣднимъ — Турунтай явился.

И псковскіе люди лучшіе пошли правды искать, царю жалобиться.

Допустили ихъ на очи царскія. Въ саду, подъ сѣнью, царь сидѣлъ-пировалъ... Стали они челомъ бить до земли, всѣ семьдесятъ человѣкъ, какъ одинъ.

Выступилъ по знаку цареву самый почтенный изъ нихъ: Высокій, мощный старикъ, вотчинникъ первый во Псковѣ и торговый человѣкъ богатый.

— Смилуйся, царь! говоритъ. — Конецъ намъ приходитъ!.. Свирѣпъ намѣстникъ нашъ господинъ... Аки левъ рыкающій, искій, да пожретъ!.. А люди его, яко звѣри хищные до насъ, до хрестьянъ православныхъ, до рабовъ твоихъ вѣрныхъ, осударь! Помилуй!.. Поклепцы на добрыхъ людей клеплютъ, правежъ правятъ!.. Разбѣжались почитай всѣ псковскіе добрые люди по инымъ городамъ... Честные игумны изъ монастырей своихъ и тѣ въ Новгородъ побѣжали. Легше имъ тамо живется!.. Подумай, осударь!.. Князь Ондрей Шуйскій великій злодѣй былъ, а Турунтай и того пуще... Злы дѣла его и на волостяхъ, и на пригородахъ! Дѣла-тяжбы подымаетъ старыя, забытыя... Пошлины тянетъ неправедныя... На людехъ по сту рублей и болѣ!.. Помысли, осударь!.. Во Псковѣ майстровые люди все дѣлать ему задарма дѣлаютъ. Нудитъ на то намѣстникъ-господинъ. А съ богатыхъ, значныхъ людей, силомъ же поминки беретъ великіе... И хоботьемъ, и серебромъ, и куньями... Грамота твоя государева вольная, что Пскову дадена, какъ зерцало граду была... Да недолго. Бояре выборныхъ нашихъ не слушаютъ, по ямамъ морятъ, чуть слово пикнешь... Жалились мы тебѣ — все зря... Не попусти, осударь!.. Вотчинниковъ въ раззоръ разоряетъ... Чему рупь цѣна, въ грошъ цѣнитъ, землю задарма отымаетъ себѣ и похлѣбникамъ своимъ!.. Крестьянъ ямской гоньбой заморилъ. Кажный смердъ послѣдній, коли онъ съ намѣстничьяго двора, въ избу любую идетъ, пьетъ-ѣстъ, куражится, оретъ: «Ямскихъ подавай! По дѣлу

господаря-намѣстника ѣхать нужда приспѣла!..» Смилуйся, защити, осударь!.. Не наша земля псковская одна, весь край обнищалъ!.. Застой, надежда-царь, за рабовъ своихъ.

И со слезами, высказавъ свои обиды, повалились снова въ ноги жалобщики.

Угрюмъ, не веселъ сидѣлъ Иванъ. Послѣ обѣда, къ вечеру дѣло было, когда допустилъ онъ пословъ до себя! Въ компаніи поправлялся Иванъ.

Послѣ вчерашней ночи веселой и голова болитъ, и на душѣ что-то неладно, совѣсть скребетъ... Неподкупная она...

Вонъ, Адашевъ, ясный, свѣжій, спокойный, съ добрымъ лицомъ своимъ красивымъ, словно живой укоръ передъ глазами Ивана стоитъ.

Даже злоба взяла царя... На комъ-нибудь надо ее сорвать, выместить.

А тутъ еще раньше постарался Юрій Глинскій, нашепталъ племяннику, что̀ князю надо было... Про измѣну псковскую, про дѣла ихъ старыя, нехорошія, противъ Москвы.

— И теперь, шепнулъ Глинскій: — не спроста послы эти посланы... Съ Новгородомъ Псковъ стакнулся... Идутъ тамъ крамолы великія. Отъ Москвы отпасть хотятъ! Къ Литвѣ перекинуться!..

Повѣрилъ Иванъ, тѣмъ болѣе, что жалобщики неосторожно сами царю про ненавистный Новгородъ, про вольницу его напомнили. А тутъ еще и Коломна въ памяти жива.

Не въ добрый часъ попали послы!.. Плохо молились, видно, святымъ угодникамъ, когда въ путь снаряжались.

Съ недоброй улыбкой заговорилъ Иванъ.

Зналъ Адашевъ улыбку эту и даже сердце у него упало, когда мелькнула она на губахъ царя, какъ зловѣщая молнія, предвѣстница большой грозы.

— Плохо вамъ, баете? Гм...

— Ужъ такъ плохо — и-и! Бяды! Словъ нѣтути!..

— А игумны, отцы святые, въ Новгородъ сбѣжали? Лучше, значитъ, тамо?

— Много легше, осударь милосливый!.. Новгородцы не простаки, какъ мы. Въ обиду себя и намѣстнику самому не дадутъ, не то что... Шуйскіе одни, бояре, чего у нихъ стоятъ!.. Завсегда они Нову-городу первые заступники... Вотъ и...

— Знаю, помню... кулаки сжимая, стискивая крѣпко зубы, бормочетъ Иванъ. — Такъ, вамъ завидно?

— Не то, што завидки берутъ, а маята отъ намѣстника, волокита великая, раззоръ крайній!.. Смертушка пришла... Вонъ, и духовенство, отцы наши монахи и священники... И сусѣди-новогородцы порадили: «Чего, молъ, дома сидѣть, терпѣть? Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Дите не плачетъ, мать не разумѣетъ... Ступайте, добейте царю челомъ, пожалобитесь. Послушаетъ васъ царь...»

— Какъ же... Какъ не послушать!? Коли правду вы баете?.. Только правду ли?..

— Хошь побожиться!.. Вотъ, вели на образъ святой!..

И закрестились благоговѣйно всѣ жалобщики широкимъ, истовымъ двуперстнымъ крестомъ.

— Гм... Дѣло, дѣло... Значитъ, какъ передъ Господомъ?.. какимъ-то не своимъ голосомъ допрашивалъ Иванъ, изъ себя теперь вышедшій, такъ какъ сами псковичи выдали свои сношенія съ новгородцами.

И сознавалъ въ душѣ Иванъ, что не владѣетъ собой, что какое-нибудь дурное, неправильное рѣшеніе приметъ, да на горе, ужъ и сдержаться самъ не можетъ...

— Какъ передъ Господомъ?.. Хоть на судъ Божій? спрашиваетъ. И только старается не встрѣтиться взоромъ съ глазами Адашева.

Замѣтилъ недавно Иванъ, что взоры любимца на него какъ-то странно вліяютъ, словно онъ воли своей лишается

и то дѣлаетъ, что даже не совѣтуетъ, а только въ душѣ чего желаетъ, о чемъ подумаетъ Алексѣй... Словно чаруютъ царя эти взоры Адашева.

И, вотъ, упрямо потупивъ свои глаза, продолжаетъ допытываться Иванъ правды отъ псковичей.

А простоватые псковичи и рады, что разговорчивъ, милостивъ царь. Авось — добро будетъ...

— На судъ Божій?.. Хошь на пытку готовы, осударь.

— То-то-жъ!.. Вѣдь, одна сторона, ваша здѣся... Истцы вы только... Нѣтути отвѣтчика... И застоять за него некому... Молчи, дядя!.. приказалъ онъ Юрію Глинскому, видя, что тотъ готовъ заговорить. — Молчи, когда тебя не спрашиваютъ... Не къ тебѣ, ко мнѣ пришли... Смерды, рабы мои... Моя и воля... Ну, люди добрые, заступники мірскіе, изготовляйтесь на судъ Божій... Огнемъ судить васъ буду, по старому, по Судебнику, по обычаю дѣдовскому. Вытерпите — ваша взяла. Смѣщу намѣстника, другого, поласковѣй, дамъ, чтобы и вамъ, и сусѣдямъ вашимъ, новгородцамъ, моимъ смердамъ покорнымъ, угождалъ... Чтобы земля о правдѣ не печаловалась... Эй, вы! Кто тамъ... Раздѣть ихъ... На землю клади... Попытаемъ старичковъ!..

Мигомъ были раздѣты до-нага несчастные... на землю повалены... И началась безобразная, дикая потѣха... Отуманенный злобой и виномъ, Иванъ и самъ принялся, и приспѣшникамъ велѣлъ горячимъ виномъ обливать псковичей, и бороды палилъ имъ свѣчой... Волосы вспыхивали, трещали... Въ воздухѣ, кромѣ винныхъ паровъ, запахло словно паленой шерстью... Горѣлымъ мясомъ...

А Иванъ все переспрашиваетъ:

— Такъ, на своемъ стоите: правда ваша? Слова ваши истинныя? Не поклепы все одни, а вѣрная жалоба?

— Истинно, осударь!.. отвѣчали псковичи, терпѣливо снося испытаніе. — Все правда чистая... И пусть по правдѣ нашей Господь насъ помилуетъ...

Готовъ ужъ былъ прекратить пытку Иванъ. Да искоса на Адашева глянулъ, такъ, мелькомъ...

Стоитъ тотъ блѣдный, слезы застыли на очахъ, только что по щекамъ не катятся. Совсѣмъ скорбный ангелъ, о грѣшной душѣ тоскующій...

И новый приливъ тоски, смѣшанный съ какой-то безсознательной яростью объялъ душу больного отрока. Съ новой силой злоба вспыхнула, словно желая всякое раскаяніе въ душѣ подавить...

Жжетъ псковичей Иванъ и допрашиваетъ:

— Правду-ли говорили?.. Обидѣли васъ?

— Правду, осударь! неизмѣнно твердятъ посланцы.

И все больше и больше распаляется сердце Ивана... Часа два ужъ длится испытаніе... Еще немного и погибнутъ несчастные... Пѣна на устахъ у Ивана... Въ глазахъ— огоньки. Вѣрно, припадокъ близко. Мало ли что въ болѣзни прикажетъ царь?!.

Вдругъ всадникъ прискакалъ... Въ мылѣ конь... Самъ едва на сѣдлѣ держится...

Такъ и свалился на земь къ ногамъ царя, дышетъ тяжело...

— Што такое? Мятежъ, што ли, на Москвѣ?.. Отъ кого ты?..

— Отъ отца-митрополита... На Москву, царь, торопись. Въ сей же часъ сряжайся... Отецъ-митрополитъ неотложно наказывалъ...

— Да што такое... Выкладывай, смердъ, живѣе, не то ножомъ прыти прибавлю...

— Охъ, осударь! Чудо большое... Чудо недоброе... Вотъ, часу нѣтъ, со звонницы съ великой съ Ивановской...

— Ну, ну!.. торопитъ едва дышащаго гонца царь.

— Колоколъ главный... Благовѣстникъ отпалъ... Быть великимъ бѣдамъ, святый отче-митрополитъ сказывалъ. На Москву поспѣшай...

Какъ одинъ человѣкъ, всѣ здѣсь бывшіе ахнули... Какъ одинъ человѣкъ, креститься стали, покаянные псалмы шептать...

И царь со всѣми...

Опомнился спустя мгновенье...

— Коня подавайте! — кричитъ.

Подали коня ему и всѣмъ приближеннымъ... Поскакали всѣ съ мѣста на Москву, не глядя, что ночь надвигается...

Подняла оставшаяся челядь брошенныхъ на земь, измученныхъ псковичей...

Отлежались гдѣ-то въ избѣ несчастные, чудомъ спасенные, и молча ко дворамъ во-свояси побрели...

Не знали они, что за Адашева надо было имъ Бога молить.

Чуть замѣтилъ тотъ болѣзненное ожесточеніе Ивана, успѣлъ слова два написать, вѣрнаго человѣка въ Москву погнать, къ Макарію прямо, чтобы безъ души скакалъ.

И кстати упавшій колоколъ не только псковичей спасъ, но также избавилъ имя Ивана отъ большого покора, отъ гибели беззащитныхъ, безвинныхъ слугъ его вѣрныхъ. Не дремали охранители земли русской. И зло на добро старались повернуть.

Какъ никакъ, а зловѣщія примѣты даромъ не прошли! Грянулъ громъ, черезъ восемнадцать дней ровно послѣ паденія «благовѣстника».

Не послушалъ Иванъ ни митрополита, ни близкихъ своихъ — не укротилъ нрава... Во дворцѣ Кремлевскомъ, ту же жизнь повелъ, что и раньше, въ селѣ Островскомъ.

И тѣ, кто зналъ, что готовится несчастіе, что его отстранить еще можно, тѣ всѣ молчали о козняхъ бояръ.

— Можетъ страхомъ отрока доймемъ, если не словомъ! Не нашъ грѣхъ, такъ наша корысть будетъ. Боярское злодѣйство используемъ!

Такъ рѣшили на общемъ совѣтѣ Сильвестръ съ Макаріемъ и съ Адашевымъ, причемъ протопопъ неизмѣнно

„Успѣлъ, все-таки, Иванъ спѣшно сѣсть на суда съ женою молодою, съ братомъ слабоумнымъ Георгіемъ“.

былъ оставленъ въ пріятномъ убѣжденіи, что все отъ него исходитъ.

На первый день, бурный и вѣтренный, было назначено у бояръ поджогъ произвесть, чтобы шире пламя разнесло.

Такой день именно выпалъ во вторникъ, 22 іюня 1547 года. Съ полуночи еще вѣтеръ такой забушевалъ, что крыши срывались съ домовъ... Людей опрокидывало, лошадей сбивало съ ногъ...

И при этой-то бурѣ, на разсвѣтѣ на самомъ загорѣлась, вспыхнула какъ свѣча, церковь деревянная, ветхій храмъ во имя Воздвиженья Честнаго Креста, что на Арбатѣ. Восточный вѣтеръ отъ Кремля доносился сюда. Раздулъ онъ пламя въ одно мгновенье! Огненная рѣка потекла, яркая, широкая, испепеляя жилища, храмы, сады, людей, вплоть до Семчинскаго сельца, гдѣ огненный потокъ съ потокомъ Москвы-рѣки встрѣтился и здѣсь былъ вынужденъ остановиться.

На разсвѣтѣ загорѣлось, а часа черезъ два — весь огромный этотъ клинъ городской представлялъ изъ себя одинъ сплошной костеръ, одно страшное пожарище. Къ обѣднямъ — сталъ стихать огонь, за недостаткомъ пищи.

Встревоженный въ Кремлѣ, царь со всѣми боярами ужъ и барки велѣлъ снарядить, чтобы по Москвѣ-рѣкѣ, выйдя чрезъ ворота Тайницкія тамошнія, поплыть въ безопасное мѣсто куда нибудь. Но остановился царскій выѣздъ, когда стихъ огонь на западной сторонѣ города.

Со стѣнъ кремлевскихъ хорошо видно было, какъ кой-гдѣ дома и церкви догораютъ, какъ островками, уцѣлѣвшіе чудомъ, сады зеленѣютъ, или пустыри, травою одѣтые... Грустное зрѣлище.

Сжалось сердце у Ивана. Въ сотый разъ онъ въ душѣ обѣтъ себѣ далъ: исправиться, не давать волю бѣсу злобы и ярости, который въ груди у него сидитъ.

Но рокъ, видно, зналъ, какъ непрочны такія обѣщанія

у отрока, и присудилъ ему болѣе тяжкое испытаніе. Ураганъ нежданно-негаданно съ запада на востокъ повернулъ. Новые участки загорѣлись... Новая огненная рѣка потекла навстрѣчу догорающему первому пожарищу. И хлынуло пламя на гордый, высокій, недоступный для людей, но не для Бога, Кремль.

Съ быстротою урагана катилась огненная рѣка.

Успѣлъ, все-таки, Иванъ спѣшно сѣсть на суда съ женою молодой и съ братомъ слабоумнымъ, Георгіемъ, котораго недавно только женилъ на княжнѣ Іуліаніи Хованской... Сѣли и бояре всѣ, дума ближняя, воеводы, какіе на Москвѣ были... Поплыли къ Воробьевымъ горамъ, въ Лѣтній потѣшный дворецъ царскій. Обширенъ онъ, всѣмъ мѣста хватитъ!

А тутъ, едва отвалили суда, верхъ вспыхнулъ на Успенскомъ соборѣ... Черезъ Неглинку пламя на крыши царскаго двора перекинуло... Казенный дворъ запылалъ, Благовѣщенскій соборъ загорѣлся. Сгорѣла до тла палата Оружейная съ оружіемъ древнимъ дорогимъ, постельная палата съ малой казной, дворъ митрополичій. По каменнымъ церквамъ — сгорѣли иконостасы деревянные и всѣ пожитки прихожанъ, все людское добро, которое по старому обычаю прятали въ каменныхъ, надежныхъ отъ огня, храмахъ обитатели деревянныхъ теремовъ и палатъ. Сгорѣли: Чудовъ и Вознесенскій монастыри, древнія обители въ Кремлѣ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ десять старицъ-монахинь сгорѣло. Въ церковь вошли — не хотятъ выходить. А церковь до тла спалило. Одинъ образъ чудотворный успѣлъ отецъ-протопопъ спасти! Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ, правда, весь древній иконостасъ и сосуды дорогіе, церковные, но укрывшійся тамъ Макарій едва не задохся отъ дыму и пламени, проникавшаго въ стѣны храма. И вышелъ митрополитъ, какъ щитъ, какъ оборону, держа благоговѣйно въ рукахъ чудотворный образъ Владимірской Божіей Матери, писанный еще митрополитомъ

Петромъ. Отецъ-протопопъ успенскій шелъ за святителемъ, неся церковныя правила.

Укрылись они на городской стѣнѣ, въ тайникѣ, гдѣ во время нашествія враговъ — сокровища всѣ церковныя хранились.

Но и сюда дымъ набился. Сталъ терять сознаніе Макарій. Въ Кремль, гдѣ пламя бушуетъ, — выходу нѣтъ... И стали по веревкѣ — со стѣны, прямо къ рѣкѣ Москвѣ старца спускать... Да оборвался канатъ — перетерся, должно быть, на остромъ каменномъ выступѣ. И съ большой высоты упалъ владыка. Сильно расшибся. Еле люди, внизу стоявшіе, его въ чувство привели. Отвезли старика въ Новоспасскій монастырь, подальше отъ напасти.

А напасть великая пришла!

Въ Китай-городѣ — всѣ лавки съ товарами, богатые торговые ряды погорѣли... Всѣ дворы смело, начиная съ затѣйливыхъ палатъ бояръ Романовыхъ. За Китай-городомъ, большой посадъ по Неглинной, Занеглименье выпалило, съ землей сравняло, и Рождественку теперешнюю до Николы въ Драчахъ, до монастыря, снесло... По Мясницкой, гдѣ скотъ били, мясомъ торговали, — вплоть до пригона конскаго, до св. Флора горѣло. Пылала Покровка до церкви св. Василія...

На двадцать верстъ кругомъ гудѣло и колыхалось страшное море огня, а въ этомъ морѣ, въ пламенныхъ, губительныхъ волнахъ его — метались застигнутые врасплохъ люди, носились, выли, какъ безумные... Всего 2.000 человѣкъ. Да такъ и сгорѣли до тла...

Ураганъ ревѣлъ... Пламя разливалось, шипѣло, свистало, пожирая все на своемъ пути, и въ общемъ грозномъ хаосѣ не было слышно безумныхъ, дикихъ воплей и криковъ этихъ несчастныхъ, заживо сгорѣвшихъ за чужіе грѣхи, за злобу чужую...

Печальная ночь настала за этимъ страшнымъ днемъ, напоминающимъ день послѣдняго Суда Божьяго. Тяжко

было бѣдному люду... Не легче—и царю Ивану въ опочивальнѣ его.

Послѣ сильнѣйшаго припадка обычной болѣзни, при чемъ особенно сильно трепетало и билось могучее, юное тѣло царя,—онъ заснулъ на часокъ, но скоро проснулся.

Зарево пожара доносилось и сюда, за много верстъ, и чудилось потрясенному Ивану, что онъ слышитъ трескъ горящаго дерева, слышитъ безумный вой и хохотъ заживосгорающихъ бѣдняковъ, тутъ же сходящихъ съ ума... Вѣдь, пока ѣхали суда по рѣкѣ—что-то страшное раскидывалось передъ воспаленными, полубезумными, застывшими глазами Ивана, изъ которыхъ ѣдкій дымъ, застилающій все вокругъ, вызывалъ невольныя слезы...

И теперь грозная картина такъ и рѣяла передъ умственнымъ взоромъ царя...

— Страшно... Страшно, Алексѣй! вдругъ зашепталъ онъ неразлучному своему спутнику, Адашеву, спавшему тутъ же.

— Да, осударь. Это не то, что пожаръ града Рима! грустно, съ невольной, хотя и мягкой укоризной промолвилъ тотъ.

— Молчи! каюсь! Мой грѣхъ!.. Молчи ужъ лучше...

И, не сомкнувъ глазъ до утра, то рыдая и трепеща, то въ молитвѣ припадая передъ божницей, проводилъ эту грустную ночь царь Иванъ.

На утро, когда пришли вѣсти о паденіи митрополита со стѣны и о чудесномъ спасеніи его, сейчасъ же собрался Иванъ съ Адашевымъ къ Макарію, въ Новоспасскій монастырь. Бояре всѣ—слѣдомъ за царемъ, желая повидать святителя, испросить благословенія, совѣта его.

Полурасшибленный, тѣломъ страдающій, пастырь духомъ оказался несокрушимъ. Онъ же ободрялъ и утѣшалъ ихъ всѣхъ, здоровыхъ, нетронутыхъ, но растерянныхъ и подавленныхъ душою.

Только и такое испытаніе всенародное не смирило распри боярской.

Стали они опять разбирать: кто тутъ виновенъ, кто правъ?

И снова всплыли прежнія обвиненія, 15—20 дней тому назадъ высказанныя противъ Глинскихъ. Вслухъ и Шуйскій Скопинъ, и Григорій Захарьинъ со всѣми другими, и самъ духовникъ Ивана, Ѳедоръ Барминъ, заявили:

— Отъ Глинскихъ пожога пошла! Не мы одни,—вся Москва то же толкуетъ! Осударь, вели обыскъ навести!..

Глинскій Юрій сидитъ ужъ, молчитъ, блѣдный, запуганный...

— Да что еще баютъ! возвысилъ голосъ Петръ Шуйскій: — что дядевья твои, государь, вмѣстѣ съ бабкой-старухой и съ лѣкаремъ-жидовиномъ, съ людьми ближними волхвовали! Вынимали они у кажненныхъ людей сердца человѣческія, въ воду клали, да той водою, ѣздя по Москвѣ,—кропили... Отъ того Москва и выгорѣла. Безумная рѣчь, што и говорить. А надо сыскать поклепщиковъ! Пусть свою правду докажутъ. Не то, гляди: народъ больно плохъ, ненадеженъ сталъ съ перепугу да съ разоренія пожарнаго. Колодники изъ тюремъ повыпущены... Злодѣи—воры, разбойники всякіе. Они и добрыхъ людей на мятежъ подобьютъ. Надо народу правду знать.

Слушаетъ суевѣрный, какъ и всѣ въ его время, Иванъ и холодный потъ выступаетъ на лбу крупными каплями.

Ужъ не правду ли толкуютъ бояре, хотя и враги они Глинскимъ?

Первая правда то, что провѣдали люди про работу лѣкаря бабкинаго, какъ онъ рѣжетъ трупы и на мертвыхъ преступникахъ—живыхъ людей лѣчить учится... А если не лѣчить, а губить? Кто знаетъ? Хоть и не жидовинъ дохтуръ, —какъ облаяли Згорджетти, — все же схизматикъ, католицкой онъ вѣры...

Вторая правда: самъ Иванъ у него сердца въ банкахъ видалъ; въ спирту, не въ водѣ... А видалъ.

Толкуетъ лѣкарь: все для ученья ему.

Зачѣмъ для ученья сердце мертвое?..

Такъ, если двѣ правды враги Глинскихъ сказали, — можетъ, и въ третьемъ не лгутъ? Завидно дядьямъ, что власть поотнялась у нихъ, вотъ и жгутъ Москву?..

И мучительно задумался Иванъ.

Молчитъ и Макарій. Понимаетъ, что хотя бы и созналъ вину Глинскихъ царь, на поруганіе ихъ не выдастъ... Да и не надо бы.

Но за Глинскихъ вступиться — плохой разсчетъ. Ихъ дѣло потеряно. И всѣхъ своихъ друзей, старыхъ и новыхъ, Шуйскихъ и Захарьиныхъ отъ себя онъ своей заступкой оттолкнетъ...

А на царя покамѣстъ плохая надежда. Вотъ, если удастся послѣдній ходъ, тогда...

И молчитъ Макарій, ждетъ, когда обратится къ нему за совѣтомъ царь.

— Отче-господине! какъ быть?! дрожащимъ голосомъ заговорилъ наконецъ отрокъ. Видишь муку мою... Какъ предъ Истиннымъ, открыто предъ тобой сердце... Сознаю все окаянство свое... Но винѣ дядьевъ не вѣрится. Какъ быть? Научи, отче-господине! Такой часъ приспѣлъ, что на тебя, да на Бога вся надежда моя!

— Тебѣ не вѣрится, и мнѣ-жъ не вѣрится, государь! слабымъ голосомъ, но внятно началъ Макарій.

Всѣ бояре только переглянулись съ угрюмымъ удивленіемъ и съ нескрываемой враждебностью перевели взоры на Макарія. Только одинъ царь съ блѣдной улыбкой, да Глинскій съ благодарностью глядитъ. А святитель продолжаетъ все такъ же спокойно и медленно:

— Коли мы оба не вѣримъ, значитъ, и нѣтъ того. Отчего-жъ и обыска не нарядить? Сыскать надо навѣтчиковъ. Они своего не докажутъ. Тутъ, народнѣ — и казнить ихъ. Толки и стихнутъ, все уляжется, успокоится.

Полная перемѣна въ лицахъ произошла.

Какъ мертвый сидитъ Глинскій, и онъ не ошибся. Это прозвучалъ ему смертный приговоръ.

Просіяли бояре, про себя Макарія нахваливаютъ:

— Что за умъ свѣтлый! Что за башка!.. Ловко!..

Бояре знаютъ, что знаютъ!.. Они и въ себѣ, и въ черни, ими же взбулгаченной, ими же подстроенной, твердо увѣрены... Крышка Глинскимъ.

На томъ и порѣшили: черезъ три дня, въ воскресный день праздничный, на площади Кремлевской на Ивановской, во всю ее кличъ кликнуть, обыскъ нарядить. Тамъ, на народѣ, окажется правда: кто Москву спалилъ?

Вернулся на Воробьевы горы царскій поѣздъ.

Съ Макаріемъ — Сильвестръ остался. Тихо все о чемъ-то бесѣдуютъ...

— Цѣло ли? спросилъ Макарій.

— Все цѣло! Только пождать еще надо... Не отгремѣла гроза... И Одашевъ тамъ приготовитъ, что слѣдуетъ.

— Не отгремѣла, правда твоя. Счастливъ конюшій бояринъ, Глинскій Михайло, что нѣтъ его... А Юрій — не жилецъ онъ на свѣтѣ...

— Самъ знаетъ, что не жилецъ... Радъ бы убѣжать, да некуда. Теперь, поди, бояре его — пуще, чѣмъ царя, сторожатъ: не уѣхалъ бы!

Покачалъ только головой въ грустномъ раздумьи Макарій...

Не ошиблись ни на іоту оба старца.

Настало воскресенье, 27 іюня.

На обширной кремлевской площади чернымъ-черно отъ народной толпы. Площадь эта, отъ стоящей здѣсь церкви Іоанна-Лѣствичника, или Ивана Святого, звалась Ивановской. Теперь это — церковь и колокольня Ивана Великаго, Годуновымъ впослѣдствіи пристроенная.

Во время Ивана 4-го — не было еще колокольни. Колокола большіе, въ огромной «звонницѣ» каменной, шатровидной, почти наружу висятъ, подвѣшаны скрѣпами толстыми къ балкамъ огромнымъ.

Всего четыре дня послѣ небывалаго такого пожара про-

шло, а ужъ жизнь въ свою колею вступила. Курятся еще остатки сгорѣвшихъ палатъ и храмовъ Божіихъ, вьется сизый дымокъ отъ пепла и головешекъ, что грудами всюду навалены... Воздухъ — ѣдкой гарью пропитанъ, дышать тяжело... Земля — остыть не успѣла раскаленная... А людской муравейникъ копошится, гудетъ, жужжитъ на всѣ голоса... И черные люди, и крестьяне тутъ окрестные, пріѣзжіе съ припасомъ, который такъ нуженъ въ погорѣломъ городѣ... И ратники и «дѣяки», дьяки, иначе, дѣльцы площадные, которые здѣсь именно кабалы строчатъ, кому надобно... Всѣ тутъ, до разбѣжавшихся колодниковъ включительно. Большинство оборванные, закоптѣлые, обожженные даже... И всѣ — обозленные, съ душой, напряженной всѣми минувшими ужасами... Напряжены всѣ до того, что и на геройство и на самое грозное дѣло, на лютое, на свирѣпое, эту толпу полуголодную, однимъ словомъ, однимъ восклицомъ подвинуть можно!

Гудитъ, зловѣще рокочетъ толпа.

Ждутъ всѣ: нынче бояре о пожогѣ московскомъ обыскъ чинить будутъ.

Появились и бояре, наконецъ, стали на мѣстѣ, на расчищенномъ, которое раньше метельщики обмели.

Юрій Глинскій тутъ же. Блѣдный, словно на казнь его вывели. Не хотѣлъ онъ ѣхать. Да заставили силой почти его.

— Какъ же, сказали ему:—о родѣ твоемъ обыскъ, а тебя не будетъ? Погляди самъ, чтобы все по чести шло!

Пришлось сѣсть на коня. Ѣдетъ, а у самого ни кровинки въ лицѣ!

За нимъ, какъ и за другими боярами, челядь его.

Всю какъ есть взялъ онъ съ собой.

Да что въ ней проку?

Тонетъ эта кучка вооруженныхъ людей въ ревущемъ морѣ народномъ, взволнованномъ, — которое, пожалуй,

не менѣе страшно и гибельно бываетъ порой, чѣмъ безпощадное море пламени.

И на людей-то Юрію поглядѣть страшно, и вокругъ смотрѣть тяжело. Сколько потерь? Сколько горя! Какой огонь былъ! Уцѣлѣла, вонъ, церковь Вознесенія, но камень у нея отъ жару — гдѣ глазурью покрытъ, гдѣ въ песокъ перегорѣлъ... Осѣла церковь, рухнетъ, того и гляди!

И этотъ видъ пожарища, и гулъ разъяренной толпы, страшно все какъ-то вліяетъ на душу Глинскаго. Онъ знаетъ, что его ждетъ. Тутъ-то бояре съ нимъ свои счеты и сведутъ... Чернь — за то отомститъ, что глухъ онъ былъ къ жалобамъ, если, обиженные челядью его, люди простые прибѣгали къ боярину, къ дядѣ царскому...

Насталъ день расплаты! Такъ, ужъ, скорѣе... Скорѣе бы конецъ! И онъ не медлитъ...

Бирючи ужъ кличъ кликали... Бояре обыскъ начали.

Всѣ рвутся впередъ... Еле-еле стражники напоръ сдерживаютъ, не даютъ толпѣ смять, раздавить всѣхъ бояръ. А бояре, въ ихъ богатыхъ, чистыхъ нарядахъ, недвижно спокойно стоятъ, словно островокъ, вокругъ котораго плещутъ, вздымаются и ревутъ волны прибоя всенароднаго!

— Кто Москву поджигалъ? спрашиваютъ у толпы.

— Глинскіе поджигали... Бабка царёва — вѣдунья, еретица... И съ сыночками... И съ челядью... — вотъ что упорно, все грознѣе и грознѣе ревутъ народныя волны.

— Смерть имъ! Подавай ихъ сюды!.. На расправу ихъ намъ, выродковъ литовскихъ!..

Такъ закричали коноводы, подкупни боярскіе...

Такъ заревѣла за ними толпа, трепеща всей своей напряженной озлобленной душой!

Инстинктъ самосохраненія внезапно проснулся въ Юріѣ Глинскомъ. Незамѣтно, подъ охраной своихъ, онъ укрылся въ рядомъ стоящемъ Успенскомъ соборѣ, который чудомъ какимъ-то уцѣлѣлъ и высится на опустошенной площади,

черный, закоптѣлый, и на просторѣ, сейчасъ, среди пожарища, кажется куда громаднѣе прежняго.

Но толпѣ нужно чѣмъ-нибудь разрѣшить свое напряженіе: или подвигомъ, или кровью.

— Кровью! рѣшаютъ бояре. Даютъ приказъ кому-то.

— Въ церковь убѣжалъ Глинскій-злодѣй! кричитъ чей-то голосъ.

И въ соборъ за Юріемъ кидаются натравленные убійцы. Трупъ Глинскаго вытаскиваютъ изъ храма... Сотни рукъ мелькаютъ... Тысячи проклятій вылетаютъ изъ пересохшихъ губъ...

Черезъ мигъ — обезображенное, кровью залитое тѣло «поджигателя» выволокли изъ Кремля чрезъ Фроловскія ворота и кинули у Лобнаго мѣста, тамъ, гдѣ по приказу князей и бояръ до сихъ поръ только преступниковъ четвертовали и на показъ ставили.

Въ это же самое время другія толпы людей накинулись на челядь Глинскаго, на всѣхъ этихъ, чужихъ по языку и по лицу, людей литовскихъ, усастыхъ, бритобородыхъ!.. Всѣхъ постигла та же участь, что и боярина ихняго.

Подвернулись люди Сѣверской стороны, гдѣ тоже бороду брѣютъ, усы носятъ. Дѣти боярскія, къ роду Глинскихъ непричастны, тоже, за одно сходство съ литвинами, поплатились жизнью.

Разъ почуявъ запахъ крови, толпа озвѣрѣла окончательно. Да и бояре не такъ скоро рѣшили отступиться отъ своего.

— Ужъ пугать царя, — такъ во всю! говоритъ кто-то изъ бояръ.

И вотъ въ народѣ раздаются голоса:

— Братцы! Съ Юрашемъ покончили... А какъ же съ другимъ братцемъ? Съ конюшимъ? Съ Михаиломъ свѣтъ-Васильевичемъ?.. И со старушкой-вѣдьмой? Съ Анной-еретичкой?.. Ихъ тоже надобно! .

— Надо бы! Да гдѣ они? Чай, схоронились?..

— Не далеко искать. У царя, на Воробьевыхъ, слышь...

— Только? Недалече! Вали на Воробьевы...

И повалили эти звѣри-люди. Одни — сухимъ путемъ. Другіе — водой поѣхали.

Не успѣлъ прибѣжать къ Ивану вѣстникъ съ сообщеніемъ о трагической гибели дяди Юрія,— новые гонцы пришли:

— Государь! Народъ сюды кинулся. У тебя хотятъ бабку вынимать и боярина Михаила Васильича. Налгали имъ, что прячешь ты сродниковъ тута.

Задрожалъ Иванъ и отъ страха, и отъ ярости.

Положимъ: полонъ дворъ стрѣльцовъ. И каждую минуту еще подмога прибываетъ... Да какъ знать?..

Не успѣли воеводы: Воротынскій и Бѣльскій, все устроить для обороны, какъ подваливать сталъ народъ.

Правда, не очень много его. Жилья, деревень не мало по дорогѣ. Кто въ кабаки заглянулъ, кто одумался по пути... Иные пограбить польстились, благо въ такіе дни никому законъ не писанъ... Но докатились до Воробьевскаго дворца самыя буйныя, опасныя волны народныя, самыя безшабашныя головы, сплошь вольница городская да низовая, голь кабацкая-перекатная.

Увидали стѣну живую изъ ратнаго люда: стрѣльцовъ да копейщиковъ,—и встали. А сами все бурлятъ, орутъ:

— Вѣдунью старую подавайте! Мишку Глинскаго, боярина! Не покрывайте поджигателевъ!..

Доносятся эти крики и до Ивана, который только молится у себя въ покоѣ.

— Успокойся, государь! твердилъ ему Адашевъ. Все уладится. А на случай чего — ходы здѣсь есть до рѣки и подъ рѣкой потайные... Не возьмутъ тебя. Я все ужъ разузналъ. Покоенъ будь!..

И Иванъ немного успокоился.

Пришелъ Воротынскій съ Бѣльскимъ.

— Что скажешь дѣлать, государь? Сторожа поставлена. Пока народу немного сбѣжалось. А что, вотъ, ночь скажетъ? Что ихъ къ утру будетъ?—невѣдомо!

— Пытались вы уговорить злодѣевъ? Объявить, что нѣтъ здѣся ни бабки, ни дяди Михайлы?

— Пытались. Не вѣрятъ...

— Такъ, подите, скажите моимъ словомъ царскимъ... что нѣтъ ихъ... Что я судъ снаряжу...

— А если не послушаютъ?.. Не повѣрятъ? Не разойдутся?..

— Моему слову не повѣрятъ? вдругъ воспламеняясь, вскочилъ Иванъ.—Моего приказу царскаго не послушаютъ? Первыхъ тогда въ ряду хватайте, тутъ же казните!.. Поглядимъ, что скажутъ, окаянные!..

Воротынскій и Бѣльскій вышли.

— Слушайте, народъ православный! Въ послѣдній разъ говорю вамъ!.. Именемъ государевымъ... Вотъ и знакъ, гривна его государская... Нѣтъ здѣся ни бабки царевой, ни дяди царскаго Михаила. Во Ржевѣ они!.. А царь обѣщаетъ судъ нарядить и не покроетъ злодѣевъ вашихъ, хошь бы и родню свою. Таково его было слово царское, великое!

Загудѣла толпа, притихшая было во время рѣчи воеводы. Но гулъ ужъ не такой зловѣщій, какъ раньше.

Не можетъ не вѣрить народъ царю своему...

Расходиться стали тѣ, кто разумъ въ головѣ и совѣсть въ душѣ еще хранилъ. А кучка озвѣрѣлыхъ, охмеленныхъ виномъ и кровью, колодниковъ и другой черни безтолковой—не унимается.

— Ишь ты: во Ржевѣ?! Не по яблочки-ль поѣхали?.. Тутъ они... Подавай поджигателевъ!

Такъ и закричали всѣ, кто оставался.

Но крика этого ужъ имъ повторить не пришлось.

По знаку воеводы, кинулись стрѣльцы, перехватали буяновъ. Кого оглушили, кого тутъ же прикончили, если

сопротивляться хотѣлъ. А остальнымъ — черезъ часъ какой-нибудь, здѣсь же, передъ дворцомъ, головы сняли...

И въ ужасѣ прочь бросились бѣжать, оставшіяся изъ любопытства и стоящія поодоль, кучки народа.

Глухая, «воробьиная», какъ говорится въ народѣ, ночь настала.

Сухой ураганъ, бушевавшій дня три, смѣнился было затишьемъ. А теперь — полилъ дождь, гроза разразилась, заливая потоками влаги дымящееся московское пожарище.

Дрогли безпріютные бѣдняки, которымъ не хватило мѣстъ по уцѣлѣвшимъ церквамъ, монастырямъ и жилищамъ. Хозяева послѣднихъ принимали столько гостей, сколько стѣны вмѣстить могли.

Рыдаетъ, дрожитъ, словно въ ознобѣ лихорадочномъ, на ложѣ своемъ Иванъ, въ полутемной опочивальнѣ Воробьевскаго дворца.

Обширная горница выходитъ окнами въ большой тѣнистый садъ, сбѣгающій по откосу до самой Москвы-рѣки. Открыты окна, чтобы хоть немного освѣжить душный воздухъ нежилого покоя. Вѣтви столѣтнихъ деревъ изъ черной ночной темноты заглядываютъ въ окно тихаго, слабо освѣщеннаго покоя, словно узнать хотятъ: какая душа томится и страждетъ здѣсь. Вдаль уходящая гроза даетъ о себѣ знать порою синей вспышкой молніи, слабымъ рокотомъ отдаленнаго грома. И тогда тяжелыя капли дождя, дробно такъ тарахтящаго по листамъ, — чаще и звучнѣе бьютъ по зеленымъ куполамъ старыхъ деревъ-великановъ, по скатамъ дворцовыхъ крышъ, по влажной землѣ.

Кромѣ двухъ оконъ, выходящихъ въ темный садъ, — двѣ двери ведутъ въ опочивальню. Вѣрнѣе: одна ведетъ сюда. А другая, съ небольшой лѣсенкой, наглухо запертая, ведетъ изъ опочивальни въ необитаемую совсѣмъ половину дворца.

Та половина стоитъ выше по горѣ, чѣмъ эта. Вотъ почему и дверь не въ уровень съ поломъ прорѣзана. Вдоль четвертой, глухой на видъ, стѣны, осѣненная шатромъ, стоитъ кровать, ложе царское. Полночь скоро. Лечь бы надо. Но страшится непривычнаго ложа Иванъ, словно могилы. И не знаетъ онъ, что стóитъ за этимъ постельнымъ шатромъ наклониться, поднять половицу, хитро прилаженную, и откроется ходъ подо всѣмъ дворцомъ и подъ садомъ, вплоть до рѣки... А выходъ изъ тайника — опять закрытъ хорошо; дерномъ вся дверь обложена, кустами прикрыта.

Полночь близко.

Чу, часники домовые, которые и здѣсь стояли, и въ ходъ были пущены съ прибытіемъ царя,—выбивать мѣрно начали:

1... 2... 3... 12!.. Полночь настала.

Еще сильнѣе жуть овладѣла Иваномъ.

Адашевъ, правда, рядомъ спитъ... Не кликнуть ли его? Нѣтъ, что за вздоръ? Совѣстно даже... Не мальчикъ ужъ онъ. Семнадцать лѣтъ ему... Онъ царь! Онъ мужъ! Къ Настѣ пройти?.. Тоже — зря. Она совсѣмъ расхворалась отъ всѣхъ передрягъ недавнихъ и ужасовъ. Христосъ съ ней! Пусть почиваетъ, голубка милая. Никогда, никогда больше не огорчитъ онъ жену, не измѣнитъ ей!.. Богъ свидѣтель...

Отчего это такъ мало свѣта въ покоѣ? Развѣ еще свѣщники зажечь?.. Отъ лампады — и самому можно, не будя никого. Вонъ, какой забавный одинъ трисвѣщникъ стоитъ: яблоко въ срединѣ, а въ яблокѣ часы-же тикаютъ... Словно сверчокъ большой, на всю комнату трещатъ: тикъ-такъ... тикъ-такъ...

Хорошо, что трещатъ... Все веселѣе... Не совсѣмъ тишина могильная...

Надъ Москвой далекой думы царя летаютъ. Что-то тамъ теперь?

И опять твердитъ Иванъ:

— Прости, Господи! Зарекаюсь искушать терпѣніе Твое...

Молится, а недавнія страшныя сцены такъ и мелькаютъ въ глазахъ...

Море огня... Потоки крови... Дядинъ трупъ обезображенный... Скорченные, обезглавленные трупы казненныхъ бунтарей передъ дворцомъ... И сейчасъ тамъ они лежатъ.

Хоть бы окно закрыть... Да не смѣетъ царь съ лавки двинуться... Дышать не смѣетъ полной грудью, какъ будто боится чей-то сонъ потревожить... Нарушится заколдованный сонъ и пробудится нѣчто такое, отчего мертвымъ на мѣстѣ можно упасть...

Оттого и сидитъ, не шелохнется Иванъ, разсвѣта, луча только перваго ждетъ. Если бы не буря, не тьма облаковъ, скоро-бъ іюньская ночь пролетѣла... А тутъ мракъ кругомъ... Жутко.

Вдругъ словно листъ затрясся Иванъ. Шорохъ за дверью.

— Кто тамъ?!. еле вырвался у Ивана хриплый окликъ изъ горла, перехваченнаго сильнѣйшей судорогой.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! раздается за дверью не чужой, но мало знакомый голосъ.

Отлегло у царя отъ сердца.

Не духи тамъ, не демоны, не убійцы подосланные. Тѣ бы молчкомъ, безъ молитвы вошли. И голосъ хорошій, знакомый, старческій чей-то, хотя еще не дряблый.

— Аминь! торопливо произнесъ Иванъ, желая скорѣй узнать: кто тамъ? Кого въ полночь, безъ предвѣщенія обычнаго допустили въ опочивальню къ нему?

Раскрылась дверь и появился въ покоѣ Сильвестръ, протопопъ, духовникъ царицы...

Обрадовался даже царь.

— Вотъ, Богъ живую душу послалъ, да еще такую хорошую!..

— Входи, входи, отче! Милости прошу!.. Радъ я тебѣ. Только, што такъ поздно? Не приключилось ли сызнова чего? На Москвѣ? Или ты отъ отца моего, митрополита святителя нашего?

— Отъ себя я, осударь. А поздно,—потому дѣло такое, великое! Не всѣмъ очамъ видѣть достойно.

Снова морозъ побѣжалъ по спинѣ у Ивана.

Странный видъ у Сильвестра. Сурово и скорбно лицо его. Видно, что тяжело налегаетъ рука на пастырскій посохъ. Одежда вся мокрая. Сейчасъ пришелъ со двора. Правда, значитъ: дѣло великое, если въ такую ночь изъ Москвы сюда прибылъ...

— Радъ тебѣ, все едино. Зачѣмъ пожаловалъ? Сказывай, отче! Все сдѣлать готовъ.

— Богъ меня посылаетъ къ тебѣ, сыне! Чадо мое духовное! значительно, смѣло говоритъ попъ. Никогда онъ съ нимъ такъ не говорилъ, хоть и много разъ приходилось имъ сталкиваться и въ храмахъ Божіихъ, и у царицы. Совсѣмъ пророкомъ выглядитъ библейскимъ этотъ величавый, сѣдовласый, могучій старикъ.

— Говори, отче!.. повторяетъ смиренно Иванъ.

— Не я—Господь Богъ глаголать устами моими возжелалъ и дастъ тебѣ въ томъ дивныя знаменья.

— Знаменья?.. лепечетъ подавленный отрокъ.

— Да, сыне: знаменья!.. «Родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія!» сказано бо есть. «И тебѣ, лукавецъ и прелюбодѣй, дастся знаменіе по волѣ Господней».

Иванъ онѣмѣлъ.

Впервые до слуха его коснулось такое слово. Но тутъ же онъ смиренно поникъ головой и повторилъ только:

— Лукавецъ и прелюбодѣй! И горше того, отче! Каюсь со смиреніемъ, по чистой совѣсти и пусть по той правдѣ проститъ меня Господь!..

— Погоди! Слушай сперва! Потомъ и твоя рѣчь при-

детъ... Слушай, что было со мною... Не нынче... Еще шесть денъ назадъ.

— Говори... говори, отче...—весь трепеща, прижимаясь, какъ ребенокъ, къ рясѣ священника, произнесъ Иванъ, предчувствуя, что услышитъ нѣчто необычайное.

— Спалъ я въ покоѣ своемъ... Вдругъ, голосъ воззвалъ меня. Прокинулся, гляжу—нѣтъ никого... Лампадъ сіяетъ... И Ликъ Спаса, Кроткій и Благостный — одинъ глядитъ на меня. И вижу: словно слезы блестятъ на очахъ у Кроткаго. Глянулъ еще разъ—нѣтъ ничего. Ну, думаю: почудилось! Да на окно перевелъ глаза. Чуть не крикнулъ! Весь Кремль, вижу, въ огнѣ пылаетъ... И соборъ мой тоже...

— Господи, Господи!.. зашептали блѣдныя губы Ивана, а рука невольно сотворила крестное знаменье.

— Дальше слушай... Кликнуть кого хочу... Протопопицу-мать разбудить—голосу нѣтъ. Подбѣгаю къ окну—все исчезло разомъ. Тихо. Свѣтаетъ на волѣ. Спокоенъ Кремль, цѣлъ соборъ стоитъ. Думаю: попритчилось. Молился мало передъ сномъ. Сотворилъ молитву, легъ. Снова гласъ зоветъ... Снова въ огнѣ все вижу кругомъ. До трехъ разъ такъ было...

— Што-жъ не пришелъ, не сказалъ тогда мнѣ, отче? зашепталъ Иванъ.

— Гордыня! Невѣріе обуяло... Думаю: что я за святой, чтобы знаменья мнѣ Богъ подавалъ... Забылъ, что и въ безднахъ адовыхъ свѣтитъ величіе Божіе!.. Дальше слушай... Спохватился я, вспомнилъ видѣнье мое вѣщее,—когда бѣда огненная надъ Москвой стряслась. Да поздно,—такъ себѣ думаю... И снова нынче въ ночи посѣтилъ меня... къ тебѣ послалъ Господь... Слушай! — вдругъ загремѣлъ Сильверстъ: слушай и трепещи, грѣшникъ юный! Овца заблудшая... Вотъ ужъ сѣкира при корнѣ древа сухого... Усѣчено оно будетъ и ввергнуто въ огонь вѣчный!.. Покайся, нечестивецъ! Покинь утѣхи агарянскія,

игры содомскія, оставь крови пролитіе! Воззрись на землю... На весь людъ христіанскій, Богомъ врученный тебѣ! Мало ли посѣщалъ тебя Господь? И гладъ, и потопъ, и моръ на землю приходилъ... Ты все не одумался! Покайся, чадо!.. Не дерзай паки насиліемъ всякимъ народъ угнетать... Не давай православныхъ синклитамъ твоимъ въ обиду! Не на то врученъ тебѣ вѣнецъ прародительскій!.. Очисти душу свою отъ всякія скверны!.. Къ людямъ стань милостивъ... Къ церкви—прилеженъ... Не то горе тебѣ!.. Взвѣшены грѣхи всѣ твои на вѣсахъ гнѣва Господня!.. Спѣши одуматься, чадо!.. Гляди: вонъ пажити, тобой и приспѣшниками твоими опустошенныя... Села разметанныя... Градъ престольный, грѣховъ твоихъ ради спаленный, аки въ послѣдній часъ свѣтопреставленія... Гляди: вонъ жены, дѣти, старцы въ огнѣ обгорѣлые... Мученики безвинные, Агнцы Божіи...

— Вижу, вижу!.. стеналъ Иванъ, въ умѣ котораго ярко возникала каждая картина, поминаемая старцемъ, словно бы на яву онъ видѣлъ все... Каюсь! Грѣшенъ! Прости, Господи!.. Отпусти мнѣ грѣхи мои вольные и невольные...

— Стой, молчи! Гляди... Еще не все!.. властно продолжалъ старикъ... Гляди... и онъ посохомъ указалъ на стѣну опочивальни.

Въ это самое мгновеніе откуда-то пронесся по комнатѣ сильный порывъ холоднаго сквозного вѣтра и погасилъ почти всѣ лампады, сіявшія въ углу, у образовъ. Въ то же время, сверху откуда-то, какъ будто изъ двери, ведущей въ запертые покои, мелькнулъ лучъ свѣта слабаго, скользнулъ по Сильвестру, по Ивану и озарилъ часть стѣны, покрытой дубовой панелью, гладкой, отполированной...

Иванъ глянулъ по направленію руки Сильвестра — и волосы поднялись дыбомъ, зашевелились у него на головѣ. Онъ застылъ отъ ужаса. .

Тамъ, явственно, въ свѣтломъ большомъ кругу—стали скользить знакомыя тѣни. Не разъ совѣсть вызывала ихъ

передъ умственнымъ взоромъ отрока. Но никогда съ такой яркостью не видалъ онъ всѣхъ убитыхъ, замученныхъ, казненныхъ и задушенныхъ по его повелѣнію, по прихоти его... Вотъ—Шуйскій Андрей, залитый кровью, съ поникшей головой. Лицо плохо видно. Но нарядъ, волосы, посадка—все его... Это онъ, онъ самый!.. Вотъ юные сверстники Іоанна: Дорогобужскій, Кубенскій, Воронцовы братья... Овчина Ѳедя... Закрылъ глаза Иванъ, а они все идутъ, идутъ безъ конца. Но теперь онъ видитъ, какъ съ укоромъ киваютъ они головами... Онъ слышитъ, какъ шепчутъ ихъ мертвыя уста:

— Душегубъ! Убійца...

А голосъ Сильвестра снова гремитъ:

— Не закрывай очей на духовную скверну свою... Гляди!..

Раскрываетъ невольно опять глаза Иванъ, глядитъ... И видитъ самого себя, объятаго адскимъ пламенемъ... окруженнаго духами тьмы, которые ликуютъ добычѣ!.. И мучатъ, вонзаютъ въ него трезубцы свои...

Рыданіе вырвалось изъ груди отрока!

Вопль огласилъ весь покой, вырвался въ раскрытое окно и замеръ въ вѣтвяхъ деревьевъ вѣковыхъ...

— Помилуй! Прости! Защити, Господи!.. Каюсь во грѣсѣхъ моихъ тяжкихъ... Ты, что разбойника простилъ и спасъ на крестѣ, Спасе Многомилостивый, помилуй мя, окаяннаго... Помилуй мя!

И, бія себя въ грудь, распростерся въ молитвѣ Иванъ *).

---

*) «Приде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ — Селивестръ пришлецъ отъ Нова града Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаніями и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; аще къ тому и чудеса *и аки бы явленія* отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ аще истинные, або такъ *ужасновенія пущающе*, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе.

Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати *мечтательными* страхи и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей,—мню: блаженный,—малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ... Яко и врачеве дѣлаютъ... по неволѣ... Яко и послѣдовало дѣло: ижѐ

— Гляди! снова раздается голосъ...

Поднялся и видитъ Иванъ отца своего, хотя и не помнитъ онъ лица его, но, такимъ вотъ отчеканенъ, ликъ покойнаго Василія висѣлъ у него, на шеѣ, на гривнѣ золотой. И грозитъ ему отецъ... А изъ-подъ земли — словно лязгъ цѣпей раздался, тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпей... Или врата адовы до срока разверзаются... И вдругъ—изъ-подъ земли же глухой замогильный голосъ разносится въ ночной тишинѣ...

— Покайся, сыне! Близокъ часъ!.. вѣщаетъ этотъ замогильный голосъ.

Отецъ грозитъ и глядитъ сурово. И сейчасъ же сверху, словно съ неба, откликъ послышался рѣзко, повелительно:

— Покайся, чадо! Близокъ часъ...

Вскрикнулъ дико Иванъ и повалился безъ чувствъ...

— Не было бы худа, отче! быстро входя въ опочивальню, зашепталъ Адашевъ, стоявшій за дверьми, все слышавшій и видѣвшій, что происходило съ Иваномъ.

Сильвестръ только рукой отмахнулся.

душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ, развращенный умъ исправилъ... Съ нимъ же соединяется единъ благородный тогда юноша, именемъ Алексѣй Адашевъ цареви же той Алексѣй зѣло любимъ былъ, общей вещи зѣло полезенъ и въ нравѣхъ—ангеломъ подобенъ... И присовокупляетъ себѣ въ помощь Сильвестръ архіерея онаго града (Макарія).

А. Курбскій. Исторія Іоанна. Глава I. Стр. 10—11.

— «Не мни мя неразумна суща, или разумомъ младенечствующа,—яко же попъ Сильвестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мнити мя дѣтскими страшилы устрашити яко же прежде сего съ попомъ Сильвестромъ и Адашевымъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте. Или мните нынѣ таковая сотворите?!»

Посланіе первое Іоанна—Курбскому изъ Волмера. Стр. 215.

— «Ласкатели твои клеветали на Сильвестра, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніями. Воистину и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коварецъ и благокозненъ: понеже ялъ тя, исторгнувши изъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва».

Отвѣтъ А. Курбскаго на второе письмо Іоанна. Стр. 229.
Сказанія князя Курбскаго. Изд. Устрялова. СПБургъ, 1842.

Адашевъ нагнулся къ Ивану и сталъ прислушиваться. Юноша лежалъ въ глубокомъ обморокѣ.

— Сомлѣлъ онъ, отче!.. Положимъ его...

И Алексѣй, добрый и жалостливый по душѣ, сталъ поднимать, съ помощью старика, Ивана, уложилъ его въ постель, за которой ужъ никого сейчасъ не было. Чревовѣщатель, приведенный сюда въ свое время, — ушелъ, какъ и пришелъ, согласно заранѣе полученнымъ указаніямъ.

Курлятевъ, третій пособникъ, котораго научили дѣйствовать съ волшебнымъ фонаремъ, — такъ же тихо прикрылъ дверь опочивальни, какъ раскрылъ ее, и по пустымъ покоямъ прошелъ въ отведенные для свиты флигеля...

Иванъ все лежалъ не шевелясь, почти безъ дыханія, блѣдный, съ темными кругами, успѣвшими окаймить глаза.

— Отче, право, боюсь я...

— Ничего, говорю... И врачеве такъ дѣлаютъ: по неволѣ согнившія гагрины (гангрену) стружутъ и рѣжутъ желѣзомъ, и дикое мясо, на ранахъ растущее, обрѣзаютъ до живаго тѣла. Пусть тѣлу тяжко, за то душа отъ язвъ и отъ струповъ прокаженныхъ очищается!..

И Сильвестръ, спокойный, суровый, сталъ ждать, когда очнется Иванъ.

Вотъ отрокъ вздохнулъ... пошевельнулся. Сознаніе вернулось къ нему. Онъ вспомнилъ, задрожалъ, оглядѣлся...

Свѣтло въ покоѣ и отъ огней, зажженныхъ догадливымъ Адашевымъ, и отъ первыхъ лучей зари, блеснувшей на краю небесъ, съ которыхъ унеслись грозовыя тучи.

— Отче... Алеша! Живъ я еще?.. Попустилъ Господь! Далъ покаяться! заговорилъ быстро Иванъ.

— Я покаюсь... Я покаюсь... Исправлюсь... Только вы... вы оба не покидайте меня! жалобно, тихо молилъ напуганный Иванъ, стараясь привлечь къ себѣ обоихъ.

А крупныя, жаркія слезы такъ и катились по блѣднымъ, за одну ночь исхудалымъ щекамъ...

Ясный разсвѣтъ вставалъ надъ землею вдали.

Съ рукъ сошла боярамъ смута народная на Ивановской площади. Никого не преслѣдовалъ царь.

Напуганный Михаилъ Глинскій съ другомъ своимъ, бывшимъ псковскимъ намѣстникомъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, на Литву было побѣжалъ.

Но недремлющій врагъ, князь Петръ Шуйскій, обоихъ изловилъ и представилъ царю.

Посидѣли немного подъ стражей бѣглецы, покаялись, что со страху, ожидая участи Юрія Глинскаго, рѣшили родинѣ измѣнить—и простилъ ихъ, тоже совершенно переродившійся, Иванъ. Лишь далеко, на Каму, воеводой послали конюшаго и дядю царскаго, бывшаго перваго боярина, Михаила Глинскаго.

Только не пришлось и врагамъ, соперникамъ Глинскихъ и Бѣльскихъ, воспользоваться плодами побѣды. Не они,—два неизвѣстныхъ, простыхъ человѣка стали, неизвѣстно какъ и почему, у кормила правленія: протопопъ Сильвестръ и постельничій, любимецъ царскій, Алексѣй Адашевъ. Ввѣрился слѣпо государь, всю свою власть сдалъ имъ обоимъ.

И вздохнула свободнѣе Русь.

Царь самъ тоже не безъ дѣла сидѣлъ. Не терпѣла того кипучая натура Ивана. Временное оцѣпенѣніе, угнетенье—отголоски пожара и бунта,—все прошло и послѣ здороваго отдыха, послѣ покойной жизни—вспыхнула былая энергія.

Осенью же, 1547 года стали большой походъ на Казань снаряжать.

Въ декабрѣ—царь во Владиміръ, какъ водится, прибылъ. Въ январѣ 1548 года—туда пушекъ, пищалей осад-

ныхъ навезли, начали полки всѣ стягиваться: и русскіе, и татаре касимовскіе, и казаки порубежные.

Двинулись впередъ. Въ февралѣ лишь до Нижняго-Новгорода добрались, потому распутица страшная была. Ни морозовъ, ни снѣгу Богъ не давалъ.

Дожди такъ и лили во всю зиму-зимскую...

Когда стали изъ Нижняго на островъ Работку переправляться,—оттепель еще пуще ударила.

Волга, едва было застывшая, полыньями покрылась. Вода выступила изъ продушинъ и весь ледъ сверху залила. Пушекъ, пищалей большихъ, стѣнобойныхъ много погибло, подъ ледъ ушло... Не мало и людей въ продушинахъ утонуло, потому подъ водой они, — не видно: куда идешь?..

Три дня стоялъ на островѣ царь. Холодовъ ждалъ, дороги исправной. Такъ и не дождался.

Послалъ онъ тогда на казанцевъ воеводу своего главнаго, князя Д. Ѳ. Бѣльскаго.

— Ты сойдись съ Шигъ-Алеемъ въ устьѣ Цивильска, князь! — сказалъ Іоаннъ. — А я домой поверну... Не сподобилъ, видно, меня Богъ, за грѣхи мои за всѣ, на невѣрныхъ ополчиться!..

И расплакался даже горько полубольной, ослабленный недавними страхами, царь Иванъ.

Хоть удаченъ былъ походъ Бѣльскаго, много добра добылъ и плѣнныхъ татаръ привелъ онъ въ Москву, и щедро наградилъ воеводу царь, а все не веселъ сидѣлъ Іоаннъ на всѣхъ пирахъ своихъ, пышныхъ и торжественныхъ, правда, но ужъ не такихъ безшабашныхъ, какъ прежде. Очистился дворецъ, какъ очищена была душа юноши. Ни скомороховъ, ни шутовъ безобразныхъ не видно. Только Семушка Клычъ, бахарь одинъ любимый, оставленъ, причитальщикъ и сказочникъ, нѣчто въ родѣ старыхъ бояновъ. Почти ежедневно на сонъ грядущій сказанья, былины и сказки Семушка царю разсказываетъ. А въ общемъ,

дворецъ на обитель священную сталъ похожъ. Посты — строго соблюдаются. Службы ежедневно во дворцѣ церковныя. Къ «празднику», въ престольные дни—по монастырямъ кремлевскимъ и по соборамъ ходитъ къ литургіи царь. Молодая царица тоже тамъ бываетъ, являясь незримо для толпы переходами крытыми. Ни ее, ни митрополита не долженъ часто видѣть народъ посреди себя. Вмѣсто похлебниковъ, ласкателей развратныхъ, ребятъ голоусыхъ — на государевомъ «верху» калѣки да нищіе, богомольцы царскіе завелись. Заботится о нихъ Иванъ.

Въ прощеные дни на Масляной и въ Страстную недѣлю, тайные ночные выходы царскіе совершаются: милостыню царь раздаетъ собственноручно, колодниковъ, заточенныхъ посѣщаетъ и жалуетъ...

Строго исполняя религіозные всѣ обряды, которыми, бывало, пренебрегалъ довольно часто, — юный государь и въ это дѣло внесъ присущую ему напряженную дѣятельность, нервную страстность. Онъ увлекся церковнымъ пѣніемъ... Привлекалъ въ свою «стайку» церковную, пѣвческую лучшихъ пѣвчихъ; искать повелѣлъ голоса «изрядные» по всему царству и до слезъ заслушивался согласныхъ церковныхъ напѣвовъ, стараясь, чтобы его пѣвчіе были лучше даже митрополичьихъ «стаекъ».

Но и этого всего было мало, конечно, для юноши, только и мечтавшаго что о славѣ, о величіи царскомъ.

И онъ старался особенно настойчиво выписывать иноземныхъ мастеровъ, литейщиковъ, зодчихъ... Лилъ пушки, ковалъ оружіе... Строилъ храмы новые... И порой, придя поглядѣть на новое «дѣло» осадное, вылитое искусникомъ-пушкаремъ, по имени Первой-Кузьминъ, изучившимъ дѣло отъ фрязина, — царь не только любовался пушкой, но ласкалъ, гладилъ, словно живое существо, трехсотъ, четырехсотъ-пудовые стволы и самъ «крестилъ», давалъ имъ имена.

— Вотъ этотъ—на татаръ пойдетъ на упрямыхъ. Онъ

переупрямитъ ихъ и пусть наречется «Онагръ», сирѣчь оселъ дивій, што и бритыхъ ословъ превзойшелъ. А эту, ростомъ подлиннѣе, — пошлемъ ливонскія стѣны бить — и буде прозвана «Ерихонка».

Укрощенные бояре во всемъ безропотно помогаютъ царю, подчиняясь особенно вліянію Макарія, твердящаго вельможамъ:

— Богъ чудо явилъ! Просвѣтилъ душу отрока. Бросьте свару! Не повертайте царя на старое!

Сильвестръ, смѣнившій Бармина въ качествѣ государева духовника, неустанно вліялъ на Ивана, призывая себѣ на помощь имя Божіе, завѣты Христа и писанія церкви, все, что говоритъ о чистотѣ души, о добродѣтеляхъ человѣческихъ.

Ѳедоръ Барминъ видѣлъ смерть Глинскаго, видѣлъ, какъ старика на части растерзали въ самомъ храмѣ, у митрополичьяго мѣста, гдѣ несчастный искалъ спасенія отъ разъяренной черни. И на другой же день протопопъ захворалъ отъ потрясенія, пережитаго въ эти минуты. Душа и тѣло честолюбиваго священника надломились. Но онъ былъ пришибленъ окончательно, когда Макарій призвалъ его и объявилъ о назначеніи Сильвестра духовникомъ царскимъ.

Шатаясь, вышелъ протопопъ отъ Макарія.

Черезъ немного дней послѣ того, 6 января 1848 г. — Барминъ принялъ постриженіе въ Чудовомъ монастырѣ, но не съ цѣлью проложить себѣ дорогу въ митрополичьи палаты, какъ раньше мечталъ.

Каясь со слезами передъ духовникомъ своимъ, Барминъ твердилъ:

— Грѣшенъ я!.. Въ крови неповинной грѣшенъ. Глинскій Юрій и присные его по моему навѣту погублены... Грѣшенъ, окаянный, безъ мѣры!.. Только и надежды, что схиму приму, умолю Бога... А то ни ночь, ни день покою нѣтъ... Какъ на яву, вижу все гибель безвинныхъ, по

моему слову ихъ постигшую... Въ келью затворюсь, стану грѣхи отмаливать!

Такъ и сдѣлалъ Барминъ.

Сильвестръ, ставшій на его мѣсто, ревниво хранилъ душу царя.

Адашевъ, хотя и безъ всякихъ отличекъ, безъ величанія, но фактически сталъ верховнымъ правителемъ и оберегалъ царство, какъ умѣлъ. А ему отъ природы присуща была способность къ правленію.

Произволъ, лихоимство боярское прежнее, волокита судебная—все это было стѣснено городовыми, монастырскими и сельскими вольными граматами, дававшими народу возможность вводить у себя нѣчто въ родѣ теперешняго самоуправленія, посредствомъ выборныхъ, губныхъ и земскихъ старостъ, сотскихъ, десятскихъ и проч.

Казна царская, которую ужъ теперь не грабили такъ открыто, дерзко и безнаказанно, — богатѣла. Скоплялись средства и на внутренній обиходъ, и на предстоящіе большіе походы, о которыхъ толковалъ, которые жарко обсуждалъ Иванъ съ Адашевымъ, Курлятевымъ и съ лучшими воеводами своими.

Народъ тоже успокаиваться сталъ. Опустѣлыя отъ голода, мора и произвола намѣстниковъ деревни и села опять заселялись понемногу.

Вольнолюбивы селяне московскіе. Плохо имъ на одномъ мѣстѣ—они на другое идутъ, лучшихъ господъ, новаго счастья ищутъ.

Придутъ осенніе сроки переходовъ, о Филипповомъ заговѣньи, на осенняго Юрья, около 26 ноября,—и потянутся «переходчики» съ одного тягла на другое, а то на «черную» землю государеву садятся. Всетаки—легче. Не сгоняютъ, по крайности, тамъ съ пашни, не давъ осенью и сѣмянъ собрать, какъ дѣлаютъ злые вотчинники-помѣщики.

Правда, изъ тяглой общины, которая сидитъ на землѣ монастырской или государевой — свободнаго «выходу»

нѣтъ. «Откупаться» надо. Такъ, вѣдь,— бѣжать можно. Пути никому не заказаны.

И вся эта «бродячая Русь»—осѣдала прочнѣй и, словно илъ плодотворный въ рѣкѣ, отстаиваться начала.

Потому, конечно, и рѣже недороды, меньше голодовокъ стало. И моръ не такъ часто жаловалъ...

Легче вздохнула земля...

Народъ сытѣй—и торгъ живѣй. Богатѣть быстро стала и сама Москва, сразу, какъ птица индійская Фениксъ, въ два мѣсяца возрожденная изъ пепла.

Много разнаго люду въ Москвѣ, а больше всего — торговаго.

Да и кто не торгуетъ въ ней?

И мелкій служилый человѣкъ: стрѣлецъ, пушкарь, подъячій, посадскій... И дворяне—въ торговые люди записывались, «гостями» объявляли себя.

Недаромъ Москва выросла и стоитъ на великомъ междуземельномъ шляху, на пути изъ «Варягъ въ Греки» и дальше, на Востокъ, богатый и миррой, и золотомъ, и шелковыми тканями, и тайнами древнихъ волхвовъ.

Пахатные интересы, земледѣльческихъ по натурѣ, славянскихъ племенъ, изъ которыхъ сложилось государство, — здѣсь, въ узловомъ историческомъ поселкѣ, на Москвѣ, счастливо связались съ торговыми интересами — и создалось царство Московское, а потомъ—и всея Руси!..

Понималъ это Макарій, внушилъ Адашеву... Тотъ—передалъ Ивану, освѣтивъ сознательнымъ огнемъ инстинкты «собирателя земли», переданные царю его предками.

Но семнадцать лѣтъ розни между царемъ и землей, во время безначалія, во дни правленья боярскаго — положили на все царенье Ивана свою рѣзкую, недобрую печать.

Царь—не зналъ земли хорошо, земля—царя не знала, или, вѣрнѣе: знала съ дурной стороны.

А это не нравилось людямъ, принявшимъ власть. Не желали они этого, находили вреднымъ для царя, опас-

нымъ для себя, особенно въ виду предстоявшихъ тяжелыхъ войнъ съ татарами, съ Ливоніей, съ Литвой, срокъ перемирія съ которой скоро истекалъ.

— Што скажутъ люди: «Пришли попъ съ сурожаниномъ, новгородцемъ, царя заполонили, нашу кровь льютъ, наши гроши изводятъ!..» Сами крестьяне не подумаютъ,— бояре ихъ научатъ прижатые!

Такъ думалъ Сильвестръ, такъ полагалъ и Адашевъ, когда Макарій навелъ ихъ на извѣстныя мысли. И рѣшили они поставить царя лицомъ къ лицу со всею русской землей.

Рѣшили, столковались, Ивана уговорили; при помощи того же владыки-митрополита, хотя тотъ и крылся въ тѣни, — и все сдѣлали по мысли Макарія, какъ внушилъ онъ незамѣтно.

Царь и народъ.

(Годъ 7058-й [1550]*).

Раннее, воскресное, лѣтнее утро.

Въ тепломъ воздухѣ такъ и виситъ звонъ колокольный надъ возрожденнымъ Кремлемъ Бѣлокаменнымъ.

Жаркій солнечный лучъ золотой горитъ на свѣжевызолоченныхъ крестахъ да на маковкахъ высокихъ соборовъ и церквей, уцѣлѣвшихъ отъ послѣдняго пожара или заново въ два года слишкомъ отстроенныхъ.

Площади кремлевскія полны народомъ.

Берега Москвы-рѣки и Неглинки, что широкой дугой огибаетъ весь Дѣтинецъ,—тоже усѣяны толпами людей. Сверху если взглянуть,—отъ народу черно верстъ на десять вокругъ Кремля.

Пѣшіе, конные, въ колымагахъ, въ каптанкахъ-возкахъ, по водѣ въ лодкахъ, на паромахъ, — все новыя и новыя волны народа текутъ сюда со всѣхъ концовъ, со всѣхъ посадовъ, изо всѣхъ деревень и селъ окрестныхъ, изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ.

*) Царствен. кн.—Степен. князя Хрущова.

Подъѣзжаютъ и подходятъ запоздалые. А ужъ раньше ихъ — десятки, сотни тысячъ народу сошлись въ Москву къ этому дню и съѣхались отовсюду. Кто у дружковъ, да на подворьяхъ монастырскихъ или у дворниковъ торговыхъ, на постоялыхъ дворахъ мѣста себѣ не нашелъ, тѣ станомъ стоятъ и въ рощахъ пригородныхъ окрестныхъ и на зеленѣющихъ пустыряхъ городскихъ, раскинутыхъ безъ счета между отдѣльными посадами и «концами», участками городскими.

Много здѣсь тѣхъ людей, что по указу государеву поспѣшали на Москву, на «земскій великій соборъ», еще на Руси доселѣ невиданный. Изо всѣхъ городовъ, изъ посадовъ большихъ — выборные отъ сословій, по волѣ царя, сюда собрались.

Но большинство — по своей волѣ пришло, чтобы хоть издали поглядѣть и отъ другихъ скорѣй услыхать: что молодой царь, Иванъ Васильевичъ, будетъ говорить землѣ, чего ждетъ отъ нея, что самъ ей сулитъ и обѣщаетъ?..

Весело, радостно перекликаются своими мѣдными грудями всѣ московскіе колокола... Но даже ихъ переливчатый, громкій перезвонъ заглушаемъ бываетъ порой говоромъ, гомономъ и гуломъ всенароднымъ, плескомъ вселенской волны.

Особенно тѣсны сплошные ряды человѣческихъ тѣлъ въ Китай-городѣ, передъ Фроловскими, позднѣй Спасскими воротами, по правую руку отъ которыхъ стоитъ небольшая церковка на Рву, «на крови казненныхъ» названная, потому что черезъ дорогу, наискосокъ отъ церкви, красуется невысокій, подковообразный помостъ — Лобное мѣсто.

Здѣсь ручьями лилась кровь при дѣдѣ, при отцѣ Ивана.

Потоками хлестала въ его дѣтскіе и отроческіе годы... Рѣками хлынетъ, закипитъ потомъ, въ зрѣлый возрастъ, когда придадутъ къ имени: царь Иванъ Васильевичъ — прозвище: Грозный царь...

Но теперь, вотъ ужъ третій годъ,—и не видно здѣсь забавнаго для черни зрѣлища... Не обагряетъ пурпурная струя бѣлый снѣгъ зимою; не прибиваетъ она лѣтомъ пыль летучую... Не хрустятъ кости на дыбѣ, не свищутъ ремни батоговъ и плетей-тройчатокъ съ проволокой мѣдной на концахъ... Только торговый гомонъ и кликъ всегда носится... Ржаніе коней долетаетъ отъ недалекаго рынка коннаго, гдѣ тысячи головъ изъ крымскихъ и ногайскихъ степей сгоняются для продажи, для тавренья, служащаго знакомъ, что за коня государева пошлина плачена...

Велика Лобная площадь. Не красуется еще на ней дивный, сказочно-причудливый храмъ Василія Блаженнаго, созданный только послѣ славнаго казанскаго взятія.

Полъ-Кремля можно уставить на площади — и еще мѣста останется. А сейчасъ — тѣсно на ней... Стоитъ «материкомъ» толпа... Вся—ни взадъ, ни впередъ, ни въ какую сторону не можетъ колыхнуться, ни шелохнуться... Громъ съ неба ударь, татаре напади сейчасъ— не побѣжитъ никто прочь, — потому — некуды!

Вотъ они: «тьмы-темъ», о которыхъ пѣли жены израильскія, встрѣчая Давида.

Только чудомъ можно бы заставить это могучее плотное тѣло, въ какое скипѣлись тысячи людей, — раздаться, сжаться, отступить хоть на пядь, на единую, образовать просвѣтъ въ народныхъ рядахъ...

И чудо совершилось.

Отъ самаго дворца царскаго до Лобнаго мѣста — на мостовой, поверхъ толстыхъ бревенъ, изъ которыхъ эта мостовая настлана, — доски толстыя, байдашныя, барочныя доски набиты. Образуютъ эти доски дорожку, по которой царь пойти долженъ.

Вдоль всей дорожки, въ два ряда, почти плечо къ плечу—стража поставлена въ самыхъ лучшихъ уборахъ и нарядахъ воинскихъ, съ пищалями, съ алебардами и сѣкирами длинными.

Но народъ стражи не побоялся, сбилъ ее съ мѣстъ, прижалъ одинъ рядъ къ другому и знать ничего не хочетъ.

Смирно стоитъ стража, ужъ и не обороняется отъ натиска, какъ не можетъ бороться съ порывомъ вѣтра паутинка осенняя, легкая, что бабьимъ лѣтомъ, въ ясный день по воздуху носится.

Но вдругъ въ Кремлѣ, за стѣной — крики послышались, растутъ, растутъ, громомъ катятся, покрываютъ весь гулъ толпы несмѣтной, на Лобной площади стоящей. Черезъ стѣны Кремля восторженный крикъ переплеснулъ, перекинулся... Здѣсь его сотни тысячъ грудей подхватили, небо дрогнуло, колокола, устыдившись, замолчали...

А кругомъ, далеко кругомъ, такъ и рокочетъ, и гремитъ безъ конца:

— Да живетъ нашъ царь Иванъ Васильевичъ! Слава ему!...

И чудо совершилось!...

Передъ головнымъ отрядомъ царскаго поѣзда, выходившаго изъ Фроловскихъ воротъ, — разступились скипѣвшіяся массы тѣлъ людскихъ.

Стража вдоль досчатаго пути свободно вздохнула, попрежнему, въ два ряда стала... И по настилкѣ прошелъ весь поѣздъ до самаго Лобнаго мѣста.

Но не даромъ обошлось это чудо толпѣ.

Вопли, крики въ ней послышались, особенно — изъ заднихъ рядовъ. Все больше женскіе голоса, дѣтскіе вопли. Конечно: бабы всегда любопытствомъ отличаются. И нельзя бы имъ, а онѣ — тутъ какъ тутъ. И съ дѣтьми, если не на кого малышей дома оставить. И не мало женъ, дѣтей, стариковъ слабыхъ, даже сильныхъ мужиковъ здѣсь въ этотъ мигъ было подавлено.

Такъ и остались они, стоя въ толпѣ, раздавленные, недвижные, бездыханные, и стояли до конца. Живые сосѣди не могли ихъ вынести прочь, ни сами съ мѣста двинуться.

Особенно тѣсны сплошные ряды человѣческихъ тѣлъ въ Китай-Городѣ, передъ Фроловскими, позднѣе—Спасскими воротами.

Больше тысячи человѣкъ на площади и въ переулкахъ бездыханными подняли, когда понемногу потомъ толпы разошлись. Но это — потомъ было.

А теперь — юный царь стоитъ на площади, окруженъ всей блестящей дружиной своей, ближними князьями, боярами и опальниками прощенными, всѣми маститыми, степенными думцами, священствомъ, дьяками, писцами — сынами поповскими и дворянами, боярскими дѣтьми... Митрополитъ-владыко, поэтъ-художникъ Макарій, рядомъ съ царемъ, въ облаченіи святительскомъ, почти не уступающемъ въ блескѣ царской ризѣ парчевой и бармамъ тяжелымъ, украшеннымъ каменьями, образами златокованными, финифтяными.

Только въ шапкахъ у нихъ и разница.

Клобукъ бѣлый на Макаріи.

Сіяющій царскій, прадѣдовскій вѣнецъ на Иванѣ.

А очи у обоихъ — у старика и юноши — сейчасъ одинаково почти чистымъ, хорошимъ, святымъ огнемъ горятъ... Огнемъ святой радости, огнемъ восторга душевнаго.

Сильвестръ, духовникъ царя, Адашевъ, другъ его, — въ первыхъ рядахъ стоятъ, глазъ съ царя не сводятъ.

И царь часто оглядывается на нихъ, пока бирючи кричатъ, пристава хлопочутъ: народъ къ молчанью, къ порядку призываютъ.

И второе чудо совершилось. Тихо стало на площади.

Такъ тихо, что слышно каждое слово, слетающее съ губъ царя... Слышенъ и гулъ далекихъ массъ народныхъ, куда не дошло еще слово государево:

— Тихо стоять и молчать! Слушать рѣчи царскія!..

Говоритъ Иванъ... Не совсѣмъ внятно сперва... Волнуется очень... Правда: много лѣтъ онъ въ умѣ каждое слово такой всенародной рѣчи обдумывалъ... И теперь много разъ, составляя ее, записывалъ, переписывалъ вновь, какъ «Отче нашъ» училъ... А волнуется... Русь передъ

нимъ стоитъ и слушаетъ... Чутко внемлетъ земля слову царскому.

Попы, съ крестами стоящіе, совершили молебенъ.

Поклонился царь митрополиту и заговорилъ:

— Отче-господине, внемли чаду своему духовному. Молю тебя, святый владыко! Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю азъ, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель! И ты знаешь самъ и вѣдаешь, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, осьми годовъ — послѣ матери. Родственники мои небрегли о мнѣ, а сильные бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, самовластны были. Сами себѣ саны и почести похищали моимъ именемъ, во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись. Азъ же—яко глухъ и не слышахъ, и не имый во устахъ своихъ обличенія, по молодости своей и по безпомощности! А они властвовали!

«О, неправедные лихоимцы и хищники, и судьи неправедные!.. Со мною вмѣстѣ—и земля вся отъ злобы вашей страждала!..

«Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя?!. Колико крови благородной и всяческой отъ васъ проливалося?!. Я же чистъ отъ крови сей. Вы, злобники и прельстители лукавые,—отъ Господа Бога ожидайте воздаяніе свое...»

Толпа, ближніе ряды ея, сначала съ любопытствомъ только слушавшіе, стали уже волноваться, проникаясь огнемъ рѣчи царской.

Іоаннъ продолжалъ:

— Думалъ я прежде мстить вамъ опалами и казнями. Теперь, егда смягчилъ, просвѣтилъ Всесильный душу мою, егда сломилъ Царь Царей земную, тщетную гордыню мою,— хочу, по завѣту Христову, простить и симъ врагамъ моимъ, о чемъ и повѣщаю въ сей мигъ всенародно, торжественно...

«Но и самымъ прощеніемъ моимъ — вины ваши всенародне сугубо обличаются!..

«Не могши ранѣе,—теперь, на двадцатомъ году возраста моего царскаго, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ бояръ, намѣстниковъ, ставленниковъ моихъ,—умыслилъ азъ, грѣшный, по долгу своему государскому, всѣхъ въ согласіе и любовь привести, съ совѣту отца-Владыки, бояръ, князей вѣрныхъ и съ помощью угодниковъ святыхъ Московскихъ и иныхъ...

«По совѣту твоему, отче-господине, — постановили мы собрать свое государство, наслѣдіе отцовское: ото всѣхъ городовъ всякаго чина и званія людей для оповѣщенія и совѣта всенароднаго, земскаго...»

Остановился тутъ царь. Поклонился снова митрополиту. На всѣ четыре стороны отдалъ народу поклонъ и снова заговорилъ, теперь уже громкимъ, звучнымъ, увѣреннымъ голосомъ, далеко разносившимся надъ несмѣтной толпой.

— Люди Божіи и нашему царскому величеству Господомъ Богомъ дарованные! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ былыхъ всѣхъ вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ лихвенныхъ исправить не можно. Случились онѣ, всѣ обиды ваши — по причинѣ долгаго несовершеннолѣтія моего, пустоты ребяческой и безпомошности. Одинъ стоялъ среди стаи сильныхъ раззорителей государскихъ!.. И потерпѣли вы по причинѣ неправдъ содѣянныхъ отъ бояръ моихъ и властей, моимъ именемъ, буйствовавшихъ... по причинѣ безразсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія...

Напряженіе народное дошло до высшей степени. Свершилось нѣчто небывалое, не только на Руси,—въ цѣломъ мірѣ, отъ сотворенія его!

Тѣ рѣчи скорбныя, которыя по угламъ, въ опочивальняхъ, по хатамъ, на полатяхъ знатные и простые люди шептали, тѣ слова, за которыя въ застѣнокъ брали, языки — головы рѣзали, или здѣсь, на Лобномъ мѣстѣ, четвертовали, и, вдругъ, эти же самыя рѣчи и слова съ этого самаго Лобнаго мѣста — произносятся вслухъ, всенародно,

торжественно... самимъ царемъ. Не выдержала душа народная наплыва чувствъ, смятенныхъ, бурныхъ, гдѣ скорбь и восторгъ дивно перемѣшались и подымали къ небу... уносили съ грѣшной, печальной земли, юдоли плача и произвола насильниковъ...

Не вынесла душа всенародная!

Рыданія, сдержанныя, могучія, какъ рыданія моря въ грозу,—всколыхнули тысячи грудей народныхъ... Словно земля вся, самыя нѣдра ея рыдать захотѣли и глухо вздымались, порывисто,—и рыданья тѣ сдерживали въ бездонной своей глубинѣ...

А царь, весь потрясенный, съ лицомъ, влажнымъ отъ слезъ, продолжалъ:

— Люди Божіе и мои дѣти любезныя! Молю васъ! Оставьте, по Завѣту, — простите другъ другу вражды и тягости всякія, кромѣ развѣ очень великихъ покоровъ, очень большихъ дѣлъ и убыточныхъ. Въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ всѣхъ — я самъ буду вамъ, сколь оно возможно, судья и оборона. Буду неправды раззорять всякія и похищенное насильниками, кто бы ни были, отбирать и возвращать. Да поможетъ намъ Богъ, по той правдѣ, какую нынче мы сказали вамъ!

Снова поклонился и при рыданіяхъ, крикахъ и ревѣ народномъ,— вернулся со всѣми своими во дворецъ.

А тамъ, назначая Адашева окольничьимъ бояриномъ своимъ, несмотря на худородство этого любимца, Иванъ строго, внушительно произнесъ, чтобы всѣ окружающіе слышали и запомнили:

— Алексіе! Взялъ я тебя изъ низшихъ и самыхъ незначущихъ людей!.. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, въ нихъ освѣдомился — и теперь тебя милостію царской своей взыскалъ выше мѣры твоей, не тебя ради, но ради спасенія и для помощи души моей, во грѣсѣхъ тонувшей.

«Хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но азъ тебя пожелалъ. И не одного тебя, но и другихъ такихъ же,

кто-бъ печаль мою облегчилъ, жажду правды истинной, жгучую жажду мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ бы безъ прельстительства лукава.

«Тебѣ поручаю днесь: принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, отъ изобиженныхъ и разбирать ихъ со тщаніемъ. Не бойся сильныхъ и славныхъ, каковые не по заслугамъ своимъ, но похитили почести и губятъ насиліемъ своимъ бѣдныхъ и сирыхъ и немощныхъ. Не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, когда на богатыхъ клевещетъ, корысти ради, и ложными слезами оправить себя ищетъ. Но все разсматривай внимательно и переноси къ намъ истину одну, боясь не гнѣва земныхъ владыкъ, но единаго суда Божія неумытнаго!..

«А въ помощь свою избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ, кого самъ пожелаешь».

Такимъ образомъ, Адашевъ явился посредникомъ между народомъ и верховнымъ владыкой земли.

Онъ же былъ и рѣшитель всей внѣшней тогдашней московской политики, принималъ и отправлялъ пословъ, конечно, тоже съ помощью митрополита, хотя и негласною. Впрочемъ, литовскіе послы прямо бывали на совѣтахъ и совѣщаніяхъ у Макарія. Макарій же писалъ граматы къ ливонскимъ «бискупамъ» и орденскимъ командорамъ.

Другая рѣчь Ивана прозвучала въ томъ же 1550 году на соборѣ церковномъ, «Стоглавомъ», и вотъ ея слова:

— Отче-митрополите и вси святые отцы!

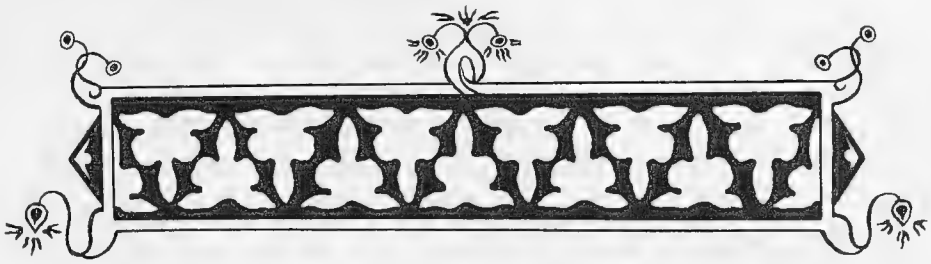
«Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ выразить всего того, что совершилъ я злаго по грѣхамъ юности моей. Допрежде всего явно смирялъ меня Господь Богъ! Отнялъ у меня безвременно отца моего, а у васъ пастыря и заступника. Бояре и вельможи, изъявляя видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ—доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули поднять руку на родъ царскій, схватили и умертвили братьевъ родныхъ отца моего, чтобы владѣть мной, малолѣтнимъ

и безпомощнымъ. Мало того, извели они же и мать мою, послѣднюю опору младенчества моего. По смерти матери моей, бояре самовластно завладѣли царствомъ. По моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, по злобѣ боярской много людей сгибло въ междоусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій... Навыкъ и самъ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ. И съ того времени до сихъ поръ сколько я согрѣшилъ — предъ Богомъ и сколько казней наслалъ на насъ и на царство все Господь, то — Онъ, Единый, знаетъ!.. Мы не разъ покушались отомстить боярамъ, врагамъ своимъ, но все безуспѣшно! И не понималъ я, что Господь и отъ нихъ наказывалъ меня великими казнями... А не сами бояре, волей своей!. И не покаялся азъ, но самъ еще угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всяческимъ насиліемъ и буйствомъ.

«Господь каралъ меня за грѣхи то потопомъ, то гладомъ, то моромъ, то видѣніями грозными... И все я не каялся!.. Наконецъ, Богъ послалъ великіе пожары. И вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои!.. Смирился духъ мой... Умилился я и позналъ свои согрѣшенія... Выпросилъ прощеніе у духовенства, у земли у всей... Далъ прощеніе князьямъ и боярамъ. Теперь васъ прошу — докончить устроеніе царства и земли... Дать порядокъ душамъ православнымъ, паствѣ Христовой!..

Вотъ чѣмъ отмѣченъ былъ 1550 годъ отъ Рождества Христова, двѣнадцатый годъ царствованія Іоанна IV *).

*) Царствен. книга. — Степен. книга. — Сказан. А. Курбскаго.



Казанское взятіе.

(Годъ 7060-й [1552], 20-го апрѣля — 2-го октября).

Веселый, свѣтлый весенній день сверкаетъ лучами надо всей Москвой, надъ Кремлемъ, надъ дворомъ государевымъ и надъ окрестными посадами.

Темныя стѣны старинныхъ церквей блестятъ подъ лучами, словно улыбкой озарены. Купола на солнцѣ — жаромъ горятъ. Но въ новомъ дворцѣ бѣлокаменномъ государевомъ и въ теремахъ государыни-княгини — тоска и тревога царитъ, омрачая весеннее, свѣтлое настроеніе души.

Дурныя вѣсти отъ Казани пришли. Татаре, агаряне невѣрные, совсѣмъ ужъ было присмирѣли, по-сосѣдски, по-хорошему съ Москвою жить стали, а теперь — опять замутились. Шихъ-Алея, царя, Москвою татарамъ даннаго, изъ юрта выжили, другого себѣ ищутъ, изъ Ногайской орды зовутъ.

Этотъ новый казанскій ханъ, сынъ царя астраханскаго, Кассая, — Эдигеръ, или Эддинъ-Гирей-Магома-Хозрой, человѣкъ Москвѣ знакомый. Одно время онъ у молодого царя Ивана при дворѣ проживалъ, къ русскимъ порядкамъ приглядывался. Даже, года два тому назадъ, Казань воевать съ русскими полками ходилъ. Можетъ быть, дума

про тронъ казанскій и тогда ужъ зрѣла у него? На лакомый кусокъ этотъ рѣдкій изъ татарскихъ царьковъ не зарился.

Совсѣмъ-то Казань въ рукахъ у Москвы была, да ужомъ-змѣей выскользнула. А тутъ и Эдигеръ скользкимъ угремъ, мимо русскихъ сторожевыхъ отрядовъ и станицъ, за Каму переправился, въ Казань вошелъ, затворился, рѣшилъ съ Москвой воевать, старой вольности добыть царству казанскому...

Да, совсѣмъ ужъ Казань было Москвѣ въ руки шла... И случай все испортилъ.

Шихъ-Алей посидѣлъ тамъ недолго на тронѣ. Безвольный, но хитрый, сладострастный и безстыдный, онъ былъ ненавидимъ своими подданными, князьями, узбеками, муллами... Словомъ, всѣми... И держался на тронѣ только при помощи сильнаго отряда стрѣльцовъ, данныхъ ему отъ Москвы. Какъ разъ такой это былъ царь казанскій, какого могли только желать русскіе. Все онъ дѣлалъ по волѣ Москвы. Смута росла и крѣпла въ царствѣ. Лучшіе, сильнѣйшіе люди въ ту же сосѣднюю Москву бѣжали. Здѣсь ихъ принимали ласково, городами дарили и держали про запасъ, чтобы и на Шихъ-Алея было кого выпустить, если тотъ зазнается... А съ уходомъ лучшихъ, сильнѣйшихъ бековъ и узденей, все больше и больше слабѣлъ, грозный когда-то юртъ агарянскій, Казань нечестивая. Отъ дѣда и отца принялъ одинъ завѣтъ Иванъ и, съ помощью старыхъ совѣтниковъ, умѣлъ выполнять этотъ завѣтъ отцовскій и дѣдовскій: смуту сѣять въ Казани, пока не пробьетъ часъ, чтобы совсѣмъ порушить царство, присоединить къ шапкѣ Мономаха и зубчатую корону казанскую... А время это, словно бы, и приспѣло.

Почти безъ бою можно было взять Казань на вѣки-вѣчные, да случай помѣшалъ.

Дѣло такъ было по первоначалу сложилось, что лучше и желать нельзя...

Всю эту зиму князья казанскіе въ Москву наѣзжали, на ставленнаго царя, на Шихъ-Алея жалобились...

Сѣдой важный старикъ, съ зеленой чалмой на бритой головѣ, Мурза-Алей, ходжа и князь казанскій, и Костровъ-бекъ, и Алемердинъ-мурза, и много другихъ — съ боярами и дьяками царскими долго толковали.

— Плохо намъ жить стало отъ царя Шихъ-Алея! — толкуютъ все они. Ужъ и что онъ ни творитъ у насъ въ юртѣ — сказать нельзя! Насъ — убиваетъ и грабитъ добро наше... Сколько мурзъ и бековъ побито — не счесть... Все ради ихняго добра. Хозяина — убьетъ, домъ — разоритъ! Пусть лучше государь, великій князь, уберетъ его... Намъ, какого ни на есть, намѣстника дастъ... Все лучше будетъ. А если самъ не захочетъ Шихъ-Алей уйти — пусть только государь прикажетъ своимъ стрѣльцамъ на Москву вернуться. Нашъ ханъ безъ нихъ часу въ Казани не побудетъ, бѣгомъ вонъ побѣжитъ. А мы станемъ съ Москвой по правдѣ жить... Вонъ, у государя больше 300 человѣкъ нашихъ улановъ, и мурзы, и князья есть... Пускай одного намѣстникомъ намъ посадитъ... И будемъ дружить съ Москвой... И ясакъ дадимъ, и всѣ порядки заведемъ, какъ государь велитъ... Только бы звѣря-хана Шихъ-Алея убралъ!..

— Вѣдь, вотъ, недавно, что только сдѣлалъ этотъ извергъ! говоритъ старикъ Мурза-Алей, и самъ дрожитъ весь, сѣдая борода трясется, на мутныхъ глазахъ слезы выкатились.

Догадались бояре, про что поминаетъ старикъ. Давно у нихъ вѣсти изъ Казани были о послѣднемъ злодѣйствѣ Шихъ-Алея, но, не моргнувъ глазомъ, дьякъ Клобуковъ, который принималъ гостей, спрашиваетъ:

— А что случилось? Скажи, почтенный князь!

— Слушай... Скажу... скажу... Такъ этотъ проклятый ханъ законъ нарушилъ, такъ нарушилъ, что не проститъ душѣ его милосердый Аллахъ... Гостей онъ по-

звалъ... Понимаешь: гостей на пиръ позвалъ... Гость — святое дѣло! Что у васъ, московов, то и у насъ... Еще больше у насъ! Гость — милость Аллаха... А Шихъ-Алей всѣхъ тѣхъ позвалъ, у кого близкаго роду нѣтъ, а добра много... Или кто когда-нибудь про него, про хана, слово дурное сказалъ. А какъ не сказать? И про Бога милосердаго, про Аллу — люди недовольное слово порой говорятъ... Такъ про злого хана — и вотъ какъ ругань идетъ... И созвалъ Шихъ-Алей... Много... Почти восемьдесятъ князей, и беки, и мурзы, и уланы знатные... И подъ конецъ пира, когда упились тѣ, всѣхъ зарѣзать, какъ барановъ, велѣлъ!.. Всѣхъ... И мой тамъ сынъ погибъ!.. Кровью весь дворецъ былъ залитъ... На дворъ кровь пролилась, словно кровавый дождь прошелъ... А звѣрь глядѣлъ и кричалъ: «Такъ всѣмъ моимъ измѣнникамъ будетъ!..» И потомъ все добро убитыхъ себѣ забралъ!.. Не можемъ мы его больше терпѣть. Если нѣтъ нашей силы — лучше вамъ, урусамъ, юртъ сдадимъ, но его не желаемъ!.. Вотъ, Аллахъ свидѣтель! — клятвенно поднялъ исхудалую, дрожащую руку старикъ.

И всѣ, тутъ же бывшіе князья, тоже подхватили клятву:

— Аллахъ свидѣтель!..

И вѣрятъ на Москвѣ, и не вѣрятъ. Можетъ быть, и правда, такъ ужъ всѣ люди казанскіе затравлены, такъ измучены смутами, которыя Москва же въ Казани посѣяла, что готовы даже на подчиненіе своей сосѣдкѣ, лишь бы мирно пожить?..

А на всякій случай Иванъ все-таки далъ знать въ Казань, Шихъ-Алею, что противъ него затѣвается... Если и прогонятъ его казанцы, все-таки, онъ другомъ Москвѣ останется, вѣчнымъ пугаломъ для юрта мусульманскаго, потому что всѣ права на тронъ казанскій имѣетъ этотъ толстый, развратный, жестокій татаринъ... И въ то же время знаетъ онъ, что безъ Москвы — правъ этихъ ему не осуществить никогда!..

Самъ Алексѣй Адашевъ съ княземъ Димитріемъ Палецкимъ и съ большой приличной свитой поѣхали къ царю. А тутъ же, вторымъ, негласнымъ посольствомъ, чтобы лѣвая рука не знала подвиговъ правой, — ко всей «землѣ» казанской, къ ея бекамъ и мурзамъ — снарядилось и второе посольство, ото всѣхъ, живущихъ на Москвѣ, князей татарскихъ. Послы повѣстили казанцевъ: о чемъ говорили князья государю?—и склоняли народъ: поскорѣй Шихъ-Алея свергнуть...

Все это тотчасъ же стало извѣстно толстому, лѣнивому на видъ, но лукавому царю Шихъ-Алею. Задумался онъ.

А Алексѣй Адашевъ мягко такъ совѣтуетъ:

— Самъ видишь, свѣтлый ханъ: плохи наши дѣла. Не удержаться тебѣ. Лукавы твои подданные. Сами къ Москвѣ просятся... Право, не удержаться тебѣ! Вспомни: какъ они Яналея, брата твоего, ухлопали? Такъ уйди по добру, по здорову. И намъ помоги: всѣ караулы и башни, ворота, входы и выходы въ городѣ намъ сдай. И скажи: «ото всего, молъ, отступаюсь! Русскимъ васъ, крамольники, отдаю!..» И поѣзжай, по старому, въ свой Касимовъ-городокъ, тамъ царствуй. А государь великій князь тебя много пожалуетъ за то: и городами, и казной своей богатой!

Задумался Шихъ-Алей. Быстро въ головѣ у лукаваго татарина разныя мысли проносятся.

«Сдамъ, — думаетъ: имъ Казань, — такъ мнѣ и сюда возврату нѣтъ, и на Москвѣ всю цѣну потеряю. А такъ, если въ борьбѣ царство имъ достанется, — мое дѣло сторона. Да и я еще на что-нибудь пригожусь гьяурамъ..»

И, пощипывая нѣсколько рѣдкихъ волосковъ, замѣняющихъ бороду на его оплывшемъ, женообразномъ лицѣ, Шихъ-Алей тягуче, медленно заговорилъ, плохо составляя русскіе обороты:

— Ээхъ, Алешъ! Харошъ ты башка, а понимать плоха мине можишь. Нилзя свой вѣра гьяурамъ даватъ, хошь

и кунакъ я съ вамъ... Не можно мине мусульменскій юртъ рушить... Сами придете — бироте, харашо... А я ни магу!

— Што-жъ, значитъ, воевать будешь? И съ нами, и со своими князьями да беками мятежными?

— И-и, нѣтъ! Храни мине Алла!.. Чиво война? Нечимъ мине война дѣлать... Зарѣзитъ мине будутъ! Нилзя мине тутъ жить. Въ вашъ Новый городокъ, на Свіягу уйду! А тутъ, пускай какъ хочутъ... А, толки, самъ я моссельменскій юртъ ни магу гьяурамъ... Пусть самъ, какъ хочутъ сибѣ...

Уперся на одномъ лукавый царь. Ни лаской, ни угрозой, ничего не могъ подѣлать Адашевъ. Такъ и ушли они съ Палецкимъ.

Но передъ самымъ отъѣздомъ князь Димитрій еще закинулъ слово Шихъ-Алею:

— Уѣзжаемъ, царь. Плохо тебѣ будетъ безъ насъ. Все одно бѣжать надо. Сдай же намъ городъ. Укрѣпи Казань за Москвой. Зла ты не видалъ отъ нея.

— Не видалъ, твоя правда! криво усмѣхаясь, отвѣтилъ ханъ. — Такъ и я, вѣдь, по правдѣ служилъ вамъ, хоть и чужіе вы мнѣ по вѣрѣ... хлѣбъ-соль вашу помня, старался... А только не хочу самъ на свою вѣру стать. Знаю, вижу, некуда мнѣ ѣхать, кромѣ государя Ивана Московскаго. Такъ поклянись мнѣ за твоего государя, что не убьетъ онъ меня...

— Что ты, царь? Да за что?!.

— За то!.. Ужъ донесли князю вашему, что я не всѣхъ гьяуровъ, вашихъ плѣнныхъ московов освободилъ... А какъ ихъ изъ лапъ у князей моихъ вырвать, когда тѣ готовы и мнѣ самому арканъ на шею накинуть!? И то я вашихъ — шестьдесятъ тысячъ головъ на волю пустилъ. Какая сила!.. Ц-ц-ц... Сколько лѣтъ ихъ въ Казань волокли! А я домой вамъ ихъ пустилъ. Сколько съ нихъ государь твой ясаку наживетъ? Вотъ, пусть же

онъ за то, къ Ханъ-Кирману, къ Касимову-городку моему, гдѣ сижу я обычно, придастъ, что можетъ, что мнѣ подобаетъ... Такъ я здѣсь всѣхъ, кто къ Москвѣ не тянетъ, всѣхъ вороговъ вашихъ изведу! Нарядъ крѣпостной: пушки, пищали, самопалы — всѣ перепорчу, зелье-порохъ подмочу... Государь придетъ, голыми руками всѣхъ перехватаетъ. И противиться ему никто не станетъ! А самъ никакъ юрта сдать не могу. Проклянутъ меня муллы. Подошлютъ кого, и горло перехватятъ, или ядомъ мои же бабы изведутъ. Строго у насъ, у мусульманъ, насчетъ вѣры!

— Ну, инъ такъ пусть будетъ!—согласился князь, видя, что Адашевъ, который нарочно держался словно въ тѣни, позади своего знатнаго сотоварища, доволенъ и не противорѣчитъ.

Досталъ князь крестъ тѣльной и далъ требуемую ханомъ клятву.

И уѣхали они назадъ на Москву передать все Ивану, что отъ хана слышали. А въ Казани остались только попрежнему стрѣльцы московскіе, пищальники, въ видѣ обороны хану, подъ начальствомъ Ивана Черемисинова, сына боярскаго.

Немного спустя, 6 марта, царь Шихъ-Алей и привелъ въ исполненіе свой планъ.

Всегда въ эту пору на охоту и на рыбную ловлю ханъ выѣзжалъ, въ сопровожденіи блестящей свиты.

И теперь всѣхъ своихъ друзей и завѣдомыхъ недруговъ пригласилъ лукавый азіатъ. Человѣкъ около ста знати татарской собралось изъ тѣхъ, кто въ Казани проживалъ.

Стрѣльцы московскіе, охрана царя казанскаго отъ его же народа, такъ человѣкъ 500, съ пищалями, въ полномъ боевомъ нарядѣ, какъ всегда, за царемъ ѣдутъ.

Мурзы и князья толпами, кучками, въ пестромъ безпорядкѣ, по дорогѣ растянулись, разсыпались.

Вотъ и на мѣсто пришли. Станомъ надъ озеромъ стали. Пора къ дѣлу приступать. Но что за чудо?..

Стрѣльцы стали какія-то движенія дѣлать, словно все

мѣсто, гдѣ станъ расположился, кольцомъ окружить хотятъ. Кто изъ бековъ и князей постарше, подогадливѣй сразу вскочилъ на коня и прочь поскакалъ. Но большинство ужъ принялись за пиршество, которымъ всегда сопровождалась эта поѣздка. И не замѣтили, какъ были всѣ окружены, переловлены, перевязаны. Появился и Шихъ-Алей передъ ними, трепещущими, блѣдными.

— Что же? Зарѣзать насъ хочешь, какъ другихъ? Рѣжь скорѣй, кровопійца!—крикнулъ кто-то голосомъ, полнымъ ненависти и отчаянія.

— Рѣзать? Зачѣмъ рѣзать? Вы всѣ такіе вѣрные слуги мнѣ! Правда, вы за чужимъ царемъ, за нагайцемъ посылали, убить, отравить меня собирались... жену мою на это подбивали. Предавали меня князю московскому... Просили, чтобы убралъ онъ меня отъ васъ. Вотъ, я и ѣду на Москву. Только и васъ съ собой беру. Не поцарюете вы въ Казани безъ меня!.. Предатели!

И, плюнувъ ближайшему, Исламъ-бегу, прямо въ бороду, онъ отъ сдержанной ярости пнулъ связаннаго князя концомъ своего остроконечнаго сапога.

— Предатель—ты!.. сквозь зубы прохрипѣлъ поруганный старикъ.

— Предатель! какъ эхо отозвался Кебякъ-князь и Аликей Чуринъ-мурза, родичи Ислама, люди знатные, извѣстные на Москвѣ и потому не потерявшіеся даже въ такую тяжелую минуту.

Эти князья сообразили, что если еще живы они, значитъ, Москва посовѣтовала и внушила хану поудержаться, крови напрасно не лить.

И они не ошиблись.

Поневолѣ сдержавъ свою холодную, непримиримую ярость, всѣхъ ихъ Шихъ-Алей съ собою въ Свіяжскъ-городокъ привелъ, какъ ему Адашевъ раньше совѣтовалъ.

Въ Свіяжскѣ плѣнники, всѣ восемьдесятъ-четыре человѣка, сейчасъ же были на волю отпущены.

Оно и понятно! Вѣдь эти же самые беки и посылали въ Москву, призывая ее себѣ на помощь. И государю московскому беречь друзей, а не казнить ихъ надо.

Самыя лучшія, дружескія отношенія быстро установились между русскими воеводами, стоявшими на Свіягѣ, и новыми подданными великаго князя, мурзами и бегами, приведенными Шихъ-Алеемъ. Всѣ они искренно желали ввести въ городѣ власть Москвы. Только трое, которыхъ недавно и слишкомъ жестоко оскорбилъ ренегатъ Шихъ-Алей, только Исламъ-бегъ, Кебякъ-князь и Аликей-Чуринъ-мурза не мирились съ тѣмъ, что ханъ предалъ юртъ казанскій.

Шихъ-Алей, чуявшій затаенную вражду трехъ беговъ, предупреждалъ русскихъ бояръ. Но всѣ остальные князья вступились за собратьевъ.

— Не надо ихъ ковать! Не надо на Москву посылать! Мы всѣ за князей этихъ порука. Вмѣстѣ вамъ Казань сдадимъ, вашихъ воеводъ посадимъ. Сами народу скажемъ, что надо Москвѣ присягать, дань давать, полки для нея собирать!..

И немедленно завязали князья переговоры съ казанцами, совѣтуя имъ безъ боя сдаться на милость московскаго государя.

И воины, и простой народъ казанскій, видя, что лучшіе люди перешли къ Москвѣ и завѣряютъ ихъ словомъ и дѣломъ, что такъ надо,— согласились впустить въ городъ и въ крѣпость русскій отрядъ, признать воеводъ русскихъ и намѣстника въ Казани, князя Семена Ивановича Микулинскаго.

У Волги встрѣтили свіяжскихъ воеводъ послы казанскіе съ княземъ Шамсеемъ и съ царевичемъ Ханъ-Кильдеемъ во главѣ. И другъ Москвы, Бурнашъ, и Чапкунъ— оба князя тутъ же были.

Появилась, наконецъ, Сююнъ-бека, царица казанская, жена Шихъ-Алея. Русскіе должны въ юртъ вступить, а

она—въ Свіяжскъ, къ мужу отправляется. Не охота ѣхать. Знаетъ Шихъ-Алей объ ея сношеніяхъ съ его врагами. Да поневолѣ везутъ царицу къ мужу.

А бояринъ Иванъ Черемисиновъ, тотъ ужъ и въ самую Казань, охраняемый двумя-тремя беками, пробрался, тамъ присягу отъ жителей по мечетямъ принимаетъ: на служеніе государю великому князю московскому, Ивану Васильевичу.

Кудай-Кула, уланъ знатный, улусникъ большой, и муллы съ нимъ казанскіе, и простой народъ — всѣ навстрѣчу боярамъ спѣшатъ. Покорность изъявляютъ, милостей и казны выпрашиваютъ...

И на радостяхъ такой минуты никто не замѣтилъ, какъ отдѣлились ото всѣхъ три князя, жестоко ханомъ обиженные: Исламъ, Кебякъ и Аликей-Чуринъ-мурза.

Миновавъ сакли аула Бэжъ-Болда, гдѣ встрѣча вся столпилась, князья эти стегнули коней и вихремъ помчались по знакомой дорогѣ, прямо въ городъ, въ крѣпость казанскую, минуя тѣсные, кривые, грязные переулки посадовъ городскихъ.

Мчатся, пригнувшись къ самой лукѣ своихъ высокихъ восточныхъ сѣделъ, а сами все назадъ оглядываются: не замѣчено-ль ихъ бѣгство? Нѣтъ ли погони?

Но дорога пуста за всадниками. Только веселые крики и гомонъ отъ мѣста встрѣчи московъ съ казанцами до ушей бѣглецовъ вѣтромъ доносятся.

Вотъ и ворота Мурзалеевы. Кто ихъ сторожитъ? Московскіе люди или своя еще стража стоитъ? Остановятъ, пожалуй, если стрѣльцы тутъ, пропускъ спросятъ...

Нѣтъ: слышенъ издалека князьямъ говоръ родной, гортанный. Вонъ, лукъ за спиной у стражника, стоящаго на башнѣ, вонъ, уборъ головной, татарскій, виднѣется...

И, не умѣряя ходу, вихремъ влетѣли три князя подъ своды воротъ, съ крикомъ:

— Аллахъ милосердый! Спасайся, кто можетъ! Запирайте ворота! Гьяуры идутъ всѣхъ вырѣзать въ Казани

Осада Казани
Ертаулъ
Передовой полкъ
Большой полкъ
Правая рука
Лѣвая рука и Сторожевой полкъ
Ромодановскій
Царскій станъ
Волга

Высыпавшіе изъ башни сторожа повѣрили своимъ князьямъ, сейчасъ же стали запирать тяжелыя ворота, поднимать мосты надо рвомъ, при чемъ заскрипѣли петли, задребезжали ржавые блоки и цѣпи.

И дальше, отъ воротъ къ воротамъ, разсыпавшись въ три конца, понеслись заговорщики, увѣряя татаръ, что гьяуры все имъ лгали. Имъ бы только въ крѣпость войти, городомъ овладѣть! А государь московскій приказалъ всѣхъ мусульманъ вырѣзать, добро, и землю и дома ихніе— своимъ слугамъ раздать... И только для отвода глазъ казанцамъ миръ и милость царская обѣщана...

Словно рой взбудораженныхъ пчелъ, загудѣлъ, зашевелился цѣлый «городъ». Кто только могъ, всѣ брались за оружіе. Ворота крѣпостныя запирались накрѣпко. Кромѣ Ивана Черемисинова со свитой, мало кто изъ русскихъ и выскочить успѣлъ...

И князья съ нимъ ушли, кто посмирнѣе, мурзы татарскіе, которымъ ужъ война и разгромъ этотъ вѣчный понадоѣли.

На встрѣчу торжественному шествію русскихъ воиновъ дурныя вѣсти дошли...

Городъ потерянъ снова. Мятежъ въ Казани. Говорятъ, будто самъ Шихъ-Алей проболтался о планѣ русскихъ: вырѣзать всѣхъ татаръ.

Ни увѣщанія, ни угрозы не помогли! Казань, все царство татарское, уже безъ бою въ руки попавшее Москвѣ, снова ускользнуло изъ нихъ!

То, что можно было даромъ брать, теперь приходится кровью добывать.

Черезъ мѣсяцъ — новыя вѣсти изъ Казани: новый царь возсѣдаетъ въ юртѣ казанскомъ... Эдигеръ, Эддинъ-Гирей, царевичъ астраханскій... А онъ умѣетъ драться. Иванъ видѣлъ его въ дѣлахъ.

И вотъ весной, когда природа просыпалась, несла людямъ веселье и миръ, въ Москвѣ собирались нанести по-

слѣдній ударъ строптивому царству казанскому, которое, словно бѣльмо на глазу, сотню лѣтъ торчало на крутомъ берегу Казанки-рѣки, у самой Волги, этого исконнаго торговаго русскаго пути и на Югъ, и на Востокъ далекій.

Вотъ отчего грусть, словно тѣнь, омрачаетъ всѣмъ лица во дворцѣ великаго князя и царя Ивана Боголюбиваго, какъ его теперь народъ и попы зовутъ за преданность церковнымъ службамъ и молитвѣ.

Кого — грусть, а кого и забота одолѣваетъ сейчасъ во дворцѣ.

Война предстоитъ тяжелая, дѣло нешуточное! Да и не въ урочное время задумалъ ее вести царь. Весною начинать хочетъ, когда всѣмъ пахать и сѣять пора, а не въ походъ собираться.

Простымъ людямъ — сѣять и пахать, а боярамъ, людямъ богатымъ и знатнымъ — за челядью приглядывать, на круглый годъ запасы запасать.

Всегда раньше къ осени, или къ поздней зимѣ подгонялись войны, когда у себя дома и дѣлать нечего.

Правда, не совсѣмъ удачны бывали такіе походы, особенно на Казань, куда не только надо много народу сбить, но приходится еще и запасовъ, снаряду, пушекъ наготовить, чтобы сильную осаду сразу повести.

Ну, да, авось, и вышло бы, сладилось бы дѣло безъ дальнихъ снаряженій. Какъ отцы воевали, такъ и теперь можно.

Такъ, нѣтъ! Словно учитъ кто царя молодого. Всѣ онъ вины прошлыя и промахи боярскіе повызналъ, часто про нихъ боярамъ и воеводамъ говоритъ, новыхъ порядковъ требуетъ. Когда сказали Ивану про новую измѣну казанскую, онъ, словно, даже доволенъ остался.

— Ну, ладно же! Теперь я съ ними иначе поверну. Силы у нихъ большой не осталось. Дѣла ихнія мы знаемъ. Конецъ юрту казанскому! Не добромъ, такъ силомъ ихъ возьмемъ.

Сказалъ, а потомъ задумался.

Такъ около мѣсяца прошло.

Князья, мурзы татарскіе, какіе только въ рукахъ у русскихъ находились, всѣ на замкѣ теперь сидятъ. И не могутъ они въ свой городъ никакихъ вѣстей ни про что передать.

А на Москвѣ, видимо, къ большому походу снаряжаются.

Апрѣльскій, весенній, ясный день горитъ надъ Кремлемъ.

Въ Столовой Палатѣ у царя Ивана Васильевича совѣтъ большой созванъ, судъ да ряда идетъ.

Въ большой горницѣ широкія лавки по стѣнамъ мягко устланы. Среди возсѣдающихъ здѣсь, московскихъ бояръ выдѣляются своимъ восточнымъ нарядомъ и головными уборами на бритыхъ головахъ два мусульманина: Юнусъ, царевичъ крымскій, и астраханскій царевичъ Казъ-Булатъ-Тохматышъ. Они съ младшимъ братомъ, Абдуллой, братья по отцу того самаго Эддинъ-Гирея, противъ котораго походъ замышляется на Казань.

Отъ разныхъ матерей всѣ три брата-царевичи и каждый питаетъ надежду, если прогонятъ Эдигера, самому сѣсть на столъ Казанскій, овладѣть богатымъ юртомъ. Эту надежду еще поддерживаютъ въ Казы-Булатѣ стольники его, бояре московскіе, приставленные столько же для почету къ азіатамъ-царевичамъ, сколько и для надзора за ними, и для внушенія тѣхъ именно мыслей, какія нужны Москвѣ.

По виду полный почетъ и уваженіе, и ласка окружаютъ царевичей. И на пирахъ, и на совѣтахъ великокняжескихъ— мѣсто ихъ ближнее къ царскому мѣсту, сейчасъ за роднымъ братомъ, за Юріемъ, за двоюроднымъ, за Владиміромъ Андреичемъ, да за дядей царевымъ, Глинскимъ. Даже родичи царя по женѣ, Захарьины, съ лѣвой руки сидятъ, а царевичи невѣрные по правой усаживаются, да порой еще, по своему, и съ ногами на лавку заберутся,

калачомъ ноги свернутъ и сидятъ. Недавно они на Русь припожаловали, особенно Казы-Булатъ. Обычаевъ русскихъ не усвоили себѣ.

Всѣ собрались ужъ и ждали выхода царскаго, когда Иванъ появился. Высокій, стройный, пополнѣлъ онъ очень съ той поры, какъ женился... какъ прежнія свои буйныя дѣла позабылъ.

Только и есть, что съ особой страстью по церквамъ ходитъ, молится, или на охоту выѣзжаетъ.

Сѣлъ Иванъ на свое мѣсто. Адашевъ стоитъ за плечемъ у царя. Вдругъ за дверьми, ведущими въ царскіе покои, голосъ младшаго брата Юрія послышался съ обычной входной молитвой:

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!

— Аминь! Входи, входи, Юра! входи, брате-государе,— отозвался Иванъ и ласково поздоровался съ вошедшимъ Юріемъ, юношей лѣтъ двадцати.

Болѣзненно-толстый, съ одутловатымъ, блѣднымъ лицомъ, на которомъ слабо блестѣли водянисто-голубые глаза, Юрій сразу производилъ впечатлѣніе человѣка мягкаго, но крайне недалекаго, если не прямо придурковатаго.

И дѣйствительно: усердно выполняя все, чего отъ него требовалъ братъ и близкіе люди, онъ самъ никогда и ни въ чемъ не проявлялъ своей собственной воли.

Иванъ по обычаю оказывалъ Юрію всѣ внѣшніе признаки уваженія, какъ своему единственному брату. Звалъ на пиры, на совѣты. Но на пирахъ Юрій только ѣлъ и пилъ жадно и громко хохоталъ на выходки шутовъ и скомороховъ, вертѣвшихся тутъ же, между столами. Порой щипнетъ, или ударитъ кого нибудь изъ нихъ и самъ хохочетъ, заливается, слыша, какъ тотъ воетъ отъ боли.

На совѣтахъ Юрій сидѣлъ молча, громко, тяжело дышалъ, а то и просто сопѣлъ, особенно, если попадалъ сюда послѣ сытной трапезы. А иногда засыпалъ и такъ оставался до той минуты, пока его не будили и объявляли,

что время идти въ свои покои. Чаще же всего, получивъ обычное оповѣщеніе: «что государь великій и братецъ на совѣтъ его проситъ, милостью своей жалуетъ», Юрій по наученію ближняго боярина, отвѣчалъ:

— Благодарю на милости брата, государя моего великаго. Недуженъ я нынче. Не способно мнѣ на совѣтъ идти...

И оставался онъ у себя, проводя время или въ забавахъ со своими многочисленными шутами, дураками, карлами и учеными животными, или сидя съ женой, княгиней Ульяною, здоровой, недалекой женщиной, изъ не особенно сильнаго роду князей Палецкихъ.

Ульяна была довольна, что мужъ ея, хотя умомъ и здоровьемъ не похвастаетъ, да зато братъ государя, великаго князя московскаго... А чего не хватало ей въ жизни, простая, но лукавая, какъ всѣ русскія боярыни того времени, младшая княгиня московская умѣла находить такъ, что все оставалось шито да крыто. Пьянство и обжорство утѣшали Ульяну въ ея скукѣ.

Сейчасъ Юрій явился на томительное дѣло, сидитъ на совѣтѣ царскомъ не по своей волѣ.

Конечно, заранѣе всѣ, сюда пришедшіе, знали: о чемъ будетъ рѣчь. Недаромъ своякъ, шуринъ царскій, бояринъ Данила Романычъ, братъ царицы, въ Свіяжскій Новый городокъ съ большимъ отрядомъ посланъ, со служилыми людьми, съ обозомъ, со снарядомъ разнымъ воинскимъ.

Войны съ Казанью ждали и хотѣли всѣ на Москвѣ. Сильный это врагъ, что говорить! Да «по зубамъ калачъ», какъ говорили старики. Повозиться придется, но въ побѣдѣ нѣтъ сомнѣнья.

Одно непріятно: упорно толкуютъ, что юный царь самъ въ походъ собирается. Мало ему царской славы и выгоды, у воеводъ своихъ, у старѣйшихъ бояръ хочетъ славы и добычи отнять... А это многимъ не по сердцу. И вотъ, на брата царева повліять постарались, зная, какъ любитъ своего больного брата Юрія великій князь Иванъ.

Пришелъ Юрій, сѣлъ на свое мѣсто и слушаетъ. Ему ужъ втолковали: что и когда дѣлать надо?

Съ молитвой приступая къ дѣлу, царь первый заговорилъ ко всѣмъ, собравшимся на совѣтъ, князьямъ, воеводамъ, боярамъ:

— На Господа-Бога, Вседержителя неба и земли, полагаемъ всѣ надежды свои. Братъ-осударь, Юрій, и Володимеръ, любезный братеникъ мой, и вы, гости дорогіе наши, царевичи, и все бояре, воеводы и совѣтники наши! Слушайте, что скажу вамъ! По совѣту отца нашего и молитвенника, митрополита Макарія всея Руси, и по вашему слову давно порѣшено было: воевать казанскій супротивный юртъ, царство агарянское. Сколько терпѣли мы отъ нихъ — Богъ вѣдаетъ. На Него полагаюсь и на Пречистую Матерь Его, на Богородицу, и на великихъ чудотворцевъ московскихъ. Господь - Человѣколюбецъ вѣдаетъ то, что тайна для людей. И ничего я теперь иного не помышляю, ни славы воинской, ни прибытковъ излишнихъ казнѣ моей государской, но только требую покою христіанскаго. А можетъ ли быть тотъ покой, пока стоитъ царство Казанское? Никогда!..

— Никогда!.. Вѣрно!..—сразу отозвались голоса воеводъ и бояръ помоложе, захваченныхъ за живое первыми словами царя.

Только тѣ, что постарше: Никита, Ростовскій князь, Шуйскіе, Хованскіе, Бѣльскіе да Кубенскіе, кто изъ ихнихъ тутъ былъ, промолчали, ждутъ: что-то дальше будетъ?

Конечно, перенесли наушники царю, что о немъ бояре толкуютъ потихоньку, вотъ онъ громко имъ отвѣтъ на это даетъ. Есть теперь учителя у царя, помимо бояръ и князей старинныхъ. Вонъ, Алешка Адашевъ за спиной, словно мамлюкъ стоитъ. Попъ Сильвестръ. Да и самъ митрополитъ Макарій. Хоть и къ сторонкѣ онъ жмется, старый хитрецъ, а многіе смекаютъ: кто и попомъ Силь-

вестромъ и наперсникомъ - Алешкой вертитъ? Къ чему только добираются они? Богъ вѣсть! Очевидно, къ ослабленію боярскому, къ умаленію дружины и къ прославленію князя московскаго. Гнутъ, чтобы, дѣйствительно, только двое было хозяевъ: Великій князь, да патріархъ, святитель всеа Руси...

Смекаютъ это старые бояре и воеводы и слушаютъ молча, чутко ждутъ: что дальше будетъ?

А юный Иванъ, словно конь горячій, почуявшій ударъ шпоры, послѣ сочувственнаго говора своихъ молодыхъ сподвижниковъ, началъ еще рѣшительнѣй, еще горячѣй:

— Прямые враги и злодѣи Христа распятаго — злые казанцы! Ни о чемъ не помышлятъ иномъ, только бы мучить православныхъ рабовъ церкви Христовой. Ругаются надъ святымъ именемъ Божіимъ... Церкви оскверняютъ, іереевъ — муками лютыми жизни лишаютъ. И на всей окрайнѣ московской, которая къ Казани глядитъ, нѣтъ ни часу покойнаго отъ набѣговъ этихъ агарянъ, измаильтянъ нечестивыхъ! Договоровъ—не знаютъ и знать не хотятъ. Правды — не вѣдаютъ, слова клятвеннаго не держутъ... Такъ, мсти же Ты имъ, Владыко. А я по пророку реку: не намъ, не намъ а Имени Твоему славу и одолѣніе дай и нынѣ, и во вѣки вѣковъ! Аминь!..

— Аминь!.. набожно отозвались всѣ совѣтники.

— Кто не знаетъ кривды казанской? — продолжалъ царь: нужно-ль ихъ обиды и лжи пересказывать?..

— На что, государь? Сами все знаемъ!—отозвался Владиміръ Андреевичъ, нетерпѣливо постукивая рукой по столу. Ты, великій государь, какъ рѣшилъ, — говори.

— Ничего не рѣшалъ я пока. Вмѣстѣ рѣшать будемъ. Посланы мною отряды на Свіягу-рѣку. И вѣсти по посадамъ и городамъ даденыі, чтобы тутъ же, къ веснѣ — народъ служилый собирался. Да безъ вашего присужденія — дѣлу не зачаться. Какъ скажете: быть ли войнѣ съ Казанью, али не быть? Такъ и станетъ!..

— Быть!.. Быть!.. Конечно!.. Война!.. Война!..— кто громко, кто степенно, но рѣшительно,— сразу отозвались всѣ на вопросъ царя.

— Такъ и быти по сему!.. Пиши, дьякъ! По волѣ Божіей, съ созволенія митрополичьяго, по моему рѣшенію и по общему думскому приговору: война съ Казанью порѣшена и объявлена.

Дьякъ Клобуковъ, любимецъ царя и Адашева, застрочилъ по хартіи гусинымъ скрипучимъ перомъ.

А царь дальше продолжалъ:

— А какъ война рѣшена, я самъ пойду съ войскомъ, съ крестоносною хоругвію всего православнаго воинства, съ моимъ царскимъ стягомъ и полкомъ. Что на это скажете, дума моя вѣрная, князья и бояре, и всѣ вы? Такъ ладно ли будетъ? спрашиваетъ Иванъ, но по тону вопроса слышно, что не ждетъ онъ возраженій и не приметъ ихъ.

Молодые — и не думаютъ спорить съ такимъ рѣшеніемъ царя. Старики воздерживаются отъ прямого отвѣта, не рѣшаясь сказать ни да, ни нѣтъ.

Настало небольшое молчаніе. Въ теплой, душной комнатѣ, гдѣ собралось такъ много людей, воцарилась мертвая тишина и только въ окна палаты, вмѣстѣ съ лучами яснаго весенняго солнца,— врывались звуки неумолчнаго, веселаго пасхальнаго перезвона. Свѣтлая Недѣля еще не отошла и по всей Москвѣ колокола съ утра до вечера такъ и заливались, раскачиваемые усердіемъ посадскихъ людей и пришельцевъ деревенскихъ. Гудѣли колокола и на главной кремлевской колокольнѣ, на деревянной, шатровидной «звонницѣ», во имя Ивана Лѣствичника, на мѣстѣ которой теперь возвышается Иванъ Великій.

— Что же молчите всѣ? Или сказать даже нечего? Я совѣта прошу. Въ этомъ нельзя отказывать и постороннему кому, не то что государю своему...— очевидно, начиная раздражаться, нервнымъ, повышеннымъ голосомъ заговорилъ Иванъ.

Какъ ни старались усмирять юнаго царя его настоящіе руководители: Макарій, Сильвестръ и Адашевъ, но порою, противъ ожиданій, всплывало все дурное, и заложенное отъ природы въ Иванѣ, и навѣянное ему во времена боярскаго, безправнаго правленія.

Желая нарушить неловкость положенія, тихо, но внятно заговорилъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій, бояринъ митрополичій, котораго Макарій прислалъ отъ себя на военный совѣтъ. Самому владыкѣ, какъ пастырю духовному, — не подобало толковать о пролитіи крови, хотя бы и агарянской, магометанской крови невѣрныхъ татаръ.

— Государь, великій князь! Не за себя скажу, а за господина моего, владыку, святителя всеа Руси, за митрополита московскаго. Просилъ ты у него пастырскаго благословенія и преподалъ онъ тебѣ его, государь, и будетъ молить Господа, чтобы послалъ Руси одолѣніе надъ врагами. А съ кѣмъ Господь — люди могутъ ли на того? Дерзай, государь, борони вѣру Христову, по завѣтамъ дѣдовъ и отцовъ твоихъ. Недаромъ же носишь ты имя «Заступника христіанъ и всей земли Восточныя».

— Конешно... конешно... опять зашумѣли молодые.

А старики все молчатъ. Наконецъ заговорилъ престарѣлый почтенный бояринъ Вельяминовъ, «земскій заступникъ», какъ его всѣ прозвали.

Ему тоже не улыбалось отсутствіе молодого царя изъ Москвы, хотя по причинамъ совсѣмъ иного свойства, чѣмъ тѣ, какія были у другихъ старѣйшихъ бояръ-честолюбцевъ и стяжателей.

— Я, государь, — ты знаешь: не воинъ, славы бранной не ищу... Къ землѣ приросъ. У себя въ вотчинахъ сижу. Только по зову твоему на свѣтлыя очи твои и кажуся. О землѣ русской я скажу. Такъ мнѣ сдается: не слѣдъ тебѣ землю сиротить. Словно заря надъ Русью засіяла. Твое царенье праведное съ люда московскаго, съ пахарей и съ гостей торговыхъ, и со всѣхъ тяглыхъ людей —

словно вериги сняло. А уйдешь ты на войну, далекъ отъ насъ станешь,— снова лихіе людишки землѣ кривить станутъ... Обиды, прижимки, лихоимство пойдетъ...

— Что-о?.. нахмурясь, протянулъ царь: — такъ ты мыслишь, Ондрей Петровичъ, только пока на Москвѣ я, на глазахъ у всѣхъ, — потоль и правда въ русской землѣ стоитъ? Ну, не думаю. Народъ знаетъ: не на тотъ я свѣтъ уѣхалъ... И въ Казань будутъ ко мнѣ вѣсти доходить. И тутъ я землю не безъ головы оставлю... Отцы и дѣды мои же изъ Москвы выѣзживали... мѣстниковъ своихъ здѣся постанавливали... Кто-жъ мнѣ помѣшаетъ? А за глазами у меня — пусть кто попытается душой покривить! Хуже еще кару понесетъ, чѣмъ если при мнѣ бы что натворилъ!..

И нешуточной угрозой загорѣлись глаза Ивана, которыми онъ обвелъ все собраніе.

Очевидно, пылкая голова царя слишкомъ сильно была захвачена мыслью о предстоящемъ ратномъ подвигѣ. Его успѣли окончательно убѣдить въ необходимости и прелести военныхъ побѣдъ... И, предчувствуя, всетаки, возраженія со стороны нѣкоторыхъ «старинныхъ недруговъ рода царскаго, великокняжескаго», какъ называлъ Иванъ въ душѣ самовластныхъ первыхъ вельможъ-бояръ, — юноша ужъ волновался заранѣе, готовясь дать рѣшительный отпоръ...

Видѣли, поняли все это старые бояре. Вотъ почему они, обыкновенно такіе рѣчистые, — теперь молчатъ, усы покусываютъ сѣдые, да бороды себѣ разглаживаютъ широкія, серебристыя, окладистыя...

— Что же? Такъ и не скажетъ никто ничего? Не подастъ намъ своего совѣта?.. опять звенящимъ отъ волненія голосомъ переспросилъ юный царь.

— Знать бы прежде намъ желалось, государь! — заговорилъ князь Никита Ростовскій, пошептавшись со своими сосѣдями, все такими же первыми вельможами: — плохо

освѣдомлены стали мы нонѣ... Многое помимо насъ дѣется... Какая сила-возможность у насъ воевать съ Казанью? Запасу всего запасено ли? Да, вотъ, изъ той стороны, со Свіяги со рѣки вѣсти дурныя доходятъ... Не одна Казань, а и вся сторона горная противъ насъ идетъ-де... Изъ Крыма вѣсти худыя доносятся... Изъ Царь-града угрозой грозятъ... Какъ же царю Москву оставить? Ладно ли? Гляди, сотнею тысячъ ратниковъ съ Казанью не убраться, съ одною. А походъ во скоряхъ, какъ слышно... Гдѣ столько люду собрать? Чѣмъ кормить, питать ихъ? Гдѣ казны взять? Да и лѣто для пахарей и для насъ пропадетъ, ежели съ весны отъ сохи люди отымутся... Такъ ли, бояринъ?— обратился Ростовскій къ Вельяминову. Гляди: голодомъ безъ хлѣба насидимся...

— Такъ, такъ, княже... отозвался Вельяминовъ:— и я то же сказать хотѣлъ!

— Скоро сказка сказывается, дѣло вершится мѣшкотно бояре... Начало похода теперь, весною, точно. А самое дѣло дай Господи и къ осени начать. А то, я видалъ ужъ: начнемъ апосля Петровокъ сбираться, а подъ Казань къ самой Масленой, къ распутицѣ придемъ... какъ въ запрошломъ году. Мало тогда я слезъ пролилъ, мало горя принялъ, неудачу нашу видя? Нѣтъ, какъ говорю, такъ и будетъ. Не то что: сто,— полвторасто тысящъ воиновъ воздвигнется... Совсѣмъ сотремъ главу зміеву! Что Крымъ, что Царь-градъ, коли Богъ за насъ?! И пропитаться всѣмъ хватитъ! Свою казну, коли недостача будетъ, открою... Вонъ, я ужъ Володиміру Васильеву сказывалъ... Хватитъ ли казны у насъ, моей, родовой, не земской? Скажи, бояринъ?..

— На двѣ войны хватитъ!— отвѣтилъ съ поклономъ царю Головинъ, казначей Ивана, больше десяти лѣтъ умѣвшій удержаться на своемъ опасномъ посту, пожилой, благообразный бояринъ, ученый не по времени, знакомый съ латынью и съ нѣмецкой грамотой.

— Ну, вотъ!.. Зачѣмъ тебѣ свое добро изводить, государь!—раздались протестующіе голоса.

— Ничего! Мнѣ — земля отдастъ... новое мое царство Казанское... Съ него прибытки новые пойдутъ... Дающаго рука—не оскудѣетъ...

— Такъ чего же?.. Что же тутъ?!. И мы своего не пожалѣемъ! послышались взволнованные отдѣльные голоса.

Старики, всетаки, молчали.

— А что горная сторона на насъ,—то пустое. Придетъ воинство наше свѣтлое,—поганцы-кочевники, лошадятники — за нами, словно псы, потянутъ. Видалъ я ихнюю отвагу.

— Сказываютъ, — опять заговорилъ Ростовскій: — очень плохи порядки въ тѣхъ полкахъ, что на Свіягѣ стоятъ... А мы и свѣжихъ людей туды посылать собираемся... И ждать воинамъ долго придется. А тамо и безъ того — болѣсть на людяхъ, хворь тяжкая. Больше народу сберется, — пуще хворь разливаться учнетъ... цынга эта самая...

— На все воля Божія! Вѣдомо и мнѣ обо всемъ, что на Свіягѣ дѣется... Шуринъ мой тамъ, сами знаете... Данилушка. Онъ все отписываетъ мнѣ... какія тамъ беззаконія творятся! Такъ, вѣдь, то — безъ меня... А я пріѣду — ничего не дозволю... Я — не бояринъ, самъ хозяинъ земли! Свой глазъ—алмазъ... Сумѣю съ воинами, съ буями, поуправиться... Знаютъ, чай, они: «всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется! Никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть!»... не удержался и, по своей склонности къ Писанію, прочелъ напамять Иванъ. — Безъ меня — и воины стали буи... И воеводы спорятся, о мѣстахъ враждуютъ... А при мнѣ — не будетъ того. Куды кого захочу, туды и пошлю... Что еще не скажете-ль?

— Братецъ... осударь, — заговорилъ Юрій, замѣтивъ знаки, которые дѣлалъ ему тесть, князь Димитрій Па-

лецкій:— не уѣзжай лучше! Меня ты здѣсь, на Москвѣ, оставишь, а я опасаюсь! Человѣкъ я нездоровый. Что случится... враги ли придутъ, смута ли земская?— какъ помочь, чѣмъ борониться?.. Я и не сумѣю!..

— Ну, брате-государе, не толкуй попусту! Не одного тебя оставлю... И полки тутъ будутъ, и люди ратные... Молодъ ты...

«Глупъ» — хотѣлъ прибавить Иванъ, но удержался ради бояръ...

— Такъ, для совѣту — придамъ тебѣ людей вѣрныхъ... Вонъ, тесть твой, князь Димитрій... Онъ свое дѣло знаетъ. И Ростовскій князь съ нимъ...— словно на выборъ указалъ Иванъ на главныхъ противниковъ своимъ планамъ, облекая ихъ новымъ довѣріемъ, новой почестью, и такимъ образомъ обезоруживая вельможъ.—А тамъ,—продолжалъ царь: и еще добрыхъ совѣтниковъ къ нимъ придадимъ!

Лица стариковъ прояснились. Они ужъ явно-сочувственно стали относиться къ затѣѣ молодого царя.

— Что же, я готовъ тебѣ служить, государь!— отозвался Ростовскій князь.— Поѣзжай съ Господомъ... Извѣдай еще удачи, добывай славы бранной!..

Словно боръ дремучій подъ вѣтромъ затрепеталъ, зашептались, заговорили старики:

— Поѣзжай, царь!.. А лучше бы ты съ нами остался, надежа! Безъ хозяина — земля сирота! Оставайся лучше, царь! Молодъ ты. Побереги себя!—замѣняя молчаливый протестъ искренней просьбой, заговорили первые, старѣйшіе бояре.

— И не просите! Божья воля на то, чтобы я ѣхалъ! Царь — надежа для людей своихъ,— знаю! А моя, царская надежа — Самъ Господь Милосердый! Онъ пошлетъ мнѣ одолѣніе на супротивные! И не сиротой земля останется... Все я съ нею же буду!.. И думой моей, и властью царской! Да и ѣду не въ чужую землю, а въ нашу же,

сосѣдскую... Хоть сейчасъ она не совсѣмъ русская, такъ ею станетъ! Мнѣ и святитель Алексій являлся въ видѣніи сонномъ и то же повѣдалъ... вдругъ, вдохновенно произнесъ Иванъ.

Всѣмъ еще больше стала ясна и понятна та увѣренность, съ какою говорилъ царь о походѣ, та рѣшимость, какою дышало каждое слово, каждое движеніе юноши...

Всѣ смолкли на мигъ, а потомъ — рокотомъ пронеслось:

— Поѣзжай, княже-государе! Да будетъ воля твоя и Господня!

— Да будетъ тако! громко, радостно подхватилъ Иванъ. Пиши, дьякъ!.. А теперя — разсудить надо: какъ полки дѣлить? Кому съ какой рукой идти?.. Брате! — обратился онъ къ Владиміру Андреевичу, Старицкому князю: — у тебя мои записи были. Покажь-ка ихъ...

И въ нетерпѣніи Иванъ даже съ мѣста поднялся на встрѣчу двоюродному брату, который подалъ ему принесенные съ собой пергаментные столбчики-свертки.

Всѣ было приподнялись тоже съ мѣстъ. Но Иванъ нетерпѣливо махнулъ рукой — и они опять усѣлись, зная, что порой непосѣда-государь любитъ говорить стоя, особенно если волнуется.

По его знаку нѣсколько боярскихъ дѣтей, изъ живущихъ при думѣ царской, чтобы съ дѣлами знакомиться, — быстро придвинули къ Ивану стоящій здѣсь же, въ палатѣ, большой глобусъ, даръ германскаго императора.

Весь мѣдный, на невысокой подставкѣ, онъ былъ искусно награвированъ глубокой рѣзьбой. Земли и моря, извѣстныя тогда, были изображены подробно и отчетливо. Слабѣе всего представлено было царство Московское. Но здѣсь нашелся искусникъ у митрополита Макарія, который и пополнилъ, согласно мѣстнымъ свѣдѣніямъ, планамъ и картамъ, — весь Сѣверный край Европы и Востокъ ея, до Рифея, нанеся рѣзцомъ всѣ русскіе города, повѣты и поселки, а также и становья народовъ, смежныхъ съ Русью.

Твердой рукой, какъ бы выполняя заученный урокъ,— сталъ водить Иванъ по глобусу, отъ города къ городу, и говорилъ, не глядя даже въ списокъ:

— На свое дѣло земское, великое — перво-наперво, на судахъ, на Свіягу мы сильную подсобную рать пошлемъ. Ты, княже Александръ, и ты, князь Петръ Ивановичъ, еще съ другими боярими — войско то поведете передовое!— обратился Иванъ къ князьямъ Горбатому и Шуйскому.— Станете тамо зорко наше дѣло беречь, насъ съ достальными воеводами нашими и боярами, съ головнымъ войскомъ дожидаясь, а пока — горныхъ, кочевыхъ людей подъ нашу высокую руку приведете...

— Твои слуги, государь!..

Оба боярина отвѣсили низкій поклонъ:

— Въ нашемъ царскомъ полку — бояре наши ближніе: князь Володиміръ Воротынскій да Ваня Шереметевъ... Въ сторожевомъ полку — боярину и воеводѣ, князю Василію Серебряному быть съ московскими людьми, да Семену Шереметеву другому... Далѣй! слушайте! Московскіе люди изъ городовъ и посадовъ, всѣ служилые со чадью со своею — къ Мурому, сюды вотъ стекутся. Ужъ имъ знать дадено, вѣщуны посланы! Сеунчи поскакали... Нову-городу Великому и инымъ дальнимъ городамъ — всѣмъ людямъ ратнымъ отселева сбираться: правой руки полку, съ князьями Петромъ Щенятей да Ондреемъ Курбскимъ — прямо на Коширу, да на Коломну, на «берегъ» земли русской... Большому полку — идти со Мстиславскимъ, съ княземъ Иванъ Ѳедоровичемъ и Воротынскій при емъ... Нарядъ большой, пушки стѣнобойныя, запасъ свой царскій и припасы всѣ воинскіе — мы по водѣ, слѣдомъ за князь Лександрой да за Петромъ Иванычемъ пустимъ. А съ тѣмъ нарядомъ главнымъ и со всѣми припасами и казной воинской — тебѣ идти, бояринъ Михайло Яковлевичъ!.. Никому иному. Ужъ потрудися для земли! — обращаясь къ маститому воеводѣ Морозову, сказалъ ласково Иванъ.

— Тебѣ-ль просить, государь?! За честь и за память — спаси тя Господь, Христосъ милостивый, на многая лѣта! съ поклономъ, касаясь рукой земли, отвѣтилъ довольный почетнымъ и выгоднымъ назначеніемъ бояринъ.

— Ну, и ладно! И клюшники мои, съ моей, собинной казной и всѣми припасами — съ тобой же идутъ. Тебѣ ихъ препоручаю... Всѣ вы водой поплывете!.. А мы, какъ Богъ часу дастъ,—полемъ туды же пойдемъ... На случай, если кто изъ Крыму, али съ Ногайской стороны припожалуетъ... встрѣчу дать бы!

— Да ужъ чуть зажурчала вода по оврагамъ,— жди татарина гостя незваннаго! Это — дѣло неминучее! — отозвался князь и бояринъ, родичъ царя, Михайло Васильевичъ Глинскихъ, словно желая напомнить о себѣ.—А еще сказать: полемъ идти — надежнѣе. На водѣ — непривычны наши воины воевать. То ли дѣло въ степи? Тутъ никто русскому не страшенъ.

— Знаю, знаю, что въ степи безопаснѣе!.. слегка хмурясь, проговорилъ Иванъ. И ежели иду по такому пути,—такъ не отъ страху, а земли своей ради! Чтобы земля спокойнѣе была! Да чтобы путь нашъ еще поспокойнѣй былъ, для опаски для всякой — надо на Каму дѣтей боярскихъ съ ратниками да со стрѣльцами и казаковъ береговыхъ пустить... Вотъ, по сему пути... Гляди, дядя Михайло! Тебѣ туды ѣхать приходится. Мѣсто бойкое. Никому, кромѣ тебя, и препоручить нельзя.

— Ничего, живетъ! И не по такимъ бойкимъ мѣстамъ хаживали — цѣлы остались! Спасибо, государь, за память!.. смягченный тонкой лестью Ивана, поклонился Глинскій.

— Да съ Вятки я тебѣ на подмогу — воеводу Паука-Заболоцкаго на Каму дошлю. Придетъ онъ съ Устюжскими волостями, да съ селянами вяцкими... Они край знаютъ, зѣло погодятся тебѣ! Да еще тамо Григорій Сукинъ у насъ... Онъ подъ тобой же станетъ, сойдетъ съ Вятчины... А ты, князь Михайло, гляди: какъ добудешься

до мѣста, по всѣмъ перевозамъ, по Камѣ да по Вяткѣ, мѣстныхъ, городовыхъ дѣтей боярскихъ, служилыхъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ и вятичей поставь, чтобы на подмогу Казани — кочевниковъ изъ степи не пущали...

— Вѣстимо, государь, не впервой!

— Ну, то-то-жъ! И на Свіягѣ-рѣкѣ, княже Лександра, снова обращаясь къ Горбатому, сказалъ Иванъ: — то-же учини... Отъ міра отрѣжь агарянъ нечестивыхъ!..

— Исполню, государь, и безо всякой отмѣны!

— Знаю. Далѣй теперя. Лѣвой руки полку воеводы два Димитрія князя: Микулинскій да Плещеевъ остаются. А тамъ и мы подоспѣемъ... И съ нами Богъ!..

— Съ нами Богъ!.. отозвались всѣ, окончательно захваченные увѣреннымъ, горячимъ словомъ молодого царя.

Въ это время придверникъ подошелъ къ Адашеву и что-то ему шепнулъ.

Адашевъ, вслѣдъ за царемъ, давно ужъ перешедшій къ окну, гдѣ установили глобусъ, — въ свою очередь почтительно наклонился къ Ивану и передалъ ему докладъ придверника.

— А!.. Отъ владыки, отца митрополита, отецъ нашъ духовный, батько Селивёрстъ... Пусть идетъ...

И царь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу посланному Макарія, своему духовнику и наставнику.

Какъ только вошедшій протопопъ Сильвестръ выпрямился послѣ обычнаго поклона царю, Иванъ подошелъ къ нему подъ благословеніе, усадилъ духовника и тогда только спросилъ.

— Что принесъ намъ, отче, отъ владыки митрополита?

— По желанію твоему, государь, сыне мой духовный, — всему люду ратному, московскому, что на Свіягѣ-рѣкѣ, паче чѣмъ въ болѣстяхъ, во грѣсѣхъ погрязъ, — шлетъ имъ владыко-первосвятитель, милостію Божіею, посланіе свое архипастырское... Мыслитъ: очистятъ воины души

ихнія отъ скверны и Господь очиститъ отъ хвори тѣлеса ихъ грѣшныя... Вотъ, вручаю тебѣ милость и слово архипастыря нашего.

И бережно, почтительно передалъ протопопъ царю посланіе къ войскамъ русскимъ на Свіягѣ, страдавшимъ отъ жестокой цынги и утопавшимъ въ распутствѣ...

— Богъ посылаетъ тебя, отче! Слово святое — не иначе, какъ въ часъ добрый да у мѣста! Только мы и поминали нестроеніе наше свіяжское... Вотъ, послушайте, князи и бояре, дума моя царская, что пишетъ владыко-митрополитъ нашему войску на Свіягу. Читай, дьякъ!..

Передавъ свертокъ Клобукову, Иванъ оперся локтемъ на подоконникъ окна, у котораго теперь опустился на скамью, и сталъ слушать со всѣми вмѣстѣ.

Монотоннымъ, безстрастнымъ голосомъ началъ читать Клобуковъ посланіе Макарія.

Иванъ, зная заранѣе содержаніе свитка, не зря приказалъ читать его при тѣхъ воеводахъ, которые отправлялись сейчасъ на подмогу свіяжскому войску.

И теперь, переглянувшись съ Адашевымъ, Иванъ не удержался, чтобы не сдѣлать знака, имѣвшаго смыслъ въ родѣ:

— Пусть слушаютъ! Кошку-то бьютъ, а невѣстку пріучиваютъ: чище бы дѣло дѣлала:

Адашевъ, понявшій мысль царя, отвѣтилъ ему едва замѣтной, мимолетной усмѣшкой.

А Клобуковъ читалъ:

«Благословеніе преосвященнаго Макарія, митрополита всеа Руси въ новый Свіяжскій градъ. Духомъ Святымъ осѣненнаго, смиреннаго господина и сына нашего, благочестиваго и христолюбиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всеа Руси — князьямъ его и боярамъ, и воеводамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всѣмъ воинскимъ людемъ и всему, христоименитому народу!..

«И подвигомъ крѣпкимъ и упованіемъ неуклоннымъ ко Всемогущему Богу юнаго царя нашего, Ивана Боголюби-

ваго, и по благословенію нашего смиренія, моленіемъ всего святительскаго и священнаго чина и всего православнаго христіанства—благоволи Богъ создану быть граду новому Свіяжскому и въ немъ святымъ Божіимъ церквамъ...» однообразно, безучастнымъ голосомъ читаетъ дьякъ.

Иванъ разсѣянно слушаетъ. Онъ заранѣе знаетъ: что дальше? И, глядя въ окно, которое юноша даже распахнулъ, такъ какъ въ горницѣ стало слишкомъ душно, онъ всею молодой, широкой грудью вдыхаетъ весенній свѣжій воздухъ, думаетъ о предстоящемъ походѣ.... Все такъ хорошо уладили и расписали ему его теперешніе совѣтники. Вонъ, какія строптивыя, сѣдыя бороды есть въ Думѣ, а не нашли что возразить! И война—тоже кажется ему такой блестящей, легкой, заманчивой... Вотъ, какъ онъ читалъ про походы Александра въ Азію...

Правда, два похода подъ Казань неудачны были. Да сами виноваты. Уходить во свояси приходилось, врага и не повидавъ! А и то, агаряне сколько струсили!

Такъ нынѣ, не то еще ихъ ждетъ!.. Пораженіе окончательное...

Клобуковъ, между тѣмъ, продолжаетъ читать, какъ бы отвѣчая на думы царя:

— «И дарова Господь Богъ благочестивому царю нашему и всему его христолюбивому воинству свѣтлую, безъ крови побѣду на вся сопротивныя: Казанское царство покорися и на всю волю вдася государю благочестивому царю нашему...

— Да, въ рукахъ было, да сплыло! думаетъ царь. Не умѣли удержать бояре старые, лѣнивые, жадные, перекорливые!.. Теперь самъ промыслю о Казани. Назадъ не верну, коли въ руки ее схвачу!..

— «И казанскій царь и царица въ руцѣ его предавшись, продолжаетъ звучать голосъ дьяка, будя жгучія, дразнящія душу Ивана, воспоминанія:—и крѣпкая ихъ опора, крымскіе князи и уланы (улусники) и мурзы плѣнены

быша. И благочестивый государь завоеванный градъ Казань и со всѣми улусы вручилъ своему царю Шигалею. А горняя Черемиса вся покоришася и приложися ко новому Свіяжскому городу. И тьмочисленное множество христіанъ, мужей и женъ, юношъ и дѣвицъ, и младенцевъ изъ поганыхъ рукъ, изъ плѣну возвращахуся во свояси. Крымскій же царь и нагайскіе князи, и многія орды и литовскіе короли и нѣмецкіе, съ мировыми граматами и съ честными дарами свои посланники къ нашему государю присылаху! И вси концы земли устрашалися. И отъ многихъ странъ цари и царевичи, и казанскіе князи и мурзы, и сеиты, и уланы, и вси чиновные люди, сами, своею волею, служить къ нашему благочестивому царю придоша!..»

Читаетъ дьякъ этотъ урокъ родной, современной имъ исторіи, всѣмъ, сидящимъ здѣсь, бородатымъ и сѣдымъ ученикамъ, не умѣющимъ глядѣть — и видѣть, слышать— и разумѣть! А юный кормчій огромнаго, но неулаженнаго корабля—и не слушаетъ рѣчей митрополита, передаваемыхъ безстрастнымъ голосомъ дьяка. Иванъ весь въ будущемъ... Недаромъ предсказаніе было, что Москва четвертымъ Римомъ станетъ... вѣчнымъ, нетлѣннымъ Римомъ, гдѣ установится на вѣки престолъ Божій, алтарь вѣры христіанской... Вотъ, онъ, Иванъ разгромитъ Казань. А тамъ—Астрахань и Крымъ на череду. А тамъ и Царьградъ недалече. Вѣшали же предки Ивана свой щитъ на вратахъ этого города. Византія не слабѣй тогда была, чѣмъ турки нынѣ, а у Ивана воиновъ поболѣ, чѣмъ у Святослава. Кто знаетъ? Вонъ, друзья его: Макарій, Сильвестръ и Адашевъ Алеша говорятъ:

— Живи хорошо, слушай насъ, великимъ царемъ будешь!..

Хоть и не любитъ онъ подчиняться, но ради будущаго величія отчего не потерпѣть, отчего искуса не перенести?

Онъ все испытаетъ, всему самъ научится, славы царской и ратной добудетъ, и тогда...

О, тогда и самъ митрополитъ его долженъ будетъ послушать!..

А Клобуковъ, кончивъ перечислять свѣтлыя картины, удачи, дарованныя Богомъ, пока войско было чисто и набожно, перешелъ къ инымъ картинамъ, къ тому, что сейчасъ въ войскахъ на Свіягѣ творится.

— «О, чада! взывалъ пастырь: откуду посрамися мудрованія разума вашего? Забыли вы подвиги бранные ради страстей земныхъ! Оле, произволеніе злое! Сотворилъ ны Богъ по образу своему и подобію. Но, помрачившись, по плоти ходите, а не по духу! Закону Божію не повинуетесь. Женамъ угодіе творяще, бритву накладующе на брады свои! Забыли страхъ Божій и совѣсть свою попрали, иже православнымъ не подобаетъ того творити, понеже сіе—дѣло латинскія ереси и чуждо христіанскаго обычая. Блудолюбіе то есть и поруганіе образу Божію. И сице безуміемъ своимъ и законы преступая, безсрамно и безстудно блудъ содѣвающе, содомское, злое, скаредное и богомерзкое дѣло...»

Слушаютъ и краснѣютъ многіе изъ сидящихъ. Не столько отъ негодованія, сколько чувствуя, что ударъ и въ нихъ попалъ по дорогѣ.

— «Наипаче-жъ не промолчу безумія ихъ! все усиливаетъ обвиненія свои пастырь:—еже не престаютъ Бога оскорблять, оскорбляя и растлѣвая своихъ же собратьевъ, плѣнниковъ, изъ рукъ агарянъ освобожденныхъ, не щадя ни благообразныхъ женъ, ни добрыхъ дѣвицъ!

«О, горе и увы!.. превратихомъ великую Божію милость на гнѣвъ!» еще сильнѣе продолжалъ ораторъ, и началъ грозить всѣми казнями въ той и въ этой жизни, если воины не раскаются, не обратятся къ прежней чистой, христіанской жизни.

А тексты изъ Библіи и Евангелія заканчивались еще и другою угрозой:

— «Аще ли кто изъ васъ забылъ страхъ Божій и заповѣдь царскую, и не учнутъ каятись, отнынѣ и впредь учнутъ бороды брити или обсѣкати, или усы подстригати, или скверныа въ содомскіе грѣхи падати или учнутъ въ прелюбодѣйство и въ блудъ впадати, и потомъ обличены будутъ, тѣмъ всѣмъ быти отъ благочестиваго государя въ великой опалѣ, а отъ нашего смиреніа и ото всѣхъ священныхъ соборовъ—отлучени быти. И сего ради писахъ, ища пользы вашимъ единороднымъ, безсмертнымъ душамъ по Господней заповѣди!.. И вы бы, все благочестивое воинство царя Ивана Боголюбиваго, отнынѣ и впредь потщалися вся сія исполнити, елика ваша сила-возможность...»

И затѣмъ ужъ въ болѣе мягкомъ, примирительномъ тонѣ кончалъ свои обличенія пастырь...

Вотъ и «Аминь»... И дочитываетъ говоркомъ дьякъ:

«Дано на Москвѣ, лѣто 7060... мѣсяцъ... число...»

А царь Иванъ перенесся думой къ тѣмъ днямъ и годамъ, когда онъ самъ грѣшилъ, какъ всѣ эти ратники тамъ, на Свіягѣ! Но онъ—одумался, исправился... Онъ!.. Царь!.. А имъ, рабамъ, и сходить не слѣдъ съ пути истиннаго! Темныя души ихнія и при полномъ благочестіи—едва ли спасены будутъ... Но онъ ихъ охранитъ... Не одними посланіями, нѣтъ,—а мѣрами болѣе крутыми...

— Слышали, бояре, слово владыки-государя нашего? А я еще говорю: грозна будетъ опала моя на ослушниковъ, на содомлянъ и блудниковъ окаянныхъ! Слушай, князь! обратился царь къ Горбатому:—и ты, Петръ Иванычъ! Прибудете на Свіягу—зорко блюдите! Не станутъ пастырскаго слова слушать,—смердъ ли, бояринъ ли,—въ тотъ же мигъ, безъ долгихъ рѣчей—на висѣлицу... Для острастки... Двухъ-трехъ покараемъ—тысячи спасемъ!—добавилъ Иванъ, замѣтя, какъ словно облако нашло на бояръ послѣ его рѣзкаго слова, послѣ приказа: вѣшать всѣхъ...

— Исполню, государь! отозвался Горбатый.

— Все будетъ по твоему! поддержалъ Шуйскій.

— Ну, а сверхъ того—мы здѣсь, какъ со владыкой совѣтовано,—образа подымемъ, мощи святителей... Въ соборной церкви Успенья Пресвятой Богоматери Нашей молебны отслужимъ съ водосвятіемъ... И ту воду, вмѣстѣ съ посланіемъ преосвященнаго, протопопъ Тимоѳей архангельскій къ войскамъ повезетъ. Милость Божія отвратитъ моръ и бѣду!

— Весна близко... Кормы перемѣнятся — тоже на пользу станетъ! проговорилъ князь Ростовскій.

— И то правда. А мы еще — изъ нашего двора лѣкаря пошлемъ съ вами, воеводы. Есть у меня одинъ изъ гданскихъ нѣмчиновъ. Онъ по этой цынгѣ, сказываютъ, гораздъ лѣчить. Пусть зелья съ собой беретъ, какого надо. Прикажи, Володиміръ Васильичъ!

— Слушаю, государь! отозвался казначей Головинъ.

— Теперя, бояре и воеводы, главное мы порѣшили. А все достальное — сами думайте, да сговаривайтесь, какъ быть? На чемъ сладитесь — я мѣшать не стану... Ступайте пока со Христомъ... Миръ вамъ!

И, поклонившись всѣмъ, а къ Сильвестру снова подойдя подъ благословеніе, Иванъ вышелъ изъ покоя въ сопровожденіи рындъ и Адашева.

Долго еще не расходились, словно пчелы, шумя и волнуясь, бояре. Толковали о предстоящемъ походѣ, обсуждали сроки и подробности разныя. А царь, отпустивъ Адашева, прошелъ въ свѣтлицу къ женѣ своей, къ княгинѣ Анастасіи.

Держа малютку, царевну Марью, на рукахъ*), сидитъ княгиня и чутко прислушивается: не послышатся ли быстрые, знакомые шаги въ сосѣдней горницѣ? Не идетъ ли супругъ-государь, котораго такъ любитъ молодая, тихая, кроткая царица?

---

*) Марья родилась скоро послѣ смерти первой дочери Анны.

Окруженная своими боярынями и ближними прислужницами, которыя всячески стараются «разговорить» озабоченную госпожу, Анастасія почти не слышитъ того, что поютъ и говорятъ ей окружающія.

Недавно, передъ появленіемъ на совѣтѣ, заходилъ къ царицѣ отецъ протопопъ Сильвестръ — укрѣпить и подготовить молодую женщину къ предстоящей разлукѣ съ горячо-любимымъ мужемъ. Такая подготовка была еще тѣмъ нужнѣе, что не совсѣмъ здорова царица. Не такъ давно довели до свѣдѣнія царева боярыни и служанки дворцовыя о состояніи ея, обѣщающемъ новыя радости сердцу царя-отца, особенно, если Богъ сына пошлетъ.

Всею душою стала любить и чтить протопопа Сильвестра Анастасія съ той поры, какъ протопопъ сумѣлъ юнаго царя отъ грѣха отвратить, устрашить, вернуть на путь добродѣтели. Суровый, властный тонъ наставника не коробилъ даже ушей щекотливаго Ивана. Во-первыхъ, протопопъ личнымъ примѣромъ, безкорыстіемъ и чистотой жизни подкрѣплялъ свои поученія. Во-вторыхъ, — словно счастіе слетѣло на Ивана, на царство его, на Москву — съ появленіемъ на горизонтѣ Сильвестра и Адашева. Случайно, или нѣтъ, — но однѣ только добрыя вѣсти стали отовсюду доходить до юнаго царя. Даже и неудачи, какъ послѣдняя съ Казанью, — были представлены пылкому государю въ такомъ свѣтѣ, что онъ быстро утѣшился и въ немъ окрѣпла надежда на блестящее вознагражденіе въ уронѣ.

Особенно ярко сказалось умѣлое хозяйничанье Адашева въ приростѣ казны государевой. Наживался онъ самъ, нѣтъ ли? — дѣло было неясное. Но одно очевидно: никому не позволялъ онъ хитить доходовъ земли, какъ то раньше бывало. Онъ не запускалъ податей ни за съемщиками земель царскихъ, ни за городами, ни за торговыми людьми, порою налагая на нихъ и твердо требуя — еще новыя мыта и пошлины. Кряхтѣли богатые люди, гости торговые, но

платили. Слишкомъ выгодна была для иностранцевъ торговля въ Московіи, богатой всѣми дарами природы, но бѣдной художествами и мастерствомъ.

Такъ успѣшна была въ этомъ направленіи дѣятельность Адашева, что казначей Головинъ по совѣсти могъ сказать царю: «На двѣ войны денегъ хватитъ!..»

И Адашева уважала за его полезную службу Анастасія, но, какъ мужчины, свѣтскаго и молодого, стѣснялась его. Тѣмъ болѣе, что порой ее даже смущали смѣлые, долгіе взоры спальника царскаго, по должности своей причастнаго къ самымъ интимнымъ, затаеннымъ сторонамъ жизни Ивана и жены его.

Съ Сильвестромъ — иное дѣло. Старикъ онъ почтенный, отецъ духовный царя, священнослужитель... И грубость протопопа Анастасія предпочитала мягкой, упоительной и опасной вкрадчивости и почтительно-смѣлому, братски-ласковому обращенію съ ней Адашева.

Сейчасъ протопопъ подготовилъ царицу къ близкой разлукѣ съ мужемъ, убѣдивъ встревоженную, напуганную царицу, что это необходимо и для земли, всей, и для самого государя. Дѣло предстоитъ нетрудное но славное.

И тогда, вернувшись съ вѣнцомъ побѣдителя, юный государь сможетъ укрѣпить родъ свой, какъ надо; успѣетъ ввести тѣ мѣры въ землѣ русской, которыя будутъ на благо трону и людямъ земскимъ. А, вѣдь, въ этихъ людяхъ только и кроется сила царева, потому что вельможи, дружинники бывшіе, князья Рюриковичи и иные, раньше считавшіе себя равными великимъ князьямъ московскимъ, теперь съ трудомъ мирятся съ новыми порядками, съ царскимъ самодержавіемъ...

Цѣлое поученіе государственное прочелъ старикъ царицѣ. Мало она его рѣчи поняла, кромѣ самаго главнаго: и Ванѣ, любимому царю-государю, и дѣтямъ ихнимъ: дочкѣ Марьѣ и будущимъ всѣмъ — необходимо, чтобы теперь Ваня на войну шелъ. Самъ Богъ даже хочетъ того.

И, скрѣпя сердце, рѣшила покориться Анастасія. Вотъ почему, едва ушелъ Сильвестръ, неподвижно сѣла и сидитъ царица, прижавъ къ себѣ, играющую на колѣняхъ у матери, царевну-малютку, и слушаетъ: не зазвучатъ ли знакомые, милые шаги въ сосѣдней горницѣ?

Вотъ донесся шумъ отъ переходовъ. По каменной лѣстницѣ, ведущей изъ столовой палаты въ теремъ царицы, слышно: идутъ... Это онъ...

— Ступайте съ Богомъ, милыя! отпустила Анастасія всѣхъ своихъ приближенныхъ. Машуту — мнѣ оставь, мамушка! обронила она женщинѣ, хотѣвшей взять царевну.

Всѣ съ поклономъ ушли.

Царица, прижавъ малютку къ трепещущей груди, стоитъ и глазъ не сводитъ съ двери. Вотъ распахнулась она, тяжелая, обитая сукномъ... Входитъ быстро Иванъ.

Впившись взоромъ въ лицо мужа, царица первымъ словомъ хотѣла было спросить:

— Какъ рѣшено? Самъ ѣдешь на войну?..

Но удержалась, и по обычной скромности, не позволяющей женѣ допрашивать мужа о дѣлѣ великомъ, да и отъ страха какого-то, смѣшаннаго съ надеждой.

— Быть можетъ, уговорили царя? Не самъ поѣдетъ, воеводъ своихъ лучшихъ пошлетъ... подумалось ей.

Вотъ почему, принявъ поцѣлуй отъ мужа и отвѣтивъ ему горячимъ, долгимъ поцѣлуемъ, ничего не спросила Анастасія, ждала: что самъ скажетъ царь?

— Поджидала меня, видно? заговорилъ онъ ласково:— всѣхъ, гляди, выслала... Вонъ, мышенка того бѣлаго одного и оставила при себѣ!..

И, взявъ отъ жены малютку-дочь, онъ высоко-высоко поднялъ ее на воздухъ мощными руками, причемъ отъ удовольствія и отъ страха дѣвочка громко визжала: не то смѣялась, не то пощады просила. Когда же отецъ ее опустилъ пониже, она охватила его шею тонкими ручен-

ками—да такъ и повисла на ней живымъ, трепетнымъ ожерельемъ, что-то веселое лепеча по-своему...

Словно чуяла дѣвочка, что видитъ отца въ послѣдній разъ, что умретъ до его возвращенія...

— Гляди: братца ей теперь даруй, да безъ промашки! И то стыдъ, что не первенецъ — престолу наслѣдникъ у насъ, а дочь—первенькая... ласкаяя хрупкую дѣвочку, пошутилъ Иванъ.—Гляди же, не огорчай меня, Настя! Да, не соромься, рукавомъ не закрывайся, словно дѣвица красная! Дѣло законное, дѣло Божіе! Вся земля теперь ждать станетъ, да Бога молить... Гляди же!

И съ шутливой угрозой онъ покивалъ пальцемъ женѣ.

— Что дѣлала безъ меня?

— Да, што, осударь: все-то по домашнему...

И царица разсказала, какъ провела въ хлопотахъ и въ заботахъ по дому все утро, какъ потомъ одѣляла своихъ странницъ и убогихъ, какъ съ дочкой хлопотала, какъ сидѣла съ ближними боярынями, царя ожидала. Словомъ, описала всю несложную жизнь, какую тогда вели и знатныя и простыя, и богатыя и бѣдныя московскія и вообще русскія женщины.

Иванъ слушалъ въ полъ-уха, занятый своими мыслями.

— Да, вотъ, еще отъ крестныхъ отцовъ нашей Машутки, отъ старцевъ блаженныхъ Андреяна и Геннадія Сирорайскаго посланцемъ монашекъ приходилъ, памятку принесъ: просфору, да срачицу освященную... на охрану дитяти, на здравіе. Я ужъ и одѣла сорочечку ей... И послала имъ на отвѣтъ, что собрала...

— Ладно, хорошо, милая...

Вдругъ, встрепенувшись, онъ снова поцѣловалъ жену, для чего одной рукой привлекъ ее къ своей широкой груди и почти усадилъ на одно колѣно, такъ какъ на другомъ усѣлась и хозяйничала дочка, трепля блестящія жемчужныя кисти кафтана царскаго.

Анастасія, словно потрясенная этой лаской, прижалась головой къ плечу мужа и вдругъ тихо заплакала.

— Что ты, что ты, милая? Пожди, побереги слезы-то Уѣзжать буду — напричитаешься, наплачешься еще!

— Уѣзжаешь? Такъ это рѣшено?! Такъ ли, милый?..

— Да, ужъ сказалъ «такъ», не перетакивать стать! Не сейчасъ еще. Ты не полошись больно. Мѣсяца полвтора-два побудемъ ошшо вмѣстѣ, повеселимся... А тамо сдамъ тебя на охрану Пречистой Дѣвѣ, Матери Господа нашего Іисуса Христа, и всѣхъ святыхъ угодниковъ... И подъ защиту святителя, отца-митрополита... А самъ измаильтянъ невѣрныхъ поборать поѣду... Да будетъ, не плачь! Слушай! Труда много придется принять... а бояться нечего. Стѣснили мы такъ агарянъ, что и податься имъ некуды. Особливо Новымъ Свіяжскимъ городкомъ... Теперя — живьемъ ихъ руками переловимъ! Не больно хоробры татаровья, коли Русь выходитъ на нихъ. Да и будетъ насъ разъ въ пятокъ болѣе, чѣмъ ихъ. Шутка, а не война! А хоть бы и привелъ Богъ пострадать за вѣру Христову, ты радуйся: вѣнецъ приму я и чинъ ангельскій! И ты безъ меня тута не печалься! Чаще въ церкви Божія ходи, молись за мое спасеніе, сирыхъ, бѣдныхъ одѣляй. Ежели на кого и опалился я гнѣвомъ моимъ царскимъ, ты милости добудь тому человѣку... Любить тебя станутъ! Узниковъ ослобождай, опальныхъ... За твою кротость и меня Господь Благой помилуетъ... Вотъ, перестала плакать — и умница... и лад...

Но вдругъ Иванъ прервалъ потокъ своихъ рѣчей, которыя любилъ разсыпать при всякомъ удобномъ случаѣ.

Правда, царица перестала всхлипывать, но вся стала какая-то грузная и, мягко скользнувъ, чуть не свалилась съ колѣнъ мужа прямо на сукно, покрывавшее полъ. Едва Иванъ успѣлъ поддержать ее своими сильными руками, для чего пришлось почти сбросить съ колѣнъ сидѣвшую тутъ же малютку царевну.

Дѣвочка, напуганная рѣзкимъ движеніемъ отца, громко заплакала.

— Господи, сомлѣла! — догадался царь, увидя мертвенно-блѣдное лицо жены, и сталъ громко звать:

— Эй, кто тамъ?! Сюды скорѣе!..

Раньше всѣхъ вбѣжалъ Адашевъ, проводившій царя до самыхъ дверей покоя и сидѣвшій на чеку въ сосѣдней горницѣ. За нимъ набѣжали няньки, мамки, ближнія боярыни и ключницы царицыны.

Анастасія уже стала приходить въ себя.

Оглядѣвшись мутными глазами, вспомнивъ, въ чемъ дѣло? — царица залилась слезами и еле могла заговорить:

— Царь-осударь!.. Не уѣзжай, не покидай меня!.. Знаешь самъ: не праздна я.... Какъ безъ тебя буду?.. Повремени хотя!..

— Ну, ну, успокойся!.. принимая болѣе подобающій видъ, сказалъ Иванъ. — И царство земное царямъ за подвиги ихъ укрѣпляется, и царство небесное, вѣчное, открыто лишь тѣмъ, кто за истинную вѣру христіанскую стоитъ. И въ писаніи сказано: «ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыде, яже уготовалъ Богъ любящимъ Его и святыя заповѣди хранящимъ!» Чего же намъ страшитися?.. Чего слезы ліешь? Грѣхъ, жено!

При людяхъ и царица ввела въ берега весь бурный потокъ скорби своей и, по принятому обычаю, на распѣвъ почти заголосила:

— Царь-осударь! Благочестивъ ты и многодоблестенъ! Заповѣди хранишь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Хощешь душу свою положити за православную вѣру, за вѣрныхъ христіанъ... Но мнѣ-то каково? прерывая горючими рыданіями размѣренную рѣчь, воскликнула Анастасія. — Какъ стерплю отшествіе супруга-осударя своего? Чѣмъ грусть-тоску утолю? Кто мнѣ будетъ добрыя вѣсти давать о милостяхъ Божіихъ, что почіютъ на

благочестивомъ осударѣ? Кто порукой, что Руси самодержецъ съ его воинствомъ браннымъ одолѣетъ врага и на свое царство вернется?.. Боже Милосердый, Боже Всемогущій! упавъ передъ кіотомъ, стала молить царица. — Услышь слезы и рыданія рабы своея... Дай ми услышати и осударя здрава, славнаго, по милости Твоей, увидѣти!.. Не помяни, Владыко, многихъ грѣховъ нашихъ! Помоги намъ и Ты, Царица Небесная, Пречистая Богородица!.. И Ты муки вѣдала... Взглянься на муку мою великую! Да подастъ Господь царю надъ супостатомъ побѣду и здрава мнѣ его воротитъ!..

И, утопая въ слезахъ, ницъ припала царица передъ кіотомъ съ иконами святыми.

Иванъ, самъ глубоко растроганный, сказалъ еще нѣсколько утѣшительныхъ словъ женѣ и вышелъ, чтобы при бабахъ не выдать своей грусти, непристойной слабости, неподобающей царю.

Адашевъ отсталъ и, когда царь скрылся за дверью, подошелъ къ царицѣ:

— Государыня, слушай, что скажу! твердо проговорилъ онъ, чуть касаясь ея плеча. — Вотъ, святой крестъ тебѣ порукой! Живъ и цѣлъ вернется къ тебѣ государь, или и меня ты въ живыхъ не увидишь! И не одинъ я, тысячи за него жизнь отдадутъ! Не тоскуй, государыня... весела будь! Царевича-наслѣдника намъ подари. А мы тебѣ — царя вернемъ.

Ободренная, укрѣпленная противъ воли твердымъ, увѣреннымъ тономъ рѣчей Адашева, Анастасія подняла голову и хотѣла было что-то сказать, какъ-нибудь поблагодарить постельничаго, но тотъ, отвѣсивъ земной поклонъ царицѣ, поторопился и ушелъ вслѣдъ за царемъ.

Какъ говорилъ Иванъ, такъ и вышло, словно по писанному. Черезъ два мѣсяца безъ малаго, 16-го іюня, сѣлъ

юный государь-полководецъ на коня и, со всѣми воеводами, съ Шихъ-Алеемъ-царемъ, вызваннымъ изъ Касимова, выступилъ въ походъ, черезъ село Коломенское на Островъ-сельцо, гдѣ первая ночевка назначена. Не спроста поторопился царь. Вѣсти стали смутныя доходить, что ханъ крымскій довѣдался, будто всѣ силы русскія ужъ подъ Казанью, и выступилъ въ походъ, большое войско на московскую окраину, на «берегъ» государства повелъ. Самъ съ полками и царевичъ его съ нимъ же.

Только стали въ селѣ Островѣ, на ночь царскій шатеръ раскинули, а гонецъ отъ «берегового» воеводы, отъ Айдара Волжина, Ивашко Стрѣлецъ, станишникъ Путивльскій, ужъ тутъ, какъ тутъ:

— Крымцы и ханъ съ царевичемъ Донецъ-де Сѣверный перешли.

Усмѣхнулся Иванъ, говоритъ Шихъ-Алею:

— Вотъ, брате-государе, совѣтовалъ ты намъ до осени не трогаться. Казань-де въ лѣсахъ и озерахъ, въ топяхъ и блатахъ ржавыхъ, непроходимыхъ лежитъ... Только ее зимой и брать. И говорилъ еще: надо иныхъ враговъ лѣтомъ ждать, на Русь приходящихъ. А мы ранѣй срядились, глядишь: ранѣй и съ недругомъ сразились. Не онъ насъ, мы его стоимъ да ждемъ къ бою прямому: кому Господь счастье пошлетъ? Я такъ и хану крымскому сказать велю. Вотъ, и умный ты совѣтчикъ, Шихъ-Алейка, а не все по твоему, иное и по моему лучше...

Засопѣлъ толстый, лѣнивый, трусливый, но хитрый татаринъ.

— Э-эхъ, царь-осударь! И у васъ, и у насъ говорится: на старуху проруха бываетъ. А ваша, русскихъ государей, передъ татарами правда, — всѣмъ вѣдома, какъ солнце въ тучахъ свѣтитъ! Аллахъ тебѣ на помощь, осударь, а меня за плохой совѣтъ не осуди. Я тебѣ еще пригожуся!

— Знаю, брате-государе! Затѣмъ тебя и въ походъ звалъ съ собой...

И немедленно послалъ развѣдчиковъ царь навстрѣчу крымцамъ, полки отрядилъ... А царя Шихъ-Алея, съ нарядомъ, съ пушками и запасами военными, по Волгѣ поскорѣй къ Свіягѣ послалъ, гдѣ тотъ долженъ былъ привлечь горныхъ князьковъ на русскую сторону, отъ Казани ихъ переманить.

Не думалъ сначала Иванъ Владиміра Андреевича, брата двоюроднаго, на войну брать, хотѣлъ въ Москвѣ его на свое мѣсто оставить. Но тутъ порѣшилъ, что вмѣстѣ они дальше на Коломну пойдутъ. А противъ крымцевъ наспѣхъ двинулись полки, всего 15,000 человѣкъ, съ князьями Петромъ Щенятей и Андреемъ Курбскимъ во главѣ.

Пока царь у Коломны поле будущей битвы съ крымчаками осматривалъ, войска ободрялъ, враги Тулу обложили. Подбѣжалъ ихній передовой отрядъ, тысячъ семь человѣкъ, увидали татаре, что туляки беззащитны и слѣдомъ за ними появился самъ ханъ Девлетъ-Гирей, сталъ городъ ядрами калеными жечь, къ сдачѣ вынуждать. Узнавъ, что онъ обманутъ, что Иванъ за Коломной, а не подъ стѣнами Казани, ханъ хотѣлъ вовсе вернуться съ похода домой. Да свои князья его пристыдили:

— Вотъ, пошли ни по што, вернулись ни съ чѣмъ! Нападемъ хоть на дальній городъ гяуровъ, на Тулу. Въ сторонѣ она стоитъ, за лѣсами, за полями... Не поспѣетъ къ ней великій князь на выручку, хоть чѣмъ-нибудь да поживимся.

Но и тутъ неудача ждала татаръ.

Еще раньше Курбскаго со Щенятевымъ, на выручку тулякамъ 23-го іюня подоспѣли: князь Михаило Рѣпнинъ съ Прони-рѣки и воевода Ѳедоръ Салтыковъ съ Михаилова городища. Они отбросили татаръ при помощи тульскаго воеводы, князя Григорія Темкина, который ободрился при видѣ своихъ и сдѣлалъ смѣлую вылазку изъ города.

Тяжкій уронъ потерпѣлъ Девлетъ-Гирей, уходить пустился на утекъ. А на другой день, 24-го іюня, подо-

спѣли Курбскій и Щенятевъ и у Шиворони довершили пораженіе татаръ.

Въ этой битвѣ Курбскій былъ впервые раненъ и въ милость большую къ юному царю попалъ за это... Много военной добычи, и верблюдовъ, и плѣнныхъ досталось русскимъ.

Дальше все безъ особой помѣхи пошло.

Огромное войско, до сихъ поръ двигавшееся стройно, какъ на смотру, было подъ Коломной раздѣлено на два отряда.

Съ царемъ черезъ Владиміръ и Муромъ — должны московскіе ратники, бояре, жильцы посадскіе и лучшіе дѣти боярскія идти, а также, главнымъ образомъ, стройные полки новгородскіе. Другихъ воеводъ еще раньше государь черезъ Рязань и Мещеру на Алатырь послалъ. Тамъ сборный пунктъ. Тѣ полки самого царя отъ неожиданныхъ нападеній со стороны степей боронить должны.

2-го іюля, когда ужъ двинуться государю впередъ надо было, вдругъ донесли ему:

— Новгородцы замутились. Въ походъ выступать не хотятъ.

Поблѣднѣлъ царь отъ взрыва давно забытой ярости, даже повело его, словно бересту на огнѣ. Потомъ пятнами лицо пошло.

— Сызнова эти новгородцы проклятые... Мало они мнѣ горя чинили? Рубить, стрѣлять велю мятежниковъ,— вскричалъ ошеломленный Иванъ, чувствуя, что всѣ планы, такъ хорошо задуманные и начавшіе сбываться — могутъ рухнуть по милости этихъ вѣчныхъ враговъ и злодѣевъ его, этой вольницы новгородской...

Царь готовъ былъ сейчасъ же привести въ исполненіе свой первый порывъ, къ чему бы то ни привело.

Но Адашевъ, бывшій постоянно при царѣ, мягко замѣтилъ:

— А съ кѣмъ же, государь, подъ Казань пойдешь?

Всѣ войска далеко ушли. Назадъ ихъ ворочать, весь порядокъ надоть переиначивать, — значитъ, и дѣло все порушить...

Зубами заскрипѣлъ Иванъ, а молчитъ, понялъ, что правду сказалъ Адашевъ. Вздохнулъ, словно стонъ издалъ всей грудью, и, наконецъ, спросилъ:

— Что же дѣлать?

— Жадны новгородцы. Спроси ихъ: въ чемъ ихнія жалобы? Отчего не идутъ? Да пообѣщай льготы да награды... Обмякнутъ, гляди!

— Правда твоя. Надо попытаться. Не время теперь силу-власть свою показывать, самъ вижу... Чего имъ, собакамъ? обратился царь къ боярину, доложившему о мятежѣ новогородцевъ.

— Да они одно толкуютъ: служба-де не подъ силу! Сколько походомъ шли, обносились, издержались... Здѣся сколько, въ Коломнѣ стояли, харчились, расходовались. Казань повоевать два бы раза успѣли, молъ, и домой вернуться, кабы прямо на нее шли. Въ бояхъ съ крымчаками и то пришлось-де имъ крови сколько своей пролить... А дѣлежъ-де неравный. Царскимъ войскамъ и воеводамъ супротивъ-де вольныхъ дружинъ чуть не вдвое! И опять идти на траты да на изъянъ они не согласны-де! Да мало-ль чего болтаютъ?..

И бояринъ запнулся.

— Все говори!

— Да баютъ: не для земли тяготу приходится принимать, а для славы царевой, для величанья Москвы и князя московскаго великаго-де... Такъ имъ и не надобно...

— У! гады ядовитые... Раздавилъ бы ихъ!

— Государь!..

— Ладно, ладно, Алеша!.. Не ворчи! Сказалъ: потерплю... авось, когда еще сочтемся... А теперь... теперь, какъ думаешь? А, Алеша? Что имъ, собакамъ? Какую кость кидать?

— Да что, государь... Думается: какъ на Москвѣ толковали мы, такъ и сдѣлай... Переписать всѣхъ вели, кто за тобой пойдетъ, да пообѣщай на свой коштъ ихъ взять, какъ только подъ Казань дойдемъ Божіею милостью...

— Слышалъ, бояринъ? Ступай и объяви имъ такъ, этимъ лизоблюдамъ, земли своей предателямъ и погубителямъ, іюдамъ окаяннымъ!.. срывая въ проклятіяхъ сердце, приказалъ Иванъ.

Средство повліяло. Всѣ почти бунтующіе снова сошлись въ ряды и послѣдовали за царемъ, какъ только узнали, что имъ пообѣщано?

И сколько потомъ ни косилось на нихъ остальное войско, называя «дармоѣдами, прихлебалами», — новгородцы шеляга своего не потратили больше на этой войнѣ, все шло имъ изъ царской казны, изъ Ивановой...

Теперь, не медля ни минуты, двинулся царскій отрядъ въ походъ. Не малое разстояніе приходилось пробираться сухимъ путемъ, по неизвѣстной мѣстности, гдѣ порой нельзя было и продовольствія вдоволь добыть для людей, а приходилось охотой и рыбной ловлей жить. Но въ двадцать-два дня, дѣлая верстъ до двадцати-пяти ежедневно, совершили русскіе свой путь...

Медленно и неотразимо надвигалась грозовая туча на Казань съ московской стороны... И всѣ окрестныя, горныя и кочевыя племена зашатались, словно спѣлые колосья подъ грозой... То и дѣло являлись князьки и сеиды, и мурзы городецкіе, темниковскіе, черемисскіе и мордовскіе: съ побѣдой надъ крымцами царя Ивана поздравляли, вѣрность свою обѣщали и помощь противъ Казани. Давно извѣстно: татарину кто больше далъ, тотъ его и бралъ!

Ему «теньга братъ родной, а пожива матушка»!..

Всѣ горныя племена отложились отъ Казани, къ свіяжскимъ воеводомъ съ повинной пришли...

Наконецъ, и царь до Свіяги дошелъ. За двѣ версты вышли всѣ воеводы встрѣчать Ивана.

Въ сверкающемъ вооруженіи, окруженный блестящей свитой, Иванъ увидалъ впервые тотъ городъ, который самъ заложить приказалъ на гибель Казани, какъ оно теперь и выходило! На высокомъ холмѣ, на самой вершинѣ его и по скатамъ виднѣлись новые срубы жилищъ и церквей среди густой еще, хотя и осенней зелени. У рѣки, внизу, на далекое пространство — шатры бѣлѣютъ, станъ раскинутъ русскій. Вотъ онъ, рубежъ между Европой и Азіей! Такъ, должно быть, нѣкогда и любимый полководецъ Ивана, Александръ Македонскій, стоялъ на одной изъ вершинъ Риѳея и собирался покорить весь міръ, вслѣдъ за Азіей, на которую ополчилъ свои непобѣдимыя фаланги. Сладкое, глубокое волненіе наполнило грудь Ивана... Забыты всѣ тягости пути, всѣ опасности и тревоги, минувшія и предстоящія впереди. Царь счастливъ! Онъ совершенно счастливъ! Онъ увѣренъ, что его ждетъ побѣда и слава. Да какъ же иначе? Вонъ, со всѣхъ сторонъ только и слышно, что о чудесныхъ знаменіяхъ... Даже въ самомъ бурливомъ Новѣ-городѣ чудо объявилося. Пономарь церкви во имя Зачатія св. Анны до заутрени въ храмѣ свѣтъ видѣлъ не здѣшній. Святитель какой-то предсталъ и звонить ему велѣлъ. Смущенный служка отвѣчалъ: «Какъ могу звонить безъ приказа протопопова?» Но дивный гость отвѣчалъ: «Звони скорѣй, не бойся! Мнѣ некогда! Послѣ службы торопиться мнѣ надо подъ градъ Казань... на помощь царю и государю вашему, Ивану Боголюбивому всеа Руси»... Сказалъ и исчезъ...

Значитъ, сами силы небесныя идутъ на помощь замысламъ царя. Чего же тутъ бояться?..

И молча стоитъ, глядитъ Иванъ на Свіяжскій городокъ, глядитъ въ ту сторону, гдѣ берегъ Казанскій синѣется...

— Государь! осторожно заговорилъ окольничій, бояринъ Ѳеодоръ Григорьевичъ, отецъ Адашева:—какъ пожалуешь? Ночлегъ тебѣ въ городкѣ изготовленъ, въ домѣ

у протопопа соборнаго... Лучшій дворъ, какой нашелся... Ужъ вечеръ близко.

— Мы въ походѣ! живо отвѣтилъ царь. — Шатеръ намъ пускай размечутъ. Царь при войскѣ живетъ. Какая воинамъ доля, такъ и вождю подобаетъ! — невольно повторилъ Иванъ слова великаго македонца, сказанныя Александромъ, когда ему одному подали пить на виду умирающихъ отъ жажды солдатъ...

Одобрительный говоръ прошелъ между воеводами и князьями, блестящимъ кольцомъ окружающими державнаго вождя. Быстро и въ войскѣ вѣсть разнеслась:

— Съ нами въ шатрахъ царь стоять пожелалъ!

И позабыли свою усталь измученные люди; словно дѣти, утѣшенныя новой игрушкой: любовью, вниманіемъ къ нимъ верховнаго вождя...

13-го августа, въ субботу, пропировавъ въ шатрахъ наканунѣ весь день съ воеводами, — вошелъ торжественно Иванъ въ свой новый Свіяжскъ-городокъ. Колокольнымъ звономъ, хоругвями и иконами, крестнымъ ходомъ духовенство и горожане встрѣтили царя.

А тамъ, черезъ недѣлю, и за Волгу русское войско перевалило, за послѣдній рубежъ, отдѣляющій русскую рать отъ Казани.

Еще недѣля прошла. Вызовами и переговорами обмѣнялись казанскій и русскій цари... Обычай исполнили.

Русскіе стали мѣста вкругъ города занимать, окопы копать, валы насыпать... И немало еще недѣль затѣмъ прошло. Незамѣтно глубокая осень надвинулась, холодная, дождливая, какая всегда бываетъ въ этихъ болотистыхъ, дремучихъ лѣсахъ...

Крѣпко обложила Москва Казань-городъ. Да и татаре упрямы: бьются, не сдаются.

А выхода имъ, все-таки, нѣтъ никуды! Гдѣ пробиться, если всѣхъ-то воиновъ тысячъ тридцать въ городѣ, въ крѣпости казанской, а кругомъ полторасто тысячъ об-

легло... И съ большими пушками, съ осадными орудіями... А царь, измѣнникъ казанскій, Шихъ-Алей, когда убѣгалъ изъ юрта,—послѣднія пушки татарскія попортилъ, какъ Адашеву и пообѣщалъ. И обороняться татарамъ почти нечѣмъ. А осада безъ конца тянется...

Куда ни глянь, — палатки, шатры русскіе бѣлѣются; ряды туровъ, корзинъ плетеныхъ, землей набитыхъ, видны. Словно змѣи безконечныя, темныя, — извиваются ихъ ряды. Все ближе къ стѣнамъ крѣпости подвигаются длинными изгибами. А за турами — неутомимые черти, гяуры со своими пищалями да бердышами, да всякимъ оружіемъ...

Еще 23-го августа размѣстились полки по мѣстамъ, какъ Иванъ съ воеводами установилъ. На Царевомъ лугу, противъ города, отъ Волги-рѣки царь, со своимъ Царскимъ полкомъ и съ хоругвію священной, со знаменемъ царскимъ, осѣненнымъ тѣмъ самымъ чудотворнымъ крестомъ, который былъ еще у Димитрія князя на Дону.

И три церкви здѣсь же, въ шатрахъ большихъ установлены. Не оставляетъ царь и на войнѣ богомольныхъ обычаевъ, являя примѣръ войскамъ. У Кабана-озера, съ Нагайской стороны, Шихъ-Алей съ Передовымъ полкомъ и съ Большимъ полкомъ стоитъ. Юрій, Шемякинъ князь, Пронскій князь, Юрій, Ѳедоръ Львовъ Ярославскій и Троекуровъ, Ѳедоръ, со своими стрѣльцами, — въ ертоулѣ, авангардомъ выдвинуты. Противъ Кайбацкихъ воротъ стали, по Казанкѣ-рѣкѣ.

Лѣвой руки полкъ — лѣвымъ крыломъ по Булаку протянулся, влѣво отъ царя. Казаки даже чрезъ Булакъ, подъ самыя стѣны крѣпости вражьей перекинулись, здѣсь, въ посадахъ, крѣпкія мѣста и строенія заняли*).

А посады — опустѣлые стоятъ. Какъ прослышали татаре про нашествіе русскихъ, — кто куды убѣжали, дома и добро покинули. Больше всего въ «городъ», въ крѣпость укрылись.

---

*) Смотри планъ осады Казани въ концѣ книги.

Сторожевой полкъ съ княземъ Серебрянымъ и Шереметевымъ Семеномъ подальше полка Лѣвой руки, за Булакомъ, до другой рѣки, до Казанки раскинулся, гдѣ башня Мурзалеева стоитъ, при сліяньи этихъ двухъ рѣчекъ.

Щенятевъ съ Курбскимъ въ правой рукѣ полкъ ведутъ за Казанкой, съ другой стороны города, между Горной стороной и дорогой Галицкой... Елабугины, Збойлевы и Щелскія ворота имъ стеречь надо.

Князь Ромодановскій съ «запасомъ» у деревни Бежболды укрѣпился. И Правой рукѣ и Сторожевому полку онъ всегда можетъ помощь подать въ случаѣ опасности. Здѣсь, въ этой сторонѣ, — дворецъ хана казанскаго. Сюда враговъ гнать будутъ, если Богъ дастъ одолѣніе. Такъ здѣсь и встрѣчу надо было хорошую приготовить татарамъ!

Широко сначала стояли русскія войска. Но понемногу все уже и уже желѣзное кольцо стягивалось...

Полторасто тысячъ сошлось воиновъ, не считая челяди при служилыхъ людяхъ, не считая обозныхъ и ремесленныхъ людей. А съ этими и всѣ три сотни тысячъ наберется. Цѣлый полотнянный и досчатый городъ, больше самой Казани, въ ночь одну выросъ у Волги, гдѣ раскинули свои лавки и склады пріѣхавшіе за войскомъ купцы и торговцы провіантомъ.

Каждый десятокъ ратниковъ долженъ былъ выставить по одной «турѣ», наполненной землей, да всѣ, безъ исключенія, воины обязаны вытесать и принести на мѣсто по бревну для осады, для заваловъ и стѣнъ, для безконечнаго тына, который второй стѣной обѣжалъ всѣ крѣпостныя твердыни казанскія, преграждая всякій доступъ къ осажденнымъ.

Въ глухую ловушку попали казанцы...

А за тыномъ, словно кроты въ землѣ, роются русскіе, все ближе къ стѣнамъ подбираются... Ни ведро, ни дождь не остановятъ ихъ работы.

Да не много и видѣли свѣтлыхъ дней русскіе съ тѣхъ поръ, какъ подъ Казанью стоятъ.

Шаманы и дервиши мусульманскіе, которыхъ много засѣло въ осажденномъ городѣ, каждое утро стали на зарѣ взбираться на городскія стѣны и, на виду у русскихъ, вертѣлись, заклинанія громко выкрикивали, творили какіе-то обряды таинственные и, словно накликанныя этимъ чародѣйствомъ, тучи вставали съ Волги-рѣки и потоки дождевые съ неба падали, заливая низкія мѣста подъ городомъ, гдѣ раскинулись станомъ полки московскіе. Ровъ вокругъ города переполненъ водой... Даже въ тѣхъ шатрахъ, которые разставлены осаждающими на болѣе высокихъ мѣстахъ, и тамъ всѣ промокаютъ до нитки подъ ливнями холодными, осенними.

Плохо въ шатрахъ, особенно въ бурные, вѣтренные дни. Холодная, дождливая осень царитъ, какая рѣдко и бывала въ этихъ мѣстахъ. Бури начались осеннія. Въ одну ночь вѣтеръ былъ такъ силенъ, что опрокинуло даже большой, тяжелый шатеръ царскій и, вскочивъ въ испугѣ, Иванъ остатокъ ночи провелъ въ походной церкви, тоже въ шатрѣ устроенной, пока приводили въ порядокъ его ставку.

Плохо въ шатрахъ! А и того хуже въ окопахъ, которыми окопали весь городъ русскіе, чтобы отрѣзать татаръ ото всего міра.

Извилистой линіей со всѣхъ сторонъ приближаются къ самой стѣнѣ траншеи осаждающихъ, глубокіе рвы, отъ дождей на половину залитые водою, прикрытые большими корзинами съ землей отъ пуль и стрѣлъ татарскихъ.

Въ траншеяхъ, не смѣняясь порой по цѣлымъ недѣлямъ, сидятъ ратники, не даютъ татарамъ частыя вылазки устраивать, какъ тѣ было начали сперва.

Въ грязи, въ водѣ цѣлыми днями сидятъ люди, оберегая только пищали и порохъ отъ воды. Одежда вся промокла, паръ идетъ отъ нея. Поѣсть некогда... Къ котламъ уйти артельнымъ нельзя изъ окоповъ. Вспомнятъ

товарищи, принесутъ имъ горячаго — хорошо! Нѣтъ, — по цѣлымъ недѣлямъ сухими сухарями, воблой да лукомъ питаться приходится, или рѣпой печеной, благо — лѣсъ подъ рукой: съ трудомъ, но можно костры разжигать изъ мокрыхъ сучьевъ.

И, несмотря на то, работа подвигается. Роютъ новые рвы землекопы; воины попеременно въ лѣсъ ходятъ, сучья рубятъ, березки молодыя чистятъ, плетутъ большія корзины бездонныя для туровъ.

Вотъ человѣкъ двадцать, тяжело дыша, въ намокшей одеждѣ, отъ которой паръ идетъ, тянутъ къ окопамъ нѣсколько большихъ бревенъ въ самодѣльной телѣжкѣ.

Устали, изнемогли ратники, купеческія дѣти, торговые люди московскіе. Бросили постромки, тоже самодѣльныя, изъ лыка крученыя... Кто присѣлъ, кто прилегъ на влажную траву луговую, отдохнуть хотятъ. Тяжело дышутъ усталыя груди, всѣ кости ноютъ. И желудокъ, далеко не полный, знать о себѣ даетъ.

— Э-э-эхъ! домой бы теперь, послѣ перваго молчанія, словно угадавъ общую мысль, говоритъ одинъ.

— Да, славно бы!

— Щецъ бы горячихъ сейчасъ! Э-э! смачно крякнулъ пожилой, полный десятникъ.

— Да подружку хорошую! подхватилъ молодой парень, недавно и повѣнчаный передъ походомъ.

— Ишь, губа у тя не дура! Татарина не хочешь ли черномазаго? Или нагайца?..

— Самъ кушай... Да еще козла тебѣ на закуску... Иродъ!

— Ну, не перекоряйтесь, черти! прикрикнулъ десятникъ.

— Такъ чево-жъ онъ? Я и въ скулы, вить...

— Въ скулы? Храбёръ! А даве, какъ татаре со стѣны скакали, вылазку дѣлали, — гдѣ былъ?

— Я? смутился парень: — я въ станъ бѣгалъ за хлѣбомъ...

— Ишь ты! Какъ оно приспѣло, въ ту пору, когда татарове поспѣли изъ города, а ты про хлѣбъ вспомнилъ.

— Ловокъ! Бабникъ, козодой поганый... Блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, что заяцъ...

— Эй! молчи... Не то я те!.. обозлясь, такъ и вскипѣлъ парень и даже, забывъ про усталь, привсталъ, словно готовясь привести въ исполненіе угрозу.

— Буде, говорю! прикрикнулъ десятникъ. — За дѣло. Навалялись и языки начесали, гляди! За дѣло!..

— За дѣло!.. съ ворчаньемъ поднимаясь, заговорили ратники: — самъ бы потянулъ... Приказывать да понукать легкое дѣло. Ишь, воевода какой выискался!

— Не воевода, а по государскому наказу приставленъ за вами глядѣть, за лѣнтяями!..

— По государскому! Собака тебя ставила царева, а ты и величаешься...

— А хорошо, братцы, государю-батюшкѣ! Вонъ, мы тута пропадаемъ, а онъ у Волгушки себѣ въ шатрахъ пируетъ и день и ночь... Сказываютъ: весело тамъ царь съ боярами живетъ.

— И гусляровъ, сказываютъ, и скомороховъ туда не мало нагнато! — опять свое сталъ поминать молодой новоженъ.

— Ну, толкуй еще!.. Нешто можно: при царѣ православномъ да погань такая!..

— А што же? Люди сказываютъ: не мало тамъ всего творится! И съ измальства — осударь всякую потѣху любилъ... Такъ не другой онъ нынѣ сталъ, все тотъ же.

— Анъ и другой! Я лучше знаю... вмѣшался, молчавшій до тѣхъ поръ, пожилой ратникъ. — У меня — дядя не простого, духовнаго званія. Сказываетъ: совсѣмъ образумился царь молодой. Все больше Богу молится, службы правитъ церковныя... А бояре да воеводы его, тѣ, конечное дѣло, не всѣ по царскому примѣру живутъ. Оттого и соблазны... Да и врутъ много!

— Врутъ?.. Ну, не! Самъ ты врешь, а я не согласенъ... Самъ я въ Свіяцкомъ-городкѣ былъ, какъ грамату митрополичью всѣмъ людямъ читали. А тамъ явственно прописано было: за что Богъ насъ покаралъ, хворь наслалъ гнилую, тяжелую. «Блудъ и непотребство и многое стяжаніе», такъ и сказано...

— Такъ то — воеводы... А самъ царь...

— Што: царь? Заладилъ одно: царь да царь! А знаешь ли: каковъ попъ, таковъ и...

Но говорившій не кончилъ.

— Царь ѣдетъ, черти! Вставайте!.. царь ѣдетъ!.. вдругъ крикнулъ тотъ изъ ратниковъ, который лежалъ на самыхъ бревнахъ, гдѣ было посуше, и глядѣлъ по сторонамъ.

Ратники вскочили, глядятъ: изъ ближней рощи, въ которой намокшія, потемнѣлыя деревья стоятъ такъ печально, съ повисшими, полуобнаженными вѣтвями, показались вершники царскіе, стрѣльцы съ пищалями, дворяне охранные съ бердышами... За ними на красивыхъ, сильныхъ коняхъ нѣсколько воеводъ, все больше пожилые, а впереди Иванъ, въ полномъ военномъ вооруженіи, на широкозадомъ, могучемъ конѣ.

Завидя кучку ратниковъ, при его появленіи снявшихъ шапки и треухи и стоявшихъ на колѣняхъ вдали, съ обнаженными головами, Иванъ подскакалъ къ нимъ.

— Встаньте, люди ратные. Богу кланяйтесь... Вы — Божьи ратники. Откуда вы? Что за бревна? Куда ихъ тянете?

Десятникъ, ободренный ласковымъ голосомъ царя, сталъ отвѣчать, вертя шапку въ рукахъ:

— Да, вотъ, осударь.... не погнѣвись... изъ окопу мы, изъ ближняго... Отъ головы, отъ Василея Шпыняева посыланы по бревна... Чай, вѣдомъ тебѣ голова тотъ, осударь?

— Не помню что-то! улыбаясь сказалъ Иванъ. — По бревна? И вы ихъ сами на себѣ волокете? Тяжело, чай?..

— И-и, какъ тяжко! Умаялись... Не ближній свѣтъ, самъ видишь, осударь... Притомились... Вотъ, и стали, передохнуть, значитца... Помилуй, не казни, осударь... Не стало никакой силы-возможности, безъ передышки, значитца...

— Ну, вѣстимо, какъ не вздохнуть?!.. Отдыхайте... Ишь ты, упарились какъ! Ровно отъ коней, — отъ людей паръ столбомъ! Да развѣ нѣтъ коней у васъ, чтобы не самимъ таку махину тащить? Да еще на телѣжкѣ, на смѣшной такой.

И Иванъ сталъ внимательно осматривать телѣжку, особенно колеса ея, обтесанныя топоромъ изъ цѣльныхъ обрубковъ и далеко не имѣвшія вида правильнаго круга.

— Коней?.. И-и, што ты, осударь! Мы — пѣшіе. Наше дѣло простое... Все на себѣ да своими руками робимъ, своимъ горбомъ тянемъ... А што трудно, — твоя правда, осударь. Съ непривычки, гляди. Дома — все другимъ дѣломъ, торговлишкой займались... А тутъ вотъ... началъ было впадать въ жалобливый тонъ десятникъ, но спохватился и замолкъ...

Иванъ оглядѣлся, медленно повторяя:

— Торговлишкой займались?.. Што-жъ, дѣло хорошее. Конечно: трудно вамъ съ непривычки. Такъ,—то̀ помните: не для меня, не для кого стараетесь, муку принимаете, а для Господа Самого Распятаго, за святую вѣру христіанскую... Татаръ повоюемъ,—Господь возрадуется. Полонъ нашъ русскій у нихъ отберемъ. Чай, и у васъ есть кто близкій въ полону у казанцевъ?

— У насъ, осударь, вступилъ въ разговоръ молодой ратникъ: — есть родичъ одинъ... И не ратникъ онъ былъ. Какъ напали на Коширу единова казанцы, тамо его и забрали... По торговому дѣлу въ Коширѣ жилъ...

— Вотъ, видите! Такъ ужъ потерпите, Бога для... А и то, сказать еще надо: Казань возьмемъ, заставы снимемъ, Волга — свободнымъ, вольнымъ путемъ русскимъ потечетъ.

Какъ по-вашему, по-купеческому: къ худу это, аль къ добру для васъ?.. А?..

— Къ добру, осударь! сразу отвѣтили всѣ ратники, хорошо понимавшіе свою торговую пользу.

— То-то-жъ! Такъ для себя постарайтеся, Божьи воины. А покудова... Эй, Петь! крикнулъ Иванъ одному изъ своихъ стрѣльцовъ, сидѣвшему на здоровой, рыжей лошади: — слѣзай, Петруха!.. Дай имъ коня, бревна довезти. Подожди тута съ ними, а тамъ и догонишь меня... Ну, Богъ на помочь, люди Божіи!..

И, провожаемый громкими, восторженными привѣтствіями осчастливленныхъ, ободренныхъ, словно воскресшихъ ратниковъ, — царь тронулъ поводья коня и дальше поѣхалъ осматривать: какъ осадныя работы кипятъ, подвигаются подъ Казанью?.. Спрашивалъ о вылазкахъ дневныхъ и ночныхъ, которыми татаре безпокоили русскихъ; ободрялъ, утѣшалъ больныхъ и раненыхъ... И вездѣ восторженные клики неслись вслѣдъ царю:

— Живъ и здравъ буди на многая лѣта, осударь нашъ милостивецъ! Батюшка, свѣтлый нашъ царь!..

И такъ за днями — дни, недѣли — за недѣлями тянутся.

Съ того дня, какъ первые осадчіе, стрѣлецкіе головы: Иванъ Черемисиновъ, Григорій Жолобовъ, Ѳедоръ Дурасовъ и діакъ Ржевскій со своими сотнями первыя туры подкатили вечеромъ отъ Булака къ стѣнѣ городской, не мало стычекъ и боевъ разыгралось вокругъ осажденнаго города.

Особенно жестоки были первыя вылазки. Не хотѣли допустить татаре враговъ съ турами къ самымъ стѣнамъ городскимъ. Противъ князя Михайлы Воротынскаго и Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, которые вели первый приступъ, — сразу, изо всѣхъ четырехъ воротъ: Царскихъ, Арскихъ, Тюменьскихъ и Аталыковыхъ, высыпали воины казанскіе.

Жестокая сѣча началась. Чтобы помѣшать появленію новыхъ силъ изъ города, русскіе открыли пальбу по крѣпости изо всѣхъ орудій, стоявшихъ противъ воротъ. Татаре отвѣчали тѣмъ же, хотя и мало было у нихъ пушекъ и пищалей. Стрѣлы тучей летѣли... Крики, вопли сражающихся, сливаясь съ гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ, оглушали всѣхъ вокругъ. Кони метались въ испугѣ... Въ остервенѣніи, враги, бросивъ оружіе, бились въ рукопашную, давили, грызли другъ друга и сваливались съ откосовъ крѣпостныхъ прямо въ ровъ, переполненный мутной, грязной водой... Такъ прошла вся ночь... Но къ утру русскіе одолѣли. Татаре кинулись назадъ. Ворота закрылись. И лихорадочно принялись свѣжіе, вновь подошедшіе московскіе ратники за установку туровъ, за рытье рвовъ и траншей... А казаки-смѣльчаки, первые пошедшіе на приступъ посадовъ подъ стѣной, заняли большую каменную баню, какъ ее называли: Даирову, подъ самой стѣной крѣпостною, и расположились тамъ безопасно и удобно, словно дома у себя.

И тянется осада недѣли и мѣсяцы... Глубокая осень царитъ... Ливни, слякоть... Шесть недѣль ужъ прошло... Тоска стала одолѣвать русскихъ. Тоска одолѣваетъ и царя. Сначала, пока еще опасности грозили при осадѣ, волновался Иванъ, но не тосковалъ, не чувствовалъ какъ-то всѣхъ лишеній, которыя даже ему пришлось испытывать среди этой лагерной, суровой жизни.

А татаре сильно оборонялись сперва.

Оказалось, что въ крѣпости городской, за стѣнами у нихъ — только половина войска, 30,000 всего отборныхъ людей. Другая половина была сокрыта въ лѣсахъ, которые темной стѣной обошли Казань со всѣхъ сторонъ.

И вотъ, бывало, видятъ русскіе: на стѣнѣ городской появляется большое мусульманское знамя... Вѣетъ его вѣтромъ, треплется оно... Вдругъ появляются изъ лѣсовъ все больше съ Арской стороны, отряды татарскіе, напа-

даютъ въ тылъ христіанъ. А въ то же время изъ воротъ высыпаютъ казанцы и съ двухъ сторонъ, такимъ образомъ, ударяютъ на осаждающихъ.

Ни попить, ни поѣсть не могли спокойно тѣ полки, которые съ этой стороны находились: Большой да Передовой полкъ.

И такъ — недѣли три шло.

Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было покончить съ такимъ порядкомъ вещей.

30,000 всадниковъ и 15,000 пѣхотинцевъ-стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Александра Горбатаго-Суздальскаго, разбившись на три колонны, засѣли въ ловушку, скрылись въ засадѣ.

Въ первый же разъ, когда татаре повторили свою хитрость, напали на русскихъ съ двухъ сторонъ, передовые русскіе отряды, встрѣтившіе натискъ татаръ, выѣхавшихъ изъ лѣсу, сдѣлали видъ, что смутились и побѣжали въ лагерь обратно. Татаре кинулись за ними съ гикомъ, съ побѣдными криками... Вотъ ужъ всѣ отряды ихніе вышли изъ-подъ прикрытій, изъ лѣсу... Вотъ лавой мчатся на беззащитный лагерь... Изъ города — тоже доносятся крики радости.

Можетъ быть, насталъ часъ побѣды и отмщенія гяурамъ, насталъ часъ освобожденія отъ проклятой осады... Но... что это такое? Изъ лѣсу, гдѣ все было тихо, рѣзко прозвучалъ голосъ военной трубы... сигналъ атаки... И съ трехъ сторонъ, отрѣзая всякій обратный путь, лишая малѣйшей надежды на спасеніе, черной тучей, вздымая вихри по пути, несутся три полка русской конницы... А съ другихъ двухъ сторонъ, замыкая совсѣмъ полукругъ, появились пѣшіе, тяжелые отряды, чтобы не проскользнули татарскіе всадники между городомъ и русскими шанцами, чтобы никто не ушелъ отъ гибели!

— Гибель!.. гибель... Яманъ!.. Алла!.. Алла!.. завопили со стѣнъ городскихъ.

Окруженные враги — тоже кричатъ... Но дико, вызывающе:

— Смерть гяурамъ! Смерть нечестивымъ!..

И, видя невозможность спастись, отчаянно кидаются въ битву, чтобы не дешево продать свою жизнь...

Каждый татаринъ, словно кабанъ, затравленный стаей ярыхъ псовъ, умирая, старался только поразить кого-нибудь изъ ближайшихъ къ нему русскихъ... Звонъ отъ скрещеннаго оружія, рѣдкіе пищальные выстрѣлы... Ржаніе коней... Кровь хлещетъ ручьями...

Сплотясь отдѣльными кучками, татаре смѣло отстаиваютъ, если не жизнь, такъ месть свою. Однако, перевѣсъ у русскихъ сталъ очень великъ.

И такъ же стихійно, какъ мчались раньше за врагомъ, повернули къ лѣсу татаре, пробиваясь сквозь густые ряды ратниковъ. Но въ лѣсу ихъ тоже ждутъ русскіе. Ловятъ, рѣжутъ, снимаютъ съ деревьевъ, куда многіе взобрались, надѣясь укрыться отъ врага... А тѣхъ, кто проситъ пощады, вяжутъ крѣпко и сводятъ въ одно большое стадо...

Много въ этомъ стадѣ собралось народу, больше тысячи человѣкъ. Окровавленные, израненные, въ изорванной одеждѣ, измученные, многіе — полумертвые, они всѣ дышатъ хрипло, тяжело, словно запаленные кони, и ждутъ: что съ ними будетъ?

И съ побѣдными кликами погнали русскіе воины все это стадо прямо въ свой станъ.

Съ ликующей душой выслушалъ Иванъ донесеніе о побѣдѣ.

— Спасибо, княже! обнявъ и цѣлуя Горбатаго-Суздальскаго, сказалъ царь и тутъ же снялъ съ себя дорогую цѣпь съ золотой гривной и возложилъ на воеводу.

Велѣлъ наградить и всѣхъ, бывшихъ съ княземъ воеводъ, сотниковъ и воиновъ простыхъ.

— А теперь — еще задача есть для тебя. Ступай къ

Арскому городку, по горячимъ слѣдамъ, гдѣ въ засѣкѣ укрѣпились было эти окаянные... Добей остатки татарскіе, сотри главу зміеву!

Черезъ три дня, передохнувъ немного, въ сопровожденіи князя Тверского, Семена Микулинскаго, Горбатый выступилъ въ походъ, а черезъ недѣлю вернулся изъ Арска съ огромной добычей, все съ провіантомъ, до тла разгромивъ войско татарское, тамъ засѣвшее...

Между тѣмъ плѣнниковъ, взятыхъ въ послѣднемъ бою подъ самой Казанью, Иванъ велѣлъ на другой день привести къ городской стѣнѣ и привязать ихъ къ частоколу, укрывающему русскіе полки.

Изъ тысячи — всего пятьсотъ человѣкъ еще на ногахъ держались. Ихъ и привязали къ тыну. И приказалъ Иванъ:

— Молите вашихъ, чтобы сдалися мнѣ. Не то вамъ смерть сейчасъ будетъ! А сдадутъ мнѣ городъ и царя Казанскаго — всѣхъ пощажу, ни волоса единаго, крохи малой вашей не трону, Богъ порукой!

Не сразу послушали, крѣпились сначала плѣнные... Но подъ страхомъ мукъ, подъ угрозой смерти, почуявъ на голомъ тѣлѣ остріе казацкихъ пикъ, стали звать своихъ.

Высыпали на стѣны казанцы...

Зачернѣли, запестрѣли верхи башенъ и просвѣтовъ между «тарасами» отъ татаръ и татарокъ, которыя приходятъ на стѣны, мужьямъ ѣсть приносятъ, землю копать помогаютъ...

А плѣнные, покоряясь нуждѣ, повторяютъ, что имъ приказано:

— Сдавайтесь, братья! Ворота откройте городскія, хана выдайте... Гяуры обѣщаютъ за то, что ни крохи не возьмутъ изъ добра вашего... капли крови не прольютъ мусульманской... А иначе — муки и смерть ожидаютъ всѣхъ насъ, да и васъ потомъ! Одумайтесь, братья!

Рокотъ пробѣжалъ по стѣнамъ городскимъ... Вопли

ненависти, крики проклятій донеслись до плѣнныхъ и до русскаго стана.

— Предатели!.. Отщепенцы проклятые!.. Собаки перекрещеные!.. Пусть вамъ языкъ отсохнетъ за ваши слова... Пусть гніютъ души и тѣла ваши!.. Скорѣе Волга назадъ потечетъ, чѣмъ мы гьяурамъ сдадимся, царя и вѣру предадимъ на поруганіе... Недолюдки поганые вы вмѣстѣ съ гяурами московскими!.. Да подыхайте вы лучше отъ нашихъ рукъ, чѣмъ отъ необрѣзанныхъ урусовъ поганыхъ.

И тучи стрѣлъ, градъ пуль полетѣлъ со стѣнъ и въ своихъ, привязанныхъ татаръ, и въ войско московское.

Тогда русскіе тутъ же добили всѣхъ жалкихъ своихъ плѣнниковъ...

— Нѣтъ, видно, добромъ не кончить дѣла! рѣшили царь, воеводы и бояре, когда узнали отъ очевидцевъ обо всемъ этомъ событіи.

— Давно бы на приступъ послѣдній пора кинуться! замѣтилъ бывшій при этомъ Курбскій.

— Рано, Ондрюша, рано! ласково отозвался царь. Мы еще попытаемъ изморомъ ихъ взять. Воду у нихъ одну мы отняли: къ Булаку и къ Казанкѣ-рѣкѣ никакого имъ подступу нѣтъ, окаяннымъ. Перебѣжчики новые, недавніе, Камай-мурза и другіе мнѣ сказывали: послѣдняя у казанцевъ вода—ключъ потаенный отъ Казанки-рѣки проведенъ? Попытаемъ эту послѣднюю воду взять у невѣрныхъ. Что тогда скажутъ? Безъ бою не сдадутся-ль? А то и такъ много крови христіанской пролито. А за эту, за кровь — не вамъ, бояре, мнѣ отвѣтъ придется Богу отдать.

И долго въ тотъ вечеръ Иванъ разговаривалъ съ розмысломъ-инженеромъ своимъ искуснымъ, съ Бутлеромъ, англичаниномъ, о подкопѣ толковалъ при Адашевѣ и Владимірѣ Старицкомъ, который и спалъ въ одномъ шатрѣ съ царемъ.

Начальникъ всѣхъ розмысловъ, дьякъ Иванъ Выродковъ здѣсь же былъ, совѣты «нѣмца» и приказы царя

выслушивалъ, распорядился потомъ, чтобы землекопы собрались къ разсвѣту, чтобы англичанину бочки съ порохомъ, съ зельемъ боевымъ, были выданы, сколько надобно.

Пригодилась тутъ баня Даирова. Дознались ученики Бутлера, что именно здѣсь, близко подъ землей, ходъ проложенъ къ источнику, который снабжаетъ водою осажденныхъ. Самъ англичанинъ въ другихъ мѣстахъ рылся, а сюда подручныхъ послалъ.

Пытались наперерѣзъ они издали къ потаенному ключу этому подойти, подкопаться... Да каменная гряда мѣшаетъ, которая здѣсь именно пролегла.

Тогда стали прямо изъ бани подкопъ вести. Земля тамъ влажная, мягкая оказалась, какъ всегда близъ воды бываетъ.

Осторожно повели галлерею, дней десять рыли и, наконецъ, на одиннадцатый день донесли Шереметеву и Серебряному, что надъ головами русскихъ землекоповъ голоса слышны, словно кто ходитъ тамъ,—все больше женскіе голоса...

Сами воеводы въ тайникъ сошли, гдѣ ползкомъ, гдѣ въ три-погибели согнувшись, добрались до мѣста.

Вода сквозь песчаный грунтъ просачивается... Голоса слышны, правда... Шаги глухіе... Ошибки быть не можетъ!

И пошли къ царю съ докладомъ.

Въ субботу это было. Сейчасъ же одиннадцать бочекъ пороху подкатили подъ тайникъ.

А въ воскресенье подожгли мину и страшный грохотъ потрясъ воздухъ... Облако чернаго дыму, столбъ земли поднялся на воздухъ. Цѣлый уголъ стѣны съ башней высокой, Мурза-Алеевой—все взлетѣло къ небу и оттуда обломки, камень, бревна, куски тѣлъ человѣческихъ, цѣльные трупы—все это рухнуло на головы казанцевъ, пораженныхъ ужасомъ. И, въ довершеніе всѣхъ золъ, въ городъ ворвались отряды русскихъ, стоявшіе уже на-готовѣ, и прошлись, какъ пожаръ, широкой полосой по всему этому

концу, пока не опомнились татаре, не подоспѣли съ другихъ концовъ воины, сеиды самого Эддинъ-Гирея, и оттѣснили они обратно нападающихъ за городской валъ, за широкій ровъ.

А затѣмъ всю ночь лихорадочно работали при свѣтѣ колеблющихся огней казанцы, стараясь возвести временный оплотъ вмѣсто разрушенной старой стѣны городской.

Лишеніе воды быстро сказалось въ осажденномъ городѣ. Послѣдніе запасы влаги изсякли. Дождевую воду собирали и продавали на вѣсъ золота. Но ея не хватало. Тайные запасы воды въ ханскомъ дворцѣ тоже были не особенно богаты. А простой народъ, тѣ, кто изъ посадовъ и окрестныхъ селъ бѣжалъ въ Казань при нашествіи русскихъ, эти всѣ прямо гибли отъ жажды. Иные перебѣгали къ осаждающимъ. Другіе кинулись рыть землю во всѣхъ направленіяхъ. Но въ колодцахъ и въ небольшихъ источникахъ, вытекающихъ изъ земли, пропитанной кровью, отбросами и трупными остатками, какъ во всѣхъ восточныхъ городахъ, вездѣ вода была мутная, вонючая, ядовитая, порождающая гибель и чуму среди несчастныхъ, вынужденныхъ утолять свою жажду такой водою... Ужасными, разбухшими, почернѣлыми трупами былъ усѣянъ весь городъ. И убирать даже некому эти тѣла.

Ожесточеніе казанцевъ стало смѣняться тупымъ отчаяніемъ. Только ханъ и его близкіе не теряли надежды. А среди черни казанской рождались все новые и новые слухи, одинъ другого тревожнѣе.

Не мало поработали при этомъ и такіе люди, которые появились въ осажденномъ городѣ, побывавъ раньше въ московскомъ станѣ, гдѣ получали щедрыя подачки и посулы на большее, если «приведутъ къ покорности юртъ» такъ, чтобы безъ крови могли русскіе овладѣть Казанью.

Сентябрь къ концу идетъ.

Тихій день осенній, сіявшій надъ измученнымъ городомъ, тихо догорѣлъ, смѣняясь тихой, влажной ночью.

Какъ нарочно, ливни, что ни день проносившіеся здѣсь въ началѣ осени, теперь прекратились...

Темная, тихая, спустилась сентябрьская ночь. Темно и страшно на улицахъ Казани, въ ея тѣсныхъ, кривыхъ переулкахъ, на широкихъ площадяхъ. Тѣни какія-то бродятъ, шатаются, тихо стеная отъ жажды и отъ голода...

Трупнымъ, тяжелымъ запахомъ пропитанъ весь воздухъ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтра запахъ этотъ доносится и до осаждающихъ, вызывая тошноту у непривычныхъ.

Но казанцы сами ужъ притерпѣлись ко всему. Одержимые голодной безсонницей, крѣпко затянувъ животы кушаками, бродятъ во тьмѣ фаталисты-мусульмане, покорно ожидая смерти.

Вдругъ, прорѣзая тишину, прозвучалъ какой-то дикій вопль: не то вой звѣря, которому нанесли смертельный ударъ, не то полуподавленное рыданіе безумца...

Изъ ночной темноты, откуда донесся вопль, скоро стала приближаться къ толпѣ, тихо толковавшихъ и жалобившихся, татаръ какая-то неясно-чернѣющая и бѣгущая человѣческая тѣнь, которая и издавала дикіе стоны.

— Шейтанъ!.. Шейтанъ!.. можно было различить наконецъ, среди завываній, издаваемыхъ бѣглецомъ.

Толпа, стоящая среди площади, вздрогнула, заволновалась... Съ земли поднялись еще другіе силуэты...

— Что случилось? Что такое?.. Не враги ли снова въ городъ ворвались?

— Нѣтъ. Это сумасшедшій Керимъ! успокоилъ кто-то.

Всѣ знали Керима, который и постоянно отличался странностями, слылъ блаженнымъ полудуракомъ, а теперь отъ лишеній и жажды совершенно обезумѣлъ.

Кто-то, наконецъ, остановилъ крикуна, который бѣжалъ съ выпученными глазами, трясясь всѣмъ тѣломъ, какъ избитая, продрогшая собака.

— Что съ тобой, Керимъ? Чего ты испугался? спро-

силъ у бѣдняка одинъ изъ толпы, которая быстро собралась къ мѣсту остановки безумнаго.

— Ай, шейтанъ... Шейтанъ... Пустите!.. Изъ юрта бѣгу! Не стоять Казани. Пустите меня... Гьяуры сейчасъ войдутъ.

— Гдѣ? Что? Почему?.. раздались тревожные оклики:— съ чего ты взялъ? Керимка? Будетъ дурить... И безъ тебя тяжело!..

— Еще хуже будетъ!.. Сейчасъ мнѣ самъ шейтанъ ихній, московскій, сказалъ, что еще хуже вамъ будетъ!..

— Да не путай! Въ чемъ дѣло? Говори!.. пристали къ напуганному человѣку такіе же напуганные, измученные, но еще не обезумѣвшіе окончательно люди.

— Ай, ай!.. сейчасъ скажу... Зашелъ я только что въ землянку свою, что подъ стѣной... Холодно мнѣ стало, ѣсть захотѣлось... Ничего я весь день не пилъ, не ѣлъ...

— Да, вѣдь, и землянка твоя не тепла... И тамъ — пусто! ни хлѣба, ни глотка воды не найдется...

— Ай, нѣтъ!.. Шейтанъ тамъ!.. Вхожу и думаю: хоть отъ пуль отъ гьяурскихъ у меня здѣсь спокойно подъ земляной крышей... А вижу, свѣтло въ моей землянкѣ... Печь такъ и пылаетъ... И столько въ ней хлѣба! Румяный, свѣжій хлѣбъ... А на столѣ кувшинъ высокій съ чистой ключевой водой. А на соломѣ, гдѣ я сплю... Нѣтъ! Тамъ, вдругъ, вижу я ложе богатое, мѣхами устланное... А на ложѣ бѣлый старикъ-гьяуръ сидитъ... съ большой бородой... Вотъ, какъ я въ Свіяжскѣ, въ мечетѣ ихней на стѣнѣ видалъ... И говоритъ онъ мнѣ...

Тутъ голосъ безумца совсѣмъ оборвался отъ волненія.

— Что говоритъ? Ну, поскорѣе! послышались нетерпѣливые оклики.

— Говоритъ: «Не противьтесь царю Ивану... Онъ погубитъ васъ всѣхъ! Часъ близокъ. Судьба велитъ: покоритесь, чтобы не погибли всѣ!» И вдругъ, темно стало въ моей землянкѣ, и все пропало: и хлѣбъ, и вода... и огонь въ печи!.. съ глубокой грустью докончилъ Керимъ.

Я испугался очень и бѣжать кинулся! послѣ небольшого молчанія добавилъ онъ.

— Неправда! Онъ грязь ѣстъ (лжетъ), этотъ подкупленный слуга гьяуровъ! вдругъ прозвучалъ чей-то властный голосъ.

Ходжа, паломникъ, полудуховное лицо у мусульманъ, подошелъ къ толпѣ и слушалъ со всѣми разсказъ безумца. Онъ и поднялъ голосъ.

— Онъ не лжетъ, отецъ, заступились другіе. Онъ бѣдный больной. У него душа спитъ... Онъ безумецъ!

— Не спитъ моя душа! Все она видитъ! внезапно обидчивымъ голосомъ возразилъ Керимъ. — Пойдемте, сами посмотрите! Можетъ, онъ опять придетъ, этотъ шейтанъ?.. Я не лгу!

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемъ! предложилъ кто-то.

— Идемъ, идемъ! повторилъ за всѣми ходжа.

И медленно двинулись въ темнотѣ эти черные, неясные призраки людей, направляясь къ землянкѣ-саклѣ Керима, вырытой недалеко отъ городской стѣны.

Чѣмъ дальше подвигались всѣ, тѣмъ больше волненіе овладѣвало ими. Даже ходжа почувствовалъ, что посохъ такъ и ходитъ въ его привычной рукѣ и не сразу нащупываетъ въ темнотѣ дорогу.

Вотъ затемнѣла землянка Керима.

Онъ не рѣшается самъ подойти къ ней. Тогда одинъ изъ спутниковъ, блѣдный, какъ полотно, такой же блѣдный, какъ и всѣ остальные сейчасъ,—осторожно растворяетъ темную, повисшую доску, замѣняющую дверь.

Въ землянкѣ темно. Изъ нея такъ и пахнуло сырымъ, промзглымъ, подвальнымъ воздухомъ.

— Видите, я говорилъ! произноситъ ходжа, начиная немного овладѣвать собой. Ничего. Войдемте въ эту дыру, чтобы лучше убѣдиться... Входи, кротъ, въ свое жилище.

— Я... я... бормочетъ Керимъ и пятится назадъ, словно песъ, почуявшій привидѣніе.

Волосы на головѣ встаютъ у него дыбомъ...

И всѣ сразу заражаются безотчетнымъ ужасомъ бѣдняка, но, всетаки, пересиливъ себя, входятъ за ходжей въ землянку. Тихо, темно, какъ въ могилѣ... И вдругъ, случилось что-то непостижимое! Какой-то неясный свѣтъ сталъ проливаться со всѣхъ сторонъ... Въ углу обозначилась пылающая печь, жерло которой полно румяными хлѣбами. Онѣмѣли голодные, потрясенные люди... Вотъ и столъ, какъ говорилъ Керимъ, а на немъ чудной работы графинъ съ кристальной водой... И кровать царская съ мѣховой постилкой и на ней сидитъ старикъ...

Высокій, мощный, съ бѣлой бородою... Совсѣмъ какъ описалъ его Керимъ. И старикъ этотъ заговорилъ... Не видятъ другъ друга вошедшіе, не слышатъ своего испуганнаго дыханія, но ясно видятъ и слышатъ старика... Грозно звучатъ слова его:

— Не противьтесь царю Ивану Московскому. Онъ погубитъ васъ всѣхъ! Часъ близокъ, судьба велитъ: покоритесь, чтобы не погибнуть!..

И только отзвучали слова, какъ все исчезло. Снова тьма и могила-землянка кругомъ...

Въ ужасѣ кинулись прочь трепещущіе люди, разбѣжались во всѣ стороны, заражая десятки и тысячи другихъ своимъ ужасомъ, передавая о чудѣ, какое «видѣли своими глазами, да еще всей толпой!...»

Ходжа прямо во дворецъ кинулся, добился, чтобы его допустили къ Эмиру Кулла-Шерифу, къ главному муллѣ, и разсказалъ, чему былъ свидѣтелемъ.

Испытующе посмотрѣлъ мулла на ходжу.

— Нѣтъ, не подкупленъ... Вонъ, какъ трясется, словно въ лихорадкѣ!.. блѣденъ, какъ призракъ!

И, помолчавъ, мулла произнесъ:

— Нѣтъ Аллаха, кромѣ Аллаха и Магометъ пророкъ его. Чары это все невѣрныхъ москововъ... Молчи и никому не говори о томъ, что видѣлъ!..

Отпустилъ ходжу, самъ къ царю, къ молодому хану Эддинъ-Гирею идетъ.

Измученный дневной тревогой и объѣздомъ крѣпости, заснулъ Эддинъ-Гирей. Разметался могучимъ, стройнымъ тѣломъ на мягкихъ подушкахъ постели, а головой лежитъ на груди у любимой жены своей, крымской царевны Гюль-Джемаль.

Блѣдное, истомленное лицо хана и во снѣ словно озабочено. А молодая царица не спитъ, сторожитъ сонъ любимаго мужа. Широко раскрыты большіе, черные глаза съ миндалевидными, синеватыми бѣлками, среди которыхъ фосфорически свѣтятся сильно увеличенные зрачки взволнованной, истомленной и блѣдной красавицы. Чутко ловитъ она слухомъ малѣйшіе звуки, таинственные и неожиданные, какіе всегда раздаются ночью въ старыхъ покояхъ. А дворецъ — старинное зданіе. Чуть ли не первымъ ханомъ казанскимъ, братоубійцей и отцеубійцей Махмутекомъ построенъ, лѣтъ сто тому назадъ.

Тревожно спитъ, изрѣдка даже вздрагиваетъ и слабо стонетъ во снѣ Эддинъ. Слезы тихо проступаютъ на красивыхъ, газельихъ глазахъ ханши, и она не отираетъ ихъ, шевельнуть рукой боится, чтобы не потревожить сонъ измученнаго страдальца хана, супруга своего. Скатываются слезы одна за другой по блѣднымъ щекамъ на подушку, а Гюль-Джемаль тихо, неслышно почти шепчетъ:

— Махлай... махлай!.. Усни, усни, мой повелитель. Газы (воинъ) непобѣдимый!.. Пусть Алла тебѣ силъ и здоровья пошлетъ... Спи, мой красавецъ!

И шелестъ этихъ сердечныхъ заклинаній словно повліялъ на спящаго: онъ меньше тревожится во снѣ, дыханіе стало спокойнѣе, ровнѣе.

Вдругъ за дверью послышались сдержанные голоса, звякнуло оружіе янычара, охраняющаго входъ извнѣ; быстро поднялся съ полу, дремавшій въ самомъ покоѣ, евнухъ ханскаго гарема.

Дверь распахнулась, и въ полуосвѣщенной горницѣ, на порогѣ обрисовалась чья-то высокая фигура.

Затрепетала Гюль-Джемаль отъ предчувствія новой бѣды, а ханъ уже вскочилъ, кинулся къ ятагану и къ тяжелымъ итальянскимъ пистолетамъ, лежавшимъ всегда на-готовѣ у ложа, и съ крикомъ:

— Измѣна?.. Рубите гяуровъ!.. Ко мнѣ, мои сеиды! Ко мнѣ, джигиты!—готовъ былъ ринуться впередъ.

Но его остановилъ знакомый голосъ Эмира Кудла-Шерифа. Духовный вождь мусульманъ внушительно заговорилъ:

— Приди въ себя, ханъ, успокойся. Нѣтъ никакой измѣны. Это я иду къ тебѣ, по дѣлу важному...

Тяжело дыша, остановился Эддинъ. Крупныя капли холоднаго пота струятся по лицу, по вискамъ. Крѣпко стиснутые зубы раскрылись и хриплымъ голосомъ переспросилъ ханъ:

— Ты это, правда, святой отецъ?.. А мнѣ приснилось...

— Что приснилось тебѣ, сынъ мой?..

— Вздоръ! совершенно овладѣвъ собой, произнесъ ханъ, стараясь загладить впечатлѣніе трусости, какою была отмѣчена только что миновавшая сцена.—Мертвецы мнѣ снились. Будто всѣ прежніе ханы казанскіе собрались въ тронномъ залѣ, страшные, скелеты голые, но съ вѣнцами царскими на головахъ и съ буздыганами, съ чеканами и скипетрами въ рукахъ... И стали они меня на тронъ сажать... Посадили, а сами вьются хороводомъ кругомъ, кости стучатъ... И поютъ: «Пробилъ часъ! Искупится кровь, пролитая Махмутекомъ-отцеубійцей. Новый царь владѣетъ юртомъ... царь московскій»... И кланяются мнѣ. Я оглядѣлся, а я—больше не я... Другой вмѣсто меня... И чужимъ голосомъ я спросилъ у скелетовъ: «А гдѣ-жъ Эддинъ-Гирей, ханъ казанскій?!..» Захохотали скелеты и завыли: «Нѣтъ его! Мы измѣной подкрались, схватили, убили его! Вотъ онъ гдѣ!..» Гляжу: склепъ раскрылся въ

стѣнѣ, а тамъ — я же, но только скелетомъ лежу... а на шеѣ шнурокъ... И сорвалъ я шнурокъ, выскочилъ изъ склепа... раздвоился словно... И тотъ, что на тронѣ, царь Иванъ — это я... И въ видѣ скелета на мертвецовъ я же бросился, хотѣлъ имъ за измѣну отомстить. Вдругъ, слышу, звонъ оружія... Вскочилъ спросонья и... самъ не помню, что́ ужъ закричалъ на яву? Прости, отецъ.

— Моя вина, сынъ мой. Ненарокомъ вошелъ, въ поздній часъ. Всѣ мы теперь не свои... А сказать надо тебѣ. Время не терпитъ. Разсвѣтъ близко. Муэдзинамъ скоро пора и въ месджиды идти, на минареты подыматься... Слушай, что случилось...

И разсказалъ мулла хану о видѣніи толпы людей, съ ходжою во главѣ.

Еще больше омрачился ханъ. Сидитъ, молчитъ. Гюль-Джемаль, схвативъ покрывало, закуталась, забилась въ дальній уголъ постели широкой и холодѣетъ отъ ужаса.

— Слышалъ ли, сынъ, что я говорю?

— Слышалъ, отецъ. Что же дѣлать?..

— На чары — надо молитвой отвѣчать. Чтобы народъ видѣлъ, что бьемся мы, при помощи Аллаха, съ навожденіемъ гяуровъ. Чуть народъ проснется, къ мечетямъ тронется на ранней на зарѣ, надо послать духовенство и дервишей всѣхъ, какіе въ городѣ, пусть на стѣнахъ соберутся городскихъ, въ разныхъ мѣстахъ... Пусть на площадяхъ явятся... Ихъ молитвы и хороводы священные круженье неистовое хорошо на чернь вліяетъ, вѣру зажигаетъ въ народѣ... Да и враги, я знаю, — опасаются этихъ дервишей и шамановъ изъ Сибири дальней, тѣхъ, вотъ, которые съ Азизой, съ третьей ханшей султана Сафа-Гирея, сюда прибыли еще... Пусть ворожатъ, колдуютъ, молятся... Небо и адъ пусть помогаютъ намъ противъ невѣрныхъ собакъ!..

— Хорошо, отецъ, дѣлай, какъ хочешь. Я — драться умѣю... А со всѣмъ остальнымъ ужъ ты управляйся... какъ хочешь...

— Ну, пусть такъ. Не падай духомъ, сынъ мой... Еще настанутъ свѣтлые дни по волѣ Аллаха...

— Да будетъ воля Аллы!..

— Она свершится! Недаромъ мы подняли зеленое знамя пророка, повѣстили всѣхъ и созвали на газаватъ (священную войну за Исламъ). Не склонится гордый Исламъ предъ ихнимъ деревяннымъ Распятіемъ?

И, постаравшись ободрить надеждой хана, хотя самъ ужъ давно потерялъ всякую надежду, вышелъ старикъ-мулла отъ Эддинъ-Гирея.

Поскакали гонцы во всѣ мечети, гдѣ пріютились софты, муллы, шаманы и дервиши разныхъ сектъ и орденовъ мусульманскихъ... Еще темно было, а на стѣны городскія въ разныхъ мѣстахъ взобрались шаманы со своими бубнами и жертвенными принадлежностями, дервиши съ посохами и связками амулетовъ.

Первые изъ нихъ, взобравшіеся по откосу стѣны на башни, охраняющія ворота, такъ называемыя Ханскія или Царевы, были поражены неожиданностью. Вчера еще вечеромъ не было здѣсь ничего. Правда, воины Большого и Передового полковъ, заливающіе все Арское поле, которое стлалось передъ этими воротами, подобрались со своими турами и траншеями къ самому рву городскому. И только онъ, шириной въ двадцать аршинъ и глубиной до трехъ саженей, отдѣлялъ стѣны крѣпостныя отъ русскихъ силъ.

Но крѣпко охраняли эту часть стѣны казанцы. Они даже, воспользовавшись оплошностью воиновъ, ушедшихъ къ котламъ за варевомъ, чуть было не овладѣли всѣми ближними окопами и траншеями москóвовъ... Только геройскимъ усиліемъ, съ потерей двухъ-трехъ сотъ воиновъ, послѣдніе могли вернуть себѣ свои позиціи, при чемъ главный воевода, князь Воротынскій, и Морозовъ Петръ, и Юрій, князь Кашинскій, были ранены на ряду со многими другими.

И въ этомъ самомъ мѣстѣ что-то новое, непонятное случилось. Противъ самыхъ башенъ, по ту сторону рва, словно выросло въ ночь что-то огромное, высокое, страшное... И огни мелькаютъ въ ночной тьмѣ, голоса слышны вражескіе... Копошатся тѣни какія-то... Задремавшіе было на стѣнахъ, стражники татарскіе проснулись съ приходомъ своихъ и тоже глаза протираютъ, съ ужасомъ глядятъ...

Вотъ, посвѣтлѣло покрытое тучами небо на востокѣ и можно яснѣе все различать кругомъ.

Оказывается: за ночь гяуры изъ-за холма, изъ ближайшей рощи подтащили къ самымъ стѣнамъ огромную, передвижную башню, которая своей вершиной на много превосходитъ высоту стѣны крѣпостной казанской. Очевидно, самъ царь Иванъ, свѣдущій въ эллинскихъ премудростяхъ, или розмыслы московскіе задумали возсоздать древнюю греческую осадную башню, знакомую и македонцамъ.

Высока и могуча эта башня. Тяжела такъ, что на всемъ пути, гдѣ волокли ее, ряды бревенъ, по которымъ, какъ по рельсамъ, ее катили на валькахъ, глубоко вдавились въ землю. Чернѣетъ широкою полосою тотъ путь, гдѣ прошла громада. Должно быть, сотни быковъ, лошадей и людей тянули этого деревяннаго гиганта, прочно построеннаго изъ толстыхъ бревенъ, охваченныхъ желѣзными обручами, скрѣпленныхъ такими же стыками, закрѣпами на углахъ и по всѣмъ перекрестнымъ соединеніямъ.

Высока башня, на много саженей выше стѣны крѣпостной, но ее тутъ же, на мѣстѣ еще надстраиваютъ. Заранѣе пригнанныя, отесанныя части устанавливаются, прилаживаются, скрѣпляются желѣзными болтами и скобами. Сверху ряды толстыхъ кожъ навѣшаны, вмѣсто стѣнокъ. За этой стѣнкой, какъ за надежной защитой, люди копошатся, мѣткіе стрѣльцы московскіе. Ихъ ни стрѣлы, ни пули пищальныя не достанутъ... А они, все отборный людъ, уже прилаживаютъ самопалы и пищали, чтобы снимать со стѣнъ защитниковъ Казани.

Внизу, у башни, другая работа кипитъ: мортиры и пушки тяжелыя наверхъ вôротами могучими втаскиваютъ и размѣщаютъ въ разныхъ ярусахъ чудовищной постройки этой, новой бѣды, приготовленной Русью на погибель юрту мусульманскому.

Смотрятъ татаре-воины и старшіе ихніе, беки, уланы, сеиды,—сердце страхомъ сжимается... А дервиши, шаманы, словно имъ и дѣла нѣтъ ни до чего, ужъ приступили къ своимъ таинственнымъ, страннымъ, а порой и страшнымъ, кровавымъ обрядамъ, мольбамъ и заклинаніямъ.

Въ свою очередь, замѣтя бѣснующихся людей на стѣнахъ казанскихъ, русскіе заволновались.

— Сызнова колдовать стали, проклятые!.. Ну, теперя жди бѣды! Давно ли перестали ливни лить, которые были колдунами-еретиками богопротивными накликаны?!..

И, словно подтверждая ожиданія всѣхъ, бѣда стряслась немедленно. Зазѣвался десятникъ одинъ при подъемѣ большого орудія, во-время не крикнулъ: «трави канатъ!» Тяжи лопнули отъ натуги. Тяжелая глыба металла сорвалась внизъ, давя и ломая всѣхъ и все по пути.

Башню чинить пришлось, людей—человѣкъ сорокъ не досчитались... А шаманы все вертятся, все поютъ гнусавыми голосами, призывая защиту темныхъ и свѣтлыхъ силъ на родной юртъ казанскій.

Какъ бы въ отвѣтъ на чары, изъ русскаго лагеря въ утреннемъ воздухѣ зазвучали и донеслись напѣвы церковнаго клира. Крестный ходъ кругъ города пошелъ, чтобы отклонить всѣ козни бѣсовскія...

Но, и помимо Божьей помощи, русскихъ, какъ муравьевъ, кругомъ крѣпости видимо-невидимо! На мѣсто убитыхъ другіе встали... Пушку втащили, куда надобно было, бревна новыя вставили въ осадную башню и прогремѣлъ оттуда первый выстрѣлъ... Раскаленное ядро съ шипѣньемъ и свистомъ зловѣщимъ пронеслось надъ головами воиновъ, чернѣющихъ на стѣнѣ, и врѣзалось

въ стѣну высокаго дома, стоящаго шагахъ въ 300 за стѣною.

За первымъ второе, третье ядро провизжало... Пожаръ вспыхнулъ въ грудѣ обломковъ, бревенъ и досокъ, какую представлялъ теперь изъ себя домъ, еще недавно такой обширный, высокій и прочный на видъ.

И опустѣла вся площадь, куда изъ башни ядра и пули достигать могли. Обыватели разбѣжались... Пусть выгоритъ все! Тогда спокойнѣе будетъ. А казанцы-воины, стоящіе въ этомъ концѣ, словно кроты, стали совсѣмъ въ землю зарываться за стѣнами, чтобы ни пуль, ни ядеръ не бояться... И все больше и больше норъ въ землѣ копаютъ они, выходы подъ стѣнами прямо въ ровъ выводятъ... Отсюда, какъ змѣи, днемъ и ночью выглядываютъ осажденные, выползаютъ въ удобную минуту и поражаютъ врага, а потомъ быстро въ ту же нору снова уходятъ, за стѣны возвращаются.

И опять потянулись долгіе, безконечные дни тяжелой осады, увеличивая муки татаръ, но не принося рѣшительной побѣды войскамъ Ивана. Газаватъ, священная война— дѣло великое! Пока живъ ханъ, пока живы еще люди, способные держать оружіе въ рукахъ, борьба не прекратится. Никакіе ужасы не принуждаютъ къ сдачѣ, которой такъ ждетъ и такъ желаетъ царь Иванъ.

— Нечего дѣлать! рѣшилъ тогда онъ со своими воеводами. — Надо кровавую чашу до дна пить, пострадать за Крестъ Святой, за вѣру православную. Пусть великіе подкопы дороютъ, стѣны расколютъ, орѣхъ намъ раздавятъ... До зерна мы и сами доберемся!

Лихорадочнѣй еще закопошились землекопы, которые у тѣхъ же Арскихъ воротъ, гдѣ русская башня выросла, давно въ землѣ роются, подкопъ большой подъ стѣну казанскую ведутъ. Каждый шагъ впередъ усчитываетъ

да соразмѣряетъ «нѣмчинъ» Бутлеръ, инженеръ-англичанинъ, кротъ подземный и рѣшилъ онъ, наконецъ, что пора остановиться. Подъ самой стѣной и подъ башнями находятся теперь съ нимъ его помощники.

Огромную пустоту, устроенную здѣсь глубоко подъ землей, — быстро наполнять стали бочками съ порохомъ. Одинокій фонарь, который лежитъ подальше отъ боченковъ, сюда попадающихъ, — еле освѣщаетъ стѣны подземной пещеры, гдѣ земля осыпается и глядитъ сквозь свѣжія, рѣдкія подпорки, кое-какъ поддерживающія потолокъ и стѣны. Пещера не для жилья вырыта, не казематъ для воиновъ. Лишь бы не засыпало людей, пока порохъ сюда сносятъ.

Также небрежно укрѣпленъ и ходъ весь, узкій, темный, подземный ходъ въ эту пещеру. Но полъ досками устланъ, чтобы легче было бочки съ зельемъ боевымъ катить. Тѣсно составлены боченки. Цѣлыхъ полсотни ихъ... Днища выбиты у всѣхъ. Порохъ на половину высыпанъ на землю. А чтобы онъ не отсырѣлъ—вся земля здѣсь сперва мхомъ, а потомъ густо досками и рогожами устланы.

Это все было 29-го сентября закончено.

30-го сентября, до зари, построились полки: Большой да Передовой, хоть и не цѣликомъ. Отборные люди въ бой изготовились, изъ тѣхъ, кто меньше усталъ, дальше отъ стѣны стоялъ въ послѣдніе дни. Воеводы: Шереметевъ и Серебряный,—на Аталыковы ворота сами вести войска собираются. Два брата Воротынскихъ, Мстиславскій, Бѣльскій и Горбатый съ Шуйскими — всѣ эти князья-воеводы тоже лично стали во главѣ полковъ, которые угрожаютъ воротамъ Царевымъ и Арскимъ.

Отъ Волги Шереметевъ и Серебряный—должны ложный приступъ повести; а здѣсь главное нападеніе готовится. Только ждутъ: когда придетъ время?

И оно настало. Порозовѣли края облаковъ, изъ зарослей на рѣкѣ поднялись стаи пернатыхъ, перелетныхъ

Задрожала земля даже здѣсь, далеко отъ мѣста взрыва, заколыхалось пламя на восковыхъ свѣтильникахъ. Это взорвало подкопъ...

гостей, которые въ заводяхъ волжскихъ да у Казанки-рѣки ночевали, по пути на югъ...

Къ «розмыслу» Бутлеру примчался верховой. Инженеръ стоялъ у подножья небольшого холма, въ которомъ зіяло отверстіе мины, первой изъ трехъ, законченныхъ мудрымъ чужеземцемъ.

Шепнулъ ему верховой слово завѣтное, приказъ отъ царя: мину рвать... Нагнулся Бутлеръ, зажегъ фитиль, пробѣжали искры и огоньки по слѣду пороховому, по запалу, дальше, туда, въ черную, непроглядную глубину подкопа. Минуты идутъ и медленно тянется время въ ожиданіи. А вдругъ не взорветъ? Засыпало дорожку запальную... Помѣшало что-нибудь огню дойти до запасовъ пороховыхъ?.. По разсчету пора и взрыву быть... Томительно тянутся минуты... Секунды — вѣчностью кажутся. Русскіе, вѣдь, шутить не любятъ. Особенно ихъ молодой и ласковый на видъ, но неукротимый и бѣшеный порою царь. Заподозритъ въ измѣнѣ «чужака-нѣмчина» — и петля ему готова!

Дыханіе перехватило у «розмысла»... Губы невольно шепчутъ слова молитвы, забытыя чуть ли не съ дѣтства... И вдругъ — земля словно дрогнула легонько подъ ногами...

Мгновенье, другое, — и громовый раскатъ вырвался изъ нѣдръ разверзшейся земли... Тамъ, далеко, почитай у самой стѣны казанской — камни, дымъ, бревна на воздухъ полетѣли, затемняя прозрачно-перламутровую синеву осенняго утренняго неба. Взорваны были всѣ земляные окопы и валы, которыми укрѣпились казанцы противъ осадной башни у Арскихъ воротъ. Стѣна самая уцѣлѣла еще. Ея не коснулся подкопъ. Тѣмъ не менѣе, зная, какъ ужасны послѣдствія такого взрыва, помня первый подкопъ подъ тайникъ водяной, — всѣ, уцѣлѣвшіе здѣсь на стѣнахъ, татаре и тѣ, кто даже по сосѣдству стоялъ, — послѣ первыхъ мгновеній оцѣпенѣнія всѣ кинулись въ разныя сто-

роны, позабывъ, что открываютъ врагу широкій входъ въ городъ...

А врагъ не дремлетъ! Спокойно, словно на смотру царскомъ, на Красной площади,—подходятъ полки къ самымъ стѣнамъ Казани. Землекопы и воины служилые, кому назначено, — катятъ готовыя туры и ставятъ новые ряды ихъ ужъ вплотную ко рву и даже за рвомъ городскимъ...

Вотъ полки, отрядъ за отрядомъ,—вошли въ ворота Арскія и въ сосѣднія съ ними, въ Большія, Аталыковы... Но тутъ еще одно препятствіе: второй ровъ, по ту сторону стѣны. А черезъ этотъ ровъ мосты перекинуты, по которымъ защитники на стѣны городскія попадаютъ... Оглядѣвшись немного, только что хотѣли воеводы повести дальше полки, черезъ мосты эти самые, и вступить въ городъ, какъ тамъ изо всѣхъ улицъ появились ряды татарскихъ воиновъ... Спохватились невѣрные. Обратно бѣгутъ, проломъ защитить хотятъ, врага назадъ отбросить. Но это трудно. Гдѣ московскій конь ступилъ, тамъ татарскому чевяку мѣста нѣтъ! Бой завязался, сѣча жестокая... Рѣжутся, бьются враги... А между домами той части города, которая противъ пролома, противъ Арскихъ воротъ стоитъ, — тамъ уже воздвигаются новые завалы... Старики, женщины, дѣти землю копаютъ. Бревна накидываютъ... Жестоко нападаютъ татаре, стараясь отстоять свои дома и семьи отъ врага. Тѣсно стало въ переулкахъ, негдѣ русскимъ строя своего развернуть... Приходится одинъ-на-одинъ съ казанцами биться. Да этимъ легче. Дома и стѣны помогаютъ. На русскихъ изъ каждаго окна, изъ-за каждой стѣны — пули летятъ, кипятокъ льется, камни валятся и дробятъ шлема и черепа нападающимъ...

Отступили московы... Ободрились казанцы... До воротъ прогнали полки русскіе... Изъ воротъ гонятъ...

Вдругъ князь Воротынскій, напрасно старавшійся ободрить войско, оглянулся и увидѣлъ, что самъ Иванъ, за-

интересованный исходомъ боя, показался невдалекѣ, на одномъ изъ сосѣднихъ холмовъ, окруженный всѣми своими ближними боярами и воеводами.

— Дѣти, стойте! Не поддавайтесь невѣрнымъ! — загремѣлъ голосъ воеводы, сразу словно перерожденнаго.— Стойте!.. Глядите!.. Самъ царь на насъ смотритъ... Царь тамъ стоитъ! Государь на нашу вѣрность глядѣть пришелъ... Назадъ! на бой!.. Бей невѣрныхъ!.. Колотите обрѣзанныхъ!.. Не поддавайся, братцы!.. Царь подмогу пришлетъ!.. Онъ насъ не выдастъ!..

Такъ, кидаясь отъ одной толпы бѣгущихъ воиновъ къ другой, — убѣждалъ воевода...

И убѣдясь, что царь, дѣйствительно, стоитъ и смотритъ вдали, — воспрянули духомъ ратники... Бѣгущіе остановились, стали снова строиться въ ряды на рву, за стѣнами крѣпости, куда ихъ успѣли оттѣснить казанцы, и словно бѣшеные пошли вторично на приступъ. Не ожидали ничего подобнаго татаре, совершившіе послѣднее усиліе, чтобы выгнать врага,— и дрогнули — побѣжали они опять, а русскіе за ними.

Сѣкутъ, давятъ конемъ, кто на конѣ... Руками душатъ, если такъ близко схватятся, что нельзя ни мечомъ, ни кинжаломъ работать... Завалы новые — опрокинуты! Вотъ, въ широкія улицы русскіе ворвались... На площадь большую вышли... Здѣсь прямо станомъ стоятъ люди сельскіе, купцы съ верблюдами, съ товарами, всѣ, кто въ городѣ заперся...

Видя, что воины татарскіе разбѣжались, что сопротивленія нѣтъ,— отряды русскіе и за грабежъ принялись рѣжутъ беззащитныхъ, старыхъ, женщинъ и дѣтей... Отымаютъ, что на глаза попадается. А увидятъ лучшее, бросаютъ прежнее и новое берутъ. Цѣлый городской уголъ, большой участокъ на холмѣ, весь въ распоряженіи побѣдителей! Главныя силы хана собраны во дворцѣ его. Оттуда не выходятъ, дожидаясь, что-то случится на мѣстѣ взрыва?

У ближнихъ къ пролому Аталыковыхъ и Крымскихъ

воротъ защитникамъ города дѣла по горло: тамъ Шереметевъ да Серебряный, да Микулинскій — стѣны и ворота громятъ, не даютъ возможности сойти съ поста, придти на помощь бѣдствующимъ собратьямъ въ тотъ край, гдѣ проломъ... Почти полгорода, до Купецкаго, до Тезицкаго рва заняли ужъ русскіе. Воротынскій, опьяненный такой удачей, говоритъ брату:

— Скачи къ царю... Разскажи: что Богъ послалъ! Наша Казань! Пусть достальное войско на подмогу шлетъ. Нынче же къ вечеру его во дворецъ введемъ, на тронъ агарянскій посадимъ!

Умирая отъ устали, въ пыли, въ крови доскакалъ меньшой Воротынскій до мѣста, откуда Иванъ наблюдалъ за боемъ, то и дѣло посылая узнавать о ходѣ сраженія.

— Богъ на помочь!.. Что скажешь, князь?.. быстро спросилъ Иванъ, едва подскакалъ къ нему Воротынскій.

— Побѣда, государь! Да славится имя Господне! И тебѣ безсмертная слава во вѣки вѣковъ!..

— Видѣлъ... знаю... Спасибо, княже!.. Всѣмъ спасибо! Дай обнять тебя! Ну, говори: засѣли крѣпко въ башнѣ? Стѣны заняли? Можно будетъ завтра и главный приступъ повести?

— Зачѣмъ завтра? Сейчасъ веди полки всѣ на бой. Наша... твоя Казань! Погибнутъ невѣрные, разсѣются, аки прахъ отъ дуновенія вѣтра...

— Да что ты?.. Говори, въ чемъ дѣло?.. произнесъ Иванъ. А глаза у самого такъ огнемъ и загорѣлись, вспыхнуло краскою блѣдное до сихъ поръ лицо.

Воротынскій живо описалъ, какъ далеко ворвались оба полка въ самое сердце города... Теперь двинуть остальное русское войско прямо во дворецъ, — и взять можно хана живьемъ со всѣми его сеидами.

Воодушевленіе и вѣра Воротынскаго въ полную побѣду окончательно заразили царя. Онъ весь дрожалъ, не сводя взоровъ съ осажденнаго города. Изъ-за уцѣлѣвшихъ домовъ

предмѣстій — высились стѣны, валы надо рвомъ, зіяющіе широкимъ проломомъ у Арскихъ воротъ. А дальше все было затянуто дымомъ и пылью, которая взметнулась на воздухъ въ моментъ взрыва и еще не улеглась не успѣла осѣсть...

И вдругъ, повернувшись порывисто къ Морозову, царь сказалъ:

— Скорѣй гонцовъ по полкамъ... На приступъ трубить!.. Всѣ на бой! Раздавимъ врага нечестиваго, коли Богъ того хочетъ!

Но, тутъ изъ рядовъ выступилъ Адашевъ, съ почтительнымъ видомъ приблизился къ Ивану и, склонясь на сѣдлѣ, негромко заговорилъ:

— Государь? не прикажешь ли обождать еще? Не велишь ли твоего перваго слова держаться? Пусть наши воины, что въ городъ вошли,— къ стѣнѣ, да къ башнѣ Арской воротятся. Самъ же ты рѣшилъ на совѣтѣ: рвы надо засыпать, широкій путь приготовить, всѣ наши подкопы взорвать, въ конецъ обездолить врага,— а тогда уже съ татарами послѣднимъ, смертнымъ боемъ перевѣдаться... Самъ же ты рѣшилъ, государь! Прости, что я, слуга твой, смѣю напомнить тебѣ... Твою же волю напоминаю...

— Я рѣшилъ — я и перерѣшить могу. Что ты учишь меня? Что ты смыслишь? Не все расчетъ, ино-де и отвагу Богъ любитъ, особливо въ ратномъ дѣлѣ... Да и некогда мнѣ толковать съ тобою. Вонъ, солнце какъ высоко! Успѣть бы двинуть полки... все свершить до вечера!..

— Не поспѣемъ, государь!.. Осенній коротокъ день... Если и сейчасъ велишь подкопы рвать, — пока соберемся, пока ударимъ — и ночь настанетъ. И все пропадетъ... Успѣютъ за ночь оправиться невѣрные... Помысли, государь!..

— Прочь!.. Оставь! ужъ съ явнымъ раздраженіемъ проговорилъ Иванъ: — зазнался холопъ... Много воли взялъ! Я ли сказалъ: подкопы рвать, полки сбирать! На приступъ пусть трубы трубятъ... Слышали...

Морозовъ и всѣ остальные вожди, понимавшіе, что Адашевъ правъ, не торопились исполнить приказъ царя.

Онъ оглядѣлся, и уже нескрываемая ярость сверкнула въ его глазахъ, сразу помутнѣвшихъ, налившихся кровью.

— А-а... хриплымъ какимъ-то, не своимъ голосомъ заговорилъ Иванъ: — ты имъ всѣмъ то же внушаешь: не слушать приказу царскаго... Да я тебя...

И судорожно рука Ивана скользнула къ рукояткѣ богатаго ножа, украшеннаго каменьями, висѣвшаго въ ножнахъ съ боку у царя. Звякнули колечки кольчуги одно о другое отъ судорожнаго движенія. Напружились жилы на лбу у Ивана, переполняясь кровью.

Въ это самое мгновеніе Адашевъ, сидѣвшій въ сѣдлѣ передъ царемъ съ поникшей головой, вдругъ весь выпрямился и, уловивъ взоръ Ивана, сталъ глядѣть ему прямо въ глаза своими черными, проницательными глазами, изъ которыхъ словно свѣтъ заструился, въ которыхъ читалея какой-то нѣмой, невнятный, но неотразимый, властный приказъ!

И немедленно опустилась рука Ивана. Лицо подернулось легкой судорогой и стало снова блѣднымъ.

Царь, помолчавъ мгновенье, уже спокойнѣе, ровнымъ, слегка усталымъ голосомъ проговорилъ:

— Ну, ладно ужъ... подумаемъ! Такъ, по вашему, бояре: лучше не отваживаться зря? Утра погодить?.. Инъ, будь по вашему...

— Ты самъ такъ рѣшилъ, государь... отозвался Морозовъ, видя, что непріятная минута миновала.

Адашевъ ничего не сказалъ и даже отъѣхалъ опять назадъ, смѣшавшись съ рядами свиты, окружающей царя.

— Слыхалъ, Воротынскій?.. Киньте городъ... Дѣлай, какъ приказано: на башнѣ, на стѣнѣ отбитой укрѣпляйтеся... Мосты жгите, чтобы казанцы не напали на васъ ночью... А мы тута рвы засыпать станемъ, дорогу изготовимъ и завтра въ городъ всѣ войдемъ.

Голову склонилъ Воротынскій, повернулъ коня и скоро изъ виду исчезъ. Царь тоже поворотилъ коня и, не то разозленный, не то смущенный чѣмъ-то, молча къ ставкѣ своей поскакалъ.

Молча неслись всѣ за нимъ.

Легко сказать было: «Киньте городъ, верните людей!» Трудно было это выполнить. Опьяненные рѣзней, увлеченные легкой добычей, люди не слушали ничего и, не видя грозящей опасности, позабывъ, что, того и гляди, вернутся татаре, русскіе ратники разсыпались далеко кругомъ. И дали тутъ полную волю всѣмъ своимъ страстямъ и желаньямъ.

— На бой!.. На дворецъ ханскій грянемъ! кричали ратники. Тамъ настоящая пожива будетъ. Нешто можно отъ побѣды отъ своей вспять ворочаться?.. Измѣняютъ воеводы наши, видно. Не слушай, братцы, вали впередъ!..

И мелкими отрядами все шире и шире разливались они по этому концу Казани.

Но тутъ ужъ эсаулы и сотники, побуждаемые начальствомъ, стали дѣйствовать рѣшительнѣй. Нагайки замелькали. Прикладами пищалей стали назадъ поворачивать непослушныхъ... Кстати: показались съ разныхъ сторонъ и небольшіе татарскіе отряды конныхъ, начали они нападать на тѣхъ, кто очень отсталъ отъ главнаго отряда русскаго, въ сторону отбился. Много такихъ отсталыхъ пало подъ мечами татаръ и въ плѣнъ было захвачено.

Съ великимъ трудомъ, кой-какъ, къ вечеру собрались всѣ ратники у Арской башни, ѣдутъ и пѣшіе идутъ, до верху добычей нагруженные. Новая бѣда тутъ приспѣла: половина ратниковъ въ лагерь ушла, сносятъ туда награбленное добро... прячутъ добычу.

Но и остальной половины хватило, чтобы занять башню у воротъ и крѣпко тамъ на ночь устроиться.

А стѣны по обѣ стороны башни треснули, полуразрушились и русскіе ихъ подожгли, также какъ и мосты,

ведущіе въ городъ. Широкая первая стѣна была построена изъ двухъ рядовъ толстыхъ бревенъ, между которыми щебень и земля набита. Загорѣлись эти бревна, горятъ мосты... Рушатся обгорѣлыя деревянныя части — обшивка стѣны... Осыпается съ грохотомъ камень и земля, которыхъ ничто не сдерживаетъ больше... И всю-то ночь, какъ гигантскій костеръ, пылали эти мосты и стѣны, мѣшая татарамъ, уже пришедшимъ въ себя, напасть на московов, занявшихъ самую важную точку: Арскую башню крѣпостную.

Все-таки, за ночь — татаре противъ пролома успѣли новую, временную стѣну возвести.

Весь слѣдующій день, въ субботу, 2-го октября, осаждающіе довершали свою разрушительную работу въ этомъ мѣстѣ. Пушками повалили остатки стараго сруба деревяннаго, тамъ, гдѣ не успѣлъ огонь докончить своей работы, и разбили большую часть новой стѣны, той, что казанцы за ночь вывели.

Ровъ широкій и глубокій, больше двадцати аршинъ ширины и девять глубины, заполнился почти весь въ этомъ мѣстѣ: лѣсомъ, балками, землею закидали его русскіе. А работу ихъ прикрывали тѣ, кто сидѣлъ въ Арской да въ осадной башнѣ.

Не позволяли стрѣльцы врагамъ ударить на работающихъ!..

Къ вечеру стихло все въ русскомъ лагерѣ и вокругъ Казани. Пушки перестали рокотать, пищали не щелкаютъ. Во всѣхъ полкахъ молебны служатъ, исповѣдуются люди ратные, причащаются передъ послѣднимъ, рѣшительнымъ боемъ.

Никто не знаетъ: живъ будетъ-ли?..

Во дворцѣ хана мертвая тишина и смущеніе: донеслось ужъ сюда извѣстіе о завтрашнемъ приступѣ.

Сначала слухи только были. А тутъ и посланный явился отъ царя Ивана.

Мурза Камай пришелъ, говоритъ:

— Присланъ я отъ Московскаго великаго князя, ради спасенія жизни вашей, чтобы избѣжать пролитія лишней крови. Отвернулъ Аллахъ лицо свое отъ юрта Казанскаго. Сами видите: ихъ, гяуровъ, счастье... Они на стѣнахъ, они на башнѣ. Они завтра въ городъ войдутъ... всѣ сто тысячъ воиновъ! Гибель Казани приспѣла... Покоритесь! Трехъ измѣнниковъ, которые мятежъ учинили, царю выдайте и новаго хана своего, Эддинъ-Гирея... Проститъ тогда государь, все на старое повернется, миромъ война кончится.....

Задумались всѣ князья, сеиды и вожди казанскіе, которые во главѣ съ Эмиръ Кулла-Шерифомъ муллой на совѣтъ сошлись... Переглядываются, перешептываются...

Наконецъ заговорилъ мулла:

— На все воля Аллаха милосердаго! Ты посланъ, ты свое сказалъ. Священна глава посланныхъ... Не тронемъ мы тебя. Вернешься къ гяурамъ. Но стыдъ и позоръ тебѣ, мусульманину, что ты врагамъ Аллы покоренъ сталъ, что намъ, собратьямъ, такое позорное дѣло предлагаешь! Не покоримся мы, не станемъ челомъ бить! На стѣнахъ Русь... На башнѣ Русь! Пускай... Мы другую стѣну поставимъ, грудью станемъ за юртъ, за вѣру, за хана нашего... Всѣ умремъ за него, за царство казанское, за волю свою, или отсидимся. Зима ударитъ — уйдутъ московы. Не выдержутъ жизни въ лѣсахъ нашихъ... Ступай, песъ, такъ и скажи, невѣрный рабъ, невѣрному господину своему.

Отъ стыда и досады покусывая концы своей, крашеной въ мѣдный цвѣтъ, бороды, поклонился Камай, вышелъ, къ царю Ивану поскакалъ, доложилъ объ исходѣ посольства.

Черемисы, которые въ одно время съ Камаемъ отъ русскихъ посланы были и по Казани шныряли, тотъ же отвѣтъ ото всѣхъ татаръ слышали:

— Умремъ, да не сдадимся Москвѣ!

— Да будетъ воля Господня! сказалъ Иванъ, выслу-

шавъ мурзу и горцевъ. Видитъ Богъ: я не желалъ пролитія крови. Да падетъ она на главы имъ же!

И со всѣми воеводами сталъ онъ обсуждать: какія послѣднія мѣры надо принять, чтобы обезпечить себѣ удачный приступъ?

Съ вечера во всѣ концы, по всѣмъ дорогамъ потянулись сильные отряды, чтобы перенимать тѣхъ, кто пробьется сквозь главную цѣпь нападающихъ и бѣжать вздумаетъ.

Царь Шихъ-Алей съ мурзами, воеводы Мстиславскій, Оболенскій, Мещерскій, Ромодановскій и другіе, по-младше, на это дѣло назначены. Почти третья часть войска съ ними разошлась во всѣ пути. Тысячъ семьдесятъ для приступа назначено. Остальные, больше тридцати тысячъ воиновъ, при царѣ останутся, его оберегать на всякій случай и въ видѣ послѣднихъ резервовъ служить должны, если бы судьба измѣнила и Богъ прогнѣвился бы — удачи не послалъ русскому воинству...

Планъ штурма давно уже былъ обсужденъ, выработанъ и мѣсто каждому изъ воеводъ назначено. На шесть отрядовъ разбиты всѣ полки, а въ каждомъ отрядѣ тысячъ по двѣнадцать человѣкъ.

Въ первую голову съ трехъ сторонъ должны стрѣльцы со своими головами, казаки съ атаманами и новгородцы, дѣти боярскія, съ соцкими и тысяцкими пойти. Царевы боярскія дѣти изъ разныхъ полковъ тутъ же. Ополченіе земское съ воеводами младшаго разряда идетъ сейчасъ же за этими первыми штурмующими, тоже тройной колонной, составляя подмогу.

Воеводы старшіе со своими служилыми людьми и ратью бывалой еще больше подкрѣпляютъ всѣхъ передовыхъ. Съ царемъ отборное войско осталось: лучшіе люди, бояре дворскіе, новогородская рать отборная, казаки, мурзы и сеиды касимовскіе и другіе, давно при царѣ служащіе, люди испытанные, вѣрные. У каждаго изъ бояръ и князей свой собственный отрядъ имѣется, большой или малый.

Изъ нихъ-то и составилась тридцати-тысячная царская охрана.

Разсылая воеводъ на мѣста, Иванъ снова строго-настрого наказывалъ:

— Знака всѣ ждите! Перваго земли срыва на Арской сторонѣ! Ранѣй ни шагу не дѣлать самовольно! И всѣ должны другъ другу помогать въ нуждѣ, а не думать едино о себѣ: успѣть бы пограбить, али неудачу избыть, убѣчи подалѣй!

Разошлись воеводы по своимъ мѣстамъ. Князь Михайло Иванычъ Воротынскій съ окольничьимъ Алешей Басмановымъ своихъ людей готовятъ, противъ Арскихъ воротъ хлопочутъ, гдѣ на завтра къ разсвѣту обѣщано имъ новый широкій проломъ проломать при помощи подкопа. Вторая мина у Аталыковыхъ воротъ, близъ Казанки-рѣки стѣну порушитъ съ противоположной стороны города. Здѣсь, какъ въ менѣе опасномъ мѣстѣ, начальство поручено казначею князя, воеводы Воротынскаго, Ѳомѣ Петрову, человѣку хотя и не знатному, но въ ратномъ дѣлѣ свѣдущему и отважному.

У Кайбацкихъ воротъ князь Димитрій Иванычъ Хилковъ впереди стоитъ. Ему подмога подъ начальствомъ боярина, князя И. И. Пронскаго, чуть подальше станомъ раскинулась. Передовой отрядъ ертоула долженъ князь Ѳедоръ Шемякинъ въ Збойлевыхъ воротахъ вести, а князь Юрій Шемякинъ его сзади поддержитъ, по-братски, когда потребуется. Въ Елбугины ворота, что на самую Казанку-рѣку глядятъ, первый приступъ ведетъ князь Андрей Михайлычъ Курбскій, имѣя за собой въ подмогу князя П. Щенятева съ сильнымъ отрядомъ. Мѣсто тутъ очень опасное, противъ дворца ханскаго... Но Иванъ успѣлъ узнать и оцѣнить храбрость молодого Курбскаго, почти ровесника своего, и поручилъ князю главенство, не смотря на то, что Щенятевъ и родомъ, и годами старше.

Мурзалеевы ворота достались Семену Василичу Шереметеву, за которымъ въ запасѣ князь В. С. Серебряный

долженъ стоять. Храбрый, доблестный воевода, Дмитрій Плещеевъ съ помощью князя Д. Микулинскаго долженъ съ татарами у Тюменьскихъ воротъ справляться, которыя тоже прямо во дворецъ ведутъ...

Разошлись воеводы, которымъ подальше отъ царя мѣста достались. Надо готовить людей на помощь планамъ и замысламъ Ивана, отдохнуть хорошенько передъ штурмомъ и собраться съ силами, чтобы покорить сарацынъ государю православному... А Иванъ и спать не легъ, долго еще бесѣдовалъ съ тѣми воеводами, которые съ его стороны войска поведутъ.

Потомъ призвалъ второго духовника своего, Андрея, тоже протопопа Благовѣщенскаго, котораго съ собой въ походъ взялъ,—и со слезами во всѣхъ грѣхахъ передъ нимъ исповѣдался.

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго—отпускаются тебѣ, чадо, всѣ грѣхи твои вольные и невольные! осѣняя широкимъ крестомъ колѣнопреклоненнаго Ивана, произчесъ старичокъ-исповѣдникъ, благословивъ свое чадо духовное, и ушелъ въ походную церковь, гдѣ ужъ все духовенство лагерное собралось, чтобы всенощное бдѣніе править, а тамъ и заутреню пѣть.

— Вели, Алеша, юмшанъ мой нести, доспѣхи всѣ боевые! сказалъ Иванъ Адашеву, ожидающему приказаній царя, который ужъ совершенно помирился съ любимцемъ своимъ, призналъ, что вчерашнее вмѣшательство Адашева было кстати.

Адашевъ самъ помогъ вооружиться царю, каждую пряжку, каждое колечко оглядѣлъ на кольчугѣ: цѣло-ль, да исправно ли? Шлемъ стальной, вороненый, хитрымъ золотымъ узоромъ изукрашенный, сверху короной царской изъ литого золота осѣненный, наготовѣ лежитъ. Надъ забраломъ, въ иконкѣ небольшой, изображающей Георгія Побѣдоносца,—часть нетлѣнныхъ святыхъ мощей задѣлана, чтобы ни пули, ни стрѣлы не касались вѣнчанной главы мѵропомазанника.

Нагнулся Адашевъ, самъ хочетъ шпоры Ивану прикрѣпить. И вдругъ почувствовалъ, что рука, которою царь опирался ему на плечо, сильно дрогнула.

— Что съ тобою, государь? Али крѣпко затянулъ?

— Нѣтъ... Стой... Молчи! Молчите всѣ! почти прикрикнулъ Иванъ на окружающихъ, которые негромко толковали между собою о томъ, что завтра Богъ дастъ?

Всѣ словно окаменѣли, заражаясь внутреннимъ непонятнымъ волненіемъ, отъ котораго внезапно вспыхнуло лицо царя, озаренное багровымъ огнемъ свѣтильниковъ, зажженныхъ въ шатрѣ.

— Слышите? Слышите-ль, спрашиваю васъ: звоны надъ Казанью знакомые?.. Точь въ точь, какъ большой благовѣстникъ-колоколъ въ Симоновомъ монастырѣ, бывало, звонитъ...

И, порывисто подойдя къ выходу, царь распахнулъ полы шатра, высунулъ голову наружу и сталъ прислушиваться.

Всѣхъ тоже такъ и качнуло за царемъ. Сгрудились за Иваномъ толпою, дыханіе затаили, слушаютъ: нѣтъ, не слышно имъ ничего!

— Слышите-ль? пытаю... Што-жъ молчите?!..

— Слышимъ... Да не ясно... Словно бы далеко очень... нерѣшительно раздаются голоса.

— Вотъ, вотъ!.. Я слышу, государь! быстро, громко вырывается у Адашева.—И то: наши колокола, монастырскіе... Къ добру такой знакъ, государь. Радуйся! Самъ Богъ тебѣ знать даетъ, что скоро на мѣстѣ кумирень бѣсовскихъ воздвигнешь ты храмы Божіе...

— Вотъ, вотъ... Такъ я сразу и подумалъ, Алеша. Одинъ ты умѣешь понять меня... Вѣрю, Господи! подымая руки и глаза къ небу, произнесъ въ молитвенномъ порывѣ Иванъ.—Вѣрю и обѣтъ свой даю: первое дѣло мое будетъ, какъ городъ возьмемъ, церковь поставить во имя Заступницы всѣхъ христіанъ, Пречистой Матери Христа, Бога Нашего!..

— А еще, государь, слыхалъ ли ты, знаешь ли, что было? снова заговорилъ Адашевъ, видя, какъ воспрянулъ духомъ его питомецъ, въ которомъ передъ этимъ жажда побѣды боролась съ боязнью понести пораженіе...

Скрывалъ эту борьбу душевную ото всѣхъ Иванъ но отъ Адашева она не укрылась. А стоило проявить сомнѣнье царю, и все бы кругомъ заразилось тѣмъ же опаснымъ чувствомъ.

— Что-жъ было-то? Толкуй скорѣе. Немного намъ можно и калякать тута. Въ церковь, поди, пора... Говори же, ну...

— Это невдолгѣ и сказать, государь. Ивана Головина челядинецъ, Тишка по имени, ураженъ былъ стрѣлою татарской. И лежитъ въ жару. Была, видно, стрѣлка чѣмъ ни на есть да помазана... И видитъ Тишка во снѣ все поле, то самое, съ котораго подняли, принесли его... И будто тамо все битва идетъ... А по надъ полемъ — апостолы святые: Петръ и Павелъ, и святитель Николай чудотворецъ — такъ и витаютъ, осѣняя полки наши, русскіе. И взмолились татарове: «Отче Николай! помоги намъ! Погибаемъ!..» Тогда святитель и говоритъ апостоламъ: «Во истину глаголю вамъ: граду сему въ скорости свѣтъ православія узрѣти доведется». Благословили блаженные градъ Казань, а сами — по воздуху растаяли... Всѣ про Тишкино видѣніе слышали...

— А я и не слыхалъ доселѣ!.. Попикъ тута одинъ еще мнѣ сказывалъ, что святаго Данила видѣлъ во снѣ... И свѣтъ будто бы сіялъ чудесный надъ Казанью. Ну, да что гадать! Буди воля Божія! Въ церковь пора...

И со всѣми Иванъ отправился въ свою походную церковь во имя архистратига Михаила Архангела, для которой среди стана былъ раскинутъ особливый, большой шатеръ, какъ и для другихъ двухъ походныхъ церквей: во имя Сергія преподобнаго и св. Екатерины.

Тѣсно стало въ церковномъ шатрѣ, когда вошелъ туда царь съ ближайшими воеводами, съ братомъ Владиміромъ

и боярами своими. Задняя стѣнка шатра распахнута вся и за ней—черная ночь разлита надъ землею. А въ другомъ концѣ шатра, у походнаго иконостаса, увѣшаннаго небольшими древними иконами въ золотыхъ и жемчужныхъ ризахъ, усаженныхъ самоцвѣтными камнями,—здѣсь, какъ днемъ, свѣтло отъ десятковъ толстыхъ восковыхъ свѣчей, пылающихъ передъ святынею.

И куда ни погляди въ шатрѣ — все облито свѣтомъ отъ свѣчей, которыя держатъ въ рукахъ молящіеся. Свѣтъ этотъ, неровный, дрожащій какой-то, колеблется и перемежается, особенно когда съ Волги въ раскрытый входъ вѣтеръ залетитъ, надувая и выгибая парусомъ полотняныя стѣны шатра. Руки, сталью окованныя, иныя въ рукавицахъ, въ перчаткахъ боевыхъ, осѣняютъ пламя свѣчей отъ теченія воздуха и темнѣетъ тогда въ шатрѣ... И больше еще сливаются во что-то безформенное, неопредѣленное—тѣ десятки сотенъ обнаженныхъ головъ, которыя видны тамъ, за раскрытой стѣной шатра, слабо озаренныя волнами свѣта, наполняющаго самую церковку...

Тамъ, извнѣ, сгрудились младшіе воеводы, ратники простые, обозные люди... всѣ, кому мѣста не нашлось въ самомъ шатрѣ. И горячо они молятся, иные даже вслухъ твердятъ слова моленій, словно надѣясь, что такъ Господь скорѣе услышитъ просителей. Задніе ряды въ этой многотысячной толпѣ совершенно сливаются съ окружающей ихъ тьмою.

Набѣгающій съ Волги клубами туманъ рѣчной, разстилаясь надъ землею, кутая въ пелены свои неподвижную толпу, еще больше сливаетъ всю безформенную людскую массу съ общими, очертаніями земли и неба такими призрачными въ этотъ темный, осенній, предразсвѣтный часъ. Словно бы клубы тумана желаютъ совсѣмъ сплотить, породнить темный хаосъ всего мірозданія съ неясными блестками душевныхъ силъ, оживляющихъ груди слабыхъ и безсмертныхъ въ то же время твореній, людей, этихъ повелителей всего существующаго на землѣ!..

Порою клубы дыма отъ сожигаемаго въ кадильницахъ ладану вырываются за предѣлы шатра, сливаются съ клубами растущаго кругомъ тумана и, сплотясь въ нѣчто неразрывное, нераздѣльное, неуловимое, катятся вмѣстѣ и вмѣстѣ исчезаютъ, таютъ, достигнувъ извѣстной, для нихъ доступной, высоты...

Что въ одномъ, то происходитъ и въ остальныхъ двухъ церковныхъ шатрахъ.

Идетъ литургія. Творитъ обряды священный клиръ. Звучатъ голоса клирошанъ, которымъ отзываются восклицанія діаконовъ... И громко, на ряду съ послѣднимъ ратникомъ, молится царь Иванъ, упавъ ницъ передъ святыми старинными образами, наслѣдіемъ доблестныхъ дѣдовъ государя. Молитъ онъ Господа и всѣхъ святыхъ заступниковъ земли — не помнить грѣховъ его прежнихъ, дѣлъ его буйной юности!..

— Господи, Спасъ Милосердый!.. Владычица, Царица Небесная! защити и помилуй рабовъ своихъ... Пошли намъ мощь и крѣпость одолѣть врага, освободить изъ плѣна христіанскій людъ!.. Да уразумѣютъ и татарове поганые, агаряне нечестивые, что Ты есть Богъ нашъ, и да поклонятся Тебѣ! Не помяни грѣховъ и беззаконій прежнихъ моихъ, но милостивъ къ намъ буди! Пречистая Богородица, моли Бога за ны!..

Горячо молится царь, ницъ распростертъ передъ святыней, такъ что кольчуга и наколѣнники его слѣдъ оставляютъ, глубокій слѣдъ на пескѣ, замѣняющемъ полъ въ шатрѣ-храмѣ... Долго молится царь. А служба торжественно, стройно своимъ чередомъ идетъ.

Вотъ зарокотала октава, могучаго на видъ, протодіакона, начавшаго чтеніе св. Евангелія, какое приходится на этотъ день. Огни свѣчей дрожатъ и сильнѣе мерцаютъ, сдается — отъ густыхъ звуковъ голоса чтеца. Слишкомъ могучъ этотъ голосъ и тѣсно ему въ колыхающихся стѣнахъ шатра. Пронизавъ ихъ, вырвавшись въ раскры-

тую часть палатки,—далеко-далеко несется звукъ этого чтенія, навѣвая неясный, священный трепетъ, вызывая невольныя слезы умиленія на глазахъ даже у самыхъ грубыхъ, распутныхъ изъ воиновъ, широкой стѣною стоящихъ за шатромъ, и у надменныхъ воеводъ, наполняющихъ самую церковь...

Быстро время идетъ. Вотъ ужъ и засвѣтлѣла узкая полоска неба тамъ, совсѣмъ далеко, на краю, на востокѣ.

Облака, задремавшія на западѣ, словно бѣлѣть, вырѣзаться стали такъ слабо-слабо на фонѣ болѣе темнаго неба.

Близокъ разсвѣтъ... Къ шести часамъ утра и солнце появится. Скоро это... Почему же не слышно никакого взрыва?

Вѣдь царь приказалъ, чтобы на самомъ разсвѣтѣ первый подкопъ взорвать и подать тѣмъ сигналъ къ началу приступа.

Закончилъ ужъ свою молитву Иванъ. Стоитъ весь напряженный, трепещущій, лицо пылаетъ... Прислушивается чутко, и такъ ушелъ душою изъ церкви къ тому, что за ея стѣнами дѣлается, что даже не слышитъ громоваго голоса, читающаго слова Евангелія, слова, возвѣщающія миръ, любовь и согласіе на землѣ между всѣми людьми, какъ между дѣтьми Единаго Отца Небеснаго...

— И будетъ едино стадо и Единъ Пастырь!—возвѣщаетъ благую вѣсть мощный, красивый, захватывающій голосъ чтеца-протодіакона...

И вдругъ раздался иной голосъ, словно пронесся ударъ громовой... Задрожала земля даже здѣсь, далеко отъ мѣста взрыва, заколыхалось пламя на оплывшихъ, тяжелыхъ восковыхъ свѣтильникахъ...

Это—взорвало подкопъ, устроенный, подъ наблюденіемъ Адашева, подъ стѣнами Казани. Человѣкъ при помощи пороха заставилъ землю раскрыть нѣдра свои, метнуть на воздухъ все, что создано было потомъ и кровью, тру-

дами и разумомъ другихъ людей, и въ громовомъ раскатѣ, въ ревѣ воздушной стихіи, потревоженной злобою людскою, словно прозвучалъ мощный призывъ сатаны:

— На бой! На убійство!.. На братоубійство и кровопролитіе спѣшите скорѣе, люди, рабы и слуги мои!..

И, какъ бы повинуясь этому призыву, Иванъ закричалъ:

— Наконецъ-то!..

И кинулся вонъ изъ шатра церковнаго.

При свѣтѣ воскресающаго дня можно было видѣть, какой ужасъ творится въ Казани на мѣстѣ взрыва, у Аталыковыхъ воротъ.

— Трубить походъ! словно изъ металической груди рѣзко и звонко приказалъ царь, а самъ постоялъ, поглядѣлъ и—порывисто вернулся въ церковь, чтобы дослушать весь обрядъ, всю службу выстоять церковную, какъ подобаетъ. И только возобновились молебны и напѣвы—второй ударъ раздался, еще сильнѣе прежняго.

Это—взлетѣли на воздухъ стѣны и башни по сосѣдству отъ Арскихъ воротъ, которыя были ужъ заняты русскими.

При этомъ взрывѣ не одни татаре пострадали.

Бревна, камни, поднятые на огромную высоту, разлетѣлись такъ широко, что часть ихъ рухнула на головы ближайшихъ русскихъ отрядовъ, стоящихъ ужъ наготовѣ, чтобы сейчасъ же ринуться въ проломъ, какъ только минетъ первая опасность отъ обломковъ.

Вмѣстѣ съ деревомъ и камнемъ долетали въ русскій станъ куски человѣческихъ тѣлъ, еще трепетавшіе отъ пережитой муки, падали цѣлые трупы мужчинъ и женщинъ, которыя на стѣнахъ помогали своимъ мужьямъ... Изуродованные, измятые, — эти трупы хлестали кровью изъ сотни ранъ и кровь, словно дождь, проливаясь съ высоты, обжигала лица, пропитывала одежду воинамъ, ждавшимъ сигнала къ нападенію... И раздался повсюду сигналъ. Зазвучали трубы, загремѣли бубны боевые... На

татаръ, испуганныхъ, ошеломленныхъ измѣной ихъ родной матери-земли, — двинулись люди-враги, поражая и кроша не только ратниковъ, но и безоружныхъ, беззащитныхъ татаръ и татарокъ, стариковъ, дѣтей... Бой начался...

— Съ нами Богъ! прорѣзая дикій шумъ битвы, звучитъ побѣдный кличъ русской рати.

И взбираются на стѣну ратники, рвутся въ проломъ, пробиваются въ ворота раскрытыя...

— Алла инш Алла!.. Магометъ пророкъ его!.. Умремъ за юртъ, за землю родную!.. въ изступленіи голосятъ казанцы, хотя и сознающіе свою гибель, но остервенѣлые до конца. Бей гяуровъ!.. Слава намъ! Смерть врагу!

И туча стрѣлъ темнитъ воздухъ... Кипяткомъ обливаютъ женщины тѣхъ, что по стѣнѣ взбираются... Бревна и камни летятъ на головы нападающимъ, дробя черепа и груди.

А царь Иванъ снова упалъ передъ иконами ницъ, молитъ о побѣдѣ Господа... Слезы текутъ по щекамъ, рыданія рвутся изъ груди... И рыдаютъ попы и люди ратные кругомъ!..

Долго тянется служба церковная...

Не переставая, длится бой вокругъ Казани. Опомнились послѣ перваго ужаса казанцы, стали сильнѣе отпоръ давать нападающимъ. И у нихъ—все тоже не плохо къ борьбѣ приготовлено. Противъ ворвавшихся въ проломъ русскихъ отрядовъ — свѣжія силы посланы изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ нападенія, но гдѣ, на всякій случай, воины были собраны. Теперь и послали ихъ въ самыя опасныя мѣста.

Но нападаетъ пятьдесятъ тысячъ, а защищается только двадцать тысячъ...

Часть казанскаго войска съ ханомъ стоитъ, внѣ боя

пока, тоже на крайній случай запасена. Отъ Арскихъ воротъ ханъ со своими избранными полками отступилъ ко рву Таджиковъ, за временное укрѣпленіе. И, всетаки, стали татаре вытѣснять нападающихъ, не даютъ имъ ходу впередъ. Гаснетъ воодушевленіе ратниковъ, усталь овладѣваетъ ими. Вѣдь, ужъ сколько времени бьются они, а толку мало. Подмога нужна—и нѣтъ ея!

А царь Иванъ все молится...

— Государь! говоритъ Адашевъ: — вѣстники пришли. Тебя зовутъ воеводы... Пусть войска лицо твое свѣтлое увидятъ, бодрѣе въ бой пойдутъ. А то, много отсталыхъ есть. И бой вести, почитай, некому!..

Но царь словно и не слышитъ! Только старается на любимца не глядѣть и продолжаетъ молитву.

— Государь, слушай, что говорю! не отстаетъ Адашевъ: — пора на бой! Скажутъ, устрашился царь... Неладно, государь!..

— Оставь, Алеша! Дай службу достоять... Грѣхъ, не мѣшай! громко наконецъ отвѣтилъ Иванъ, видя, что отмолчаться нельзя.

Немного погодя, снова гонцы. Воеводы царя ждутъ.

Воины изнемогаютъ. Большую подмогу вездѣ послать надобно...

Вздохнулъ Иванъ.

— Что дѣлать, бояре! Ступайте къ полкамъ! обратился онъ къ воеводамъ, которые его царскую рать вели.

— Половину со мной оставьте. Половина пусть на приступъ идетъ!

Перекрестился въ послѣдній разъ, вышелъ, вскочилъ на коня. Лицо блѣдное, истомленное; отъ слезъ, отъ безсонницы—воспалились глаза. Трудно глядѣть ими.

Прищурился, осѣнился рукой и впередъ глядитъ на скаку, туда, гдѣ сѣча кипитъ вокругъ Казани и въ стѣнахъ ея. Не видно еще ничего. Далеко церковь стоитъ отъ города осажденнаго. А дымъ орудій и утренній ту-

манъ, еще не развѣянный совсѣмъ, заволакиваютъ дымкой горизонтъ.

— Что тамъ творится? Какія вѣсти? спрашиваетъ онъ у окружающихъ.

— Да, вонъ, никакъ, гонецъ скачетъ... Скажетъ тотчасъ...

— Государь! задыхаясь объявляетъ гонецъ князя Воротынскаго и Микулинскаго: — все слава Богу!.. Наши ужъ и на стѣнахъ, и въ городѣ... Много было отсталыхъ, по пути, въ кусты забирались, подъ самой стѣной взяли и легли, словно бы побиты они али ранены... А какъ увидали, что передовые самые люди, которые похрабрѣе были, врага погнали отъ стѣнъ, и они, притворщики энти самые, ожили, на подмогу встали!.. Теперь, царь, увидятъ тебя, пуще воспрянутъ духомъ воины!

Мчится впередъ Иванъ. А навстрѣчу второй гонецъ, отъ дальняго конца города, отъ Казанки-рѣки, гдѣ Курбскій Андрей съ братомъ Иваномъ бьются...

— Княжевъ братъ, Иванъ, доноситъ гонецъ, первый на стѣну взобрался... Сѣча была жестокая! Смолу горячую, воду кипячую лили на насъ невѣрные!.. Отъ стрѣлъ темно стало, отъ ихнихъ!.. Пищалями, пушками палили. Ничего не помогло! Въ рукопашную мы какъ двинулись, и слѣдочка отъ нихъ не осталось!.. Всѣ тылъ дали! Теперь на ханскій дворъ они сбѣжались, на горѣ... А дворъ тотъ крѣпокъ! Мечети и хоромы каменныя и межъ ними оплотъ высокій нагороженъ изъ бревенъ, земли и съ камнемъ пополамъ!

И со всѣхъ сторонъ все одно доходитъ... Русскіе верхъ одержали въ первомъ бою. Но устали всѣ. Подмога нужна.

— Послана подмога!.. Теперя на Бога уповать будемъ! говоритъ Иванъ.

Вотъ въѣхалъ онъ со всей свитой на высокій холмъ, противъ Арскихъ воротъ, и велѣлъ здѣсь свой царскій стягъ установить.

Замѣтило войско царскую хоругвь. Крики по рядамъ пронеслись:

— Царь... Царь-батюшка!.. Самъ государь глядитъ!..

И съ новой силой двинулись въ битву отряды, недавно еще изнемогавшіе отъ непомѣрнаго напряженія силъ. Раненые, шедшіе было въ станъ, назадъ возвращались, становились въ ряды... Даже изъ лагерей ближнихъ, изъ стана царскаго, стали сбѣгаться обозные, конюхи и торговый людъ, какъ только вѣсти туда дошли: насколько удачно совершилось нападеніе на твердыню татарскую.

— Что ханъ? Что Эддигеръ? Не убитъ ли? Въ полонъ ли не взятъ? допытывался Иванъ у каждаго новаго гонца.

Но всѣ отвѣчали, что сѣча пока кипитъ вокругъ самыхъ стѣнъ и укрѣпленій. А ханъ въ серединѣ города русскихъ дожидается, на Купецкомъ рву, на Таджикскомъ, по-ихнему...

— Что же воеводы медлятъ?.. Сказать Воротынскому, Мстиславскому, Шереметевымъ братнамъ—туда бы кинулись! Все бы другое бросили! Царя татарскаго возьмутъ—Казань возьмутъ. Безъ матки улью не стоять! Теперь одна эта забота.

А воеводы, тѣмъ временемъ, ужъ сами добрались до хана. Мюриды, беки, все лучшіе воины съ нимъ. Какъ звѣри, бьются! Улочки въ азіатскомъ городѣ тѣсныя... Каждая улица—ущелье малое. Легко оборонять его, но брать—трудно. Только одна бѣда: слишкомъ великъ перевѣсъ у русскихъ... И, всетаки, не поддаются казанцы. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ казаки и татаре такъ сшиблись копьями, что нѣсколько минутъ оба строя ни взадъ, ни впередъ не могутъ двинуться. Мертвые, пробитые желѣзомъ, люди—стоятъ стѣной, сидятъ въ сѣдлахъ своихъ коней, служа защитой для заднихъ рядовъ, которые, изъ-за мертвыхъ товарищей, врага кинжалами колятъ, саб-

лями сѣчь стараются, пиками пронизываютъ... Но отъ этого еще больше сплотилась двойная лавина людей-враговъ, истребляющихъ другъ друга, словно звѣри...

И тутъ москвичи нашлись. Низки сакли у татаръ. Крыши все больше плоскія...

— Лѣзь по крышамъ! крикнулъ кто-то. Вались на нихъ!

Въ ту же минуту зачернѣли плоскія кровли тысячами ратниковъ. Взберутся да сверху копьями и шашками поражаютъ татаръ... Тѣ отступаютъ дальше. Соскакиваютъ тогда ратники, затѣмъ опять на крыши... И такъ постепенно заставили татаръ съ ханомъ на широкую площадь выбраться... А тутъ ужъ со всѣхъ сторонъ заливать стали русскіе врага. И съ воплями кинулись татаре назадъ, къ мечетямъ, ко двору ханскому... Сѣдой Эмиръ-Кулла-Шерифъ, съ развѣвающейся по вѣтру бородой, напрасно коритъ и проклятьями грозитъ бѣглецамъ, — всѣ мчатся подъ прикрытіе дворцовыхъ зданій, къ главной мечети... Только тутъ остановились, передохнули и ждутъ враговъ.

Но немного воиновъ русскихъ появилось здѣсь передъ татарами.

Новогородцы, видя, что городъ почти взятъ, первые смекнули: не пора ли за добычу приниматься?..

И кинулись въ наиболѣе зажиточные съ виду дворы и дома, какіе попадались имъ во время наступленія на татаръ.

Челядь обозная, добровольцы всѣ, которые изъ лагеря не столько на подмогу прибѣжали, какъ съ цѣлью поживиться чѣмъ-нибудь, быстро послѣдовали примѣру ратниковъ.

Съ удивленіемъ увидѣлъ Иванъ, какъ изъ разныхъ воротъ стали появляться воины и другіе люди, толпами и поодиночкѣ, нагруженные различнымъ добромъ. Кто ближе стоялъ, въ лагерь свой сходилъ, сложилъ добычу и снова за тѣмъ же въ городъ кинулся. Только отборные люди со своими воеводами не выходятъ изъ строя, сражаются съ татарами, которые живыми не сдаются!..

Вожди татарскіе быстро догадались, какую помощь имъ судьба посылаетъ, какъ жадность враговъ и безпорядокъ, возникшій въ полкахъ,—могутъ быть спасительны для взятаго города... Быстро разосланы были люди... Отдѣльные мелкіе отряды татаръ сбираются къ мечети... Незамѣтно строятся въ обширныхъ дворахъ дворца ханскаго, и вдругъ, словно лавина, всѣ они обрушились на ослабѣвающіе отряды русскіе, уже изнемогающіе отъ боя, длящагося цѣлыхъ три часа!..

Не выдержалъ русскій отрядъ, стоящій противъ хана и Эмира, дрогнулъ, быстро сталъ отступать, надѣясь соединиться съ другимъ полкомъ и наверстать свое.

Татаре, словно окрыленные успѣхомъ, бѣшено наступаютъ, позабывъ объ оборонѣ... Простые люди, обыватели казанскіе, не воины, раньше притихшіе, смерти ожидавшіе,—подымаютъ оружіе, которымъ усѣяны улицы, и нападаютъ на отдѣльныя кучки грабителей, особенно на тѣ, что состоятъ изъ обозной челяди.

Какъ разъ въ это время подскакалъ къ Ивану гонецъ отъ Воротынскаго.

— Государь, подмогу шли! говоритъ. — Новогородцы и иные людишки корыстные, слабые—бой кинули, за грабежъ принялися. А татарамъ и на руку. Стали сильно насѣдать. Гляди, изъ городу выпрутъ. Больно ратники изустали: безъ передышки рубятся... Шагу даромъ казанцы не даютъ. Сами гибнутъ, нашихъ губятъ!..

— Скорѣй, бояре, Алеша... Посылайте головъ, шлите людей... сами скачите... Остановите грабежъ! Пока ханъ не взятъ, пылинки не трогать... Все дѣло сгибнуть можетъ! Потомъ—все ихнее же будетъ. А теперя—воевать, а не грабить пора... Убивайте, казните, собакъ, на мѣстѣ! кричитъ Иванъ, ногой коня по бедрамъ бьетъ.

Бьется, вертится конь, какъ змѣя, не знаетъ — что со всадникомъ сдѣлалось?

А Иванъ весь трясется.

— Господи! шепчетъ:—не дай погибнуть дѣлу великому! Не отдай меня на поруганіе вѣчное... Сгибнетъ дѣло казанское—и я погибъ. Вѣкъ мнѣ у бояръ на помочахъ быть, смѣхъ да покоры терпѣть... Не доведи, Господи! Лучше не дай дожить, Господи!.. Столько крови пролито, столько добра сгублено... Царство мое пошатнется, вся держава русская! Отведи, Господи... Молю Тебя! Великіе обѣты даю...

Но не успѣлъ онъ докончить молитвы, какъ что-то ужасное случилось... Изъ Кайбацкихъ воротъ, которыя немного въ сторонѣ отъ Арскихъ и Царевыхъ находятся,—русскіе побѣжали!.. Видитъ Иванъ: толпы цѣлыя бѣгутъ съ дикими воплями:

— Сѣкутъ, сѣкутъ!.. Татаре нашихъ сѣкутъ...

И, бросая по пути награбленное все добро, заражая страхомъ другихъ, бѣгутъ прямо къ стану, къ Волгѣ, эти толпы, по большей части челядинцы и обозные...

Поблѣднѣлъ, даже посинѣлъ Иванъ... Не прежнее душевное отчаяніе, а какой-то безотчетный, дикій страхъ сдавилъ ему сердце: страхъ за собственную жизнь. Не думаетъ онъ, что вкругъ него тысячъ пятнадцать отборныхъ ратниковъ, въ сталь одѣтыхъ, смѣлыхъ, искусныхъ, преданныхъ,—всѣ наготовѣ стоятъ и скорѣй сами умрутъ, но его выручатъ!

Мало-ль что бываетъ? Пуля пищальная, стрѣла татарская—далеко беретъ!..

И, еле выговаривая дрожащими губами, Иванъ произнесъ:

— Назадъ... Къ Волгѣ... Въ станъ повернемъ... Скорѣе! Пропала битва... Одолѣли, проклятые...

— Въ станъ? Что ты, государь?! раздались негодующіе голоса стариковъ-воеводъ, окружающихъ царя... Злыдни побѣжали, а ты и ни вѣсть что думаешь! Вѣстей нѣтъ худыхъ покамѣстъ... А если и плохо нашимъ,—въ Казань, на подмогу, а не въ станъ торопиться намъ надобно...

— Въ Казань?.. На гибель?!.. Вижу, измѣнники: заманили вы меня! Хотите отъ царя поизбавиться... Вамъ самимъ жизнь не дорога, знаю... Знаю и то, какъ любите вы меня?.. Въ станъ, говорю!

— Въ Казань надо, государь... Ведите полки, воеводы! властно вмѣшался Адашевъ, хотя ни родъ, ни санъ не давали ему на то никакихъ правъ. Но въ рѣшительныя минуты правитъ не знатнѣйшій, а сильнѣйшій.

Такимъ оказался Адашевъ. Схвативъ за руку Ивана, который уже стиснулъ было рукоять своего оружія, Адашевъ двинулся съ холма, увлекая и царя съ конемъ за собой.

Послѣдніе московскіе полки, оплотъ русской рати, разлившись тремя потоками, вступили въ Казань чрезъ трое воротъ съ кликами:

— Мужайтесь, братцы!.. Бей татаръ!.. Самъ царь на нихъ идетъ.

И стоило появиться новымъ отрядамъ, только вѣсть прошла, что царь тутъ, въ стѣнахъ городскихъ, опять всѣ ожили въ русскихъ полкахъ. А бѣшеный напоръ удальцовъ казанскихъ, какъ объ скалу прибой, разбитъ былъ натискомъ свѣжихъ отрядовъ царскаго полка...

Снова отброшены татаре въ предѣлы царскаго дворца, тамъ послѣдній бой идетъ!

А у Арскихъ воротъ, гдѣ развѣвается большая хоругвь царская, Иванъ, блѣдный, потрясенный, прильнулъ къ древку ея и, не сводя глазъ съ чудотворнаго креста Димитрія Донского, которымъ осѣнена святыня, громко молится, перемежая слова рыданьями и воплями:

— Помилуй, Господи!.. Защити, не предай въ руки невѣрнымъ меня и царство мое!.. Не отдай на поруганіе агарянамъ и своимъ измѣнникамъ!.. Дай, дай... дай побѣду, Всемилостивый Творецъ!.. Всю жизнь отдамъ на служеніе Твое!.. Не отымай только дыханія у меня теперь, не лиши трона, наслѣдія отцовъ и дѣдовъ!.. Грѣ-

шилъ я, Господи! но по невѣдѣнію!.. Помилуй... помилуй, помилуй, Господи!..

Молится громко, отчаянно Иванъ, рыдаетъ безумно!.. И вдругъ умолкъ... Пѣна проступила на губахъ... Лицо сѣроватое стало... Съ коня на землю валится...

Знаютъ бояре и Адашевъ, что́ это значитъ? Съ двухъ сторонъ прижались двое человѣкъ своими конями къ царскому коню... Держатъ обомлѣвшаго Ивана, крѣпко держатъ за руки, чтобы въ содроганіяхъ онъ не свалился съ сѣдла. А всѣ остальные тоже стоятъ стѣной, закрыли отъ воиновъ то, что съ больнымъ царемъ сейчасъ творится...

Четвертый часъ пополудни. Вся Казань у русскихъ въ рукахъ. Защитники стѣнъ и крѣпостныхъ башенъ, уцѣлѣлые въ первыхъ стычкахъ съ русскими, кидаются со стѣнъ внизъ, бѣгутъ къ рѣкѣ Казанкѣ, въ сосѣдніе лѣса, во всѣ концы!.. Но тутъ сторожатъ ихъ заранѣе посланные отряды и сѣкутъ мечами, или на арканъ берутъ и тащатъ за собой.

Теперь—только въ самой оградѣ дворцовой не бойня, не избіеніе бѣгущихъ и безоружныхъ, а настоящій бой идетъ. Но и тутъ судьба татаръ рѣшена. Ихъ десять тысячъ противъ семидесяти! Палъ духовный владыка царства, душа обороны казанской, Эмиръ-Кулла-Шерифъ, уронилъ ятаганъ, которымъ разилъ гяуровъ. Палъ онъ съ проклятьемъ на пересохшихъ губахъ, съ ненавистью въ потухшемъ старческомъ взорѣ, закрывая ладонью широкую рану, нанесенную гяурской рукой прямо въ грудь старику.

Видя, что ихъ вождь смертельно раненъ, татаре вынесли его изъ самой сѣчи, изъ свалки боевой и положили въ сторонѣ, поодаль, на ступени сосѣдней мечети, а сами снова въ бой ринулись...

Вотъ ужъ отступаютъ остатки дружины Шерифа

подъ натискомъ свѣжихъ отрядовъ врага. Мимо умирающаго старика пробѣгаютъ московскіе ратники, гонясь за казанцами.

Тогда Эмиръ въ послѣднемъ содраганіи приподнялъ отъ земли тяжелѣющую голову, полною горстью собственной крови, которая лилась у него изъ раны, плеснулъ вслѣдъ врагамъ и прохрипѣлъ:

— Чумой пожирающей падетъ кровь наша на васъ, ненавистные!.. пожжетъ утробы ваши... женъ, дѣтей вашихъ, волки... шакалы несытые!.. Язвой и чу...

Но не могъ ужъ докончить проклятія и, вытянувшись, замолкъ, окостенѣлъ навсегда...

А русскіе все преслѣдуютъ татаръ. Особенно яростно нападаютъ они на тотъ уголъ дворца, гдѣ въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, окруженный батырями-героями татарскими, силачами и смѣльчаками первыми, Эддинъ-Гирей старается пробиться внизъ, къ рѣкѣ, въ надеждѣ ускакать, вырваться изъ гибельнаго желѣзнаго кольца, которымъ охвачены остатки войскъ хана.

Напрасная надежда!

Замѣтили русскіе хана и все гуще, гуще становятся ихъ ряды, все новые отряды прибываютъ, свѣжіе люди то и дѣло становятся на мѣсто усталыхъ и раненыхъ.

Сплотившись плечомъ къ плечу, окруживъ хана, сѣкутъ и поражаютъ казанскіе князья и бѣлые янычары-стражники хана, убиваютъ они каждаго, кто подойдетъ на длину ятагана. Рукопашный бой только идетъ. Тѣсно въ небольшомъ дворѣ, стрѣлять — невозможно. Своихъ больше поранишь, чѣмъ враговъ!.. И эти двѣ живыхъ, ожесточенныхъ стѣны, сдается, безъ конца будутъ такъ убивать и давить другъ друга, заливая кровью плиты, устилающія дворъ.

А кровь по плитамъ стекаетъ въ дождевыя канавки, которыми окружена вся площадка, и отсюда, по наклону высокаго, съ усѣченной вершиной, холма, на которомъ

стоитъ весь дворецъ, устремляется она внизъ и горячими, парными, пурпурными ручьями, журча, катится во всѣ концы, къ рѣчкѣ Казанкѣ, въ сторону соннаго Булака, и въ другую сторону, до самыхъ Тюменьскихъ воротъ...

Сбылось древнее пророчество: «Когда дождь кровавый прольется и кровь ручьями побѣжитъ, падетъ царство Казанское!»...

Преслѣдуя отступающихъ татаръ, русскіе вдругъ увидѣли, какъ тѣ быстро миновали одну изъ обширныхъ дворцовыхъ площадей и стали строиться на болѣе дальней.

А здѣсь, прижатыя къ стѣнамъ, заплаканныя, испуганныя оказались толпы женщинъ, разодѣтыхъ въ лучшіе наряды, съ дорогими уборами на головѣ, съ ожерельями на обнаженной груди... Всѣ—молодыя, прекрасныя... Ко многимъ мальчуганы, дѣвочки жмутся, тоже напуганные шумомъ битвы, блѣдные, рыдающіе... И много, больше пяти тысячъ такихъ молодыхъ, красивыхъ, беззащитныхъ женщинъ и нѣсколько тысячъ дѣтей, все семьи первыхъ вельможъ казанскихъ, здѣсь на произволъ судьбы оставлены. Это была послѣдняя ставка потерявшаго голову врага. Защитники хана понадѣялись, что ратники московскіе, да и сами воеводы соблазнятся женской прелестью, что тронетъ ихъ рыданіе дѣтей... Остановится эта губительная лавина, и успѣетъ Эддинъ-Гирей въ это время бѣжать черезъ нижніе, черезъ Елабугины ворота за Казань-рѣку. Тѣмъ болѣе, что у Курбскаго, отрядъ котораго захватилъ эти ворота, и тысячи человѣкъ не осталось на рукахъ.

Но надежда обманула казанцевъ. Съ жалкимъ остаткомъ воиновъ Курбскій успѣлъ остановить бѣгство хана и его «безсмертныхъ» мюридовъ и янычаръ... А главные отряды, только на мигъ замедлившіе, чтобы полюбоваться на невиданное зрѣлище, сейчасъ же снова по пятамъ нагнали хана съ отрядомъ его и стали опять сѣчь и рубить безпощадно татаръ!

Въ то же время добрался къ хану израненный одинъ смѣльчакъ, передалъ, что палъ главный мулла, что всѣ до единаго перебиты люди, окружавшіе Кулла-Шерифа...

— Покинулъ насъ Алла! только и сказалъ Эдигеръ.

По трупамъ, по головамъ живыхъ татаръ, словно по мосту, успѣлъ взобраться ханъ и воины его на стѣну, гдѣ самого Эддина въ башнѣ полуразрушенной укрыли татаре отъ стрѣлъ и отъ ударовъ врага.

И видятъ воеводы: изъ окна этой башни бѣлое что-то развѣвается, словно пощады проситъ врагъ, сдаваться желаетъ! Воротынскій велѣлъ трубить отбой, головъ послалъ съ приказомъ:

— Остановите ратниковъ! Сдается ханъ! Сдаются мюриды!

Сѣчу едва и остановить удалось! Выступилъ отъ русскихъ одинъ перебѣжчикъ-мурза и спрашиваетъ:

— Сдаетесь? Хана отдаете въ руки воеводамъ?

— Хана отдаемъ! отвѣчаетъ одинъ изъ князей татарскихъ.—Но сами—не сдаемся! Мы только Эддинъ-Гирея сберечь хотимъ. Мусульмане въ Казань его на царство звали, а не для того, чтобы ему молодымъ смерть принять. Зачѣмъ губить сѣмя царское? Берите хана. Съ нимъ—имилдеши два, два брата его молочныхъ, и князь Зейналъ-Аишь, родичъ ханскій. Пока юртъ стоялъ, пока не владѣли вы священнымъ мѣстомъ, мечетями, дворцомъ царскимъ и трономъ повелителей казанскихъ, потолѣ и надежда жила у насъ, готовы мы были умереть съ ханомъ! Теперь—берите его. А насъ въ чистое поле выпускайте. Тамъ въ послѣднемъ бою перевѣдаемся!

— Пусть такъ будетъ! согласился Воротынскій.

И, вотъ, между раздавшимися рядами своихъ и чужихъ воиновъ, блѣдный, шатаясь отъ перенесенныхъ волненій, отъ горя и стыда, до крови закусивъ губы острыми бѣлыми зубами, идетъ Эддинъ-Гирей, садится на коня... За нимъ — два сверстника его, двое юношей, молочныхъ братьевъ, любимцевъ и наперсниковъ хана, и старикъ, князь Зейналъ-

Аишь... Имъ подаютъ коней, ихъ окружаютъ русскіе всадники и скачутъ, несутся всѣ на другой конецъ города, гдѣ у Арскихъ воротъ царь Иванъ съ хоругвіею великой стоитъ. Затѣмъ ратники московскіе, выполняя слово, отступаютъ, даютъ дорогу небольшому отряду татаръ, чтобы могли тѣ въ поле выбраться...

Но татаре не вѣрятъ благородству врага. Не идутъ по этой дорогѣ, а прямо скачутъ внизъ, со стѣны, къ рѣкѣ.

Тутъ, какъ разъ, бродъ знакомый черезъ Казанку... По ту сторону—лѣсъ... Можетъ быть, хоть этимъ семивосьми тысячамъ человѣкъ удастся уцѣлѣть?..

Нѣтъ, напрасно! Русскіе не дремлютъ!..

Отряды, что на Галицкой дорогѣ стоятъ, увидали бѣгущихъ, ударили въ погоню—и общая участь постигла и этихъ храбрецовъ.

А на другомъ концѣ города, у хоругви священной московской другое происходитъ.

Противъ обыкновенія, быстро прошелъ припадокъ болѣзни у царя. Раскрылъ онъ мутные глаза и видитъ: сидитъ на сѣдлѣ... Адашевъ съ одной стороны, Морозовъ—съ другой его поддерживаютъ. Но не такъ ужъ крѣпко, какъ во время содроганій, а осторожно, съ почтеніемъ.

— Что со мной, Алеша?.. Что случилось? Разбиты мы? вдругъ тревожно спросилъ царь, вспомнивъ послѣднее, что онъ видѣлъ передъ безпамятствомъ...

— Побѣда, государь!.. Вотъ, сейчасъ прискакалъ отъ Воротынскаго посланный... Хана къ тебѣ полоненнаго ведутъ... Курбскій, Ондрей, послѣднюю шайку татаръ добиваетъ. А съ тобою, отъ устали, отъ ночи безсонной — слабость приключилась просто, государь, великій князь всея Руси и царь казанскій! громко, первый, впервые въ жизни назвалъ юнаго царя новымъ титуломъ Адашевъ.

— Слабость?.. Ханъ?.. Плѣнникъ?.. Я — царь казанскій... Алеша, правда ли?..

Но тутъ и всѣ окружающіе поняли: что́ надо дѣлать, и

громко пронеслось въ просторѣ начинающихъ темнѣть луговъ:

— Да живетъ государь, великій князь всея Руси, царь казанскій!..

И снова рыданія, бурныя рыданія, но не мучительныя, а восторженныя вырвались изъ груди Ивана, радостныя слезы хлынули изъ глазъ... И онъ, припавъ, какъ недавно передъ тѣмъ, къ древку хоругви, въ восторгѣ, весь сіяющій, ликующій, не находя словъ, лепеталъ пересохшими губами все одно и то же:

— Господи... Царица... Милосердая... Господи Спасе... Господи, слава Тебѣ, Вседержителю, слава Тебѣ!..

И быстро-быстро, оторвавъ правую руку отъ древка, сталъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ...

Всѣ тогда начали креститься и творить благодарственную молитву вслѣдъ за царемъ.

Ближе всего отъ Мурзалеевыхъ воротъ можно было проѣхать во дворецъ, и улицу здѣсь кое-какъ поочистили отъ труповъ, которыми было все покрыто кругомъ. Пока возились съ этимъ, все духовенство, бывшее при войскахъ Ивана, явилось въ торжественномъ шествіи, съ иконами, съ крестами—на поле битвы и отслужили здѣсь молебенъ Богу силъ... Тутъ же самъ царь назначилъ мѣсто для будущей церкви. Гдѣ онъ смертный ужасъ пережилъ и восторгъ неописуемый, здѣсь долженъ храмъ стоять.

Затѣмъ, царь въ городъ вступилъ. И отъ самыхъ воротъ до дворца двойной стѣною стояли плѣнники русскіе, получившіе свободу только тогда, когда полки Ивана ворвались въ городъ. На колѣняхъ, съ воплями встрѣчали эти люди царя, восклицая:

— Избавитель ты нашъ! Царь нашъ пресвѣтлый! Жизни своей не щадилъ,—насъ изъ неволи бусурманской, отъ мукъ адовыхъ выручилъ!..

И бросали они лучшую одежду съ себя подъ ноги царскому коню...

Солнце еще не сѣло, а Иванъ вошелъ во дворецъ властителей казанскихъ, занялъ мѣсто на тронѣ стародавнихъ, непримиримыхъ враговъ Москвы—хановъ татарскихъ, и принималъ отъ всѣхъ поздравленія на новомъ царствѣ, славной побѣдой добытомъ!.. И тѣ же бояре, воеводы, которые грубо смѣли перечить ему такъ недавно, теперь кланялись до земли, желали многая лѣта... Не выдержалъ Иванъ, замѣтилъ одному:

— Што-жъ, поживемъ!.. Нынѣ—боронилъ меня Богъ отъ васъ... Его святая воля!

Переглянулись бояре, но ни звука не проронилъ никто въ отвѣтъ.

А царь, словно спохватившись, что не у мѣста счеты сводить задумалъ, благодарить всѣхъ сталъ за побѣду, ему доставленную...

Волей-неволей пришлось и Шихъ-Алею, недавнему царю казанскому, мусульманину, гордость и вѣру свою позабыть, поздравлять царя-гяура съ побѣдой надъ Исламомъ.

Вошелъ онъ, низко поклонился и произнесъ своимъ бабьимъ безстрастнымъ голосомъ:

— Здравъ буди, государь, побѣдивъ супостаты! Красуйся невредимъ на своей вотчинѣ, на Казани, во вѣки!

И только пятна багровыя на желтовато-блѣдномъ, обрюзгломъ лицѣ говорятъ: что творится въ душѣ у татарина лукаваго...

Всталъ, отдалъ поклонъ государь и отвѣтилъ:

— Царь-господине! Тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много разъ посылалъ я къ казанцамъ, въ покоѣ бы жили съ Москвой. Жестокость и злое лукавство казанское—самому тебѣ хорошо, брате, вѣдомо! На себѣ его испыталъ! Много лѣтъ они лгали намъ, обиды чинили. И Богъ Милосердый теперь разсудилъ Казань съ Москвою въ честномъ бою. Отомстилъ Онъ Казани за плѣнныхъ христіанъ, за пролитую кровь христіанскую. Его святая воля.

Умный и сердечный отвѣтъ царя понравился сверженному хану казанскому, понравился всѣмъ окружающимъ.

— Ишь, повеселѣлъ татаринъ! замѣтилъ кто-то, указывая глазами на Шихъ-Алея, важно занявшаго свое мѣсто справа отъ царя.

Принялъ поздравленія Иванъ, принялъ вождей горныхъ, разныхъ, которые поспѣшили новому владыкѣ покорность изъявить, и вернулся въ станъ. Темнѣть стало. Да и запахъ трупный въ Казани силенъ. Носится онъ надо всѣмъ городомъ отъ труповъ татаръ, что умирали во время осады и не были схоронены.

А въ ставкѣ царской доложили Ивану: гость къ нему давно жданный припожаловалъ, гонецъ изъ Москвы. Отъ царицы вѣсти добрыя. Хорошо себя чувствуетъ царица. И другой гость пріятный объявился тутъ же: второй царевичъ Астараханскій, Абдаллахъ-Бекъ-Булатъ-бенъ-Кассаевъ, съ юношей-сыномъ своимъ, Саинъ-Бекъ-Булатовымъ. Красивый могучій юноша, чуть помоложе Ивана. А лицо такое простое, открытое, словно дѣтское. Сразу видно: ни горя, ни коварства въ жизни не зналъ молодой богатырь. Пока отецъ его съ царемъ «карашеванье», обычные обряды при встрѣчѣ творитъ, Саинъ поодаль держится, глазъ не сводитъ съ Ивана.

Вотъ старикъ говоритъ:

— Позволь, великій царь, сынка моего показать тебѣ. Не оставь малаго...

— Покажи, покажи, царевичъ! говоритъ Иванъ.

Онъ знаетъ, что недаромъ бояре два года старались богатаго вліятельнаго царевича въ Москву зазвать. Послѣ Казани — Астарахань на очереди стоитъ. А для этого надо Москвѣ и тамъ такими же людьми заручиться, какъ былъ у нея Шихъ-Алей, царь казанскій... И Бекъ-Булатъ-царевичъ, явился, наконецъ, да еще съ собою сына привелъ.

Ласковымъ знакомъ подозвалъ Саина Иванъ.

А тотъ, забывъ весь этикетъ, позабывъ свой санъ,

прямо къ ногамъ московскаго государя и новаго царя казанскаго такъ и кинулся. И громко заговорилъ:

— Привѣтъ тебѣ, великій воинъ! Привѣтъ тебѣ, побѣдитель казанскій! Ѣхалъ я, зналъ, что къ государю могучему ѣду... Пріѣхалъ — и вижу, что героя видѣть Аллахъ привелъ! Знаю я Эддина-царя, дядю своего. Знаю храбрость тѣхъ, кого побѣдилъ ты! И полно мое сердце. Дивлюсь я храбрости и мощи ихняго побѣдителя! Да процвѣтетъ имя твое и родъ твой, какъ имя и родъ Искандера Великаго!..

Впервые въ жизни привелось слышать Ивану такую искреннюю, горячую и наивную лесть. Восточная, витіеватая рѣчь музыкой прозвучала для юноши-царя. Сравненіе съ Александромъ Македонскимъ заставило всю кровь кинуться къ щекамъ и въ голову. Какъ отъ вина, опьянѣлъ Иванъ. Съ необычною живостью поднялъ онъ своими руками Саина съ земли и крѣпко обнялъ, поцѣловалъ, какъ только брата цѣлуютъ.

— Еще разъ привѣтствую тебя, братъ мой и другъ! Отнынѣ — братомъ и другомъ считайся у насъ, наравнѣ съ отцомъ твоимъ почтеннымъ! живо отвѣтилъ царь гостю, сумѣвшему въ первую же минуту найти путь къ сердцу честолюбиваго молодого царя. Пытливо поглядѣлъ Адашевъ на Саина. Но прямой, открытый, полудѣтскій взоръ азіята, неподдѣльный восторгъ Саина — исключали возможность малѣйшей опасности со стороны этого новаго «скоропостижнаго» фаворита царскаго. И Адашевъ скоро сталъ снова наблюдать, успокоенный, чтобы все кругомъ чинно, по заведенному искони порядку шло...

Дня черезъ два, когда убраны были, съ грѣхомъ пополамъ, десятки тысячъ труповъ, устилавшихъ землю въ самомъ городѣ, во всѣхъ посадахъ, и на лугахъ, и въ окрестныхъ лѣсахъ, — былъ совершенъ крестный ходъ по уцѣлѣвшимъ стѣнамъ городскимъ. Царь своими руками положилъ первый камень будущаго соборнаго храма во

имя Благовѣщенья Богородицы. Затѣмъ, князь Горбатый поставленъ былъ намѣстникомъ казанскимъ. Курбскаго Андрея, жестоко израненнаго въ сѣчѣ, царь приказалъ особенно беречь и лѣчить, а самъ сталъ поговаривать о возвращеніи на Москву. Братья царицы молодые, сообразивъ, что теперь, за славнымъ царемъ, за шуриномъ ихнимъ, имъ тоже хорошо жить будетъ на Москвѣ, подбивали Ивана поспѣшать къ молодой женѣ, которая готовится стать матерью. Адашевъ тоже торопилъ почему-то отъѣздомъ, хотя благоразуміе подсказывало, что слѣдуетъ еще здѣсь побыть самому царю, поглядѣть: какіе порядки въ завоеванномъ, новомъ краю будутъ заводиться?

Многіе старые бояре такъ и совѣтовали. Но Иванъ, подстрекаемый шуревьями и другими приближенными, стоявшими заодно съ Захарьинской семьей, только и твердилъ:

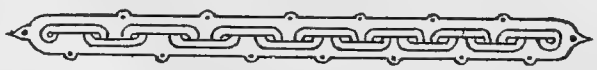
— Все образуется! Въ Казани — воеводъ оставлю... На Свіягѣ — мои же люди вѣрные. Авось, вмѣстѣ — поуправятся съ татарами да съ мордвой... А мнѣ — домой теперя надобно! Можетъ, поспѣю ко дню великому, своими очами увижу: что Богъ пошлетъ? Сына ли, наслѣдника, дочку-ль вторую?..

Изо всей добычи богатой ничего царь себѣ не отобралъ, кромѣ пушекъ, знаменъ и одного плѣнника: Эддинъ-Гирея, который скорѣе гостемъ у царя числился, чѣмъ побѣжденнымъ врагомъ. Пушки всѣ, весь запасъ боевой — оставленъ намѣстникамъ Казани. Ясное дѣло, что еще много хлопотъ будетъ съ луговыми и горными кочевниками, хотя сейчасъ всѣ ихніе князья толпою съѣзжаются, изъявляютъ покорность свою побѣдителямъ... Да, вѣдь, татаре — хитры. Передъ силою — гнутся, а гдѣ можно, и зубы покажутъ... Вотъ, и надобно на нихъ — камень за пазухой оставить... Иванъ приказалъ, чтобы съ нимъ по Волгѣ, въ судахъ отборное войско пустили, для охраны его и брата Владиміра. Но въ назначенный часъ и трети ратниковъ не оказалось на берегу.

— Гдѣ-жъ тѣ полки, которымъ я велѣлъ на судахъ ѣхать?..

— Приказа твоего невозможно было исполнить, государь! отозвался Адашевъ. Теперя по рѣкѣ спокойно проѣхать можно... Прибрежные кочевники не тронутъ насъ. Крымцевъ бояться нечего... Астараханцы, на зиму глядючи, не поплывутъ за нами... А войска больше—и сажать некуды! Галіи всѣ и другія суда — подъ добычу пошли... которая изъ Казани взята... Не бросать же добра! Не мало ушкуевъ съ полономъ освобожденнымъ, христіанскимъ вверхъ уплыло... по твоему же приказу! Рать наша главная, воеводы всѣ — пѣшимъ путемъ, берегомъ самымъ, нагорной стороной на Василь-городъ пойдутъ. Та же тебѣ оборона. И не безъ умысла туды ихъ послано!.. Самъ потомъ смекнешь. А мы дёнъ черезъ пять и въ Нижнемъ причалимъ. Чего опасаться тебѣ, государь? Тутъ не поле битвы!

Словно ударомъ бича коснулись эти слова до слуха Ивана. Ясно видѣлъ онъ, что, несмотря на все внѣшнее раболѣпство, никто изъ близкихъ, окружающихъ его, не забылъ минуты малодушія, овладѣвшаго Иваномъ у Арскихъ воротъ, и съ плохо скрытымъ презрѣніемъ глядятъ и старые воеводы, и молодые приближенные на него, на ихъ господина и повелителя. Сознавая въ душѣ, что они правы, царь молча сносилъ это презрѣніе, давая клятву въ душѣ: оправдать себя какъ-нибудь и, во всякомъ случаѣ, отомстить молчаливымъ обидчикамъ!.. И теперь, хотя не улыбалась ему поѣздка осенью, на тѣсныхъ стругахъ, съ небольшой ратью по Волгѣ, онъ, все-таки, слова не сказалъ... Сѣли всѣ на суда, отдали причалы, гребцы ударили веслами—и тронулась въ обратный путь флотилія, съ которою возвращался на Москву юный Иванъ, побѣдитель грознаго царства Казанскаго!..



Послѣдніе свѣтлые дни.

(Годъ 7060 [1552], 11 октября—10 ноября).

Сплошнымъ побѣднымъ торжественнымъ шествіемъ явилось возвращеніе Ивана отъ Казани къ Москвѣ. Началось все подъ вечеръ того самаго дня, когда Иванъ отчалилъ отъ мѣста стоянки своей подъ Казанью, отъ берега Волги-рѣки.

Медлительно, скучно и тяжело тянулись сначала часы за часами, пока флотилія царская на веслахъ подымалась противъ теченія среди темнаго простора разбушевавшейся могучей рѣки. Темныя, свинцовыя тучи осеннія кроютъ небо. Темные, намокшіе, на половину оголенные лѣса и полуувядшая трава — не красятъ попутныхъ береговъ. Вѣтеръ сверху налетаетъ могучими порывами, еще больше замедляя ходъ тяжелыхъ, неуклюжихъ ушкуевъ и струговъ, при чемъ нельзя даже воспользоваться парусами, чтобы ускорить тяжелый переѣздъ.

Бѣляки гуляютъ по Волгѣ, особенно вздутой отъ осеннихъ ливней, и каждая высокая, мутная волна, увѣнчанная бѣлымъ пѣнистымъ гребнемъ, съ размаху налетая на носъ царскаго ушкуя, ударяя въ бока судна,—заставляетъ послѣднее нырять, подпрыгивать и трепетать такъ, что голова кружится у спутниковъ царя и у самого

Ивана. Не привыкли москвичи къ водяному пути, да еще въ непогодные дни осенніе. Мелкій, холодный дождикъ, сѣющій порою, довершаетъ все неудобство пути. Подъ наметомъ, который раскинутъ для царя посреди ушкуя, лежитъ Иванъ, переживая какое-то смутное, непріятное состояніе. Послѣ шести недѣль безпрерывнаго, нервнаго и физическаго напряженія — это первая минута полнаго покоя для души и тѣла у измученнаго юнаго царя. Но вся сладость такой желанной минуты отравлена и непріятнымъ колыханіемъ утлой скорлупы, на которую съ недовѣріемъ пришлось сѣсть Ивану, и плескомъ веселъ, и скрипомъ мачтъ суденышка, такимъ протяжнымъ, такимъ печальнымъ, — и похороннымъ воемъ и свистомъ вѣтра въ снастяхъ... Физическое недомоганіе, вызванное качкой, овладѣваетъ Иваномъ.

Мутитъ его, тоскуетъ, ноетъ грудь!.. Тѣло, только въ эту минуту отдыха получившее право напомнить о трудахъ и лишеніяхъ, перенесенныхъ имъ за время осады, — теперь все, какъ разбитое, мучительно болитъ и даетъ о себѣ знать каждымъ нервомъ, каждымъ суставомъ... И ко всѣмъ этимъ физически-непріятнымъ ощущеніямъ, — присоединилось внутреннее недовольство собой, окружающими, цѣлымъ міромъ!.. Вспоминается только то дурное, постыдное или обидное для души и гордости Ивана, что онъ пережилъ со дня выѣзда изъ Москвы, куда возвращается теперь. Воспоминанія тѣснятся въ умѣ, давятъ, жгутъ грудь какой-то смутной, тяжелою тоской, еще болѣе непріятной, чѣмъ тѣлесное состояніе, вызванное безпрерывнымъ, досадливымъ колыханіемъ суденышка.

Въ пылу борьбы, подъ громомъ пушекъ, за все время осады — почти и не думалось ни о чемъ. Одна мысль была въ головѣ, — Казань бы взять!.. Словно сонъ, промчались всѣ эти шесть недѣль заботъ, трудовъ, опасностей. Кровь лилась, своя и чужая... Люди стенали...

Онъ видѣлъ ужасныя раны, когда, посѣщая становья ратниковъ, наблюдалъ, какъ свои же товарищи, или попы

и лѣкаря и старики-вѣдуны изъ обозовъ перевязывали и лѣчили ратниковъ, принесенныхъ изъ боя съ тяжелыми увѣчьями... Царь видѣлъ рядъ ужасныхъ взрывовъ, сразу губившихъ сотни жизней... Видѣлъ горы тѣлъ, убитыхъ и павшихъ отъ голода, отъ жажды людей, когда трупы, устилающіе улицы Казани, были вынесены за стѣну городскую и здѣсь зарывались въ огромныхъ общихъ могилахъ...

Видѣлъ все это Иванъ, но тогда у него и сомнѣнья, и мысли въ головѣ не являлось: хорошо ли, дурно ль это?

Нѣтъ! Такъ надо! — и конецъ. Безъ этого — Казани не взять. А не взять ее — нельзя! И умъ, и совѣсть, и вѣра, и честолюбіе, и самолюбіе — все, все въ душѣ Ивана твердило ему:

— Казань надо взять!..

Но, вотъ, свершилось, цѣль — достигнута, Казань въ его власти, царь казанскій — его рабъ и плѣнникъ...

Расширилось сразу далеко царство Московское, Русское. Много и выгодъ, и славы сулитъ присоединеніе новой, богатой земли къ исконнымъ землямъ рода Мономахова... Отчего же скрытное недовольство грызетъ душу Ивана, «побѣдителя», какъ всѣ величаютъ его?

Отчего одну только единую минутку, одно короткое мгновеніе былъ онъ счастливъ, а именно тогда, когда очнулся отъ безпамятства и услыхалъ отъ Адашева:

— Побѣда, государь, великій князь московскій, царь казанскій и всей Руси!

Отчего?..

И, вотъ, Адашевъ... Этотъ самый Адашевъ, который, вмѣстѣ съ попомъ Сильвестромъ, сдается, возродили его къ новой жизни, счастье ему принесли, сдѣлали не рабомъ страстей и похотей, а настоящимъ царемъ... почему не любитъ онъ этихъ людей такъ, какъ бы они стоили,— а словно боится ихъ?.. И ненавидитъ втайнѣ?.. Всегда съ нимъ Адашевъ, какъ ангелъ-хранитель, оберегая не

только отъ внѣшнихъ бѣдъ, но и отъ того демона, который въ самомъ Иванѣ сидитъ.

Сознаетъ это юный царь. Знаетъ, что уважать, любить всей душой слѣдуетъ такого, чистаго душой и тѣломъ, сильнаго умомъ, помощника... Но, противъ воли, вѣчное присутствіе Адашева, его постоянное превосходство надъ самимъ Иваномъ — такъ же вліяетъ на душу Ивана, какъ это постоянное колыханіе судна на тѣло его.

Какое-то сонливое состояніе овладѣваетъ душой. Не хочется ни думать, ни двигаться самому. Пусть другіе сдѣлаютъ... Вѣдь, лучше еще будетъ. А въ то же время какое-то раздраженіе, возмущеніе, тоска загорается въ глубинѣ души и растетъ, и жжетъ, и давитъ все сильнѣе... И чѣмъ больше сознаетъ Иванъ, что онъ неправъ, возмущаясь противъ своего любимца и неявнаго опекуна,— тѣмъ острѣе растетъ непріязненное, злое чувство къ послѣднему. Не къ чему придраться, совѣсть — не позволяетъ возмутиться противъ той воли, которая управляетъ имъ, царемъ московскимъ.

Каждый разъ, когда необдуманно пытается онъ это сдѣлать — еще стыднѣе становится Ивану потомъ, еще больнѣе отъ посрамленія, которое мягко, незамѣтно, — но тѣмъ чувствительнѣй наносятъ ему Адашевъ и лучшіе совѣтники, примкнувшіе къ спальнику царскому...

И послѣ такихъ мгновеній — еще неукротимѣй подымается какой-то голосъ въ душѣ юноши, твердящій ему:

— Рабъ... Рабъ холопскій, а не князь ты московскій и всея Руси... Рабъ!.. За службу вѣрную, за помощь ихнюю—волю отняли они всѣ у меня!..

И, нерѣдко, въ припадкѣ болѣзненной, безсильной ярости, закусивъ край подушки, трепещетъ блѣдный Иванъ, изнемогая отъ наплыва собственныхъ чувствъ.

Сейчасъ вотъ, лежа въ богатомъ наметѣ,—такую же точно минуту переживаетъ царь побѣдитель.

Взята Казань!.. Славное дѣло свершено. Не даромъ,

не напрасно столько крови пролито... А самъ Иванъ что сдѣлалъ для этого? Куклой былъ! Шелъ, куда вели... Дѣлалъ, что Дума его царская указывала... Такъ ли дѣдъ, такъ ли отецъ его царства добывалъ?.. О, нѣтъ! Онъ, знаетъ: не такъ оно было! Недаромъ изъ полновластныхъ, равныхъ князю московскому дружинниковъ и удѣльныхъ князей, — всѣ Рюриковичи и Гедиминычи, — эти гордые, могучіе люди становились слугами и боярами государя московскаго. Кто сильнѣе всѣхъ, — тотъ и правъ, тотъ — и царь, милостію Божіею!.. А Иванъ?.. Онъ только милостью отца своего, по ласкѣ боярской — царь и государь. Такъ ужъ земля сложилась, что нуженъ кто-нибудь на тронѣ московскомъ, какъ ставятъ вѣху на юру, чтобы знали въ бурю люди: куды путь держатъ?

И всю жизнь — куклу разыгрывать?! На помочахъ ходить?

— Не бывать тому! воскликнулъ даже громко Иванъ, сжимая кулаки.

Окружающіе, видя, что царю не по себѣ отъ бурнаго переѣзда, оставили его въ покоѣ, надѣясь, что онъ заснетъ и подкрѣпится сномъ. Услыхавъ его голосъ, Адашевъ, бывшій на чеку, заглянулъ подъ наметъ и спросилъ:

— Не прикажешь ли чего, государь?..

Но Иванъ, не желая ни видѣть, ни слышать никого, закрылъ глаза и притворился спящимъ.

— Нѣтъ, такъ это! — опуская полу шатра, обратился Адашевъ къ Никитѣ Романычу Захарьину-Юрьину, съ которымъ передъ тѣмъ толковалъ. — Съ просонья государь выкликнулъ что-то. Гляди: приступъ казанскій ему во снѣ видится. Сморило его отъ качки. И добро, что спитъ...

А Ивану не во снѣ, — на яву этотъ приступъ видится. Кровь ручьями бѣжитъ... Трупы, грохотъ, блѣдныя, озвѣрѣлыя лица... И онъ самъ... Онъ словно видитъ себя въ ту позорную, ужасную минуту, когда... Видитъ себя,

блѣднаго, трясущагося, припавшаго къ лукѣ сѣдла, въ то время, когда чужая рука насильно ведетъ коня царскаго къ мѣсту боя... И потомъ видитъ, слышитъ, какъ онъ, царь, припалъ къ древку хоругви и такъ отчаянно, такъ трусливо молитъ о побѣдѣ, о спасеніи въ ту самую минуту, когда воеводы, бояре, воины смѣло кидаются въ бой и льютъ кровь свою, чтобы дать побѣду ему, Ивану!..

Они должны, правда, они — обязаны были это дѣлать... Они рабы его, слуги земли и государей своихъ... Но и самъ государь не долженъ быть боязливѣе слугъ этихъ... А онъ?

И чувствуетъ Иванъ, что краска жгучаго стыда заливаетъ ему лицо и ничѣмъ не можетъ онъ отогнать тяжелыхъ воспоминаній. Но себя Иванъ можетъ простить... И только не проститъ онъ никогда тѣмъ людямъ, которые были свидѣтелями его малодушія, позора. Пока нельзя еще проявить своей вражды и ненависти къ нимъ. Нужны еще всѣ они... Всѣ—другъ за друга крѣпко держатся... Тронуть одного — всѣ аукнутся. Но время еще впереди. Не одна Казань — и Астарахань еще осталась. А тамъ Крымъ! И нѣмцы — люторы окаянные... Ливоны—лыцари!.. Иванъ докажетъ боярамъ, что не трусъ, что и воевать, и править—безъ нихъ сумѣетъ, и тогда...

При одной мысли: что будетъ тогда? — проходитъ все мучительное состояніе духа молодого царя и онъ сразу, по-дѣтски, впадаетъ въ глубокій безгрезный сонъ, такъ необходимый ему послѣ всѣхъ трудовъ и волненій минувшихъ дней... Проснулся Иванъ около вечерень отъ громкаго звону колокольнаго и кликовъ народныхъ, которые, далеко по волѣ разлетаясь, доносились отъ Свіяги-городка, куда подплывала флотилія съ царскимъ ушкуемъ впереди.

Иванъ вскочилъ, видитъ: слуга стоитъ ужъ на-готовѣ, съ полотенцемъ, другой—воду въ кувшинѣ и тазъ сере-

бряный держитъ. Адашевъ тутъ же, словно будить хотѣлъ Ивана, если бы царь самъ не проснулся.

Умылся, освѣжился холодной водой Иванъ, при помощи Адашева и Юрьина одѣлъ свой блестящій доспѣхъ, въ которомъ всю осаду красовался,— и вышелъ изъ-подъ намета на открытую палубу судна, гдѣ всѣ ужъ остальные провожатые царя стояли блестящей, нарядной толпой. Качки не ощущалось больше. Ходко суда по тихой Свіягѣ бѣгутъ. Видитъ Иванъ: берегъ высокій Свіяжскій — усыпанъ народомъ, и русскими, и чувашами, и черемисами, и мордвой — всѣми племенами, которыя только кочуютъ здѣсь, на неоглядномъ просторѣ заливныхъ луговъ и степей, какія только ютятся по доламъ и ущельямъ нагорной вольской стороны...

Черно отъ людей кругомъ. Кочевники — встрѣчаютъ побѣдителя, владыку могучаго царства, предъ которымъ пала даже грозная Казань, родственная имъ по вѣрѣ, но былая суровая владычица всѣхъ этихъ улусовъ, бековъ и князьковъ... Русскіе обитатели Новаго Свіяжскаго городка — съ восторгомъ и кликами, со звономъ колокольнымъ и съ пищальными и мортирными залпами встрѣчаютъ своего героя-царя... Не безъ умыслу были посланы, за день передъ тѣмъ, черезъ Свіягу — всѣ, освобожденные изъ плѣна казанскаго, христіане. Они много поразсказали о чудесахъ храбрости всего войска и самого царя подъ Казанью. Они сообщили, какъ самъ царь обласкалъ ихъ, когда раскрылись темницы — мрачныя ямы, въ которыхъ татаре держали плѣнниковъ... Какъ онъ кормилъ и поилъ освобожденныхъ у себя въ станѣ...

И теперь не одни полки, по чувству долга,— весь городъ, буквально, всѣ окрестные жители сошлись и сбѣжались, чтобы слиться въ одномъ восторженномъ, громовомъ кликѣ.

— Живъ и здравъ буди на многія лѣта, государь-батюшко, царь всея Руси и казанскій!..

Музыкой звучалъ въ ушахъ Ивана этотъ громовый, нестройный, то замирающій, то вновь наростающій кличъ, этотъ звонъ колоколовъ, сухой трескъ пищалей и рѣдкіе удары пушекъ съ берега, съ валовъ небольшой крѣпостцы свіяжской.

Въ это самое время солнце, съ утра крывшееся за тучами, выглянуло въ просвѣтъ между ними, ярко озаряя толпы народа на берегу, пестрѣющія въ своихъ разнообразныхъ нарядахъ: восточныхъ, русскихъ и казацкихъ... Сосновый боръ, темнѣющій за прибрежной луговиной,— позеленѣлъ и помолодѣлъ словно подъ лучами солнца... Рѣченка, по которой скользили теперь суда, — золотомъ живымъ засверкала — загорѣлась подъ косыми лучами осенняго солнца, свѣтящаго не ярко, по лѣтнему, — но такъ ласково-ласково!..

Переночевалъ здѣсь Иванъ, немного вознагражденный восторженной встрѣчей за всѣ горькія минуты, пережитыя имъ, и двинулся дальше, къ Нижнему.

Вездѣ, въ теченіе восьми дней, какіе ушли на эту дорогу, повторялось то же самое. Изъ прибрежныхъ поселковъ высыпалъ народъ любоваться на проѣзжающій, разукрашенный коврами и шалями, стругъ царя, провожалъ флотилію восторженными кликами. Гдѣ ни становились на ночевку суда — повторялось то же, что и въ Свіяжскѣ. Вездѣ освобожденные христіане, посылаемые впередъ, успѣвали поджигать народный восторгъ до крайнихъ предѣловъ. Въ Нижнемъ — въ бо́льшихъ размѣрахъ произошло то же, что творилось вездѣ раньше.

Здѣсь Иванъ покинулъ шаткія суденышки, чтобы дальше ѣхать на лошадяхъ. Отсюда же распущены были по домамъ остальные полки, какіе еще шли за царемъ по берегу и плыли на стругахъ. Обрадовался Иванъ, почуявъ сушу подъ ногами, хотѣлъ сейчасъ же и въ путь дальше двинуться, но пришлось въ Нижнемъ три дня промѣшкать. И водяная поѣздка, и нервная, и тѣлесная усталость не прошли безслѣдно: разнемогся Иванъ. Но какъ только

силы укрѣпились трехдневнымъ полнымъ отдыхомъ въ постели, царь не вытерпѣлъ и сѣлъ въ колымагу, къ Москвѣ велѣлъ поспѣшать.

— Что-то тамъ? Кого Богъ дастъ? Авось, поспѣемъ!..

Но дорога тяжелая, осенняя, грязная... Рѣки разлились отъ дождей, мосты не вездѣ исправны... Грузна колымага царская. Ночью ѣхать и вовсе нельзя! Да еще въ рѣдкомъ изъ попутныхъ городовъ царь церковной службы не отстоитъ, особенно, если празднуется имя святого какого-нибудь... На десятый день только, 29-го октября, черезъ Балахну добрался Иванъ до Владиміра. Всю дорогу у него въ колымагѣ сидѣлъ бояринъ князь Ѳедоръ Андреевичъ Булгаковъ, который отъ имени царицы въ Нижнемъ встрѣчалъ царя... И безъ конца разспрашивалъ посланца Иванъ: какъ можется, да какъ выглядитъ голубка его, да что все время дѣлала?..

А во Владимірѣ новый посолъ отъ Анастасіи къ царю прискакалъ: гречинъ—выходецъ знатный, бояринъ Василій Юрьевичъ Траханіотъ.

Съ подставами, на перемѣнныхъ коняхъ мчался онъ и, въѣхавъ вечеромъ во Владиміръ, узналъ, что царь подъ городомъ, въ древнемъ монастырѣ заночевалъ.

Не поѣхалъ туда хитрый грекъ. До разсвѣта перебылъ въ городѣ, а тамъ нарядился въ лучшее, что имѣлъ съ собой, и поскакалъ въ монастырь.

Тамъ только что ворота раскрывали, царскій поѣздъ выпускать собираются.

— Къ царю я, съ вѣстями отъ царицы! объявилъ бояринъ и, ни слова не говоря больше никому, чтобы не опередили его съ великой радостной вѣстью, сталъ ждать, когда его Иванъ позоветъ.

— Да что за вѣсти? Не послалъ ли Богъ чего? допытывались у боярина всѣ окружающіе.

— Нѣтъ, гдѣ еще?!.. Такъ, оповѣстить царя о себѣ царица поизволила...

Сейчасъ же приказалъ Иванъ вести къ нему посланца.

— Что скажешь, бояринъ? Добрыя ль вѣсти несешь?

А бояринъ упалъ ницъ передъ царемъ и громко такъ выговариваетъ:

— Богъ милости великія послалъ тебѣ, киръ-государь, и царь всея Руси: сына тебѣ Господь послалъ и наслѣдника, великаго княжича московскаго, володимірскаго, новогородскаго, царевича всея Руси и казанскаго, государя псковскаго, смоленскаго, полоцкаго, черниговскаго и иныхъ...

Молчитъ Иванъ. То краснѣетъ, то блѣднѣетъ, слова отъ радости не выговоритъ. А бояре кругомъ не выдержали, словно пчелы зажужжали между собою:

— Слава Те, слава Тебѣ, Господи!

Наконецъ, и царь пришелъ въ себя. Только слезы крупныя, тихія, радостныя слезы по щекамъ бѣгутъ.

— Правда ли, бояринъ? Правда, правда, конечно... А какъ назвали: Димитріемъ? Мы толковали съ Настюшкой...

— Димитріемъ и молили, государь! Владыка-митрополитъ Макарій самъ молитву давалъ.

— А здоровенькій мальчуганъ? На кого походитъ? На меня ль, на княгинюшку ли?

— На тебя, государь... Ровно влитой! И очи, и складомъ, и ладомъ—весь въ тебя! Самъ видѣлъ, государь... Вотъ, такъ на рукахъ держать сподобился... Здоровый, крупный такой княжичъ, дай ему Господи!.. Тьфу, тьфу, тьфу!..

И Траханіотъ отплюнулся, чтобы похвала ребенку прошла безъ сглазу.

— Тьфу, тьфу, тьфу! невольно повторилъ и царь тотъ же обычный пріемъ.

— Ну, а царица какъ? Голубка-то моя, свѣтъ Настасьюшка? Все здорово-ль да ладно-ль себя чувствуетъ? Какъ живетъ-можется?..

— Хвала Пречистой и Спасу Милостивому: все въ добромъ здравіи... Гляди, навстрѣчу тебѣ, киръ-госу-

дарь, пойдетъ, какъ въ градъ свой стольный пожалуешь, дастъ Богъ милости...

— Што ты, што ты?! даже замахалъ руками Иванъ. Развѣ жъ можно такъ скорешенько? Ну, да не пустятъ ее... Найдутся люди поумнѣе тебя при царицѣ... Ну, спасибо, бояринъ!.. Вѣкъ не забуду службы твоей усердной да вѣсти радостной... Твой должникъ великій!

И царь обнялъ, расцѣловалъ осчастливленнаго боярина. А затѣмъ обратился къ иконамъ, стоящимъ въ углу, и, павъ на землю, сталъ благодарить Господа за счастье, посланное ему какъ отцу и царю... Поднялся затѣмъ, обернулся къ боярамъ своимъ, толпящимся въ кельѣ царя, и радостнымъ голосомъ произнесъ:

— Поздравляю и васъ, бояре, слуги мои вѣрные, съ великой радостью: съ наслѣдникомъ царства, Богомъ намъ дарованнымъ! Придетъ время — служите ему такъ же вѣрно, какъ моему отцу, дѣду служили, какъ мнѣ служите!

— Послужимъ, государь!.. Да живетъ на многая лѣта царевичъ и великій княжичъ Димитрей всея Руси!.. Поздравляемъ тебя, царь-государь, съ Господней милостью, съ несказанной радостью...

И долго еще не покидалъ монастыря поѣздъ царскій. Поздравленья царь принималъ отъ всѣхъ... и молебны служились благодарственные... Теперь ужъ не такъ сталъ торопиться Иванъ на Москву. Побывалъ и въ Суздалѣ, въ старинномъ храмѣ во имя Покрова Богородицы, и въ Юрьевцѣ молился у Живоначальной Троицы... Особенно долго пробылъ Иванъ въ Сергіевской Лаврѣ, гдѣ, во все время осады Казанской, горячо молились монахи у гроба Святого Сергія, прося побѣды царю. И самъ Иванъ теперь долго и горячо, со слезами молился у мощей святителя, принося благодарность за помощь, оказанную въ этой тяжелой борьбѣ. Отошла служба и трапеза монастырская. Иванъ съ обитателемъ Лавры, съ

Іоасафомъ, бывшимъ сверженнымъ митрополитомъ московскимъ, въ келью ушелъ, въ особую.

— Что скажешь, сыне? спросилъ Іоасафъ, когда они остались одни. Радъ ли? Видно, недуженъ ты, сыне, што ликъ у тебя не больно ясенъ, зракъ не больно радошенъ...

— Не знаю, отче... И не боленъ я, а и здоровья не слышу въ себѣ. Главное дѣло: душа што-то тоскуетъ... Вотъ и сбирался потолковать съ тобой...

— Говори... все говори! Акромя Бога и меня — никто не услышитъ словъ твоихъ, государь. Доходятъ и до меня слухи въ обитель эту мирную... Да справедливо молвится: не всякому слуху вѣрь... Али имѣешь зло на кого въ душѣ? Скажи. Зло — великій грузъ! Да еще ежели не по справедливости! А коли правъ ты, Богъ да поможетъ тебѣ: избудешься обидчиковъ... Не маленекъ ужъ ты, царь-государь! Не таковъ, помнишь ли, какъ въ тѣ поры былъ, когда мои вороги Шуйскіе, съ новгородцами хмѣльными, меня изъ опочивальни твоей царской тащили!

И задрожали, заходили четки въ рукахъ этого старца, смиреннаго на видъ монаха, при одной мысли о старой, давно испытанной обидѣ... Заволновался и царь.

— Угадалъ, отче! Хоть и не такъ явно, но хотятъ править мною и нынѣ, какъ съ ребенкомъ управлялись. Мягкое ярмо, да все жъ ярмо возлагаютъ на выю мою, на выю господина своего, помазанника Божія... И такъ это ловко, что подѣлать ничего нельзя! Все для добра-де моего... Все мнѣ да царству-де на благо, а выходитъ...

И, скрипнувъ зубами, Иванъ не договорилъ, умолкъ...

— Аль ужъ такъ спеленали «совѣтчики»?..

— Да, ужъ, нельзя лучше! Шагу не ступишь безъ нихъ! Жену не смѣй иной разъ обнять-приласкать, ежели то не позволённый день, да не по правилу уставному. Что я, чернецъ, али попъ, али старикъ какой столѣтній, што ли?.. Вонъ, подъ Казанью за всѣ шесть недѣль разокъ разрѣшилъ себѣ... о грѣшной плоти вспомянулъ, попиро-

валъ всласть... Такъ и Адашевъ, и Захарьины и-и что напѣли! И грѣхъ, и стыдъ... И Сильвестру-де отпишутъ, и владыкѣ Макарію... И, правду, во скоряхъ цидула отъ него... Писаніе такъ, вопче... «Блюдитеся-де, да хранитесь отъ всякія скверны, отъ блуда и сквернословія и похотей разныхъ, и...» А самъ, чай, какъ былъ молодъ?.. Э, да што и толковать!.. А штобы ужъ въ чемъ важномъ, што царства касаемо?..

И царь, видя, что понимаютъ его, что ему сочувствуютъ, обрадовался всей своей юной душой и готовъ былъ ужъ распространиться дальше на эту тему.

Но за дверью въ это время раздался голосъ шурина царскаго, Юрьина боярина:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй ны!..

— Вотъ, тутъ какъ тутъ! съ досадой произнесъ Иванъ.

— А ты о досадѣ своей съ игуменомъ Вассіаномъ Топоркомъ потолковалъ бы... Онъ еще отца твоего совѣтчикъ. Онъ, може, научитъ тебя: какъ быть?.. быстро прошепталъ Іоасафъ, раньше чѣмъ отвѣтилъ на голосъ обычнымъ словомъ, разрѣшающимъ входъ въ келью пришедшему.

— И то... и то... радостно подхватилъ Иванъ и склонился принять благословеніе мстительнаго старика.

А Іоасафъ, благословляя Ивана, обратился къ двери и громко произнесъ наконецъ:

— Аминь! Гряди, чадо мое. Благословенъ грядый во имя Господне!..

Князь Юрій явился встрѣчать державнаго брата въ село Тайнинское, подъ Москвой, гдѣ у Ивана послѣдняя ночевка была. На другой день состоялось торжественное вступленіе побѣдителя-царя и его сподвижниковъ въ Москву и то, что здѣсь произошло, превысило всякія ожиданія Ивана, основанныя на предыдущихъ примѣрахъ.

Отъ самыхъ луговъ пригородныхъ на Яузѣ и вплоть

до посадовъ, даже до самыхъ стѣнъ Кремлевскихъ, вдоль всего пути, гдѣ шелъ Иванъ со свитой своей, на протяженіи десятка верстъ толпились сотни тысячъ народу, ликующаго, разодѣтаго во все новое, во все дорогое и лучшее, что десятками лѣтъ хранилось по дѣдовскимъ укладкамъ и скрынямъ, въ клѣтяхъ и коморахъ. Не одни москвичи тутъ были, или люди, случайно попавшіе въ стольный градъ московскій въ эту счастливую пору. Нарочно издалека собралися люди русскіе привѣтствовать юнаго побѣдителя грозныхъ доселѣ казанскихъ татаръ.

Съ громовыми, ликующими кликами встрѣчено было выступленіе царя изъ Тайнинскаго. Не смолкали крики все время, пока въѣзжалъ онъ въ Москву и приближался къ Срѣтенскому монастырю, гдѣ ждалъ его въ блестящемъ пасхальномъ облаченіи митрополитъ, окруженный сонмомъ высшаго духовенства московскаго, и прямо оглушительный вопль и ревъ толпы раздался, когда остановился Иванъ предъ древней, глубоко-чтимой иконой Богоматери, писанной самимъ евангелистомъ Лукой, и, перекрестившись, поцѣловавъ образъ, приложившись къ мощамъ нетлѣннымъ, принялъ благословеніе митрополита.

— Многая лѣта царю благочестивому, Ивану Боголюбивому, государю нашему! Живъ буди, побѣдитель варварскій, избавитель христіанскій!.. Слава тебѣ, царь батюшка! — вотъ какіе крики потрясали не только воздухъ, но, казалось, заставляли содрагаться и новыя, крѣпкія стѣны Кремля, вырываясь изъ сотни тысячъ грудей...

И, какъ по волшебству, все стихло, когда глашатаи замахали своими посохами, ударили въ бубны, объявляя, что царь промолвить желаетъ свое слово великое къ митрополиту-владыкѣ. Стихли клики и пальба. Не гудятъ большіе и малые колокола кремлевскіе... Громко, отчетливо заговорилъ Иванъ, желая, чтобъ какъ можно на большемъ пространствѣ были слышны слова его рѣчи, приготовленной и затверженной задолго до этой минуты.

— Отецъ ты нашъ, Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы, и епископы и весь православный соборъ священства русскаго! Билъ я вамъ челомъ: молили бы Господа и всѣхъ святыхъ Его о нашемъ здравіи, и объ устройствѣ земскомъ и освобожденіи отъ нашествія враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Совѣтовался я съ вами о неправдѣ казанской, что города они русскіе грабятъ, христіанъ въ полонъ берутъ, церкви Божія и монастыри святые разоряютъ... Много разъ и дѣды, и отецъ мой ходили за то войною на агарянъ нечестивыхъ, и самъ я тою же стезею шелъ, да не посылалъ Богъ удачи. Видно, за грѣхи мои прежніе.

«Теперя за то — иное Богъ далъ! Не успѣли мы на татаръ казанскихъ, на юртъ нечестивый наступить, а на подмогу своимъ единовѣрцамъ безбожнымъ крымскій ханъ, Девлетъ-Кирей царь свою орду на Русь повелъ. Но молитвою вашею и заступничествомъ Бога силъ и всѣхъ святыхъ Его, купно съ Пречистою Богородицей, вспять воротился Девлетъ-Кирей царь, никѣмъ инымъ гонимъ, но токмо гнѣвомъ Божіимъ! И насъ не дождался!..

«А которые люди его съ нашими людьми перевѣдалися, — тутъ Господь намъ свое милосердіе явилъ: наши воеводы разбили крымскихъ многихъ людей, и многихъ живыхъ къ намъ привели. И тогда, на всемогущество Бога и чудотворцевъ великихъ уповая, пошли мы на свирѣпыхъ кровопролитцевъ, казанскихъ людей, вооружася вмѣстѣ съ княземъ Володиміромъ Андреичемъ и со всѣмъ своимъ воинствомъ... И, Богъ далъ, дошли здорово.

«Произволеніемъ Божіимъ, вашими святыми молитвами, предстательствомъ отецъ нашихъ, а также попеченіемъ, мужествомъ и храбростью князя Володимера Андреевича, всѣхъ нашихъ бояръ, воеводъ и всего христіанскаго воинства тщаніемъ и страданіемъ за вѣру святую, за братьевъ православныхъ, излилъ Господь милосердый щедроты благости Своей на ны, на рабы свои неблагодарные, дарова

намъ помощь на сопротивныя и побѣду свѣтлую. Царствующее мѣсто, многолюдный градъ Казань — преданъ въ руки наши и въ изгнаньи вѣра Магомета, водруженъ крестъ животворящій въ запустѣнной мерзости казанской и всѣ, живущіе въ ней, бусурмане, судомъ Божіимъ — въ единый день изгибли! Всѣ же земскіе люди Арскіе и луговые изо всѣхъ казанскихъ предѣловъ — намъ добили челомъ и обѣщалися намъ до вѣка дань давати. И тамъ, съ Божіею благодатью, на сохраненіе градомъ и землямъ — оставили воеводъ своихъ и людей ратныхъ многихъ.

«А сами съ такимъ великимъ Божіимъ дарованіемъ, сюда, ко образу Пречистыя Богоматери и къ мощамъ великихъ чудотворцевъ и къ твоей святынѣ и къ отческому своему мѣсту — Москвѣ престольной, — здорово пришли! «И азъ тебѣ, отцу своему, и всему собору, вмѣстѣ со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ и со всѣмъ своимъ воинствомъ, на вашихъ трудахъ и молитвахъ — челомъ бьемъ!

И тутъ же до земли отдалъ поклонъ святынѣ и святителю юный царь-побѣдитель. Князь Владиміръ — за нимъ склонился тоже. И полки, которые приготовлены были въ Тайнинскомъ, а теперь блестящей стѣной стояли за царемъ, — простерлись ницъ предъ иконами, звеня, громыхая оружіемъ и военными доспѣхами, сталкиваясь шишаками; задѣвая другъ за друга наплечниками и налокотниками блестящихъ латъ и панцырей своихъ.

А изъ народной груди, какъ изъ глубины взволнованной морской, вылетѣли снова и вдаль понеслись гремящіе клики восторга, радости, привѣта царю...

Но вотъ тяжело, медленно поднялись съ земли ряды воиновъ, отдавшихъ поклонъ, выпрямился царь и князь Старицкій и всѣ провожатые ихъ, бояре и воеводы.

Смолкъ народъ, ожидая: что отвѣтитъ царю владыко-митрополитъ московскій, любимый всѣми, Макарій?

Не громко, но внятно, съ пріемомъ привычнаго ритора

и господина душъ людскихъ, заговорилъ бодрый старикъ-святитель, выпрямивъ свой высокій, сухощавый станъ, который казался еще выше, еще величественнѣй отъ широкихъ, блестящихъ облаченій:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святого! О, Богомъ вѣнчанный царь и благочестивый государь, великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи! Мы, твои богомольцы, молимъ Господа и Ему хвалу воздаемъ. Дивенъ Богъ во славахъ творяй чудеса! Ты, царю, царски-добре подвизался противъ супостатовъ своихъ, нечестивыхъ царей и клятвопреступныхъ татаръ казанскихъ, и показалъ еси великіе подвиги и труды, и чистоту и любовь нелицемѣрную, и мужество, и цѣломудріе! Не колебался пострадать до крови. Паче реку: предалъ еси душу и тѣло свое за святую, чистую вѣру христіанскую, за церковь православную, за порученное тебѣ стадо, коего ты — единый пастырь. И помогъ Господь трудамъ и отвагѣ твоей, какъ даровалъ онъ побѣду прародителю твоему, благочестивому князю Володимеру, и достохвальному князю Димитрію — на Дону, и святому Александру Невскому, латынянъ побѣдившему!

«И незабытливъ, скоръ на воздаяніе Христосъ. Побѣду великую даровалъ тебѣ на агарянъ нечестивыхъ, еще же дарова тебѣ перворожденнаго сына отъ царицы твоей великія княгини Анастасіи — царевича Димитрія Ивановича!.. Мы же, богомольцы твои, глаголемъ «великъ Богъ и чудеса Его!..» Радуйся царь-побѣдитель и веселися на многая лѣта и со своею царицею, великою княгинею Анастасіею, и съ царевичемъ Димитріемъ, и съ братомъ Володимеромъ Андреевичемъ въ Богомъ спасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, и на всѣхъ своихъ царствахъ и на Казанскомъ — изъ рода въ родъ, на многая лѣта. И тебѣ, царю, благочестивому государю, за всѣ твои труды, за одолѣніе оплота мусульманскаго, всему міру страшилища, мы, со священнымъ соборомъ этимъ и со всѣми православными христіаны — челомъ бьемъ!..

Поддерживаемый двумя священниками, опустился на колѣни первосвятитель московскій, сѣдой старикъ Макарій и медленно склонился вмѣстѣ со всѣмъ тысячеголовымъ клиромъ, его окружающимъ, — челомъ до земли, на раскинутую здѣсь нарочно по дорогѣ, дорогую шелковую ткань...

И, какъ вѣтромъ склоняетъ спѣлые колосья на необозримыхъ родныхъ поляхъ, такъ въ одну минуту, съ шелестомъ, съ ропотомъ, съ кликами восторга и благодарности — склонились въ земномъ поклонѣ сперва переднія толпы народа, а тамъ и дальше, дальше... безъ конца!.. И ужъ подыматься стали переднія толпы, а позади, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ вокругъ, опускалось съ одного конца море народное, сотни тысячъ, головъ прилегали къ землѣ, пока другія сотни тысячъ, словно прибой всплеснувшій, отрывались отъ сырой земли и вздымались кверху постепенно, съ гуломъ невнятнымъ, съ рокотомъ, съ шелестомъ... Совсѣмъ, какъ море!

Тутъ же, на глазахъ у народа, смѣнилъ Иванъ свои доспѣхи боевые на блестящее облаченіе царское, повѣсилъ на шею крестъ большой, великокняжескій со святыми мощами, вмѣсто шлема — одѣлъ шапку Мономаха, украшенную вѣнцомъ золотымъ, и, въ бармахъ, со скипетромъ въ рукѣ, во всей славѣ земной — двинулся впереди священнаго клира къ древнимъ кремлевскимъ храмамъ, чтобы принести благодарность Богу за всѣ милости, дарованныя царю и всей землѣ русской.

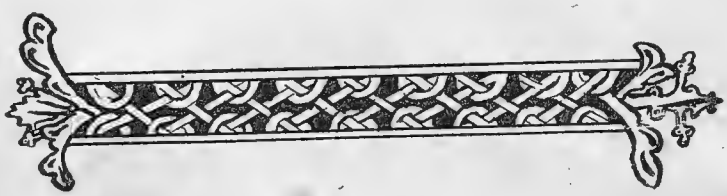
И цѣлыхъ три дня потомъ: 8-го, 9-го и 10-го ноября, въ большой палатѣ Грановитой шелъ веселый пиръ у великаго князя и царя всея Руси и казанскаго, у Ивана Васильевича Боголюбиваго.

Богатый, веселый былъ пиръ! Многихъ и замертво унесли изъ-за бесѣды застольной... И щедро одарилъ всѣхъ государь на радости двойной: на покореніи Казани и на рожденіи сына, наслѣдника престолу.

Отъ митрополита до послѣдняго воина изъ полка царскаго никто не былъ позабытъ. Шубы собольи, кубки и ковши золотые и серебряные, парча и бархатъ, и мѣха, кони изъ царскихъ аргамачьихъ конюшенъ, оружіе дорогое и наряды богатые — все раздавалось не жалѣя... И деньгами наградилъ царь, и землями, и вотчинами соподвижниковъ своихъ и священную братію: поповъ, монаховъ... А простому народу, по всей землѣ, въ городахъ и посадахъ большихъ — тоже столы были разставлены угощенье, отпущено.

И по смѣтѣ казначеевъ царскихъ — 48.000 рублей тогдашнихъ ушло на расходы, кромѣ стоимости вотчинъ и помѣстій и того, что на кормленье народа затрачено, такъ какъ припасы доставлялись безплатно монастырями и волостями земскими для народныхъ пировъ. А теперь такая сумма серебряныхъ монетъ составила бы цѣнность въ 900.000 рублей.

Неизгладимыми чертами врѣзалось въ сердце народное, благодарное и восторженное, — имя царя Ивана Васильевича, покорителя Казани... И что потомъ ни творилось тѣмъ, кто носилъ это имя, — народъ молчалъ, терпѣлъ и прощалъ за дарованную ему минуту свѣтлую, веселую, счастливую... за такую минуту, какихъ, вообще, немного бывало у русскаго народа.



Оглавленіе.

стр.

Отъ автора V

Часть I.

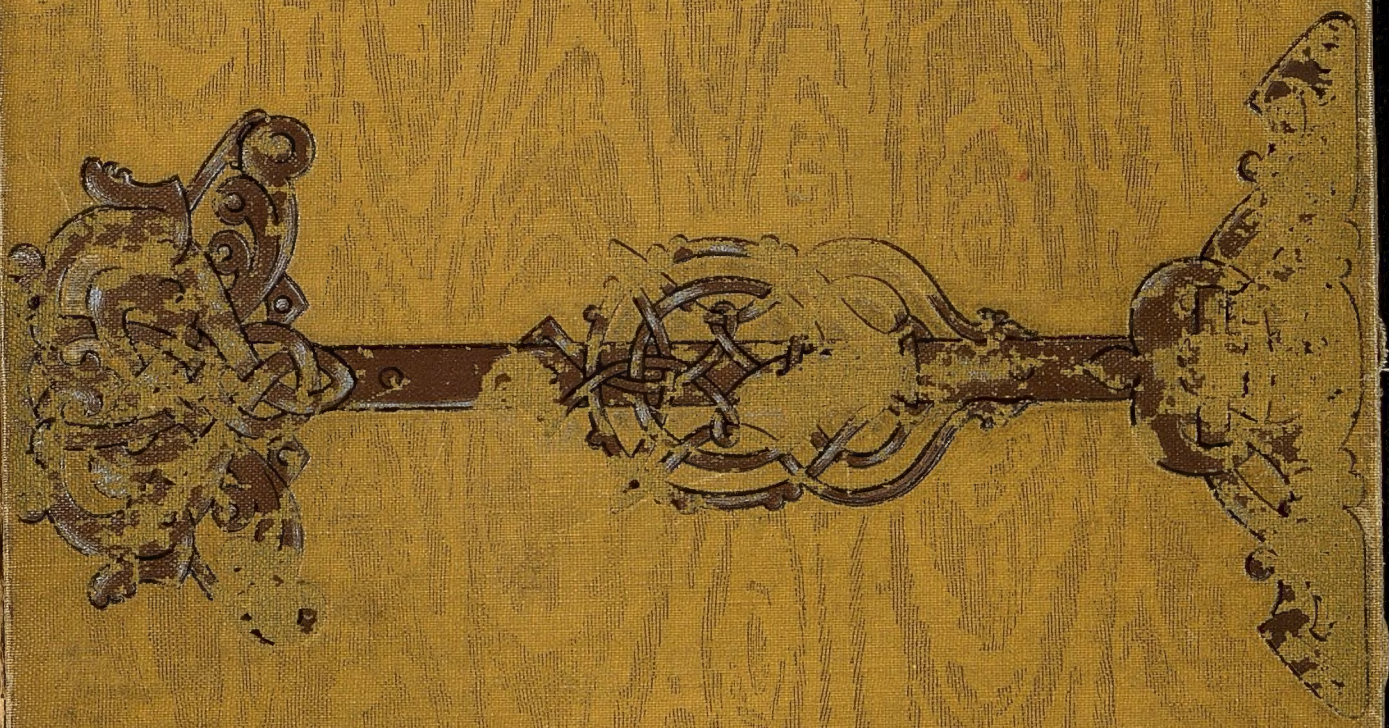
ДѢТСТВО ЦАРЯ.

Глава I. Подневольная схимница 3
» II. Даръ судьбы 17
» III. Роковая охота 24
» IV. Первые дни на тронѣ 51
» V. Ударъ изъ-за угла 70
» VI. Дворцовая тина 92

Часть II.

СВѢТЛАЯ ПОРА.

Глава I. Передъ зарей 117
» II. Невидимый хранитель 153
» III. Царь всея Руси 202
» IV. Царь и народъ 269
» V. Казанское взятіе 279
» VI. Послѣдніе свѣтлые дни 390

кв. № 9094
ДЕНОКОГИЗ
МАГАЗИН
р 59 к

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
К. ФЕЛЬДМАНЪ.
(бывш. Ф. БИТЕПАЖЪ.)
Гостинный дворъ № 6